

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

P Saw 620.5 $\left(\frac{1887}{12}\right)$

51

RECEIVED
JAN 10 1960
U.S. DEPT. OF JUSTICE

3870
05
P89

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

ЛЕВЕНКО-ДОСКАЯ
Благодарю за журналъ
Млод. Лассалъ, 3.

№ 3579 ж.ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ И ЛИТОГРАФИЯ В. В. КОМАРОВА. ФОНТАНКА, 74.

1887.

^A
P. Slav 620.5 ($\frac{1887}{12}$)
Л. ИЮЛ 1889

039

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 декабря 1887 г.

61 + 2

ЧТО ДѢЛАТЬ?

Много мы получали и получаемъ писемъ съ этимъ роковымъ вопросомъ. Мы отвѣчали на эти письма, по мѣрѣ разумѣнія нашего, а теперь позволимъ себѣ высказать наши выводы и печатно. Мы дадимъ рядъ послѣдовательныхъ статей, а въ этой скажемъ только, что нужно дѣлать прежде всего, безъ чего нельзя ничего другого дѣлать и даже нельзя ничего другого думать, нельзя даже думать о томъ: «что дѣлать?». И такъ, правильнѣе бы эту статью назвать: «Что дѣлать прежде всего?». Мы ее озаглавили: «Что дѣлать?», въ надеждѣ, что будемъ въ состояніи дать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, а, стало быть, и рядъ статей. Эта явится какъ бы введеніемъ.

Мы даемъ первое мѣсто въ этой книгѣ небольшому художественному очерку «Типы петербургскихъ бѣдняковъ» нашей почтенной писательницы, съ цѣлью обратить особое вниманіе читателей на этотъ очеркъ: кромѣ нѣсколькихъ, набросанныхъ эскизно типовъ петербургской бѣдности, читатели увидятъ изъ этого очерка, что каждый изъ насъ, при нѣкоторомъ желаніи, можетъ, дѣйствительно, оказать помощь людямъ, живущимъ тутъ же рядомъ, въ одной улицѣ, въ одномъ кварталѣ, въ одномъ домѣ. Существуетъ мнѣніе, что частная благотворительность—дѣло пустяковое, забава, мода. У насъ въ журналѣ былъ помѣщенъ извѣстный этюдъ

Л. Н. Толстого, описавшаго бѣдноту въ Москвѣ. Знаменитый писатель пришелъ къ убѣжденію, что въ городѣ помогать некому, ибо та часть бѣдняковъ, которая работаетъ, не нуждается въ милостынѣ, да и не приметъ ее. Она часто счастливѣе насъ, а если и ее постигаетъ несчастіе, то здѣсь существуетъ взаимная трудовая помощь. Бѣднякамъ же не трудящимся, разсчитывающимъ снова вернуться на путь «легкой» не трудовой жизни, которую они утратили,—помочь-де невозможно, ибо ихъ бѣда заключается въ ихъ міровоззрѣніи: въ томъ, что трудъ они считаютъ зломъ, и т. д. Кромѣ того, въ этюдѣ Толстого явно проглядываетъ еще и та мысль, что свѣтскіе благотворители и благотворительницы, относя бѣднякамъ гроши и старые обноски, которые они постыдились бы отдать прислугѣ, тутъ же рядомъ тратятъ сотни рублей на костюмы, букеты актрисамъ и т. п., и затѣмъ успокоиваются мыслью, что они исполнили свой долгъ; мнать себя даже благодѣтелями, тогда какъ всякому со стороны очевидно совсѣмъ обратное. Такимъ образомъ, подобная благотворительность вносить въ жизнь и души еще большую ложь. Въ этомъ нельзя не признать извѣстной доли справедливаго, и тѣмъ не менѣе, и въ первой, и во второй мысли не все справедливо, или, вѣрнѣе, справедливо все, но дѣло разсмотрѣно только съ одной стороны, оно не охвачено во всѣхъ его подробностяхъ. Объ этомъ намъ и хотѣлось бы сказать теперь нѣсколько словъ, особенно теперь, передъ Рождествомъ, когда, съ наступленіемъ праздника, бѣдняку его нужда особенно чувствительна, въ силу контраста съ общимъ весельемъ, разгуломъ, безумнымъ бросаніемъ денегъ на тряпки, лакомства, дорогія игрушки. Въ эти дни у людей состоятельныхъ всегда скопляются въ рукахъ лишнія деньжонки, которыми можно помочь людямъ, живущимъ тутъ же, въ двухъ шагахъ. Часто многихъ удерживаетъ именно мысль, что существенно помочь нельзя, а, стало быть, и вовсе помогать не стоитъ,—что

это—только самоуслаждение, и, успокоиваясь на этомъ, люди бросаютъ зря десятки и сотни рублей, забывая о бѣднотѣ. Прочтя предлагаемые очерки, вы тотчасъ поймете, въ чемъ заключается односторонность такого взгляда. Дѣло въ томъ, что такой взглядъ на вопросъ о бѣднотѣ и помощи ей есть взглядъ съ точки зрѣнія идеала наисовершенной жизни людей, наисовершенныхъ человѣческихъ отношеній. И съ точки зрѣнія идеала онъ правъ: съ точки зрѣнія идеала человѣческихъ отношеній, грошовая помощь бѣдняку, а рядомъ букетъ въ сто рублей актрисѣ—почти преступленіе. И поскольку нашъ писатель этимъ путемъ хотѣлъ намъ выяснитъ идеаль, пробудитъ въ насъ стремленіе къ нему, разбудитъ въ насъ совѣсть,—онъ опять-таки правъ: если бы не было геніевъ, будящихъ въ насъ самую идеальную совѣсть, она совсѣмъ заснула бы. Безъ идеаловъ высочайшаго совершенства не было бы и никакого усовершенствованія. Дѣло генія указывать эти высочайшіе идеалы. Все это важно, должно и хорошо. Но все это хорошо для насъ, людей состоятельныхъ, которыхъ обличаютъ, которыхъ этимъ будятъ отъ сна ихъ совѣсти. Нашему усовершенствованію это можетъ дать толчекъ. Но, вѣдь, въ вопросѣ о бѣднотѣ, не мы, люди имущіе, не наша нравственность и совершенствованіе должны стоять на первомъ мѣстѣ, а бѣднота, сама бѣднота, къ которой эта мораль никакъ относиться не можетъ. А эта бѣднота, отъ такой проповѣди, если она не досказана до конца, получаетъ только одно горе, ибо и та помощь, грошовая, ничтожная,—положимъ даже, съ нашей стороны грѣшная и преступная (въ сравненіи съ тѣмъ, что мы могли бы и должны бы были дать),—такъ вотъ и такая помощь для этой-то бѣдноты ослабѣетъ, разъ мы согласимся, что лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать что-то крайне ничтожное, мизерное. Къ счастью, нашъ великій писатель въ другомъ мѣстѣ оговорился. Онъ говоритъ, что вовсе не считаетъ, что помощь бѣднотѣ не слѣдуетъ оказывать, онъ,

легко, ибо существуют уже общества въ приходахъ, куда поступить легко: стоитъ только заявить желаніе и внести какой-нибудь рубль въ мѣсяць. А, вѣдь, изъ этихъ рублей могутъ сложиться тысячи, изъ нихъ уже сложились во многихъ мѣстахъ и пріюты для стариковъ, и школы для дѣтей, и бесплатныя столовыя, и мастерскія. И все это—благо, все это—великое благо съ точки зрѣнія бѣдняка. Опять-таки, умоляю васъ, не смѣшивайте вы двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: для бѣдняка это—благо, которое вы обязаны дать, чтобы не быть величайшимъ преступникомъ, оставляющимъ брата умереть съ голода и холода, но съ точки зрѣнія вашей личной—эта же ваша помощь можетъ казаться и мизерною, и палліативной... Эту точку зрѣнія вы и поберегите для себя, и совершенствуйтесь по ней далѣе; это—прекрасно, идите дальше и дальше, но въ силу этой точки зрѣнія не осмѣливайтесь забывать точку зрѣнія бѣдноты. Одинъ вопросъ: ваше нравственное и христіанское совершенство; онъ касается только васъ самихъ, и лишь косвенно, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ коснуться бѣдняка, да и то лишь тогда, когда вы, дѣйствительно, усовершенствуетесь; если же вы только будете раздумывать и тосковать о совершенствѣ, то бѣдняку только хуже. Второй же вопросъ, вопросъ, состоящій въ томъ: какъ добыть сейчасъ бульонъ больному ребенку, одѣяло больной старухѣ,—вотъ это вопросъ бѣдняка, и онъ долженъ быть и вашимъ вопросомъ, прежде всего, прежде даже вопроса о вашемъ усовершенствованіи, ибо никакое усовершенствованіе не возможно, если вы еще и этой первой ступени не сдѣлали, не приняли въ свою душу вопросъ бѣдняка, какъ свой первый и насущный вопросъ. Войдите на эту первую ступень и тогда тоскуйте о дальнѣйшихъ; если же вы и первой ступеньки не прошли, а тоскуете о послѣдней,—вы лицемеръ, вы не достойны имени человѣка. Да что—человѣкъ! Животное и то зализываетъ раны у со-

сѣда, птицы кормятъ своихъ слѣпыхъ и ослабѣвшихъ стариковъ.

Боже мой, сколько кругомъ лицемерія и фарисейства! Какія великія идеи служатъ иногда только для того, чтобы оправдать самое вопіющее безсердечіе, не свойственное даже животнымъ! Не уподобляйтесь же имъ! Исполните вашъ ближайшій долгъ. Если вы живете не въ столицѣ, а въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, или въ деревнѣ, сдѣлайте все, что можно, устройте концертъ, чтеніе, обходите дома вашихъ сосѣдей, соберите, что можете, деньги, платье, хлѣбъ, и разнесите бѣднякамъ; не стыдитесь криковъ противъ филантропіи, все это лицемеріе и фарисейство. Я не отрицаю, что благотворительные концерты, спектакли и проч., смѣшны, возмутительны, ибо приходится давать людямъ удовольствія, соблазнять ихъ, чтобы дать кусокъ хлѣба голодному. Но, вѣдь, это смѣшно и омерзительно опять-таки съ точки зрѣнія нашего идеала совершенства, а не съ точки зрѣнія бѣдняка, которому сейчасъ нуженъ хлѣбъ. Уничтожьте сейчасъ такіе концерты—и сотни умрутъ съ голода. Стало быть, не противъ концертовъ надо говорить, а противъ безсердечія, которое приходится тянуть на помощь приманками. Проповѣди противъ концертовъ и филантропіи тогда были бы не лицемеріемъ, если бы люди, говорящіе противъ такой дѣйствительно позорной филантропіи, сами отказались отъ всего и отдали все бѣднякамъ или нуждающимся, или нашли не только теоретически, но и практически, средство сейчасъ помочь имъ. Если же этого нѣтъ, если эти люди сами живутъ по прежнему, если они ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ для нуждающихся, клеймите ихъ прямо въ лицо именемъ фарисеевъ, бѣгите отъ нихъ, не слушайте ихъ, это—злѣйшіе враги человѣчности, идеала, совершенствованія, хотя бы все это постоянно вертѣлось на ихъ лицемерномъ языкѣ.

Но, вѣдь, Толстой сказалъ, что въ городахъ не

кому помогать. Быть можетъ, такъ и есть въ Москвѣ, но не то въ Петербургѣ. Кромѣ того, и въ Москвѣ Толстой осмотрѣлъ только два, такъ сказать, официальныхъ пріюта нищеты, но тутъ всего меньше можно видѣть настоящую нищету, иногда гордую, до послѣдней степени скрывающую свои бѣды. Кромѣ того, Толстой, говоря, что не нашель, кому помочь, говорить это опять съ высшей точки зрѣнія, когда имѣеть въ виду идеальную помощь, то-есть, выведеніе человѣка изъ ложнаго міровоззрѣнія на свѣтъ истины. Но, какъ мы видѣли, онъ обыкновенную помощь отдѣляетъ совсѣмъ въ другую категорію, въ категорію простой вѣжливости. Стало быть, страшно ошибается тотъ, кто его слова пойметъ въ томъ смыслѣ, что некому помогать обыкновенною помощью. Подобное пониманіе Толстаго противорѣчило бы другимъ мѣстамъ его сочиненій. И кто, понявъ его такъ странно, на основаніи этого, дастъ вмѣсто хлѣба одну проповѣдь истины, тотъ лицемеръ и фарисей! Дать человѣку истину—прекрасно! Но во-первыхъ, не мечтайте о такой идеальной помощи, ибо мечтать о ней, значить, думать о себѣ очень высоко, думать, что вы уже обладаете истиной и даже способны другихъ вывести на ея свѣтъ. Кто можетъ, кто смѣетъ сказать о себѣ это? Да и опять, вспомните то, что не этого у васъ просятъ: у васъ просятъ хлѣба; дайте же сперва хлѣба, и тогда говорите объ истинѣ! «Не хлѣбомъ однимъ живъ человѣкъ!»—давши хлѣбъ, дайте и истину. Но посмотрите, какъ сказалъ Христосъ: Онъ не сказалъ: «не хлѣбомъ живъ человѣкъ!» Нѣтъ, Онъ сказалъ: «не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ». А это великая разница. Если бы Онъ сказалъ: «не хлѣбомъ живъ человѣкъ», Онъ этимъ сказалъ-бы, что человѣкъ можетъ жить безъ хлѣба. Сказавъ же, что не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, Онъ сказалъ, что жить однимъ хлѣбомъ нельзя,—чтобы была жизнь, нужна еще истина. Я готовъ даже признать, что истина важнѣе и выше хлѣба. Хлѣбъ только поддерживаетъ жизнь тѣла,

но за истину надо и жизнь отдать, когда нужно. Но, вѣдь, это только тогда, когда нужно. На самомъ же дѣлѣ вопросъ, вѣдь, не въ томъ вовсе: человѣкъ умираетъ съ голода, ему нуженъ хлѣбъ, чтобы сохранить жизнь тѣла; вѣдь, тѣло, безъ жизни, мертвое тѣло, не можетъ же познать истины. И, стало быть, какое же варварское лицемеріе, если вы, сытый, начнете говорить голодному объ истинѣ, отказавъ ему въ хлѣбѣ, который у васъ есть! Истина велика тѣмъ, что никто другой не можетъ меня къ ней привести насильно: только я самъ могу придти къ ней. Никто другой не можетъ меня заставить отдать жизнь за истину. Только я самъ могу отдать жизнь мою за нее. Если я не самъ отдалъ, а вы меня заставили, никакой заслуги нѣтъ съ моей стороны, да и съ вашей—нѣтъ. Напротивъ, съ вашей будетъ только злодѣйство—заставить другого отдать жизнь за истину! Это—злѣйство Торквемады. Но не это-ли злодѣйство дѣлаете вы, когда просящему хлѣба говорите объ истинѣ, не давая хлѣба. Вѣдь, онъ умретъ, пока вы ему говорите; вѣдь, вы его, его приносите въ жертву истинѣ, а не себя! А приносить другого въ жертву истинѣ—это и есть дѣяніе Торквемады!

Если этою замѣткой мы счумѣли хотя немного выразить нашу мысль и заронить ее въ твою душу, читатель, если это толкнетъ тебя на живую работу помощи окружающимъ, на эту первую ступень къ дальнѣйшему добру и совершенствованію—мы благославляемъ тебя издалека, и говоримъ вслѣдъ: помоги ему, Боже! Однако, повторимъ еще разъ: не надо забывать, что этотъ первый шагъ къ добру есть еще самая низшая ступень, ибо, какъ мы сказали, его даже и животныя уже сдѣлали. Отъ него до истинной чело-вѣчности еще такъ далеко, какъ до звѣзды небесной. А потому, ступивъ на эту ступеньку, не гордиться надо, а сокрушаться, что еще сравнялся только съ животнымъ. И, тѣмъ не менѣе, чтобы не быть ниже животныхъ, надо ступить на эту ступеньку, перескочить ее нельзя.

СКРИЖАЛЬ МІРА.

Тамъ, гдѣ въ блещущемъ уборѣ
Ходятъ звѣзды, какъ царицы,
Тамъ, гдѣ вспыхиваютъ зори
И рождаются зарницы,
Тамъ, гдѣ въ морѣ фиміама
Тонетъ жертвенникъ хрустальный,—
Тамъ стоитъ у двери храма
Ангелъ блѣдный и печальный.
Какъ роса, трепещутъ слезы
На очахъ его лазурныхъ,—
Видитъ онъ мірскія грозы,
Видитъ геніевъ мишурныхъ,
Видитъ ложныя кадила,
Видитъ мнимыя печали,—
И заноситъ все, что было,
На небесныя скрижали.
Но порою лучъ отрады
Вдругъ блеснетъ въ уныломъ взорѣ
Огонькомъ святой лампы,
Маякомъ въ туманномъ морѣ.
Если въ день сердечной муки
Брату братъ протянетъ руки,
Если другъ окажетъ другу
Безкорыстную услугу,
И утѣшитъ въ часъ печали,
И поможетъ въ честномъ дѣлѣ,—
На лазоревой скрижали
Разцвѣтаютъ иммортели.
Просвѣтитъ ангелъ блѣдный
И блеснетъ въ восторгѣ взоромъ,
И начертитъ гимнъ побѣдный
На скрижали заповѣдной
Бриллиантовымъ узоромъ.

К. Льдовъ.

ТИПЫ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ БѢДНЯКОВЪ.

(Изъ замѣтокъ члена «Общества вспоможенія бѣднымъ»).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Если не ошибаюсь, въ Петербургѣ теперь почти всѣ церковные приходы имѣютъ «Общества» или «Братства», члены которыхъ дѣйствуютъ въ предѣлахъ своего района, со всѣми входящими внутрь его переулками и закоулками, въ которыхъ гнѣздится голъ и бѣднота, сжавшись въ подвалахъ и на чердакахъ, среди сырости и грязи «угловъ». Жители прихода, желающіе внести свою денежную лепту на помощь бѣднымъ своего прихода, безъ своего личнаго участія, жертвуютъ ежегодно не менѣе 12-ти рублей сразу или по рублю въ мѣсяцъ, и называются членами-благодѣтелями. Этимъ взносомъ ограничивается вся ихъ дѣятельность. Тѣ же, кто, кромѣ денежнаго взноса, пожелали бы приложить и свой личный трудъ, дѣлаются членами-попечителями, и изъ нихъ составляется «Совѣтъ общества».

Обязанность членовъ-попечителей состоитъ въ освидѣтельствованіи бѣдныхъ, прошенія которыхъ поступаютъ къ дѣлопроизводителю, и имъ разсылаются членамъ. Члены обязаны посѣтить просителей, разспросить ихъ, собрать о нихъ возможные справки и, на основаніи всего этого, дать отчетъ въ «Совѣтѣ».

Помощь того прихода, въ которомъ я состою членомъ-попечительницей, заключается: 1) въ ежемѣсячномъ пособіи; 2) въ пособіи единовременномъ; 3) въ бесплатной квартирѣ, безъ содержанія, для престарѣлыхъ или немощныхъ женщинъ, но все же еще могущихъ снискивать себѣ трудомъ пропитаніе; 4) въ помѣщеніи, съ полнымъ содержаніемъ, для лицъ женскаго пола, еще болѣе безпомощныхъ; 5) изъ пріюта для дѣтей обоего пола, приходящихъ, со столомъ, и интерновъ, или постоянно живущихъ въ пріютѣ дѣвочекъ-сиротъ. Кромѣ того, хлопчатъ о помѣщеніи престарѣлыхъ, совсѣмъ безпомощныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ городскія богадѣлни, а больныхъ въ больницы; выдаютъ имъ даровые билеты для аптекъ и дешевыхъ столовыхъ; хлопчатъ о помѣщеніи взрослыхъ дѣтей въ ремесленныя заведенія; прискиваютъ мѣста и работу для взрослыхъ, желающихъ работать, но неимѣющихъ работы.

Средства общества составляютъ: 1) изъ постоянныхъ членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій; 2) изъ кружечнаго и тарелочнаго сбора во время богослуженія въ храмѣ; 3) изъ доходовъ съ имущества, принадлежащихъ обществу (какъ, напр., съ дома, принадлежащаго нашему обществу), и 4) изъ процентовъ съ суммъ и цѣнныхъ бумагъ, принадлежащихъ обществу.

Желающіе поступить въ число членовъ общества заявляютъ о томъ совѣту, черезъ одного изъ его членовъ, внося въ кассу общества установленный членскій взносъ, или просто-заявляютъ о своемъ желаніи въ храмѣ того прихода, куда хотятъ поступить членомъ, лицамъ, находящимся у свѣчнаго ящика.

Не задавайтесь тѣмъ, что «сколько ни давай, все мало; что малымъ не поможешь»; кто присмотрѣлся къ бѣдности поближе, въ ея подвалахъ и чердакахъ, тотъ знаетъ, что и малое, поданное во время, можетъ иногда спасти отъ гибели; что важно иногда дать возможность

бѣдняку перебиться, т.-е. перенести временную голодуху безработицы, а затѣмъ, получивъ работу, онъ снова поднимется. А къ тому же вы видите, что изъ нашихъ чуть не грошевыхъ взносовъ и прочаго составляются капиталы, могущіе помогать уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И такъ, «съ міра по ниткѣ—бѣдному рубашка»!

Не бойтесь и дѣятельности членовъ-попечителей; не бойтесь той грязи, что васъ встрѣтитъ на дворахъ и въ логовищахъ бѣдняковъ: вы все же, помимо пользы имъ, принесете не мало радости себѣ! Вы увидите, какую радостью озарится сморщенное лицо старухи, когда вы принесете ей старые теплые башмаки или ветхую теплую кофту! А дѣти? Вы увидите эти блѣдныя, худенькія рученки, хлопающія отъ радости при видѣ осмюшки чая и фунта сахара, принесенныхъ матери; вы потомъ, сидя въ своемъ теплѣ, вспомните объ этихъ маленькихъ ножкахъ, согрѣтыхъ принесенною вами обувью; о нѣжныхъ членахъ, прикрытыхъ данною вами одеждой, — и только тогда вы поймете, какъ важны могутъ быть и бездѣлицы, какъ важна можетъ быть эта помощь, которая многимъ скептикамъ кажется пустою забавой или развлеченіемъ, не имѣющими смысла!

I.

Бѣловато-сѣрое небо. Внизу мокро, скользко отъ промерзлой земли, лежащей подъ водой. Рѣдкіе хлопья мокраго снѣга падаютъ лѣниво, какъ бы совѣстясь еще прибавлять вязкой грязи. Каменные дома и тѣ глядятъ какъ-то кисло, уныло, низкіе же деревянные домишки, съ порыжѣлыми крышами—и подавно.

Я съ усиліемъ пріотворяю осѣвшую калитку воротъ одного изъ деревянныхъ домишекъ и вхожу на узкій дворъ. Тишина. Только журчатъ по сторонамъ ручейки талого снѣга, да звучно шлепаетъ капѣль съ порыжѣлой крыши. Нѣтъ даже дворовой собаки, сторожить, значить, нечего. Изъ низкой двери, совсѣмъ вросшей въ землю,

показывается блѣдная женщина, прикрытая сѣрымъ платкомъ.

— Не знаете-ли, гдѣ здѣсь живетъ чиновница Иванова? — спрашиваю я, вытаскивая изъ кармана шубки присланную мнѣ изъ прихода ея просьбу. — Квартира № 17?

Женщина, молча, указываетъ мнѣ покривившійся подъѣздъ на лѣво. Войдя въ него, я тотчасъ же упираюсь въ узкую, крутую лѣстницу, ведущую въ мезонинъ, и начинаю взбираться по скользкимъ ступенямъ, покрытымъ комками обледенѣлаго снѣга. Послѣдняя ступенька служила порогомъ низкой двери, обитой рваную рогожей. За дверью слышался дѣтскій плачь. Я постучалась, такъ какъ звонка не было. Мнѣ тотчасъ же отворилъ еще довольно молодой человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ, обросшимъ русою бородкой, въ бѣломъ полотняномъ скюртукѣ, висѣвшемъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Это былъ самъ хозяинъ, чиновникъ Ивановъ, жена котораго подала прошеніе въ нашъ приходъ. Она просила о помѣщеніи ея сына къ намъ въ пріютъ приходящимъ. Комнатка, куда я вошла, освѣщалась однимъ окномъ, на подоконникѣ котораго сидѣла теперь дѣвочка, казавшаяся на видъ лѣтъ трехъ, съ блѣднымъ, страдальческимъ личикомъ и горбикомъ на спинѣ. Вся мебель комнатки, съ ея сырыми промерзлыми стѣнами, съ небольшою русскою печью въ углу, состояла изъ широкой кровати, стола, двухъ поломанныхъ стульевъ и низкой корзины, въ которой попискивалъ ребенокъ. Сама Иванова была тутъ: худая, видимо, изнемогавшая отъ трудовъ, съ выраженіемъ какой-то пугливой покорности въ карихъ глазахъ.

Повѣсть ихъ была, конечно, не изъ веселыхъ. Онъ былъ учителемъ рисованія въ какой-то изъ женскихъ гимназій, но захворалъ; болѣзнь затянулась, сначала дома, пока было возможно, затѣмъ въ больницѣ, откуда онъ вышелъ слабый, съ наставленіями «о питательной пищѣ, умѣренномъ моціонѣ и чистомъ воздухѣ». Дома его ждала

жена, заморившая себя на работѣ, чтобы позамазать хотя слегка прорѣхи, появившіяся въ хозяйствѣ вслѣдствіе тратъ по болѣзни мужа. А тутъ ждало новое горе: въ гимназій мѣсто оказалось уже занятымъ. Пришлось искать другого, а кто не знаетъ, какъ это трудно. Какъ утопающій за соломенку, онъ ухватился за предложеніе какого-то антикварія, поправлять попортившіяся миниатюры на кости. Дѣло было страшно копотливое, опасное для глазъ, оплачиваемое эксплуатаѣторомъ весьма скудно, — но нужно было жить, а это все-таки давало постоянный хлѣбъ. Но глаза не выдержали такого напряженія и, чтобы не ослѣпнуть въ конецъ, пришлось бросить и эту работу. А тутъ еще явился новый ребенокъ, по счету третій. Вся тяжесть труда навалилась на плечи жены, бывшейся, какъ рыба объ ледъ, чтобы прокормить семью. Стали по немногу закладывать и продавать вещи.

— Заложили все, что можно, — продолжала бѣдная женщина, между тѣмъ, какъ мужъ сидѣлъ сумрачный въ сторонѣ, на постели, уныло опушта голову; — не въ чѣмъ ему теперь и выдти по дѣламъ своимъ хлопотать; послѣдній сюртукъ за рубль серебра жиду заложили. Дѣвочка больная, горбатая, ее маленькую сосѣдка уронила, какъ я за работой ходила, да мнѣ не сказала... Вотъ мальчика бы пристроить, ему ужъ 7 лѣтъ; бойкій такой, учить надо, а гдѣ мнѣ? Да и на глазахъ бы не торчалъ.

Ребенокъ запищалъ снова въ своей корзинкѣ. Мать вынула его оттуда, и начала кормить исхудалою грудью. Въ комнату вбѣжалъ, запыхавшись, черноглазый мальчуганъ, въ коротенькомъ пальтишкѣ, будто кофѣ.

— Вотъ это мальчикъ мой, — проговорила мать: — его бы вы у себя пристроили, все бы поучился; покормили бы тамъ, да и у меня все утро свободнѣе бы было, не было бы думы, гдѣ онъ, да что онъ? Вѣдь, все я одна, все одна, — прибавила она, понизивъ голосъ и косясь на му-

жа;—онъ-то совсѣмъ опустился, духомъ упалъ; даже за дѣтьми не присмотрить; все я, да я!..

И слезы быстро бѣжали одна за другой изъ карихъ глазъ и падали на худую, потемнѣвшую грудь, изъ которой худенькій ребенокъ съ усиленіемъ тянулъ скудное молоко...

II.

Сегодня немного подморозило. Небо смотреть веселою голубизной, и катится по немъ солнце ясное. Воробьи стрекочатъ, въ перегонку прыгая по заборамъ узкаго переулка; даже его деревянные мостки поскрипываютъ какъ-то веселѣй. А ужъ какъ ребятишки рады, повылѣзши изъ сырыхъ подваловъ на яркій снѣжокъ, подъ свѣженькій морозецъ.

— Здравствуйте, барыня!—слышу я привѣтливый голосъ поравнявшейся со мной женщины. Я всматриваюсь.

— А, Григорьева, здравствуйте! Ну, какъ поживаете? На мѣстѣ?

— На мѣстѣ теперь, въ прачкахъ. Слава Богу, благодаря обществу, пристроилась.

Эту Григорьеву мнѣ пришлось обслѣдовать два года тому назадъ. Она жила въ ужасномъ подвалѣ, куда нужно было спуститься ступеней шесть ниже двора. Отворивъ низкую дверь, я очутилась въ какомъ-то подвалѣ, едва освѣщенномъ крошечнымъ окошечкомъ, съ затхлымъ запахомъ сырости и дурно промытаго сырого бѣлья, наваленнаго въ корытѣ у полу-развалившейся печки. Это была общая кухня и прачешная жильцовъ подвала. Григорьева помѣщалась въ углу крошечной каморки, освѣщенной тусклымъ окномъ, съ крутого подоконника котораго медленно текли зеленоватые ручейки, порожденіе сырости, уснащавшей стѣны подвала. Съ нею жили трое дѣтей, изъ которыхъ третьему еще не было года. Мужъ ея, отставной солдатъ, лежалъ въ больницѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Снабдивъ кое-какою одеждой малютокъ, старшую дѣвочку приняли въ нашъ пріютъ пансіонеркой. Отъ другихъ дѣтей ее избавила смерть. Я помню, какъ, навѣстивъ ее черезъ годъ, я нашла съ нею только старшую дѣвочку, пришедшую на праздникъ повидаться съ матерью.

— А мальчики?—спросила я, осматриваясь кругомъ.

— Оба померли; одинъ за другимъ;—отвѣчала она, и слезы блеснули въ ея глазахъ;— и Богъ знаетъ, что это съ ними случилось? Сначала у Кости горло захватило, а потомъ и у Коли. И такъ одинъ за другимъ и померли. Я совсѣмъ точно обезумѣла, руки опустились, не знала, что и дѣлать. Добрые люди ужъ помогли и схоронить; отъ прихода тоже выдали. Конечно, теперь у меня руки развязаны, могу на мѣсто пойти, да все же жаль ихъ, особенно Колю-то; вѣдь, ужъ большой былъ; восемь лѣтъ ему минуло!

Слезы одна за другой побѣжали по ея смуглымъ щекамъ.

Разставшись съ Григорьевой, я повернула во дворъ одного невзрачнаго дома; дворъ казался теперь, при морозѣ, чистенькимъ. Взобравшись высоко-высоко, подъ самую крышу, даже не постучавшись, я рванула къ себѣ грязную, низкую дверь. Мракъ, встрѣтившій меня за дверью, былъ такъ великъ, что я въ первую минуту остановилась, какъ ошеломленная. Присмотрѣвшись немного, я увидѣла, что нахожусь въ первомъ отдѣленіи чердачнаго помѣщенія, пересѣченнаго сводомъ крыши такъ низко, что подъ него нужно было проходить, согнувшись. Въ этой же половинѣ торчала, тотчасъ у дверей, русская печь и какія-то, едва замѣтныя въ темнотѣ, логовища. Далѣе по стѣнамъ шли остальные логовища, заваленныя всякимъ хламомъ, что и составляло такъ называемые углы. Воздухъ тутъ стоялъ по истинѣ ошеломляющій. Смѣсь махорки, пота, мокрыхъ пеленокъ, печного дыма и чего-то неразбираемаго, но, тѣмъ не менѣе, тяжелаго, что

спирало дыханіе, которое просило потомъ еще большаго простора на свѣжемъ морозномъ воздухѣ.

Я пришла освидѣтельствовать одну просительницу, но меня окружили и другія жилицы чердака: у всѣхъ были свои нужды. Больше всего просили или работы, или за дѣтей, не пристроенныхъ, не одѣтыхъ, босыхъ.

Мнѣ были уже знакомы такія сцены, какъ знала я и то, что совсѣмъ не трудно даже бездѣлицей поднять духъ, дать перебиться этимъ людямъ. И онѣ оживали, когда я затѣмъ приносила имъ узелъ стараго платья, башмаковъ, казавшихся невозможными, но здѣсь отлично служившихъ свою службу, и я не терялась и не падала духомъ. Я знала, что помочь все же можно...

III.

Вдохнувъ полною грудью свѣжаго воздуха, я направилась дальше, намѣреваясь навѣстить одну знакомую старушку, изъ «благородныхъ», уже давнишнюю пансіонерку нашего общества, выдававшего ей ежемѣсячное пособіе. Это была пресимпатичная старушка, лѣтъ 76-ти; мы уже не разъ бесѣдовали.

Теперь она жила въ отдѣльной каморочкѣ, въ подвалѣ, за темнымъ узкимъ переходомъ; довольная тѣмъ, что живетъ отдѣльно, въ сторонѣ отъ пьяныхъ криковъ и брани, встрѣчающихся зачастую въ общежитіи. Въ каморкѣ была порядочность и чистота, хотя вся мебелировка ея состояла изъ кровати, стола, двухъ стульевъ и комода. Самымъ большимъ украшеніемъ служили стѣнные часы, съ яркимъ розаномъ на циферблатѣ, подаренные какимъ-то благодѣтелемъ. Судьба не мало поиграла надъ старушкой и вотъ что поразказала она мнѣ о своей судьбинѣ:

— Отецъ мой былъ стараго дворянскаго рода, Черниговской губерніи, гдѣ у него было прекрасное имѣніе: и земли много, и угодыя всякія. Но женился онъ совсѣмъ

на бѣдной, хоть и была она тоже изъ дворянокъ. Самъ онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, и вышелъ оттуда въ гвардію, въ Павловскій полкъ. Потомъ въ Москвѣ служилъ, до капитанскаго чина дослужился, да и вышелъ въ отставку. Говорилъ, что имѣніемъ заняться захотѣлъ, а просто лѣнивъ онъ былъ, надоѣло служить. А и занятіе-то хозяйствомъ все въ томъ состояло, что началъ онъ въ имѣніи кутить, да земли понемногу продавать. Пошли у нихъ тутъ съ маменькой всякія непріятности и кончилось тѣмъ, что маменька, забравъ насъ всѣхъ, — а было насъ три дочери, — подъ тѣмъ предлогомъ, что надо насъ въ заведеніе отдать, уѣхала въ Петербургъ, гдѣ ея матушка жила въ компаньонкахъ у двухъ старыхъ дѣвицъ О*, богатѣекъ страшныхъ! Маменька у этихъ самыхъ О* и помѣстилась въ домѣ. Я тогда еще маленькая была. Сестры О* чудачки были большія, да и скупы же. Однако, насъ держали. Очень ужъ давно бабушка у нихъ въ домѣ жила и полезна имъ была во всемъ. А папенька нашъ, между тѣмъ, имѣнье-то порастрясъ порядкомъ, да и померъ. Сестры ученье кончили. Отдала меня маменька въ Патріотическій институтъ и уѣхала съ сестрами въ нашъ хуторъ, послѣднее добро спасать. Да и погубила его въ конецъ!

— Была она воспитана по старинному, когда женщинъ отъ дѣлъ далеко держали, не знала она даже грамотѣ; а нрава притомъ была строптивого, властолюбиваго: «все я, да я сама, да своимъ умомъ!» Какъ увидала, что въ имѣнны дымъ коромысломъ стоитъ, самой ей не справиться, рѣшила его въ аренду отдать. А тутъ подвернулся одинъ сосѣдъ. Сталъ свои условія предлагать. Размазалъ, размазалъ; маменька ни съ кѣмъ ни посоветовалась; думаетъ, какъ сосѣду не повѣрить? Грамотѣ не знаетъ; контрактъ подмахнула — крестъ поставила: за сосѣдомъ аренда. А по условіямъ у нихъ было сказано, чтобы

онъ половиною денегъ ей къ веснѣ выдалъ, такъ какъ ей не съ чѣмъ было въ Петербургѣ ѣхать. Весна пришла — сосѣдъ денегъ не даетъ. Маменька говорить: контрактъ нарушу! — Анъ, нѣтъ; — кричитъ сосѣдъ, — а въ контрактѣ то, что сказано? Про деньги впередъ ни слова, а кто контрактъ нарушить, пропустивъ сроки, съ того 5,000 штрафа. А сроки-то давно прошли. Маменька взбѣленилась; и пошли они судиться, да и просудились, сударыня моя, 25 лѣтъ!

— Судъ — то въ одну сторону тянетъ, то въ другую. Всѣ больше, конечно, за сосѣда держатся. Посѣяла, на примѣръ, маменька весной табакъ, — табакъ тамъ у насъ родится хорошо, — пришла осень, пришло время табакъ собирать. Наѣхалъ сосѣдъ съ телѣгами, съ рабочими: «на моей землѣ сѣяно, — моя часть!» Съ маменькой у нихъ тутъ чуть до драки не дошло; а ничего не подѣлала: нагрузилъ сосѣдъ шесть телѣгъ, да и былъ таковъ! Сбѣжался народъ; смотрятъ, судятъ; а какъ до расправы дошло, свидѣтели понадобились, никто на сосѣда свидѣтельствовать не хочетъ: смотрѣли-де, да ничего не видѣли; ничего въ дѣлѣ такомъ не разумѣютъ! Маменька то въ Черниговъ бросится, то туда, то сюда, послѣднія денежки порастрясаетъ.

— А со мною, горемычною, тою порой тоже перемудрили, эти самыя барышни О*, у которыхъ бабушка въ компаньонкахъ жила. Отдали меня, какъ я уже вамъ сказала, въ Патріотическій институтъ, и оставить бы меня тамъ доучиваться, вышла бы я на проторенную дорожку; пошла бы потомъ по гувернанткамъ. Анъ нѣтъ! Тогда въ моду большую Смольный институтъ вошелъ. Вотъ барышни-то мои и задумай такую думу, чтобы меня изъ Патріотическаго института взять и въ Смольный помѣстить. Съ бухты-барахты рѣшили, взяли, дѣла не узнавши, никого не разспросивши. Было мнѣ тогда уже 14 лѣтъ. А оказалось, что для поступленія въ другой институтъ лѣта мои вышли, и осталась я, какъ ракъ на мели, не доученная,

ни къ какому берегу не приставшая. Имъ-то что, а не подумали о томъ, что участь всю мою перековеркали!.. Оставили они меня у себя: при бабушкѣ тереться, штопать, да чинить ихъ старыя вещи, ей помогать. Улыбнулось было мнѣ счастьеце, да и тутъ опять, на этотъ разъ ужъ родимая матушка напортила.

— Пожила я эдакъ съ годъ у О*, какъ пріѣхали изъ за-границы родственники ихъ Т., люди богатые, хорошей фамиліи. Отецъ ихъ посланникомъ былъ; мать умерла, а жили онѣ, двѣ молодыя барышни, съ теткой. Отецъ-то снова уѣхать долженъ былъ. Онъ зналъ еще папеньку моего покойника и взялъ меня къ себѣ въ домъ, т.-е. къ дочкамъ-то его, чтобы я при нихъ воспитывалась. Одѣли онѣ меня съ ногъ до головы и увезли въ имѣніе свое, за Гатчиной у нихъ было. Хорошо мнѣ тамъ жилось. Должности я никакой не имѣла: такъ, какъ подруга при барышняхъ жила. И никогда бы онѣ меня не оставили! А тутъ маменька пріѣхала. Мнѣ тогда уже 17-й годъ пошелъ. Пріѣхала она все по тому же судебному съ сосѣдомъ дѣлу. Думала: въ столицѣ все разомъ развяжутъ! Дѣла, однако, никакого не надѣлала, а только меня съ пути сбила.

«— Чтой-то ты, будто сирота безпріютная, въ чужомъ домѣ живешь? Не помнишь, я думаю, и гнѣзда родного? Посмотрѣть бы тебѣ на него. Пожить бы при родной матушкѣ, не въ чужихъ людяхъ!

— Взяла меня съ собою. Т* меня всѣмъ добромъ снабдили-снарядили, и поѣхала я въ свое родное гнѣздышко, да не долго имъ порадовалась! Завезла меня туда маменька, а сама поѣхала въ Черниговъ: и о дѣлахъ разузнать, и сестру мою старшую провѣдать (онѣ тогда уже обѣ замужемъ были). Взыграло мое сердце, какъ увидала я родной хуторъ! Садъ у насъ кругомъ дома большой былъ и лѣсъ близехонько. Все еще зелено было, хотя конецъ сентября стоялъ. Прошло эдакъ дня три, какъ вдругъ—въ самый

это Покровъ было—будить меня дѣвушка утромъ и кричить:

«— Барышня, вставайте! Судъ пріѣхалъ!

Какой такой судъ, думаю? А все же поторопилась, встала и вышла въ залу. А тамъ чиновники какіе-то и сосѣдъ съ ними.

«— Гдѣ маменька?

«— Въ городѣ, говорю.

«— Вотъ это новый владѣлецъ вашего хутора,—говорить главный чиновникъ, указывая на сосѣда;—а вотъ вамъ и бумага. Посылайте за маменькой; а мы опять будемъ.

Съ тѣмъ и отъѣхали. Я бумагу взяла.

«— Скажи, говорю, Карпушка, въ городъ, за маменькой.

А городъ отъ насъ въ 50-ти верстахъ былъ. На другой день пріѣхала маменька, да какъ накинется на меня.

«— Ахъ ты, такая-сякая, петербургская дура! Зачѣмъ бумагу взяла? Ты бы ихъ въ шею!

— А сама ко мнѣ съ кулаками. А какъ мнѣ было бумагу не взять? Тутъ опять пошли дѣла, пошелъ дымъ коромысломъ. Маменька свое отстаиваетъ; сосѣдъ ее изъ хутора гонить; а я-то тутъ, какъ куръ во щи попала! Сжалась надо мною сосѣдка наня, родственницей еще она намъ приходилась; дама молодая, красивая, богатая, взбалмошная только. Пріѣхала она въ свое имѣніе случайно.

«— Оставьте у меня, Вареньку,—говорить она маменькѣ,—я ее съ собою въ Москву повезу, на открытіе памятника (тогда на Бородинскомъ полѣ памятникъ открывали); повезу ее и къ себѣ въ деревню, и въ Петербургъ. Я ужъ ее не оставлю.

— Завела она этотъ разговоръ, какъ мы съ маменькой къ ней въ гости въ деревню пріѣхали—это ужъ лѣтомъ было. А маменька и обрадовалась. Какъ я была въ одномъ платьицѣ, съ легкою косыночкой на шеѣ, такъ меня въ чужомъ домѣ и оставила. Даже и послѣ ничего изъ того приданого, что Т* мнѣ надѣлали, не прислала. Благосло-

вида только меня на новую жизнь, да съ той поры мы съ ней и не видѣлись!.. Обшила меня новая благотѣтельница и повезла сначала въ свою деревню, близъ Луги. Богатѣйшее помѣстье было; по всему уѣзду славилось. Зажила я опять полною жизнью: роскошь кругомъ, веселье. Гости съ утра до ночи. Веселая она барыня была. Любила, чтобы за ней ухаживали; съ мужемъ не дружно жила.

— Переѣхали мы затѣмъ въ Петербургъ. Задумывали и въ Москву махнуть; да вдругъ моя барынька, вмѣсто Москвы, за границу собралась. Уѣхала, да и пропала. Только ее и видѣли! Связалась тамъ съ французомъ какимъ-то и къ мужу не вернулась. А я снова на бобахъ осталась, и снова къ барышнямъ О* поступила. Тутъ я ужъ совсѣмъ въ швеи да сидѣлки къ нимъ попала. Бабушка ужъ стара была, за нею за самой присматривать нужно было. И потянулась моя жизнь безпросвѣтная, надъ бѣлевою строчкой, да за хозяйскими дрызгами, подъ воркотню старыхъ барышень! Маменька такъ и умерла, не покончивъ дѣла, и перешло наше добротѣликомъ все сосѣду.

— Ну, а до которыхъ же поръ вы жили у О*?—спросила я, когда старушка замолчала.

— До самой ихъ смерти. Прежде бабушка умерла, а потомъ и онѣ очень скоро одна за другою.

— И неужели онѣ ничего не оставили вамъ въ духовной?

— И-и, матушка! Да онѣ никогда духовной и не дѣлали! Онѣ страсть какъ смерти боялись. При нихъ о покойникахъ до смерти и говорить никто не смѣлъ. Подойдутъ невзначай къ окну, когда покойника везутъ мимо, такъ, какъ ужаленныя, отъ окна-то отпрыгнуть и долго послѣ того, будто листъ, трясутся. Какъ бабушка заболѣла, такъ онѣ ее въ больницу отправили, чтобы у нихъ не померла. Я ее и скоронила. Ты, говорятъ, Варенька, за все заплати, да намъ счетъ представь! Представить-то я его представила, а только расплаты за него не получила; такъ что

моими кровными, трудовыми денежками расплатилась! Ну, а какъ померли онѣ обѣ, явились родственники, которыхъ онѣ мало и знавали-то, шаркуны эдакіе, сами богатые. Имъ что было о насъ, бѣднякахъ, заботиться! Поклонились честию, да и показали дверь. Ну и пошла я по чужимъ домамъ горе мыкать; все надъ тѣмъ же шитьемъ, да строчкой глаза портить. Такъ и перебивалась, пока силы, да глаза были, и добилась до угловъ подвальных!

IV.

Сегодня сильный морозъ. Рѣзкій сухой воздухъ захватываетъ дыханіе; суровый вѣтеръ силится прорваться во всѣ скважины вашей одежды, какъ вы ни стараетесь плотнѣе закутаться.

Хорошо тѣмъ, кому есть во что закутаться! Плохо бѣднякамъ въ эту стужу! Плохо и подъ крышей, въ не-топленной каморкѣ; еще плоше на улицѣ, въ дырявыхъ башмакахъ и вѣтромъ подбитой одеженкѣ. Особенно вспомнишь о дѣтяхъ, о ихъ нѣжныхъ членахъ, которые охватываетъ морозъ своею ледяною рукой и сжимаетъ въ беспощадныхъ тискахъ. Не мудрено, что радуешься, какъ найдешь, среди присланной тебѣ какою нибудь доброю знакомой старенькой дѣтской одеждой,—теплые сапоги или теплую шубку, кофту. Ко мнѣ какъ разъ пришла такая благодать, въ эти суровые морозы, въ видѣ теплаго, еще очень хорошаго, пальто, муфты и шапки.

Не медля, я отправилась по указанію, данному мнѣ другимъ членомъ нашего общества. Войдя во дворъ намѣченнаго дома, я обратилась къ дворнику съ разпросами о семьѣ, начавъ съ хозяина.

— Онъ комисонеръ (комиссіонеръ),—проговорилъ дворникъ, съ нѣкоторою важностью, относящеюся, главнымъ образомъ, къ его умѣнью выговорить столь трудное слово.

«Комисонеръ» жилъ тотчасъ же внизу. Постучавшись въ дверь я была привѣтствована разнороднымъ лаемъ

собакъ и за отворившеюся въ крошечную кухню дверью прямо наткнулась на нѣсколькихъ щенковъ, за которыми стояла довольно еще молодая, худая женщина. Это была «комисонёрша». За кухней слѣдовала длинная, узкая комната въ одно окно. Въ ней находились: кровать, сундукъ, одинъ стулъ и столъ, покрытый цвѣтною салфеткой. На окнѣ стояла швейная ручная машинка. Воздухъ въ комнатѣ отъ собакъ былъ ужасный. Кромѣ щенковъ, въ углу, у круглой желѣзной печки, лежала большая лягавая собака, повидимому, больная. Г. комисонёръ былъ большимъ охотникомъ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи держать собакъ даже теперь, въ ущербъ своей семьѣ.

Она была скромная нѣмочка, дочь зажиточнаго торговца въ Дерптѣ, эта, худая теперь, чахоточно кашлявшая женщина, съ кроткими, немного пугливыми, голубыми глазками. Мужъ ея, когда онъ у нихъ въ домѣ познакомился съ нею, былъ типъ мелкаго авантюриста, вѣчно строившій воздушные замки, и вѣчно мечтавшій какъ можно меньше дѣлать, загребая жаръ чужими руками. Но папа и голубоглазая Линхенъ были слишкомъ наивны, чтобы понять этого франта въ яркихъ галстучкахъ и съ завитыми висками, говорившаго очень красно и развивавшаго передъ ними очень высокія идеи. Линхенъ такъ-таки сразу и влюбилась въ этого милаго кавалера, и папа не имѣлъ ничего противъ него, и въ приданое за дочерью отдалъ и свою лавочку, со всѣмъ царившимъ въ ней порядкомъ. Впрочемъ, первые три года послѣ свадьбы всѣми дѣлами торговли продолжалъ заправлять все тотъ же папа, по прежнему по цѣлымъ днямъ корпя въ лавкѣ. Молодой зять, оправдываясь своею неопытностью и желаніемъ присмотрѣться, пользовался только плодами доходовъ, но вмѣсто того, чтобы присматриваться къ дѣлу, пропадалъ по цѣлымъ днямъ, то на охотѣ, то по другимъ собственнымъ надобностямъ. Вмѣсто помощника, папа наложилъ себѣ на

плечи новаго нахлѣбника, не по доходамъ дорогаго, что стало отражаться и на торговлѣ.

Но Линхенъ такъ любила своего мужа, и родившаяся у нихъ маленькая Мари была такая прелестная, веселая дѣвочка, что разгоняла морщинки на лбу дѣдушки.

Не дождавшись большей опытности въ дѣлахъ и той дѣятельности зятя, при которой онъ, папа, могъ бы, наконецъ, отдохнуть, онъ отправился отдыхать къ предкамъ, и беззаботный мотылекъ долженъ былъ поневолѣ засѣсть за дѣло. Можно было предвидѣть, какіе пошли тутъ порядки! Линхенъ, какъ ни была молода и неопытна, но все же понимала больше своего безалабернаго супруга и все чаще да чаще стала засѣдать въ лавкѣ, бросаемой на руки плутоватаго прикащика, во время частыхъ отлучекъ хозяина. Но и это не помогало. Хозяинъ сталъ тратить больше, чѣмъ выручалъ, прикащикъ тащилъ, что могъ. Стали появляться и долгишки. Бѣдная Линхенъ выбивалась изъ силъ, чтобы поддержать дѣла въ кое-какомъ порядкѣ. Помимо торговли, занялась шитьемъ, чтобы выработанными деньгами затыкать кое-какія хозяйственныя прорѣхи, которыхъ становилось все больше и больше. Можно еще было кое-какъ перебиться и снова войти въ колею, если бы мужъ толковѣе отнесся къ дѣлу; но къ довершенію всего, кто-то сбиль его окончательно, убѣдивъ, что въ Дерптѣ дѣла его не поправятся и что самое умное будетъ ему продать лавку и завести торговлю въ Петербургѣ.

— Какъ я плакала, Боже мой, какъ я плакала!— рассказывала бѣдная Линхенъ, и слезы одна за другою быстро бѣжали по ея худымъ щекамъ;—я знала, что это чистое раззоренье. Тамъ насъ всѣ знали, всегда бы помогли; а здѣсь все чужое. И дѣвочка наша ходила тамъ въ школу. Но онъ ничего не послушалъ, онъ никогда меня не слушалъ! Продавъ лавку, расплатились съ дол-

гами и прѣѣхали сюда съ грошами, да и тѣ здѣсь разбросали, прежде чѣмъ устроились!

— Какими же коммисіонерскими дѣлами онъ занимается?

— Да никакими; это только такъ говорится!—замѣтила она, горько улыбаясь;—ходить, ходить, по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома, все говорить, что что-то дѣлаетъ, а домой ничего не приносить, еще изъ дому тащить. Разъ удалось только ему принести два рубля, да и тѣ пошли на его же расходы. Собакъ вотъ держать; разстаться съ ними не можетъ, а самимъ ѣсть нечего; у дѣвочки одежды теплой нѣтъ...

Она сильно закашлялась и схватилась за грудь.

— Однако, какъ вы кашляете!

— Климатъ мнѣ вреденъ; я тамъ привыкла, а вотъ какъ сюда переѣхали, годъ уже тому будетъ, все не могу поправиться, да и нѣкогда поправляться: бьешься за шитьемъ; а ужъ шитье-то какое! Вотъ, дала одна женщина платъе ей передѣлать; сколько одной порки, а всего 30 копѣекъ заплатить за работу!

Въ прихожей раздался скрипъ двери.

— Вотъ и дѣвочка моя вернулась, я ее съ работой посылала; а то и гроша въ домѣ нѣтъ; а керосинъ весь вышелъ, вотъ стемнѣетъ, несчѣмъ за работу сѣсть.

Вошла дѣвочка лѣтъ девяти. Худенькая, какъ тростинка, съ блѣднымъ хорошенькимъ личикомъ, на которомъ горѣли огромные синіе глаза. Одѣта она была въ коротенькую кофту, изъ которой давно выросла, такъ что рукава хватали ей чуть не по локоть. Мое пальто пришлось ей отлично и возбудило восторгъ въ обѣихъ. Личико дѣвочки даже вспыхнуло отъ радости, когда она облеклась въ его теплыя, мягкія ткани.

— Мы его не покажемъ отцу — проговорила таинственно мать,—будемъ надѣвать безъ него.

— Отчего же?—спросила я, съ удивленіемъ.

Она немного смѣшалась. Я поняла, что отецъ не только не приносить что-либо въ домъ, но тащить изъ него, что можетъ, вѣроятно еще и попивая.

Дѣвочка принялась рассказывать матери о своемъ неудачномъ походѣ. «Работу оставили, а денегъ не дали; говорятъ, теперь не время, приди завтра».

— Вотъ и не съ чѣмъ работать; нѣтъ керосину! — тихо проговорила бѣдная труженица, уныло оглядывая комнату, все болѣе затягивавшуюся набѣгавшимъ сумракомъ.

Я дала ей денегъ на керосинъ. Она забормотала слова благодарности и сильно раскашлялась. Щенки проводили меня визгливымъ лаемъ...

V.

Въ воздухѣ стоитъ призракъ близкой весны. Стаялъ снѣгъ на улицахъ. Стаялъ и на узкихъ дворахъ; лишь кое-гдѣ валяется онъ желтоватою кашей и таетъ понемногу, расплываясь ручейками.

Близится пасха. Тутъ еще болѣе дѣла попечителямъ благотворительныхъ приходскихъ обществъ. Просьбы о пособіи поступаютъ цѣлыми ворохами. Обходы чердаковъ и подваловъ учащаются. Помогаешь, чѣмъ можешь, и все болѣе и болѣе убѣждаешься въ томъ, что если и не искоренишь нужды, то все же поможешь, давъ случай перебиться, а не то и совсѣмъ устроиться. Опредѣлили дѣтей въ пріютъ, смотришь, мать на мѣсто пошла, опять человѣкомъ стала. Вотъ безпомощная крестьянская вдова, у которой мужъ въ Питерѣ на заработкахъ былъ, да получилъ тифъ и свалился въ больницу, а оттуда въ могилу; совсѣмъ потерянная, она и руки опустила. Поѣхала бы въ деревню, да гроша нѣтъ. Достанутъ ей билетъ 3-го класса, сунуть кое-что на дорогу, да и отправятъ съ Богомъ. Вотъ человѣкъ и не пропасть! А тамъ, смотришь, которая задолжала за квартиру, или за новый паспортъ заплатить не чѣмъ, запуталась. — поможешь,

заплатишь, смотришь, и перебился челоѣкъ, и опять ожилъ. Скажутъ многіе: только на время, а тамъ?.. Ну, а тамъ опять, если понадобится, поддержать, и все же это лучше, чѣмъ задавшись мыслью, что не имѣя возможности «искоренить зла», нечего и хлопотать, — безсильно опускать руки и давать гибнуть тѣмъ, кому нужна только поддержка, часто самая пустая. Близкимъ примѣромъ можетъ служить вдова поручика, которую мнѣ пришлось свидѣтельствовать мѣсяца два тому назадъ. Это былъ очень горькій моментъ ея жизни, заставившій ее въ первый разъ прибѣгнуть къ помощи общества. Ей выдали деньги, которыя она задолжала за свой убогій уголъ, помогли одеждою, такъ какъ она совсѣмъ обносилась. Вскорѣ затѣмъ пріѣхала въ Петербургъ ея прежняя благодѣтельница, отыскала ее и взяла къ себѣ въ экономки. Пошла-ли ей въ прокъ наша маленькая лепта, помогшая ей перебиться — ясно само собою.

VI.

Въ самомъ углу узкаго двора чернѣлъ грязный входъ, упиравшійся въ крутую лѣстницу, по которой мнѣ и нужно было взобраться, чтобы попасть въ мезонинъ, отдававшійся каморками и углами. Прежде всего я вошла въ довольно просторную комнату, но съ такимъ низкимъ потолкомъ, что онъ чуть не касался моей головы. Это было что-то въ родѣ проходной пріемной, почти безъ мебели, хотя тутъ же въ углу находилась большая русская печь. Изъ этой неуютной полу-темной, полу-пустой комнаты, вели ходы въ какія-то каморки и корридоры. Вездѣ толпился народъ, слышались голоса, споръ и брань; высказывали блѣдныя, полу-оборванные дѣти, визжали собаки. Женщина, которую я пришла освидѣтельствовать, вышла ко мнѣ въ эту пріемную-кухню, изъ своего угла, помѣщавшагося въ корридорѣ, тотчасъ у двери и у печи. Она просилась къ намъ въ бесплатную квартиру.

— Прокормиться-то я ужъ какъ-нибудь прокормилась

бы, я еще въ силахъ, могу работать. Вотъ только боли головныя меня одѣлѣваютъ. Бываютъ дни, что лежу пластомъ, а тутъ крикъ, гамъ, дымъ изъ печи-то гарь. Силъ моихъ нѣтъ! Такъ бы отлежалась спокойно, хотъ часокъ... Бѣда моя, эти боли, лечилась я отъ нихъ, лечилась, сколько докторскихъ свидѣтельствъ имѣю... Всѣ говорятъ отъ работъ большихъ, да жизни вотъ такой. А гдѣ спокойнѣе-то найдешь? И тутъ-то, за уголь этотъ, два рубля платишь въ мѣсяцъ! А на мѣсто идти не могу: кто такую держать будетъ? Очень я головой-то страдаю. А былъ бы у меня уголокъ у васъ, въ чистотѣ-то, да тишинѣ, я бы поработала, да и полежала бы себѣ; отлежалась бы. Былъ бы живъ сынъ, не утруждала бы я общество...

Голосъ ея дрогнулъ.

— Хорошій былъ мальчикъ, — начала она снова; — 22 года ужъ ему было, послѣднй у меня былъ, всѣхъ схоронила. Какъ мужъ померъ, Ваня-то еще въ ученьи у портнаго былъ. Лучшимъ былъ, любимымъ ученикомъ. Очень онъ убивался, какъ я, схоронивъ отца, хозяйство свое малое распродала и въ уголь переѣхала; еще уголь-то тотъ получше этого былъ, три рубля я за него платила. — «Погодите, мама, кончу я ученье, сдѣлаюсь подмастерьемъ, свою квартиру заведу и васъ къ себѣ перевезу, успокою. Нечего вамъ по угламъ таскаться. Потрудились вы за насъ, надо и вамъ покой дать!» Сталъ онъ еще усерднѣе работать. Я, бывало, ему говорю: «побереги ты себя, Ванюшка; хрупкій ты, слабогрудый.» «Ничего, говорить, мама, устою; я молодъ!» Сталъ онъ, точно, подмастерьемъ, всѣ дѣла за хозяина правилъ, тотъ на него, какъ на каменную стѣну, надѣялся. Комнатку себѣ нанялъ, такую чистенькую, свѣтленькую. — «Заживемъ мы, съ вами, мама, лихо!» Бывало похвывается. А я еще посмѣюсь: «а вздумаешь, Ванюшка, жениться, такъ старую-то мамку по шеѣ погонишь?» — «Не хочу я, мама, жениться, мнѣ за вами, какъ у Христа за пазушкой!» Да не долго мы съ нимъ

нажили! Простудился-ли онъ, заработался-ли, Христосъ его вѣдаетъ! Только сталъ кашлять, да кашлять, да такъ его чихотка эта скрутила, что въ три мѣсяца отъ него только кожа да кости остались; такъ и померъ; а я вотъ....

Она не докончила и заплакала. Въ эту минуту широко отворилась входная дверь и въ комнату вошло такое странное существо, что я такъ и застыла надъ бумагой, куда записывала свѣдѣнія о просительницѣ.

Это была средняго роста, довольно грузная дама, съ обрюзглымъ старымъ лицомъ. Кожа этого лица походила на пожелтѣлый пергаментъ, отъ блѣдности котораго еще рѣзче отдѣлялись черныя, какъ смоль, брови, въ полтора пальца ширины, напоминавшія наклеенныя брови клоуновъ. Надъ этими бровями вились, спускаясь на лобъ, какіе-то жалкіе клочки волосъ, представлявшіе подобіе букляшекъ. На головѣ ея была надѣта смятая шляпа изъ порыжѣлыхъ черныхъ кружевъ, съ торчащимъ надъ лбомъ высокимъ пучкомъ яркихъ бумажныхъ цвѣтовъ; а на плечахъ накинута тальма изъ невообразимо полинявшаго и затасканнаго, когда-то лиловаго бумажнаго бархата. Быстро подойдя ко мнѣ, она отпустила мнѣ церемонный поклонъ и заговорила отрывисто беззвучнымъ голосомъ, сильно моргая своими, сильно и неумѣло подкрашенными, слезливыми глазками:

— Очень пріятно познакомиться. Я всегда рада хорошему обществу. Je suis noble. Княгиня М. (последнія слова она выговорила съ особеннымъ удареніемъ, гордо вскинувъ головой). Вы, я вижу, за бумагами. Мнѣ нужны дѣловые люди. Я объясню вамъ свое дѣло. Вы мнѣ можете. Mais pas devant les gens!—докончила она, окинувъ презрительнымъ взглядомъ собравшуюся около насъ толпу, повидимому, сильно заинтересованную и громко хихикающую.

— Мы пройдемъ въ мой аппартаментъ!—проговорила она важно и направилась къ запертой двери, у самаго

входа съ лѣстницы. Я послѣдовала за нею, тоже заинтересованная.

Спокойно отворивъ дверь ключѣмъ, она жестомъ пригласила меня войти и, сама войдя вслѣдъ за мной, приотворила дверь отъ взоровъ другихъ любопытныхъ. Аппартаментъ княгини представлялъ совершенный хаосъ. Мебели было довольно много для этой крошечной комнатки въ одно окно, выходившее на лѣстницу; оставался лишь узкій проходъ между безпорядочно наставленными кроватью, сундуками, на которыхъ, въ свою очередь, были нагромождены какія-то поломанныя корзинки и продыравленные стулья, и громоздеимъ, стариннымъ туалетомъ красного дерева, съ вычурною рѣзьбой. На туалетѣ былъ цѣлый музей безносыхъ статуэтокъ, искривленныхъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, вылинявшихъ бисерныхъ подушечекъ и растрепанныхъ цвѣтовъ. По стѣнамъ висѣли, вкривъ и вкосъ, потемнѣвшія картины, въ загаженныхъ мухами, облупленныхъ золоченныхъ рамахъ, въ перемежку съ юбками и другими принадлежностями дамскаго туалета, — все это столь же обветшалое и столь же грязное.

— Прошу покорно садиться! — проговорила любезно хозяйка, указывая мнѣ на единственное свободное кресло, съ такою грязною, хотя и штофною обивкой, что я опустилась на него, скрѣпя сердце.

Сбросивъ на кровать тальму, княгиня очутилась въ костюмѣ, состоявшемъ изъ короткой юбки, открывавшей по щиколку ноги, обутыя въ прорванные башмаки; эта юбка была изъ красной, цвѣта бордо, шелковой матеріи, съ шелковымъ же лиловымъ тюникомъ, поверхъ чего была надѣта ярко-зеленая шерстяная кофта. Костлявыя руки были перевиты у кисти множествомъ пестрыхъ стеклянныхъ бусъ; такія же бусы рядами висѣли и на ея груди, стуча другъ объ друга, какъ костяшки. Не снимая шляпы, она очистила себѣ мѣстечко на одномъ изъ сундуковъ и сѣла противъ меня.

— Я затѣваю процессъ,—начала она, таинственно;— всѣ права на моей сторонѣ. Я настою на томъ, что упеку его въ Сибирь!—вскрикнула она, вся заволновавшись.

Я стала ее успокаивать и просить рассказать въ чемъ дѣло.

— Да, я расскажу вамъ все, я ничего не скрываю, я ихъ всѣхъ выведу на чистую воду! Я ихъ не пощажу, ни его, ни ее! Она, вы знаете, это моя дочь отъ перваго брака... Мой первый мужъ былъ купецъ; хорошій человекъ; какъ онъ меня любилъ, какъ любилъ и баловалъ! Онъ богатъ былъ. Дочь у насъ была одна. Чудо дѣвочка! И хороша, и мила, какъ ангелъ... И онъ ее, этого-то ангела, погубилъ! А? Богата я осталась послѣ мужа; дочери уже 17 лѣтъ было... Вотъ тутъ-то онъ, этотъ подлецъ, князь-то этотъ голый, въ долгахъ, подвернулся... Ну, красивъ... Ахъ, какъ онъ красивъ былъ! Глаза эдакіе, знаете, огромные, съ поволокой, волосы выются; талья въ рюмочку, а ужъ какъ былъ ловокъ, какъ танцевалъ!.. Онъ на десять лѣтъ моложе меня былъ; а я ни на что не посмотрѣла; да и княжество это, проклятое, меня заманило... Я, вѣдь, отъ рожденія дворянка; по бѣдности за купца вышла и была съ нимъ счастлива!.. Какъ моя Надя плакала; какъ просила, чтобы я не выходила замужъ за князя! А я все же вышла! Всѣ долги его заплатила; сначала больше всего меня княжество заманило... «*Madame la princesse!*» Чудо, какъ это выходило... Ну а потомъ я и его самого полюбила, такъ полюбила, такъ полюбила, какъ никогда никого не любила, и все ему довѣрила, все, даже ее, Надю-то мою, ангела-то моего... А онъ ее погубилъ, ее чистую, чистую!..

Бѣдная княгиня замолчала и, сжавъ костлявыми руками колѣни, нѣсколько минутъ сидѣла молча, что-то безсвязно бормоча и не отирая слезъ, быстро бѣжавшихъ изъ ея подерашенныхъ глазъ на пергаментныя щеки.

— Я скоро замѣтила, что онъ охладѣлъ ко мнѣ, что

онъ за другими сталъ увиваться; я ревновать стала, изъ силъ выбивалась, чтобы ему нравиться; думала вернуть, да поздно было; а потомъ вижу, что еще хуже, что онъ Надю мою не пощадилъ!.. Я и къ ней ревновать начала, гнать ее изъ дому стала... А онъ, не будь простъ, обобралъ меня, какъ липку, тряпки однѣ мнѣ оставилъ, да и исчезъ, и Надю-то мою съ собой увлекъ... А я вотъ такъ и осталась... Но я этого не оставляю, нѣтъ, не оставляю! —загорячилась она опять:—я на все пойду! Я до государя дойду! Я ихъ упеку! Я ихъ упеку! Вотъ, смотрите, вотъ и просьба...

Она стала рыться въ карманѣ платья. Карманъ оказался очень объемистымъ, такъ какъ, прежде чѣмъ добраться до просьбы, она вынула оттуда обгрызанную французскую булку, коробочку со спичками, рванный батистовый платокъ, нѣсколько кусочковъ сахара, какія-то пестрыя тряпочки и, наконецъ, добралась до измятой, засаленной бумаги, сложенной какимъ-то свиткомъ, перевязаннымъ розовою тесемкой. Развернувъ свитокъ, она стала протяжно читать мнѣ какую-то ерунду и, дочитавъ и сложивъ по прежнему, торжественно подала ее мнѣ, прося прочесть ее въ нашемъ засѣданіи и сказать ей о резолюціи господъ членовъ общества.

— Вамъ, я думаю, безпокойно здѣсь,—начала было я:—вамъ бы къ намъ, въ бесплатную квартиру...

— Меня въ бо-га-дѣль-ню?—проговорила она, гордо выпрямившись:—княгиню М. въ богадѣльню? Я жила барыней и умру барыней, не разстанусь съ достойною меня обстановкой!—докончила она и обвела глазами свой хламъ. —Я прошу правосудія, а не милости!—И она кивнула мнѣ головой, давъ знакъ, что аудіенція окончилась.

«Ну, этой ничѣмъ и никто не поможетъ», подумала я, и вышла изъ аппарата княгини. Моя первая просительница еще ожидала меня у себя. Я спросила ее о княгинѣ.

— Несчастливая она, это точно! Говорятъ, какъ бросилъ ее мужъ,—давно это было, лѣтъ можетъ 30,—сначала она, что было распродала, а тамъ и совсѣмъ въ крайность впала. А все, вѣдь, думаетъ услѣдить его; она рехнувшись маленько; иногда, какъ будто что и путное говорить, а потомъ вдругъ вздоръ занесетъ, занесетъ... а все, какъ говорятъ, еще при князѣ, какъ привлечь его къ себѣ хотѣла, прихорашивалась да принаряжалась, такъ и о сю пору это не оставила, напутаетъ, напутаетъ на себя всего, брови намажетъ, волоса щипцами прикалить... Смѣхъ съ ней и горе!

— А чѣмъ же она живетъ теперь?

— Да кое-кто изъ прежнихъ знакомыхъ помогаетъ. Кто за квартиру заплатить, кто покормить...

Напослѣдокъ намъ, вмѣсто богадѣльни, пришлось пристроить княгиню въ лечебницу душевно-больныхъ...

Да, какъ видите, и небольшая помощь кстати можетъ поддержать человѣка.

С. Лаврентьева.

ЗИМНІЯ КАРТИНКИ.

День погасаетъ. Послѣднимъ лучемъ
Вспыхнулъ закатъ надъ далекимъ холмомъ:
Снѣгъ зарумянился, льдистыхъ огней
Цѣпь загорѣлась подъ кровлей моей.
Встали избушки въ неправильный рядъ,
Золотомъ блестятъ ихъ бѣдный нарядъ,
Съ первымъ привѣтомъ желанной весны,
Кажется, снятся имъ славные сны!

Вотъ закурился дымокъ надъ избой,
Въ небѣ теряется свѣтлой дугой:
Ужинъ готовить крестьянка жена...
Много работы, да справить она:
Надо-ль на рѣчку сходить за водой—
Дочь съ посидѣлки покличетъ домой,
Надо-ль дровецъ ей—сынокъ мальчуганъ,
Вотъ онъ съ салазками, свѣжъ и румянъ!
То-то подмога... И слава Творцу!
Выростутъ дѣтки на радость отцу.

Тамъ, гдѣ дорога подъ гору бѣжить,
Путь ея мужа изъ лѣсу лежитъ...
Вотъ ужъ движеніе замѣтно на ней,
Слышны бубенчики, топотъ коней.
Стойло почуялъ, и скорой рысцой
Бойко въ деревню вбѣгаетъ Гнѣдой;
Всталъ у воротъ, оттопырилъ бока,
Шумно вздыхаетъ и ждетъ сѣдока...
Да, поработали славно они
Въ эти холодные, ясные дни:
Дровъ навозили на тридцать рублей,
Съ праздникомъ будетъ къ веснѣ Еремей:
Крышу поправить и купить кушакъ
(Знаетъ, что надо, хозяинъ—большакъ).
Будетъ съ обновой и дочь, и сынокъ:
Сыну сапожки, а дочкѣ—платокъ...
Тѣшить, такъ тѣшить и всю ужъ семью:
Бабѣ—шубейку, Гнѣдому—шлею...

Я. Егоровъ.

ФИЗИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ СОЗНАНІЯ.

Генри Маудсли ¹⁾.

Извѣстно, что мы никакими усиліями сознанія не можемъ понять, что такое сознаніе само въ себѣ: сознаніе должно считаться основнымъ фактомъ во всѣхъ его дѣятельностяхъ, а потому—фактомъ необъяснимымъ, послѣднимъ или конечнымъ. Поэтому-то цѣлью серьезнаго изслѣдованія можетъ быть только отыскиваніе и, если можно, открытіе условій сознанія, т.-е. условій, при которыхъ сознаніе возникаетъ, измѣняется, ослабѣваетъ и прекращается.

Съ перваго взгляда очевидно, что эти условія, если они когда-либо могутъ быть открыты, будутъ открыты только посредствомъ наблюденія подходящихъ примѣровъ, и путемъ правильныхъ выводовъ изъ этихъ примѣровъ. Никакія непосредственныя усмотрѣнія (интуиціи) изъ самосознанія не могутъ помочь въ этомъ вопросѣ, потому

¹⁾ Помѣщая эту новую работу знаменитаго психіатра, напечатанную въ послѣдней книжкѣ «Mind» (октябрь, 1887), мы должны предупредить, что не раздѣляемъ основнаго міровоззрѣнія, къ которому, въ концѣ концовъ, приходитъ авторъ, и что, изъ положеній предлагаемой статьи,—замѣчательной во всемъ томъ, гдѣ Маудсли остается въ предѣлахъ своей спеціальности,—мы приходимъ къ совершенно инымъ философскимъ выводамъ о міровой роли и значеніи сознанія или субъекта, что уже нами было высказываемо не разъ, и о чемъ мы будемъ говорить подробно въ будущемъ году, избравъ исходнымъ пунктомъ какъ эту самую работу Маудсли, такъ и работу проф. Герцена о сознаніи.

что самонаблюдение какого-либо момента въ существовании сознанія есть наблюдение только этого момента, и не содержитъ въ себѣ наблюдения тѣхъ условій, которыя предшествуютъ или лежатъ въ основѣ этого сознаннаго момента. Далѣе, вовсе не нужно, чтобы наблюдаемые и подмѣченные образцы были сложны или экстраординарны; хорошее заключеніе можетъ быть получено отъ простыхъ и общихъ примѣровъ, выбранныхъ съ толкомъ, какъ и изъ самыхъ сложныхъ и рѣдкихъ, если только они точно обследованы и старательно взвѣшены. Причина того, что болѣе занимаются необыкновенными фактами та, что они возбуждаютъ интересъ и вниманіе, которое не въ состояніи возбудить привычные или обыкновенные факты.

I.

Сознаніе предполагаетъ различіе: это есть явное условіе его возникновенія. Но различіе предполагаетъ не одно отдѣльное впечатлѣніе мозга, но предполагаетъ ощущение того, что это впечатлѣніе есть особенное, отличающееся отъ какого-либо другого; такимъ образомъ, сознаніе не есть единичный, но двойственный фактъ. Если бы впечатлѣніе было совершенно изолировано, отдѣлено, т.-е. не имѣло отношенія къ предъидущему или сопутствующему впечатлѣнію, то оно не было бы сознано, сознанія не было бы въ этомъ случаѣ; безъ какой-либо связи соприкосновенія между двумя состояніями сознанія они были бы столь же различны и такъ же мало соотносились бы другъ съ другомъ, какъ впечатлѣнія, полученные двумя совершенно различными умами. Тотъ, кто не могъ бы отличить двухъ цвѣтовъ, или двухъ чувствъ, или двухъ мыслей, но, предположимъ, испытывалъ бы исключительно одно чувство, или одну мысль,—не могъ бы сознать своего ощущенія, чувства или мысли. Связь тѣлеснаго единства между различными впечатлѣніями необходима здѣсь всегда, но единство сознанія есть

нѣчто большее: въ немъ есть и физическое соотношеніе тѣлеснаго единства, лежащаго въ основаніи сознанія; но есть еще и нѣкоторое дѣятельное сознаніе этого соотношенія и единства, которое есть условіе сознанія.

Обычные способы выраженія, употребляемые публикою о сознаніи какъ будто рассчитаны на то, чтобы сбить пониманіе, если не породить ложныя понятія, о его истинной природѣ и отправленіяхъ; въ самомъ дѣлѣ, о сознаніи говорятъ такъ, какъ будто бы оно существуетъ отдѣльно отъ каждаго частнаго факта или акта сознательности. какъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, оно есть что-то въ родѣ освѣщенной душевной атмосферы, въ которой возникаютъ душевныя состоянія, и такимъ образомъ, становятся извѣстными. Такіе термины, какъ «порогъ сознанія», «горизонтъ сознанія», быть можетъ, сложились чтобы поддерживать заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, не существуетъ такой особой области, въ которой бы постоянно присутствовало это высокое существо; какого-то общаго или отвлеченнаго сознанія вовсе не существуетъ, оно есть лишь общее названіе или понятіе. Существуютъ же, на самомъ дѣлѣ, только частныя сознательныя состоянія въ отдѣльныя мгновенія. Сознаній столько, сколько ощущеній, эмоцій, мыслей: сознаніе краснаго, сознаніе зеленаго, сознаніе кислаго, сознаніе дерева, сознаніе моря, сознаніе звѣзды, сознаніе гнѣва, сознаніе ненависти, сознаніе радости,—и нѣтъ сознанія внѣ или отдѣльно отъ частныхъ актовъ или состояній сознанія. Да можно спросить даже, справедливо-ли говорить, поэтому, и о «состояніяхъ сознанія»; не правильнѣе-ли говорить о состояніяхъ души, или о функціяхъ (отправленіяхъ) душевной организаціи, которыя могутъ быть и сознательны, и безсознательны.

Далѣе, сознаніе не есть, какъ обыкновенно полагаютъ, постоянное качество или количество,—оно есть въ дѣй-

ствительности,—какъ слѣдуетъ неизбежно изъ того, что уже сказано выше,—крайне непостоянное и измѣнчивое состояніе; состояніе, измѣняющееся отъ величайшаго напряженія (интенсивности) до нуля; а въ количественномъ отношеніи отъ обширной распространенности до самой ничтожной точки. Находясь въ зависимости отъ частнаго душевнаго состоянія и отъ частнаго пути нервной подпочвы, служащей этому состоянію, оно сообразно съ этимъ и опредѣляется, и локализируется (опредѣляется его мѣсто). Каждый, кто попробовалъ бы старательно и внимательно слѣдить за собственнымъ сознаніемъ въ то время, какъ онъ думаетъ, могъ бы открыть, вѣроятно, что онъ никогда не думаетъ, всёмъ своимъ мозгомъ, и даже догадался бы, что, думая о весьма различныхъ интересахъ и положеніяхъ, онъ думаетъ различными областями своего мозга. Если неправильно говорить о сознаніи, какъ объ имѣющемъ протяженность или дѣлимомъ на части, то это потому же, почему нельзя говорить объ одномъ какомъ-либо чувствѣ въ выраженіяхъ или терминахъ другого чувства, напримѣръ, сказать: громкій запахъ, красный вкусъ, горькій звукъ и т. п.

Извѣстная фраза Декарта «мыслию, слѣдовательно—существую» (*cogito, ergo sum*), если ее перевести, выразивъ вполне все ее значеніе, обратилась бы въ слѣдующее: «Я» (который есмь) думаю, поэтому «я» (который думаю) есмь». Здѣсь молчаливо предполагается аксіома,—умышленно или невольно,—что сознаніе не есть основной (фундаментальный) фактъ существованія, хотя несомнѣнно, мое сознаніе есть фундаментальный (основной) фактъ моего сознательнаго существованія. Каждый, кто хочетъ, чтобы его поняли серьезно, предполагаетъ молчаливо, что онъ существуетъ и тогда, когда не сознаетъ этого, подобно тому, какъ существуютъ вещи, когда онъ и не сознаетъ этого. Есть сознательное «я», и есть бессознательное «я». Конечно, сознательное «я», когда

я мыслю о немъ, не включаетъ въ себя всего цѣлаго «я»; это «я» даннаго момента, т.-е. извѣстное видоизмѣненіе моего Еgo («я»), которое можетъ весьма отличаться отъ моего «Еgo», бывшаго 24 часа назадъ или будущаго черезъ 24 часа, и оно, конечно, различно, никогда не совершенно то же самое, въ каждомъ случаѣ моей мысли. Если субъектъ, о которомъ я мыслю, не глубоко интересуется меня, то размышленіе о немъ есть часть «меня», если онъ интересуется меня болѣе глубоко, то размышленіе о немъ занимаетъ больше моего душевнаго существа; если расположеніе симпатично и пріятно, размышленіе о немъ будетъ преобладать въ одной части моего духовнаго существа; если оно непріятно, несимпатично, оно преобладаетъ въ другой части моего душевнаго существа, — такимъ образомъ, размышленіе, въ дѣйствительности, можетъ быть всегда частно и неполно, оно можетъ быть и совершенно полно и сложно. Тѣмъ не менѣе, бессознательное «я» не испытываетъ никакихъ перемѣнъ или чего-либо, сколько-нибудь подобнаго соотвѣтствующей перемѣнѣ; оно лежитъ глубоко въ основаніи, молчаливое къ большей части сознательныхъ проявленій и ниже ихъ всѣхъ; эти проявленія подобны множеству волнъ на поверхности бессознательнаго «я»; нѣкоторыя изъ этихъ волнъ глубже другихъ, но ни одна изъ нихъ не достигаетъ до самой низшей глубины бессознательнаго «я». Отсюда, аксіома Декарта неизбежно принимаетъ основной фактъ бессознательнаго, подъ сознательнымъ бытіемъ, это есть «я», которое есмь, лежащее въ основѣ «я», которое мыслить; такимъ образомъ, тотъ, кто желалъ бы узнать и объяснить душевное существованіе, долженъ произвести свои изслѣдованія въ областяхъ, о которыхъ самосознаніе не даетъ никакихъ свѣдѣній ¹⁾).

¹⁾ Существуетъ нѣкоторый инстинктъ или чувствованіе, или quasi-сознаніе тѣла, возникающее изъ единства работы его органовъ, объявляющее о себѣ въ мозгу и которое лежитъ глубже и предшествуетъ сознательному «я мыслю, стало быть, я существую». Посланія отправляются непрерывно по нервнымъ

Каково бы ни было значеніе внутренняго самонаблюденія (интроспекціи) въ его собственной области, этотъ методъ, очевидно, не адекватенъ (не соотвѣтственъ), когда его употребляютъ для зондированія глубокихъ областей душевныхъ отправленій.

«Я», которое мыслить, никогда не можетъ быть всѣмъ цѣлымъ «я», которое есмь; такъ называемое единство и непрерывность сознанія не суть достовѣрности, каковыми они провозглашаются въ публикѣ: въ лучшемъ случаѣ, они производны, но не фундаментальны. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ-ли дѣйствительное единство сознанія? Не есть-ли дѣйствительное единство лишь единство индивидуальнаго организма, образующаго и фундаментъ, и базисъ того единства, которое является въ сознаніи? Сознаніе, на самомъ дѣлѣ, есть скорѣе множественность (собирательное), серія неизмѣримо быстрыхъ перерывовъ, чѣмъ непрерывность и единство: нѣтъ сознательной связи единства между множествомъ его быстрыхъ послѣдовательностей. Сознательное «Его» нынѣшняго дня совершенно различно отъ сознательнаго «Его», которое у меня было за 20 лѣтъ назадъ, и не могло бы, какъ предметъ чистаго самонаблюденія, или интуитивнаго самосознанія,—знать само себя какъ то же самое. Нѣтъ, такъ сказать, достаточной прямой интуиціи (непосредственнаго усмотрѣнія) тождественности; знаніе объ этомъ тождествѣ есть косвенное выводное (дискурсивное) при посредствѣ памяти сценъ и случаевъ, ретроспективное знаніе, историческая непрерывность. Оно существуетъ потому, что я вспоминаю и сцены, и случаи, и то, какъ индивидуумъ, который есть теперь «я», дѣйствовалъ въ нихъ, и я знаю, что я былъ этимъ индивидуумомъ; но не потому, что я имѣю непосредственное сознаніе о тождествѣ себя самого. Я такъ измѣнился съ тѣхъ поръ, что, помимо моей исторической сознатель-

центрамъ отъ каждой части сложной сѣти нервовъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ, и въ этихъ-то впечатлѣніяхъ лежитъ базисъ Еgo.

ности, я не могъ бы признать самого себя тѣмъ же самымъ, не могъ бы повѣрить, что я когда-то чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ, какъ я чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ, и если бы мое прошлое «я» было поставлено со мною лицомъ къ лицу, я не призналъ бы его, какъ мое собственное. Жизнь есть послѣдовательная смѣна сценъ, въ которой занавѣсъ падаетъ послѣ смерти одного «я» и его интересовъ, и поднимается, когда возникаетъ новое «я» и его интересы. Время есть утѣшитель и примиритель, потому что мы измѣняемся современемъ и уже не бываемъ тѣмъ же самымъ: «я» теперешнее уже не то «я», которое терпѣло лишенія и было обижено; это было «я», которымъ я былъ.

II.

Привычное повтореніе впечатлѣній одинаковаго рода, — и дѣйствій, отвѣчающихъ на нихъ, кончается замѣтною потерей ихъ сознательности и сознательности дѣйствій. Они и ихъ двигательные механизмы начинаютъ дѣйствовать автоматически; надлежащимъ образомъ организованныя приспособленія дѣйствій къ впечатлѣніямъ улучшаются, и субъектъ о нихъ ничего не знаетъ, а ихъ двигательный результатъ происходитъ безъ предварительной мысли о немъ. Двойной механизмъ воспріятія и реакціи, улучшенный для этой цѣли, дѣйствуетъ просто и прямо, какъ одинъ, не нуждаясь и не возбуждаясь никакою посредствующею дѣятельностью. Когда человекъ крутитъ кончикъ своего уса, онъ совершаетъ дѣйствіе, которое сознательно научился дѣлать, и дѣлая которое, онъ сознаетъ, что дѣлаетъ; но онъ можетъ совершать тотъ же родъ дѣйствія, не зная о томъ, и даже тогда, когда, будучи пораженъ апоплексіей, онъ совершенно лишенъ сознанія о своихъ дѣйствіяхъ. Тѣ же самые нервно-мозговые пути совершаютъ тѣ же дѣйствія; но въ первомъ случаѣ должна быть нѣкоторая разница въ дѣйствіи, чтобы о немъ знало сознаніе. Въ чемъ эта разница? Она не въ интенсивности

даннаго частнаго дѣйствія, большей, чѣмъ та интенсивность, которая была ниже сознанія, такъ какъ нѣтъ доказательства такого увеличенія ни въ увеличеніи стимуловъ, ни въ характерѣ дѣйствія, да и нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы такое увеличеніе интенсивности, если оно имѣетъ мѣсто, могло когда-либо возбудить сознательность втеченіе глубокой паралитической комы (безсознательности). Не въ томъ-ли разница, что здѣсь прибавлялась совмѣстная или быстро чередующаяся дѣятельность другого нервнаго пути, который парализовало апоплектическое поврежденіе; не въ томъ-ли, что дѣйствіе, когда оно сознательно, не есть простое, отдѣльное, сложное въ самомъ себѣ, но что оно предполагаетъ индукцію (возбужденіе) дѣятельностей соотносящихся частей, нѣкоторую симпатію ихъ? Если бы была такая рефлексія (отраженіе или разсѣяніе) данной частной энергіи на другіе соотвѣтственные нервно-мозговые пути, то, естественно, въ результатѣ произошло бы, что характеръ сознанія мѣнялся бы сообразно участвующему числу такихъ путей, и было бы то широкою покойною сознательностью, когда такихъ путей много, то напряженною и узкою сознательностью, когда участвуетъ одинъ путь.

Фундаментальный фактъ отношенія человѣка, какъ къ міру внѣшнему, такъ и къ каждому живому существу, есть воспріятіе впечатлѣній и реакціи на нихъ, а въ силу этого и приспособленіе реакцій къ впечатлѣніямъ, въ прогрессивномъ развитіи строенія и отправленій (функцій). Измѣненіе впечатлѣній требуетъ неизбѣжно и соотвѣтствующаго измѣненія реакцій. Для того, чтобы такое дальнѣйшее приспособленіе могло имѣть мѣсто въ душевномъ развитіи, должны вступить въ дѣло различные отдѣльные нервные пути, цѣлесообразно взаимодействуя съ старыми путями въ новыхъ попыткахъ и комбинаціяхъ, и организуя, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, нервныя сплетенія въ опредѣленную сѣть (pattern); эти сѣти являются затѣмъ организованными способностями къ различнымъ от-

правленіямъ. Пока это имѣетъ мѣсто, т.-е. пока идетъ процессъ приспособленія, есть и сознание; когда процессъ выполненъ, т. е. приспособленіе совершилось, тогда сознание исчезаетъ. Сочетаніе энергій (synergy), симпатія, а затѣмъ синтезъ — таковъ восходящій порядокъ фактовъ въ душевной эволюціи, какъ у индивидуума, такъ и у цѣлаго рода ¹⁾). Элементы душевнаго бытія дѣйствуютъ вмѣстѣ, чувствуютъ вмѣстѣ, затѣмъ думаютъ вмѣстѣ — сперва чисто рефлексивно, затѣмъ достигаютъ чувственнаго сознанія, и, наконецъ, становятся интеллектуально сознательными. Далѣе, такъ какъ они способны дѣйствовать вмѣстѣ и до разсвѣта сознанія, и послѣ того, какъ оно погасло, то оно совершенно не представляетъ существенной части механизма въ данномъ случаѣ; оно имѣетъ скорѣе характеръ сопутствующій, характеръ чего-то, что является естественно въ извѣстной стадіи процесса душевной организаціи, какъ необходимый спутникъ скрѣпленія совпадающихъ или быстро взаимно смѣняющихся дѣятельностей.

Процессъ навыка въ искусныхъ движеніяхъ путемъ терпѣливаго упражненія, навыка, доходящаго до того, что движенія становятся инстинктивными, даже безсознательными, есть явный процессъ перехода сознательнаго въ безсознательное. Мы сознаемъ процессъ, пока онъ есть процессъ возникающій, перестаемъ сознавать его, когда онъ уже возникъ; нервное образованіе сознательно, пока оно образуется, оно безсознательно, когда образовалось. Точно опредѣлить условія приобрѣтенія навыка и приобрѣтеннаго навыка, это значило бы опредѣлить сознательность и безсознательность. Условія приобрѣтенія навыка, какъ

¹⁾ Сложные мускулы желудка, пищеваго пути и другихъ внутреннихъ органовъ замѣчательно дѣйствуютъ вмѣстѣ и цѣлесообразно, безъ всякаго сознанія; только когда ихъ дѣйствія разстроены, мы начинаемъ болѣзненно и смутно сознавать ихъ. То же самое, вѣроятно, происходитъ съ низшими органическими созданіями, которыя обладаютъ простѣйшими формами нервной структуры. Въ обоихъ случаяхъ мы присутствуемъ, какъ бы при разсвѣтѣ сознанія.

мы видѣли, суть усилія приспособленія, въ теченіе которыхъ имѣютъ мѣсто сочетанія и перетасовки до тѣхъ поръ, пока не устанавливается должное приспособленіе, настоящее нервное образованіе, то-есть, организованная сѣть; иными словами, когда прекращаются не существенныя вмѣшательства. Сознаніе идетъ вмѣстѣ съ взаимодѣйствіемъ частей въ процессѣ комбинаціи и интеграціи; иными словами, оно требуетъ разсѣянія (или отраженія) энергіи одного нервного пути или группы нервовъ на другой нервный путь или группу, въ процессѣ образованія новаго пути или группы. Въ образованіи этого процесса мы научаемся чувствовать вмѣстѣ предметы, чувствовать ихъ въ ихъ связи или отношеніяхъ, знать ихъ со-вмѣстно (con-scio), со-знавать быть сознательными (con-scious), (consciousness); а послѣ совершенія этого процесса мы начинаемъ такъ хорошо ихъ знать, что наше знаніе становится скрытымъ (латентнымъ) и бессознательнымъ, подразумеваемымъ, мы можемъ его совершать безъ размышленія и неявно, т.-е. безъ повторенія процесса съ обдуманымъ вниманіемъ.

Такимъ образомъ, когда я размышляю, когда я сознательнъ, что прибавляется къ бессознательному «я»? Это не есть добавленіе къ «я», это есть только добавленіе къ переменѣ въ «я»; это есть пробужденіе къ сознанію его бессознательной части,—пробужденіе къ участію другихъ дѣятельностей путемъ рефлексіи (разсѣянія, отраженія); и вотъ это-то разсѣяніе или отраженіе и есть условіе сознательности—оно объективно есть-то, что субъективно есть сознаніе. Такимъ образомъ, оказывается, что психологическій терминъ рефлексія (отраженіе и въ то же время психологически — размышленіе) основанъ буквально на нѣкоторомъ физическомъ основаніи. Сообразно съ числомъ сочетаній мысли, мы имѣемъ и богатство рефлексій, т.-е. число впаденій и совпаденій соотносящейся (нервно-мозговой?) дѣятельности; а богатство рефлексій опредѣляетъ

количество и качество сознанія, которое можетъ быть сосредоточенно и точно, или смутно и разсѣянно.

Если предъидущія соображенія основательны, они подтверждаютъ выводъ, что условіе сознанія есть нѣкоторое сочетаніе дѣятельностей (нервно-мозговыхъ) или смѣна дѣятельностей столь быстрая, что она кажется сочетаніемъ. Этотъ выводъ можно поддерживать относительно умственного (интеллектуальнаго) сознанія; но какъ онъ можетъ быть вѣренъ въ примѣненіи къ простѣйшему сознанію, къ простымъ чувствамъ или ощущеніямъ? Здѣсь необходимо припомнить, что ощущенія только кажутся простыми, а въ дѣйствительности они сложны и представляютъ сочетанія болѣе рудиментарныхъ элементовъ; ощущенія, кажущіяся наиболѣе простыми, способны замѣчательно разлагаться въ сочетанія еще болѣе простыхъ ощущеній тѣми лицами, которыя обладаютъ необходимою для этого тонкою чувствительностью или выработали ее путемъ упражненія. Едва-ли можно сказать хотя бы про одно ощущеніе, что оно не распространено. Однако, мы можемъ допустить для нашей цѣли существованіе первичныхъ и простыхъ ощущеній; но въ такомъ случаѣ мы вынуждены заключить, что первичные элементы ощущенія, — какъ бы парадоксально не звучало это утвержденіе, — нечувствительны, т.-е. нечувствительны для меня, въ комъ они есть; но это не то же самое, чтобы они не имѣли спеціальной восприимчивости, или квази-чувствительности, ихъ собственной. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были просты ощущенія, ихъ условія не просты; если мы рассмотримъ эти условія съ точки зрѣнія молекулярныхъ условій, то подобный случай явится въ высшей степени сложнымъ, болѣе сложнымъ, чѣмъ устройство и движеніе солнечной системы. Какъ можно мыслить устройство нервной единицы, носящей простое ощущеніе? Ее надо мыслить, если можно такъ выразиться, ни коимъ образомъ не менѣе, какъ концентрированное органическое отвлеченіе отъ общихъ жиз-

ненныхъ отношеній всѣхъ созданій, жившихъ на землѣ прежде, чѣмъ уровень ощущенія былъ достигнутъ въ возвышающейся лѣстницѣ животнаго существованія: это есть нѣкотораго сорта сгущенный или инволюированный¹⁾ эквивалентъ того нервнаго мозговаго образованія или сплетенія, которое организуется затѣмъ въ высшихъ нервныхъ центрахъ, для того, чтобы служить частному отправленію, — съ тою разницей, что первый концентрированъ въ молекулу, а второе распространено на значительную площадь. Такимъ образомъ, невозможно возбудить нервную единицу, не возбудивъ при этомъ множества невообразимыхъ малыхъ дѣятельностей, отвлеченныхъ въ видѣ квинтъ-эссенцій отъ множества жизненныхъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Однако, справедливо спросить, чувствовалось-ли бы первичное страданіе или ощущеніе индивидуумомъ, если бы мы могли вообразить у него нервную единицу поврежденной совершенно изолированно, ибо можно заключить, что условіе страданія есть симпатія или со-энергія подобныхъ единицъ, которыя являются органическими сосѣдями; въ самомъ дѣлѣ, совершенно такъ же, какъ разложеніе химическаго сложнаго тѣла зависитъ отъ симпатіи или со-энергіи подобныхъ молекулъ, и вовсе не могло бы имѣть мѣста, если бы нарушеніе ограничивалось только одною молекулою, т.-е. если бы оно было неспособно распространять подобнаго же нарушенія на сосѣднія молекулы легкою инфекціей подобныхъ движеній въ элементахъ того же рода. Такимъ образомъ, если устройство нервной единицы имѣетъ ту природу и значеніе, какую я предположилъ, то очевидно, что когда оно испытываетъ толчекъ (стимуляцію), то отношенія, внѣдренныя въ него, какъ организованный или капитализированный опытъ, такъ сказать, ея инволюированныя воспоминанія какъ бы развертываются

¹⁾ Мы не нашли подходящаго слова въ русскомъ языкѣ; ему соотвѣтствуетъ математическое понятіе развертывающейся кривой линіи, и обыденное представленіе свернутого, напримѣръ, листка въ почкѣ лепестка въ нераспустившемся цвѣтѣ. Пр. переводчика.

и находятъ свое примѣненіе. И если возбужденіе имѣетъ характеръ дезорганизующій или разрушительный,—какъ можно думать, когда чувствуется боль,—то ощущеніе боли или страданія есть сознательный эквивалентъ того страданія и убѣганія отъ неблагопріятнаго стимула, которое проявляется у низшихъ формъ животной жизни, не обладающихъ никакою нервною тканью. Ибо извѣстно, что всѣ формы живой матеріи испытываютъ тяготѣніе къ тому, что поддерживаетъ и укрѣпляетъ ихъ жизнь, и отталкиваніе отъ того, что разстроиваетъ или уничтожаетъ ее; извѣстно также, что нервная система развилась изъ самаго внѣшняго слоя зародыша, изъ котораго образуется и кожная оболочка тѣла,—изъ такъ называемой эпибласты или эктодермы. Оставляя эти умозрительныя соображенія, мы должны напомнить здѣсь, что сознаніе боли есть сознаніе особаго рода (*sui generis*), вполне различное отъ какой бы то ни было изъ формъ чувственной сознательности, и что хотя мы примѣнили общій терминъ сознанія ко всѣмъ имъ, но общаго отвлеченнаго сознанія — нѣтъ: говоря о немъ, мы говоримъ о самыхъ различныхъ вещахъ. Наше настоящее дѣло здѣсь — искать не условій сознанія вообще, но условій каждаго частнаго сознанія, т.-е. условій страданія, условій и каждаго другаго спеціальнаго чувства или такъ называемаго свойства сознанія. Если бы мы могли объяснить, при какихъ условіяхъ случается ощущеніе боли, наше объясненіе еще не было бы объясненіемъ условій, при которыхъ происходитъ осязательная сознательность или зрительное сознаніе, потому что эти послѣднія не являются, подобно боли, съ характеромъ разрушительнымъ или дезорганизующимъ, но скорѣе съ характеромъ сохраняющимъ и организующимъ.

Необходимо въ этомъ отношеніи ясно понять также, что существуютъ приобрѣтенныя функціональныя организациі нервныхъ сплетеній, точно такъ же, какъ и

неподвижныя, врожденныя организаціей, т.-е. происходитъ организироваііе механизмовъ—уже существующихъ,— для совмѣстнаго дѣйствія; эту-то организацію мы и имѣли въ виду, говоря объ организаціи частныхъ нервныхъ сѣтей (или узоровъ—patterns) въ высшихъ центрахъ мозга. Существуетъ множество нервныхъ сплетеній, образующихъ сложное строеніе мозга, и они способны къ образованію многоразличныхъ нервныхъ сѣтей (узоровъ) въ душевной организаціи. Эти «сѣти» могутъ быть временныя и преходящія, онѣ могутъ сдѣлаться неподвижными (fixed) и остающимися, когда привычно повторяются. По теоріи, сознаніе сопровождается функціональную организацію этихъ частныхъ нервныхъ сѣтей (patterns); оно исчезаетъ, когда такія функціональныя сплетенія окончательно образовались путемъ привычки, и оно вновь неизбежно возникаетъ, когда эти «сѣти» разрушаются или дезорганизируются вторженіемъ въ нихъ другихъ дѣятельностей. Этотъ послѣдній процессъ, соотвѣтствуя, вѣроятно, распаденію нервной единицы ощущенія,—распаденію, являющемуся условіемъ боли,—значительно труднѣе и непріятнѣе пропорціонально прочности прежней привычки разрушаемаго сплетенія, и можетъ быть положительно болевымъ.

Соотношенія необходимо участвуютъ въ каждомъ фактѣ сознанія, это настоящая сущность его. Говоримъ ли мы о себѣ, или о другомъ, о внутреннемъ или внѣшнемъ, о верхѣ или низѣ, и т. п., мы подразумеваемъ вездѣ отношенія, безмолвно или явно. Никто никогда не могъ-бы сознавать, что онъ былъ «я», если бы онъ не имѣлъ соотносительнаго сознанія о «не-я». Далѣе, внѣшній міръ, данный въ личномъ опытѣ, вызываетъ двигательную реакцію (воздѣйствіе), реагируя (или воздѣйствуя) на впечатлѣнія отъ него, воспринимать которыя приспособлены чувства личности; личность воспроизводитъ формы и вещества внѣшняго міра, воспроизводитъ міръ,

насколько она испытала и поняла его. Когда всё эти двигательныя реакціи, какъ непосредственныя, такъ и представляемыя, устранены сполна, когда ни они сами, ни интуиціи ихъ уже не имѣютъ мѣста въ высшихъ центрахъ, тогда сознаніе вѣшняго міра необходимо прекращается. Посредствомъ монотоннаго продолженія одного какого-нибудь сорта чувственного впечатлѣнія, напримеръ, посредствомъ непрерывнаго смотрѣнія или слушанія, личность можетъ замѣчательно привести себя въ такое состояніе полного двигательнаго покоя, что сознаніе становится смутнымъ, сбивчивымъ и даже прекращается. Пусть кто-нибудь въ состояніи тѣлеснаго комфорта лежитъ совершенно тихо въ постели, въ совершенно незатруднительной и легкой позѣ, не совершая никакого мышечнаго напряженія, онъ не будетъ сознать положенія своихъ членовъ и тѣла, не будетъ даже сознать, прикасается-ли одинъ членъ къ другому, или нѣтъ; онъ не только не сознаетъ своего положенія, но и не сознаетъ какихъ бы то ни было чувственныхъ впечатлѣній (?). Такъ какъ каждое чувственное впечатлѣніе требуетъ соотвѣтственнаго двигательнаго приспособленія, то было бы невозможно, безъ такой должной мускульной реакціи, ни видѣть предметъ, ни слышать звукъ, ни обонять запахъ, ни чувствовать прикосновенія; двигательный элементъ есть существенная часть воспріятія. Диссоціація (разобщеніе) чувствительнаго полюса какого-либо нервнаго пути отъ его двигательнаго полюса и отъ всякаго другого двигательнаго полюса, было бы уничтоженіемъ его чувствительности. Вѣроятно, ребенокъ, пока онъ не можетъ двигаться, совершенно не можетъ чувствовать.

Грезы не суть мысли, но отсутствіе мысли. Поселянинъ, задумавшійся во время отдыха, кажется глубоко погруженнымъ въ размышленія, но въ дѣйствительности онъ иногда вовсе не думаетъ въ это время; онъ весьма близокъ къ безсознательному состоянію, а потому можетъ

провести въ такомъ состояніи задумчивости какое угодно время, безъ утомленія. Его двигательный покой оканчивается грезой, дремотой, смутная сознательность которой близка къ бессознательности и легко въ нее переходитъ. Чтеніе неинтересной книги производитъ дремоту, а чтеніе какой бы то ни было книги, въ человѣкѣ, не привыкшемъ къ чтенію или утомленномъ предъидущею мускульною работой, скоро вызываетъ сонъ.

Его вниманіе ослабѣло, говоримъ мы; другими словами, онъ не можетъ совершать точныхъ двигательныхъ приспособленій, такъ, чтобы тщательно объяснять себѣ, или опредѣленно схватывать слова и реализовать для себя ихъ смыслъ. Различные способы вызванія сна имѣютъ ту же самую цѣль и служатъ примѣрами того же принципа: ихъ цѣль, прежде всего, ограничить площадь мозговой дѣятельности такъ, чтобы большая часть этой дѣятельности прекратилась; во-вторыхъ, сдѣлать и эту еще продолжающуюся дѣятельность настолько монотонною, насколько это возможно, пока двигательныя истолкованія повторяющихся впечатлѣній прекратятся. Такъ бываетъ при усталости и при нахожденіи въ крайне сильномъ холодѣ: коченѣющіе и оупѣлые нервные центры заявляютъ о своей негодности посредствомъ крайней неспособности къ дальнѣйшимъ усиліямъ и слѣдующаго за этимъ непреодолимаго стремленія человѣка прилечь, причемъ, если это послѣдуетъ, то наступаетъ мгновенный и обыкновенно роковой сонъ. Неспособность двигаться ни шагу дальше и неожиданное наступленіе бессознательности наступаютъ вмѣстѣ.

Когда мы входимъ въ комнату, намъ кажется, что мы однимъ взглядомъ сразу видимъ различные бросающіеся въ глаза предметы, находящіеся въ ней. Въ дѣйствительности это не такъ; мы ихъ видимъ, благодаря быстрой послѣдовательности взгляда, совершенно не сознавая о быстрыхъ движеніяхъ глаза, которымъ охватывается каж-

дый предметъ. Если бы глазъ уставить неподвижно на одной точкѣ,—сдѣлать это трудно, но можно путемъ упражненія,—«вся сцена темнѣла бы постепенно болѣе и болѣе и, наконецъ, совершенно бы исчезла *)». Предметы сперва казались-бы смутными, а потомъ, если почти непреодолимое стремленіе глаза двигаться было бы успѣшно преодолено, предметы исчезли бы совсѣмъ. Балль объясняетъ это явленіе утомленіемъ сѣтчатой оболочки глаза. Справедливо-ли это, или, во всякомъ случаѣ, вся-ли причина въ этомъ? Просто-ли это происходитъ отъ того, что она истощена, или это происходитъ отъ того, что сознаніе терпитъ ущербъ и прекращается пропорціонально тому, какъ одно какое-либо впечатлѣніе отрѣзывается отъ всѣхъ своихъ ассоціацій, чувствительныхъ и двигательныхъ? Чрезвычайно быстрая игра крайне утонченныхъ движеній глаза, посредствомъ которыхъ мы получали сознаніе о различныхъ предметахъ въ комнатѣ, такъ, какъ будто мы увидѣли всѣ ихъ однимъ взглядомъ, можетъ помочь намъ понять возможность еще болѣе быстрыхъ переходовъ игры между нервными путями въ мозгу, которыя и-суть наглядныя условія сознанія: движенія эти имѣютъ такую блистательную быстроту, что, вѣроятно, ихъ можно сравнить съ безконечно измѣнчивою и быстрою игрой солнечнаго свѣта на морскихъ волнахъ.

Повсюду окружающіе предметы производятъ на насъ впечатлѣнія; о многихъ изъ этихъ впечатлѣній мы ничего не знаемъ, но мы производимъ нѣкоторый мышечный (мускульный) тонусъ или напряженіе, соотвѣтственный этимъ впечатлѣніямъ, даже тогда, когда совершенно не движемся явно; если бы мы совершенно перестали реагировать подобнымъ образомъ, мы сдѣлались бы абсолютно безсознательны, и мы никогда бы не стали безсознательными до степени сна (который не всегда представляетъ абсо-

*) Sir Charles Bell, «The Hand».

лютную нечувствительность), если бы не переставали реагировать на наибольшую часть этих впечатлѣній. Вдругъ наступающая глухота на одно ухо причиняетъ большую неувѣренность въ положеніи и движеніяхъ, а иногда настоящее головокруженіе; мгновенно наступающее онѣмѣніе какой-либо части тѣла, даже одного только пальца, производитъ временное странное замѣшательство и чувство неполноты самочувствія, сопровождаемое затрудненіемъ реализовать свою личность и ея отношенія, потому что отрѣзана часть нашего привычнаго, хотя и бессознательнаго, охвата окружающей среды; крайне возбужденное движеніе души (эмоція) дѣлаетъ человѣка совершенно неспособнымъ схватывать внѣшніе предметы, заставляя его путаться между предметами и вещами, какъ во снѣ, потому что внутреннее волненіе дѣлаетъ невозможнымъ привычныя двигательныя приспособленія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы имѣемъ функціональное разъединеніе (дизинтеграцію) нервныхъ сѣтей (patterns), образовавшихся для привычныхъ воспріятій и дѣйствій. Когда привычныя отношенія съ «не-я» прерваны, «я» искажено и неполно.

III.

По всей вѣроятности, тѣ же самые нервные пути мозга, которые дѣйствуютъ въ совершеніи какого-либо воспріятія, служатъ и для запоминанія этого воспріятія; поэтому, когда есть сознаніе, оно есть сознаніе одного и того же рода. Воскресить въ себѣ сознаніе чего-либо, это значитъ неизбежно повторить болѣе или менѣе сильно первоначальное отправленіе, — поэтому мы не можемъ вспомнить какого-либо воспріятія, не включая и воспоминанія о двигательномъ элементѣ, входившемъ въ первоначальный его составъ. Гораздо легче воспроизвести рефлексивный опытъ воспріятія зрительнаго или слуховаго, и такимъ образомъ понять въ памяти то, что мы уже испытывали, чѣмъ вспомнить ощущенія обонянія или вкуса: двигатель-

ныя приспособленія, сопровождающія эти послѣдніе опыты, не выработаны въ человѣкѣ (совсѣмъ другое у нѣкоторыхъ животныхъ) опредѣленно и прочно, а потому не входятъ въ его умственное строеніе, какъ приспособленія слуховыя и зрительныя, или потому, что они необходимы человѣку, или отъ того, что они ближе къ жизни органической и неспособны къ культивированію. Но какова бы ни была причина, результатъ тотъ, что они не имѣютъ значенія для образованія концепцій (понятій): мы не можемъ вспомнить запаха или вкуса въ томъ реальномъ видѣ, въ какомъ мы вспоминаемъ то, что мы видѣли; мы можемъ вспомнить, что имѣли такой опытъ, но мы должны пустить въ ходъ дѣятельности другихъ чувствъ, особенно зрѣнія, когда мы пытаемся представить запахъ или вкусъ, т.-е. воспроизвести ихъ въ сознаніи; но даже и въ этомъ случаѣ мы не можемъ получить живого опредѣленнаго результата при однихъ чувствахъ обонянія и вкуса. Съ тѣмъ малымъ развитіемъ ихъ, какое есть у насъ, мы едва-ли знали бы, что существуетъ внѣшній міръ.

Когда кто-нибудь говоритъ съ нами разумно одну минуту и затѣмъ уходитъ, мы можемъ вспомнить мысленно, что онъ сказалъ; связь его мыслей слѣдуетъ по установившемуся и для нашей мысли порядку и потому легко нами воспроизводится: соответствующія нервно-мозговые сплетенія совершаютъ тѣ же отправленія, если образуемыя ими сѣти тѣ же самыя. Но послушайте въ теченіи минуты вполне безсвязную рѣчь бредящаго лунатика, и вамъ будетъ крайне трудно тотчасъ же послѣ этого вызвать въ умѣ то, что онъ сказалъ. Почему? Потому что крайне невозможно воспроизвести и повторить въ нашемъ мозгу, съ его опредѣленно организованными нервно-мозговыми сѣтями (patterns), быстрое слѣдованіе беспорядочныхъ идей въ ихъ беспорядочномъ слѣдованіи, какъ оно происходитъ въ его мозгу, т.-е. невозможно вос-помнить ихъ (re-col-

lecte): цѣпи ассоціаціи, не будутъ способны сдѣлать это, потому что воспроизведеніе несвязности есть разъединеніе (дизинтеграція) этихъ организованныхъ цѣпей, а потому несовмѣстимо съ ихъ вспомогательнымъ дѣйствіемъ.

Его безумный вихрь словъ произвелъ въ насъ на время сознаніе себя, но мы не можемъ воспроизвести этого сознанія болѣе того, какъ мы воспроизводимъ сложный сонъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ онъ прошелъ, или какъ мы вспоминаемъ боль. Многие думаютъ, что они могутъ вспомнить боль, потому что могутъ вспомнить историческій фактъ, что она у нихъ была; но вспомнить ее реально, воскресить боль, какъ она чувствовалась, для этого было бы необходимо въ большей или меньшей степени воспроизвести то разстройство (дезорганизацію), которое было условіемъ боли т.-е. на самомъ дѣлѣ опять имѣть боль.

Каждый знаетъ, что когда мы были намѣрены совершить какое-нибудь дѣйствіе, какъ бы оно ни было ничтожно, и забыли его сдѣлать, мы чувствуемъ смутное душевное безпокойство или неловкость, родъ тревожнаго чувства недостатка, которое тотчасъ облегчается, когда мы вспомнимъ, что именно мы собирались сдѣлать. Въ этомъ случаѣ должна происходить соотвѣтственная душевная дѣятельность ниже уровня сознанія, подъ-сознательное или ниже-сознательное колебаніе, которое производитъ чувство смутной неловкости, ибо кажется невозможнымъ, чтобы могло быть какое-либо такое чувство, а не было нѣкотораго рода движенія. Движеніе здѣсь, вѣроятно, есть, но не въ такой степени дѣятельное, чтобы пробудить сознаніе, чтобы сдѣлать возбужденіе (индукцію) дѣятельности въ соотвѣтственныхъ частяхъ. Что мы дѣлаемъ въ такихъ случаяхъ, чтобы припомнить? Какимъ образомъ мы заставляемъ это подъ-сознаніе подняться до сознанія? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, возбудить (индуцировать) требуемое сочетаніе энергій (synergy) и содѣлать-

ностей частей? Теперь хорошо извѣстенъ законъ ассоціаціи, по которому тѣ состоянія, которыя нѣкогда случились вмѣстѣ или слѣдовали непосредственно другъ за другомъ, склонны опять случаться вмѣстѣ или слѣдовать другъ за другомъ непосредственно. Согласно этому принципу, мы находимъ самый подходящий путь для воспоминанія о забытомъ намѣреніи въ томъ, что идемъ мысленно назадъ къ какому-либо дѣйствию, хотя прямо и не имѣющему отношенія, но которое мы дѣлали въ то время, когда забытое намѣреніе пришло намъ на мысль,—или то дѣйствіе, которое существовало совмѣстно съ этимъ намѣреніемъ, или непосредственно ему предшествовало, или слѣдовало за нимъ. Повторивъ дѣйствіе или вообразивъ его повтореніе, мы иногда мгновенно вызываемъ въ сознаниі забытое намѣреніе. Это не отъ того, что подъ-сознательное волненіе просто поднялось до высоты сознательной вибраціи, нѣтъ, это значитъ, что оно приведено въ отношеніе съ постоянною дѣятельностью, отчего оно и становится сознательнымъ и увеличило свою собственную дѣятельность: возбудивъ постоянную дѣятельность, мы привели подъ-сознательное колебаніе потеряннаго намѣренія въ отношеніе съ этою постоянною дѣятельностью и вызвавъ быстрое чередованіе рефлексій (отраженій или разсѣяній энергіи, см. выше), мы, такъ сказать, отодвинули помѣху и помогли соединенію путей.

Въ этомъ процессѣ воспоминанія вовсе не сознание является дѣйствующимъ лицомъ, отправляющимъ отыскивать и находящимъ потерянное намѣреніе или случай, на подобіе какого-то какъ бы освѣщенія, спускающагося отъ одной къ другой темной ступени или камеры нашей памяти, пока не отыщется то, что потеряно. Нѣтъ ни малѣйшей возможности въ такомъ направленіи сознанія къ частнымъ вмѣстилищамъ мозга или души, такъ какъ сознаніе не возникаетъ, пока потерянный случай не найденъ; что оно совпадаетъ съ его возбужденіемъ или мгновенно

слѣдуетъ за нимъ—не есть случайность, а воспоминаніе. Безсмысленно сказать о сознательно желаемомъ или требующемся, что оно забыто, т. е. пока мы не сознаемъ, что оно такое, что мы желаемъ и требуемъ,—сознаніе является только тогда, когда оно уже не забыто. Въ дѣйствительности, вся работа совершена соотвѣтственнымъ механизмомъ душевной организаціи, и психологически механично¹⁾. Наблюденіе присоединяется къ теоріи для доказательства этого. Когда кто-нибудь выучилъ отрывокъ стихотворенія на память, такъ что можетъ повторить его съ величайшею легкостью, разъ онъ началъ съ соотвѣтственнаго мѣста, то повтореніе автоматически; онъ можетъ повторять его мысленно или вслухъ, не думая о смыслѣ словъ; если же онъ забылъ въ немъ слово или строку, онъ послѣдовательнымъ путемъ вспоминаетъ потерянное слово или строку, не думая, что они такое, не заставляя намѣренно сознаніе открыть это; а просто повторяя слова или строки, идущія впереди забытаго мѣста, думая въ это время совсѣмъ о другомъ и во всякомъ случаѣ не думая о томъ, чего не помнить. Процессъ совершенно различенъ съ тѣмъ, когда мы стараемся вспомнить стихотвореніе, которое не было заучено наизусть, и когда мы должны думать и пытаться

¹⁾ Намъ кажется, что знаменитый психологъ въ этомъ случаѣ чрезмерно увлекается одною стороною дѣла: несомнѣнно, что самый процессъ припоминанія состоитъ въ томъ, что мы направляемъ свой умственный взоръ назадъ по различнымъ путямъ ассоціацій, совершенно подобно тому, какъ ищутъ въ лѣсу потеряннаго ребенка, т. е. дойдя до мѣста, гдѣ помнятъ, что онъ еще шелъ съ большими, ватѣмъ отъ этого мѣста расходятся по всѣмъ дорогамъ. Но кто же идетъ въ мозгу по этимъ дорогамъ ассоціацій? Нашъ умственный взоръ? Но что онъ такое? Онъ и есть сознаніе, т. е. мы постепенно выводимъ въ сознаніе одну цѣпь ассоціацій, потомъ другую, потомъ третью, пока, наконецъ, иногда очень скоро, что-то подскажетъ намъ или точно освѣтитъ, что вотъ оно: то обстоятельство, которое мы ищемъ. Что же или кто же это подсказываетъ? Почему мы знаемъ, что вспомнили именно то обстоятельство, которое искали? Очевидно, процессъ гораздо болѣе сложенъ, онъ осложняется тѣмъ, что мы узнаемъ сразу, что нашли именно то, что искали. А какъ мы это узнаемъ—это едва-ли объяснимо однимъ механическимъ процессомъ ассоціацій. Тутъ входитъ вопросъ о памяти, о сущности памяти и ея отношеніи къ сознанію. Приведенный ниже примѣръ къ этому вопросу не относится.

возбуждать всѣ ряды соотносящихся дѣятельностей; первое быстро, мгновенно и не зависитъ отъ воли (*spontaneous*), тогда какъ второе медленно, соединено съ трудомъ и произвольно. Въ сложной или безсознательной памяти существуетъ совершенно нѣчто въ родѣ регистраціи, отмѣчанія, или частный улучшенный нервный механизмъ, отвѣчающій въ порядкѣ словъ, и способный приводиться въ дѣйствіе безъ всякой мысли о нихъ. Чтобы понять ихъ смыслъ,—если въ этомъ состоитъ наша цѣль,—необходимо пустить его въ ходъ болѣе медленно, съ повтореніемъ, и доводить каждое слово до отчетливой сознательности, реализируя отношенія или ассоціаціи той идеи, которую это слово обозначаетъ, то-есть, возбуждая соотвѣтственные дѣятельности, которыя, узнаваясь со-вмѣстно, производятъ со-знаніе. Теперь очевидно, что вмѣшательство процесса этого сорта должно интерферировать и мѣшать механическому повторенію словъ; ибо оно должно возбуждать другія дѣятельности, которыя ему не нужны и которыя поэтому являются препятствующими. Добавочное доказательство этому мы имѣемъ въ томъ фактѣ, что нѣсколько строкъ чуждаго и непонятнаго языка, если они въ дѣтствѣ хорошо запечатлѣлись въ мозгу, могутъ быть повторены, разъ они воскресаютъ въ душѣ въ какое-либо время жизни, и съ такою же легкостью и точностью, какъ и слова языка извѣстнаго, которыя были подобнымъ же образомъ ввѣрены памяти; чрезвычайное воскресаніе и произнесеніе забытыхъ стиховъ иногда обнаруживается также въ маніи и другихъ ненормальныхъ состояніяхъ мозга.

Предъидущія соображенія должны доказать, что въ непрерывности и энергіи, существующихъ во всей природѣ, сознательность не участвуетъ; что сознаніе не есть сама энергія, а только спутникъ дѣятельной энергіи. Цѣлая работа душевнаго отправленія можетъ, какъ работа, происходить безъ сознанія, совершенно такъ же, какъ часовой механизмъ можетъ дѣйствовать безъ стрѣлки, показывающей

часы. Сознаніе есть, повидимому, необходимый спутникъ процесса работы душевной организаціи, а не та самая энергія, которая производитъ эту работу. Къ несчастію, обыкновенный языкъ принимаетъ его за родъ высшей энергіи и, такимъ образомъ, обыкновенно извращаетъ смыслъ объ немъ. Когда кто-нибудь нечаянно прикасается къ раскаленной до красна кочергѣ рукой и мгновенно отдергиваетъ обожженную часть, конечно, прежде, чѣмъ онъ могъ подумать или пожелать этого быстрого отдергиванія, мы обыкновенно говоримъ, что чувство боли заставило его это сдѣлать, т.-е., что дѣйствіе его было чувствительно-двигательное (сензоромоторное). Такъ какъ боль есть сознаніе, или, какъ мы неточно говоримъ, возбужденіе сознанія, то сказать такъ, значитъ сказать, что сознаніе вызываетъ движеніе,—само есть энергія. Мы рѣшили, что оно не есть энергія. Движеніе есть работа физическаго механизма въ отвѣтъ на специальное дезорганизирующее возбужденіе его, или физическая реакція специальной структуры на физическое впечатлѣніе, произведенное на нее; врожденная способность къ нѣкоторымъ комбинаціямъ и послѣдовательностямъ движеній, организовавшаяся, путемъ воспитанія и упражненія,—въ опредѣленный мѣрный механизмъ. Младенецъ можетъ не отдернуть руки, хотя бы онъ чувствовалъ боль. Онъ можетъ, обжегшись, надавливать даже на горячую кочергу, потому что у него нѣтъ для этого необходимаго, развитаго воспитаніемъ, органическаго механизма. Точно такъ же и лицо замертво пьяное: у него потеряна способная реакція, которая теряется вмѣстѣ съ потерей чувствительности ²⁾. Нужное самозащи-

²⁾ Человѣкъ пьяный, но не совершенно замертво, могъ бы сдѣлать это автоматически, если бы не могъ сдѣлать произвольно, потому что его низшіе нервные пути могутъ остаться способными къ отправленію, когда высшіе пути уже парализованы алкоголическимъ ядомъ. Мы иногда наблюдаемъ замѣчательную иллюстрацію того же рода, когда человѣкъ, находясь подъ наркозомъ, кричитъ и корчится такъ, какъ будто бы онъ страдаетъ отъ самой ужасной боли, но послѣ операціи ничего не помнитъ о ней и объявляетъ

тительное движеніе совершается потому, что впечатлѣніе вредно для организма, враждебно его жизни, а страданіе есть родъ вопля объ опасности и спутникъ способности и импульса подобрать и привести мгновенно въ дѣйствіе надлежащее отправленіе, удаляющее вредъ, что сдѣлалось автоматическимъ. Но то же самое движеніе если оно правильно возбуждено, можетъ совершиться безъ сознанія; если бы экспериментаторъ-физиологъ былъ способенъ подобрать и пустить въ ходъ соотвѣтственные нервные пути, служащіе для возбужденія стимула и отвѣтнаго движенія (это при утонченности и сложности нервной системы невозможно для него механически), онъ могъ бы произвести то же самое дѣйствіе въ человѣкѣ, не сознающемъ никакой боли. Такимъ образомъ, боль не имѣетъ никакого участія въ дѣйствительномъ кругѣ сдѣланной работы и не есть причина или энергія, а есть только необходимый спутникъ ея.

Предположимъ теперь, что человѣкъ совершаетъ то же самое дѣйствіе—прикасается къ кочергѣ, но не горячей, и мгновенно отдергиваетъ руку, какъ будто кочерга накалиена. Несомнѣнно, что такъ какъ движенія его имѣютъ совершенно ту же послѣдовательность при этомъ подражаніи, какую они имѣли при настоящемъ обжогѣ, то въ дѣйствіе входятъ и тѣ же самые нервные механизмы. Но какое нужно добавленіе, чтобы все это продѣлать? Не добавленіе какого-то абстрактнаго сознанія и воли, ибо боль въ первомъ случаѣ (въ настоящемъ обжогѣ) была сознаніемъ,—нужно, стало быть, добавленіе какого-то другого высшаго рода сознанія и энергіи. Но чѣмъ же можетъ быть это добавленіе, какъ ни добавленіемъ способствующихъ дѣйствій другихъ нервныхъ путей и ихъ взаимно-дѣйствіе или сообщеніе съ нервнымъ путемъ, служащимъ

что не чувствовалъ никакого страданія. Его высшіе нервные пути были парализованы хлороформомъ, но дѣйствіе этого яда не распространилось такъ глубоко, чтобы могло парализовать низшіе пути.

такъ называемому сензоро-рефлекторному движенію. Если первое движеніе не достигло своего мгновеннаго самосохранительнаго результата (что и можетъ легко случиться, если этотъ результатъ не былъ достигнутъ ранѣе, чѣмъ разрушительное дѣйствіе жара кочерги на кожу, обозначившееся болью, зашло уже очень далеко), то дополнительное отправленіе этихъ другихъ нервныхъ путей во всякомъ случаѣ было бы пущено въ ходъ. Если человѣкъ мгновенно не ускользнулъ отъ ужасной боли посредствомъ должныхъ сензоро - рефлекторныхъ движеній, эти цѣлесообразныя движенія дезорганизуются и практически парализуются, и человѣкъ непосредственно начинаетъ дѣлать самыя энергическія произвольныя движенія, чтобы удалиться отъ боли. Если бы она наступила, то всѣ его движенія становятся дезорганизованными, хотя и намѣренными, но беспорядочными, конвульсивными, а иногда парализуются такимъ же образомъ, какъ сильный паническій страхъ парализуетъ ихъ мгновенно у нѣкоторыхъ лицъ.

Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ много данныхъ для сужденія о вѣроятныхъ условіяхъ сознанія. Выводъ тотъ, что сознаніе не есть часть какой-либо дѣйствительной энергіи природы, но спутникъ нѣкоторыхъ сочетаній или быстрыхъ смѣнъ энергій матеріи въ сложномъ состояніи нервной организаціи, спутникъ исчезающій, когда эти энергіи организованы въ такія совершенныя, упроченныя содѣйствія, что дѣйствуютъ какъ единое, вновь появляясь опять, когда сьорганизованныя вмѣстѣ сплетенія или оформившіяся сѣти разъединяются (дезинтегрируются). Естественный порядокъ восходящаго душевнаго развитія отъ простаго и конкретнаго, черезъ общее, къ еще болѣе общимъ идеямъ, а отъ идей къ еще болѣе отвлеченнымъ идеямъ, есть прогрессивная соорганизація этихъ интегрированныхъ (сочетанныхъ) системъ въ каждой восходящей лѣстницѣ, пока не достигнуто идеальное единство верхов-

наго пункта или воли, въ которыхъ всё элементы имѣютъ своихъ отвлеченныхъ представителей въ одномъ, и это одно дѣйствуетъ черезъ всѣхъ. Если бы и это единство было совершенное, полное, не было бы сознанія; сознаніе сопутствуетъ его несовершенствамъ и его нарушеніямъ (дезинтеграціямъ).

IV.

Различные и долгое время казавшіяся странными состоянія ненормальнаго сознанія, сопровождавшія нѣкоторыя производныя и болѣзненныя состоянія нервной системы, показали, какъ не основательны метафизическія теоріи сознанія. И все это только потому, что такіе примѣры, записанные за много лѣтъ назадъ, упорно игнорировались лицами, считавшимися воздѣлывателями такъ называемой душевной философіи, были совершенно незамѣчаемы, или отвергались, какъ болѣзненные факты, которые не могутъ найти себѣ соотвѣтствующаго мѣста въ тѣхъ предѣлахъ, которые способны освѣщать ихъ гордыя философскія фабрики ¹⁾. Какъ предметъ наблюденія, сознаніе, очевидно способно ко всякаго рода разъединеніямъ (дезинтеграціямъ), искаженіямъ, раздѣленіямъ; извращенія такъ многочисленны и разнообразны по роду и степенямъ, что доказываютъ, насколько сознательное его (я) не имѣетъ дѣйствительнаго тождества и единства, и что не было бы никакой гарантіи тождества личности, если бы дѣло заключалось въ единствѣ одного только сознанія. Въ измѣняющихся и противоположныхъ фазисахъ той разновидности душевнаго разстройства, которое французскіе авторы называютъ *folie circulaire*, личность также не похожа на самую себя, ни мышленіемъ, ни чувствами, ни поведеніемъ, какъ двѣ личности съ различными характерами; тутъ нѣтъ непрерывности сознанія между однимъ состоя-

¹⁾ Она описывались и обсуждались Комбомъ, Мойо, Виганомъ и писателями о душевныхъ болѣзняхъ, какъ примѣры двойственной личности, двойнаго сознанія и т. д.

ніемъ и другимъ, а существуетъ полный разрывъ и преобразование каждаго изъ нихъ. О такъ называемыхъ mesmerизованныхъ или загипнотизированныхъ личностяхъ подъ господствующимъ надъ ними внушеніемъ (вліяніемъ) гипнотизатора невозможно сказать—сознательны ли онѣ или нѣтъ: онѣ не абсолютно безсознательны, такъ какъ онѣ слышатъ и дѣлаютъ то, что гипнотизаторъ приказываетъ имъ, но только онѣ, очевидно, теряютъ обладаніе своимъ «я» и внѣшнимъ міромъ, и имѣютъ сознаніе только о томъ «я», которое находится во владѣніи и управленіи гипнотизатора, сознаютъ вещи, относительно которыхъ ихъ исполнительные механизмы направляются также операторомъ. Такъ, иногда можно произвести надъ ними очень тяжелую хирургическую операцію, боли отъ которой они не будутъ чувствовать, ограничивъ ихъ сознаніе локально извѣстными нервными путями, которые избираетъ операторъ. Единство такихъ субъектовъ, какъ полныхъ сознательныхъ индивидуумовъ, разложено и нарушено.

Есть общеизвѣстные душевно-больные, умственноестройство которыхъ является частичнымъ, иногда ограниченнымъ лишь однимъ извѣстнымъ классомъ отношеній; въ то время, какъ ихъ самосохраненіе и поведеніе совершенно разумно по отношенію большей части предметовъ, такъ что никто и не замѣтилъ бы никакого расстройства, тѣмъ не менѣе, есть частныя отношенія, которыя разстроены, и будучи приведены въ дѣйствіе, обнаруживаютъ болѣзнь ихъ души. Поэтому, постоянно можетъ случиться неожиданность встрѣтить душевно-больного тамъ, гдѣ казался вообще здравый и умный человѣкъ. Но какая же причина порождаетъ такую неожиданность? Очевидно, что больные или поврежденные пути недѣятельны въ теченіи разумной фазы существованія такого лица, ихъ отправления спать, а въ моментъ, когда они пробуждаются къ дѣятельности, слышится несогласная нота, и музыка души

запутывается. Обстоятельство удивительное не болѣе того, какъ и разстройство музыкальнаго инструмента, одна струна котораго повреждена: если бы на немъ играть пьесу, въ которой не нужно употреблять разстроенную струну, то разстройства не было бы и никто даже не подозрѣвалъ бы, что инструментъ разстроенъ; но когда необходимо пустить въ дѣло и разстроенную струну, вдругъ поврежденіе дѣлается явнымъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ больные субъекты не знаютъ сами о разстройствѣ своего тождества (цѣлостности); но есть много случаевъ начинающихся душевныхъ разстройствъ, въ которыхъ больной истощаетъ всѣ способы рѣчи, въ болтливыхъ попыткахъ выразить свое невыразимое чувство спутаннаго или потеряннаго «я», чтобы сдѣлать эту мучительную спутанность, чувствуемую имъ, понятною другимъ. Однако, они, въ концѣ концовъ, не будучи способны этого понять, принимаютъ его слова за смутное выраженіе страданія, которое, вѣроятно, кажется имъ неосновательнымъ и преувеличеннымъ; они могутъ даже назвать его «ипохондрическимъ» и пройти мимо, если ихъ не предупредитъ лицо, умѣющее терпѣливо различать признаки. Прямые и явные доказательства того, что сознаніе раздѣлено, что единство индивидуальнаго «я» нарушено и потеряно, — они неспособны уяснить себѣ, ибо ихъ собственное сознаніе полно и они смотрятъ предубѣжденно, благодаря прихологическому предположенію, что сознаніе — едино и недѣлимо, не подчинено условіямъ пространства и времени, и т. п.

Странная, удивительная несостоятельность человѣческой мысли, что мы упорно говоримъ о непрерывности сознанія, когда истина въ томъ, что сознательное состояніе не непрерывно, но преходяще. Существуетъ множество цѣпей или послѣдовательностей мысли, какъ мы уже сказали, но нѣтъ даже ничтожнаго доказательства объ отвлеченномъ сознаніи, сохраняющемся между этими послѣдовательностями; на это мы, въ самомъ дѣлѣ, имѣ-

емъ доказательствъ не больше, чѣмъ на то, что есть отвлеченный курьерскій поѣздъ, сохраняющій непрерывность между множествомъ курьерскихъ поѣздовъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ по той же линіи. Кромѣ того, быстрота, съ которою цѣпь мыслей проходитъ въ душѣ, крайне различна у разныхъ лицъ, и даже въ одномъ и томъ же лицѣ въ разное время — различно, напр., въ юности и въ старости, при здоровьи и болѣзни, въ живомъ и медленномъ темпераментѣ. Въ томъ воспаленномъ состояніи мысли и чувства, которое часто предшествуетъ припадку острой маніи и придаетъ преходящій внѣшній видъ чрезвычайнаго умственного блеска, цѣпи мыслей слѣдуютъ одни за другими съ крайнею быстротой. При старческомъ ослабленіи мозга, онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ медленно. Старики замѣчательно медленно понимаютъ, думаютъ и выражаютъ свои мысли. Во всякомъ случаѣ, мѣра быстроты есть мѣра продолжительности сознанія, которое можетъ, слѣдовательно, быть измѣряемою функціей, когда мы достигнемъ, — если достигнемъ когда-нибудь, — достаточно утонченныхъ способовъ производить требующіяся для этого точныя измѣренія.

Сколько риторическаго краснорѣчія было потеряно въ разные времена на выраженіе быстроты мысли! Она-де можетъ во мгновеніе ока перелетать изъ Камчатки въ Перу, отъ домашняго очага до отдаленной звѣзды. На самомъ дѣлѣ, если бы мысль сдѣлала когда-нибудь такое путешествіе, она сдѣлала бы его гораздо медленнѣе, чѣмъ свѣтъ. Но она никогда ничего подобнаго и не дѣлаетъ: она переходитъ лишь съ одного нервнаго пути въ мозгу на другой, лежащій, быть можетъ, такъ близко, что не-обходимъ микроскопъ, чтобы доказать, что эти пути различны; и скорость, уловимая даже при такихъ микроскопическихъ разстояніяхъ, различается у разныхъ лицъ. Міръ, съ которымъ имѣетъ дѣло каждое отдѣльное сознаніе, есть тотъ міръ, который организовался и отмѣтился

въ данномъ мозгу путемъ опыта; такимъ образомъ, путешествія, которыя дѣлаетъ мысль, суть не болѣе, какъ микроскопическіе представители макроскопическихъ разстояній.

Разсмотримъ кратко поразительныя явленія потери памяти, въ такъ называемомъ старческомъ слабоуміи, т. е. въ крайнемъ душевномъ ослабленіи, которое иногда наступаетъ или постепенно въ старческомъ возрастѣ, или является вдругъ, послѣ припадка апоплексіи. Лицо, пораженное этимъ состояніемъ, говоритъ однѣ и тѣ же вещи или рассказываетъ однѣ и тѣ же исторіи своей прошедшей жизни много разъ, совершенно забывая вдругъ всѣ новые случаи, и совершенно не помня, что оно только что рассказывало свою исторію, т.-е. при каждомъ обстоятельстве повторяя ее вновь и вновь. Тѣ же самые нервные пути дѣйствуютъ при этомъ каждый разъ, но нѣтъ сознательной регистраціи ихъ предъидущихъ отправленій. Невозможно сказать, что здѣсь нѣтъ памяти, видя, что исторія вспоминается и рассказывается тѣми же словами, но здѣсь нѣтъ памяти о предъидущемъ такомъ же рассказѣ. Самыя раннія и устойчиво организованная нервная сплетенія остаются еще способными къ отправленіямъ, между тѣмъ, сплетенія, организовавшіяся позднѣе, т.-е. соответствующія болѣе позднимъ случаямъ теперешней жизни, сдѣлались неспособными къ отправленіямъ, вслѣдствіе паденія питанія и обезсилія мозга; въ результатъ получается, что нѣтъ возможности связать функціи или отправленія прежнія съ какимъ-нибудь позднѣйшимъ отправленіемъ, а отсюда нѣтъ и памяти повтореній прежняго. Если способность познавать ихъ совместно, т.-е. сознаніе, падаетъ, то нѣтъ возможности воспроизвести ихъ въ формѣ памяти.

Религіозные фанатики Индіи, которые добровольно подвергаютъ себя медленнымъ физическимъ страданіямъ, или причиняютъ себѣ сами ужасныя поврежденія, кажется, дохо-

дять до такой степени изступленія отъ энтузіазма, что не чувствуютъ, или почти не чувствуютъ тѣхъ пытокъ, которыя, казалось бы, они должны были чувствовать. Ясно, что сознательность не имѣетъ у нихъ полной свободы отравленія, иначе оно бы сопровождало впечатлѣніе пытки: оно находится подъ дѣйствіемъ физической задержки, будучи прочно связано съ тѣмъ слоемъ или путемъ, который охваченъ преувеличенною нервною дѣятельностью. Это—настоящая психолепсія или невролепсія, причемъ условіемъ и результатомъ такого психолептического напряженія будетъ возбужденіе такого молекулярнаго (частичнаго) состоянія, которое дѣлаетъ проводимость невозможною. Отсюда, не участвующія въ этомъ возбужденіи нервные пути или области—или весьма близки, къ бессознательности или совершенно неспособны къ сознанию, хотя вовсе не одинаково неспособны ко всякимъ отправленіямъ. И вотъ, оказывается, что быть поглощеннымъ исключительно однимъ ощущеніемъ или мыслью, значитъ—быть бессознательнымъ. Но въ данномъ случаѣ такая исключительность, вѣроятно, не полна. Такое сознание, насколько оно существуетъ, есть, быть можетъ, что-то въ родѣ того состоянія, когда, во время театральнаго пожара, человѣкъ, въ состояніи паники, фанатически стремится къ дверямъ, и въ этомъ дикомъ ужасѣ претерпѣваетъ самъ или причиняетъ другимъ поврежденія, не зная и не чувствуя этого ¹⁾. Когда онъ вновь приходитъ къ самообладанію, послѣ того, какъ опасность миновала, у него остается родъ смутнаго сознанія объ одномъ или двухъ случаяхъ (или предметахъ), происходившихъ вокругъ него, но онъ

¹⁾ Произведеніе галлюцинацій посредствомъ сильнаго дѣйствія живо представившейся идеи посвятитъ этотъ же самый принципъ дѣйствія. Когда идея достигаетъ такой силы или напряженія, что воспринимается какъ вѣншній предметъ, человѣкъ уже не сознаетъ самой идеи, и часто его нельзя ни за что убѣдить, что онъ ее виѣлъ. Онъ не обладаетъ такимъ развитымъ самонаблюденіемъ, чтобы быть способнымъ подмѣтить идею моментомъ ранѣе ея преобразованія въ объективную галлюцинацію, а это иногда бываетъ.

совершенно неспособенъ дать что-нибудь въ родѣ точнаго или полнаго отчета; быть, можетъ онъ вспоминаетъ не болѣе того, что очнулся въ такомъ-то мѣстѣ, не помня рѣшительно, какъ туда попалъ.

Эти примѣры и многіе, которые можно бы было привести, доказываютъ, что частные пути душевной организаціи могутъ быть приведены въ ультра-фізіологическое, если не патологическое, дѣйствіе, въ теченіи котораго они изолируются функціонально отъ остальной организаціи, и что всѣ роды и степени странныхъ, частичныхъ, спутанныхъ и разстроенныхъ состояній сознанія соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ и распространеніямъ такой чрезвычайной дѣятельности. Вездѣ мѣстная (локализованная) дѣятельность предполагаетъ и мѣстное сознаніе. Между тѣмъ, полная изоляція (отъединеніе) частнаго пути, его исключительная дѣятельность, должны быть прекращеніемъ сознанія, его почти полная изоляція должна быть условіемъ того рода экстаза, въ который имѣли обыкновеніе впадать фанатики нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ, и въ которомъ невозможно сказать иногда — сознательны они или нѣтъ. Это-то отвлеченіе отъ такого отрицанія чего-либо опредѣленнаго они и называютъ иногда «безконечностью», и воображаютъ, что они находятся въ экстатическомъ общеніи съ нею.

Когда частный душевный путь охваченъ чрезвычайно дѣятельностью, которая, однако, не доходитъ до такой крайности, чтобы обусловить полный разрывъ проводимости съ другими путями, то замѣчается стремленіе этого частнаго пути привлечь къ себѣ vibraціи, согласныя съ нимъ, и оттолкнуть vibraціи не согласныя. Сильное и тяжелое ощущеніе или эмоція (душевное движеніе) такъ озабочиваетъ душу, что дѣлаетъ ее неспособной вести непрерывную цѣпь мыслей или совершать опредѣленно организованную послѣдовательность точныхъ цѣлесообразныхъ движеній; она привлекаетъ произвольное усиленіе сродныхъ и созвучныхъ

мыслей и отталкиваетъ, не чувствуя этого, мысли не согласныя; такимъ образомъ, она усиливаетъ и напрягаетъ свое специальное сознание, и, крайне ослабѣвая для отношеній сознанія съ неоднородными мыслями, дѣлаетъ мышленіе частнымъ и предубѣжденнымъ, т.е. разстраиваетъ сужденіе. Многія положительныя болѣзни мысли и чувства начинаются, и постоянно проявляются въ такомъ временномъ безпорядкѣ мышленія; у нихъ есть свои патологическія развитія.

Основная нота душевной болѣзни, какъ и всѣхъ заблужденій мысли и чувства, есть недостатокъ или потеря равновѣсія между индивидуумомъ и окружающею средой; это разстройство обозначаетъ упадокъ приспособленности въ «я», и часто есть врожденный недостатокъ, которымъ мы обязаны предкамъ. Сильная страсть есть короткое помѣшательство, потому что внутреннія соволненія ея, поглощая сознаніе, препятствуютъ полному и свободному мышленію и приспособленію, и выталкивая личность изъ справедливыхъ основаній (*ratio*) для отношеній къ вещамъ и другимъ личностямъ, дѣлаютъ ее неосновательною (ираціональною). Совершенно такъ, какъ чловѣкъ, потерявъ голову въ паникѣ, не можетъ сдѣлать нужнаго или соотвѣтственнаго движенія реакціи, — такъ онъ теряетъ изъ своей власти внѣшній міръ, когда возбужденъ и ошеломленъ сильною и временною эмоціей, или имъ овладѣло постоянное и преувеличенное само-сознаніе. Въ послѣднемъ случаѣ онъ говоритъ, что очень чувствителенъ, и часто приписываетъ это качество утонченному достоинству своей натуры; но достоинство — ли это, или несчастье, оно во всякомъ случаѣ есть на самомъ дѣлѣ недостатокъ способности приспособленія, а потому, въ основѣ своей, есть дефектъ (недостатокъ) его натуры — дефектъ у него естественный, а у сильной натуры, пониженной болѣзнью, случайный. — Его душевное строеніе представляетъ отвердѣвшее прошедшее, строившееся отъ

поколѣнія къ поколѣнію, чрезъ которыя просочилось ошибочное или ложное приспособленіе. Его истинная цѣль, если бы онъ хотѣлъ или могъ исправить свою природу, должна бы была состоять въ томъ, чтобы научиться разсудительно приспособляться къ окружающимъ условіямъ, или ихъ приспособлять къ себѣ, и такимъ путемъ достигнуть уже равновѣсія, въ которомъ самосознаніе можетъ ослабиться или приблизительно успокоиться. Какъ тотъ, кто находится въ состояніи совершеннаго тѣлеснаго здоровья, по большей части не сознаетъ, что у него есть тѣло, и тогда лишь сознаетъ это, когда въ его отправленіяхъ случается какое-либо поврежденіе, такъ идеаль совершеннаго состоянія душевнаго здоровья индивидуума есть такое состояніе, въ которомъ личность не сознаетъ по большей части, что она есть «я», а идеаль самаго совершеннаго душевнаго развитія человѣчества, его совершенной законченности и благополучія, есть состояніе, въ которомъ даже сознаніе исчезаетъ ¹⁾).

¹⁾ Нужно-ли говорить, что такое заключеніе знаменитаго психіатра, напоминающее нирвану Шопенгауэра, никоимъ образомъ не раздѣляется нами. Состояніе благополучія, котораго мы не сознаемъ, т.-е. не чувствуемъ, не есть состояніе благополучія для насъ, ибо если мы его не чувствуемъ, оно для насъ не существуетъ, если мы не чувствуемъ себя, если мы вообще были бы лишены сознанія, мы бы и не существовали (для себя), слѣдовательно, о благополучіи и говорить нечего. Его бы не было, какъ его нѣтъ для камня. Сказать, что величайшее благо есть отсутствіе сознанія, это сказать, что величайшее благо есть смерть и притомъ смерть абсолютная, безъ надежды и на будущую жизнь, ибо и будущая жизнь безъ сознанія есть та же смерть, а сознаніе отрицается, какъ зло вообще. Но сказать, что единственное благо есть смерть, не бытіе—есть нелѣпость, потому что мы употребляемъ здѣсь понятіе «блага», «благополучія», и въ то же время говоримъ на самомъ дѣлѣ о безсознательности, т.-е. объ отсутствіи всего, а стало быть и всякаго блага, которое, чтобы быть чувствуемымъ, требуетъ сознанія.—Подобное извращеніе «естественнаго, логическаго теченія мысли» показываетъ явно болѣзненное разстройство мысли. Если это разстройство свойственно вообще нашей эпохѣ и такимъ выдающимся умамъ, какъ Шопенгауэръ и Маудсли, то оно должно имѣть глубокія причины въ какихъ-либо общихъ условіяхъ жизни и мышленія нашей эпохи и не можетъ быть продолжительно. Объ этомъ мы еще будемъ говорить подробно.

V.

Традиціонное мнѣніе, считающее руководящею частью въ мозговыхъ отправленияхъ ту часть, которая выполняется при посредствѣ сознанія, было непреодолимымъ препятствіемъ къ вѣрному наблюденію и истолкованію того, что нервная система можетъ совершать и совершаетъ безъ всякой помощи сознанія. Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія сознанія, было невозможно видѣть и трудно понять, чтобы что-либо имѣло мѣсто внѣ его свѣта; поэтому думали, что въ дѣйствительности совершаютъ только ту работу, которую дѣлаютъ, думая, что совершаютъ ее: разумъ не считается вовсе разумомъ, если онъ не освѣщенъ сознаніемъ, хотя его работа и сдѣлана; то что сдѣлано безъ сознанія, считается за ничто передъ тѣмъ, что сдѣлано сознательно, хотя бы результаты въ дѣйствительности были тѣ же самые. Но какое же основное качество разума? Въ сущности оно состоитъ въ правильномъ чувствованіи факта и объекта и въ соотвѣтственной реакціи на него, т.-е. въ правильномъ истолкованіи или охватываніи его, причемъ это въ дальнѣйшемъ результатѣ предполагаетъ классификацію такихъ пониманій или познаваній, откуда возможно различное и послѣдовательное предвидѣніе результата изъ причины, средства изъ цѣли, для цѣлесообразнаго дѣйствія. Нѣтъ ни одного простого живого существа, которое, зная о томъ или не зная вовсе, не проявляло бы основныхъ качествъ разума, поскольку оно живетъ и движется и поддерживаетъ свое существованіе. Его нервная система, если оно обладаетъ ею, есть механизмъ, построенный такъ, чтобы служить этой функціи, заключая безотчетно въ самомъ строеніи то, что оно выполняетъ явно въ дѣйствіи. По мѣрѣ того, какъ нервная организація умножается и измѣняется въ формѣ, съ умноженіемъ и измѣненіями животныхъ, каждая форма содержитъ въ себѣ спеціальныя чувствительности и двигательныя реакціи, поддерживаю-

ція жизненныя интересы созданія, обладающаго ею; это есть инкорпорация (соединеніе воедино) извѣстныхъ ограниченныхъ нервныхъ путей, которая не можетъ сопровождаться (такъ какъ нѣтъ другихъ нервныхъ путей) рефлексивнымъ сознаніемъ, а потому необходимо есть самоудовлетворяющаяся. Инстинктъ предполагаетъ организованный опытъ, бессознательный умъ; въ то же время разумъ есть инстинктъ въ дѣйствіи, приспособленіе въ теченіе своего совершенія, процессъ информирующей, информация (придаваніе формы). Дѣйствительно, разумъ можетъ быть опредѣленъ какъ желаніе или импульсъ, ищущій средствъ для своего выполненія; инстинктъ—какъ совершеніе желанія или импульса, посредствомъ котораго оно исполнимо. Инстинктивное созданіе есть созданіе информированное для своей частной функціи, но безъ излишней нервной структуры, нужной для того, чтобы испытать дальнѣйшее образованіе, оно есть образовавшаяся, но не образующаяся структура (строеніе). Искусство паука и искусство фокусника были приобрѣтены одинаково въ теченіи поколѣній—оба представляютъ капитализированный опытъ; но искусство паука охватываетъ и употребляетъ въ дѣло всю его нервную систему, которая устроена и сложилась для извѣстныхъ цѣлей, выполненіе которыхъ есть его «жизнь отношенія» ¹⁾; между тѣмъ, искусство фокусника охватываетъ только немногіе пути очень сложной нервной системы, причемъ выполненіе отправленій этихъ частей есть лишь малый и побочный случай его жизни отношенія. Поэтому, одинъ способенъ къ размышленію, другой—нѣтъ; одинъ способенъ къ прогрессу въ штукахъ проворства, а другой—нѣтъ.

Подумаемъ надъ множествомъ разнообразныхъ и уди-

¹⁾ Подъ «жизнью отношенія» понимаются, главнымъ образомъ, два положенія: съ одной стороны, дѣйствіе вѣшняго міра, испытываемаго организмомъ—чувствительность; съ другой стороны, реакція организма на вѣшній міръ—движеніе.

вительныхъ инстинктовъ, обнаруживаемыхъ различными живыми созданіями, малыми и большими, и особенно надъ выработанными инстинктами различныхъ видовъ насекомыхъ; а затѣмъ вообразимъ себѣ ихъ всѣхъ соединенными вмѣстѣ въ одно животное путемъ коллективированія и концентрации ихъ различныхъ нервныхъ системъ внутри одного мозга; развѣ такой составной мозгъ не вмѣщалъ бы въ себѣ коллективно болѣе обширную и болѣе разнообразную массу настоящаго разума, чѣмъ человѣческій мозгъ? Развѣ бессознательный умъ этого сложнаго мозга не превосходилъ бы сознательный умъ? Люди многое узнали о животныхъ въ прошедшемъ, но то, что они узнали, едва можетъ быть и сравниваемо съ тѣмъ, что имъ назначено узнать, когда они получаютъ лучшее пониманіе природы и дѣйствій этихъ измѣнчивыхъ и замысловатыхъ воплощеній безотчетнаго разума.

Извѣстно, что мы находимъ распределенными среди животныхъ всѣ тѣ качества, которыя, когда мы имѣемъ съ ними дѣло коллективно въ человѣкѣ, мы приписываемъ его мысли — памяти, вниманію, пониманію; предвидѣніе конца, изобрѣтательность въ средствахъ и предусмотрительность въ ихъ употребленіи; храбрость, гнѣвъ, печаль, ненависть, мщеніе, любовь къ роду и родительская привязанность, доходящая иногда до пожертвованія жизнью; нѣтъ ни одного душевнаго качества, которымъ обладаетъ человѣкъ, — даже до его моральныхъ чувствованій, — зародыша котораго или болѣе или менѣе полного его проявленія мы не нашли бы въ томъ или другомъ классѣ животныхъ. Нѣтъ основаній предполагать, что они зависятъ отъ разныхъ причинъ въ немъ и въ нихъ: что можетъ служить достаточною причиной для нихъ — можетъ служить достаточною причиной и для него; что можетъ дѣлать нервная структура сама собою въ одномъ, то она можетъ дѣлать и въ другомъ. Если животныя, какъ думалъ Декартъ, суть машины, тогда, конечно, соответственные механизмы могутъ

совершать большую часть внутренней работы и у человека. Удивленіе и неожиданность, которыя вѣчно выражались вновь,—о замысловатости инстинктовъ и о случаяхъ проявленія сознательнаго ума болѣе высокихъ животныхъ, какъ будто первые не были «плодами науки очень древняго времени» ¹⁾, и какъ будто ни одно животное, кромѣ человека, не имѣло никакого права пользоваться сознаниемъ,—это заблужденіе вытекаетъ, конечно, изъ трудности обнаженія фактовъ отъ ихъ традиціонной и маскирующей скорлупы словъ и отъ трудности видѣть ихъ такими, каковы они есть по своей настоящей природѣ.

Коллективный мозгъ, въ которомъ разновидности животной нервной организаціи предполагаются собранными и концентрированными, былъ бы, конечно, весьма различенъ отъ человѣческаго мозга; хотя бы и соединенные вмѣстѣ, они были бы независимы. Кромѣ того, каждая система была специализирована до высшей степени, въ теченіи частнаго направленія своего развитія, и какъ бы стереотипирована; поэтому, если бы она была и не отдѣльна, она уже была бы неспособна войти въ сношенія для общей цѣли съ другими системами. Въ человѣческомъ мозгѣ, съ другой стороны, различныя части такъ взаимно связаны и структурально (по строенію), и функціонально (по отправленіямъ), что образуютъ и одно органическое цѣлое, и имѣютъ характеръ частей скорѣе пластическій, образующійся, чѣмъ характеръ упорный,

¹⁾ Карлъ-Георгъ Леруа (род. въ 1723 г.), дѣсничій въ Версали и Марли, пишетъ: «Доказано неоспоримыми фактами, что обширная часть наклонностей, образующихся только однимъ воспитаніемъ, если онѣ обращаются въ привычки и воспитываются у двухъ или трехъ поколѣній послѣдовательно, становятся почти наследственными.... потомки совершаютъ ихъ отъ рожденія.... Возможно отсюда, что дѣйствія, которыя мы считаемъ у животныхъ исполняемыми независимо отъ наученія опытомъ, суть плоды науки очень древней эпохи и что въ первое время тысячи опытовъ, сопровождавшихся большимъ или меньшимъ успѣхомъ, привели, наконецъ, къ достиженію той степени усовершенствованія, которую мы видимъ проявляющеюся въ нѣкоторыхъ ихъ работахъ настоящей эпохи».

образовавшийся; поэтому, эти части входят въ отношенія отправленій и развиваются совмѣстно въ прогрессивномъ приспособленіи къ окружающей средѣ, достигая, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ состоянія неподвижной душевной организаціи. Поэтому, человѣческій мозгъ обладаетъ физическими условіями сознанія, а первый—нѣтъ. Когда человѣческій мозгъ, долгимъ упражненіемъ и рутинной отправленій въ сходныхъ условіяхъ, доработался до извѣстныхъ устойчивыхъ формъ чувства, мысли и дѣйствія, его работа весьма близка къ автоматической, какъ инстинктъ у животныхъ; въ самомъ дѣлѣ, мало-ли лицъ, которыя иногда становятся немного лучшими, чѣмъ болѣе или менѣе сложная машина.

Если бы мы могли сдѣлать изъ муравья и пчелы одно животное, комбинируя ихъ нервныя системы и соединивъ ихъ части въ одну организацію, въ которой каждая система была бы во внутреннемъ функціональномъ отношеніи съ другой такъ, что муравей чувствовалъ бы и отвѣчалъ на условія жизни пчелы, а пчела на условія жизни муравья; и если бы мы могли вообразить эту сложную нервную систему въ ранней пластической стадіи, такъ чтобы она была способна къ единству воспитанія до полного объема способностей муравьиной и пчельной жизни; не невозможно-ли,—если не вѣроятно, что сознаніе должно бы было случиться въ теченіи ея развитія? Можетъ возникнуть справедливый вопросъ: не сопровождало-ли сознаніе нѣкотораго рода и этихъ созданій, когда они образовывались, а теперь исчезло, когда они неподвижно образовались; то, что нѣкогда было развито въ животномъ царствѣ, когда оно развивалось, нынѣ сконцентрировано и специализировано въ сложномъ мозгу человѣка, который своимъ преобладаніемъ пресѣкъ другія линіи развитія и обрекъ ихъ на бесплодную неподвижность. Конечно, это только бесплодныя умозрѣнія; но, тѣмъ не менѣе, эта фантазія представляетъ ходъ вещей, подобный тому, который дѣйствительно теперь имѣетъ мѣсто въ человѣческомъ родѣ,

когда является великій геній, собираетъ въ себѣ разбросанныя и иногда латентныя (скрытыя) нити человѣческой мысли и чувствъ, улавливаетъ ихъ отношенія, соединяетъ ихъ въ единство развитія, и дѣлаетъ сознательно выраженнымъ нѣкогда безмолвный пульсъ эпохи.

Примѣчаніе автора. Когда эта статья уже была сдана въ журналъ «Mind», я познакомился съ теоріей профессора А. Герцена объ условіяхъ сознанія. Хотя онъ сурово критикуетъ то ученіе относительно сознанія, которое я защищалъ всю мою жизнь, тѣмъ не менѣе, его главная цѣль установить то, что онъ считаетъ физическимъ закономъ сознанія. Опираясь на принятое мнѣніе, что есть двѣ фазы каждаго нервнаго акта: первый—разложеніе нервныхъ элементовъ и освобожденіи энергіи; второй—непосредственно слѣдующая реинтеграція (возстановленіе) ихъ вещества и запасаніе энергіи—г. Герценъ доказываетъ, что сознаніе никогда не сопровождаетъ интеграцію, но связано исключительно съ дезинтеграціей нервнаго вещества. Это значитъ, говоря другими словами, что сознаніе сопровождаетъ функцію (отправленіе), но не сопровождаетъ послѣдующаго питательнаго возстановленія потери, что не есть часть функціи, хотя несомнѣнно есть условіе будущей функціи. Можно спросить относительно этого предположенія: да развѣ кто-нибудь говорилъ или думалъ иначе? Между тѣмъ, пр. Герценъ не даетъ никакого объясненія, происходитъ-ли такая дезинтеграція въ теченіи функціи въ самомъ нервномъ элементѣ, или расходуется, путемъ освобожденія энергіи, только матеріалъ, даваемый ему кровью.

Второе его положеніе состоитъ въ томъ, что интенсивность сознанія находится въ прямомъ отношеніи съ функціональною дезинтеграціей; а третье положеніе, что интенсивность сознанія находится въ обратномъ отношеніи къ легкости и быстротѣ, съ какою каждый нервный элементъ переноситъ свою дезинтеграцію на другой нервный элементъ и переходитъ въ процессъ реинтеграціи.

Эти три положенія вмѣстѣ составляютъ то, что онъ называетъ «физическимъ закономъ сознанія». Разсмотрѣвъ первое изъ двухъ послѣднихъ положеній, я отказываюсь понять, почему проф. Герценъ нашелъ такъ много ошибочнаго въ моей, несомнѣнно нѣсколько необработанной, мысли, высказанной нѣ-

сколько лѣтъ назадъ и состоящей въ томъ, что для сознанія какой-либо идеи необходимо не только, чтобы идея имѣла известную интенсивность, но чтобы ея энергія не была вполне и мгновенно разряжена на органъ движенія. Что можетъ здѣсь пониматься подъ интенсивностью идеи, кромѣ той интенсивности дезинтеграціи, которую проф. Герценъ считаетъ условіемъ интенсивности сознанія? А, какъ видно изъ третьяго положенія, развѣ отвлеченіе энергіи не можетъ быть однимъ, если не главнымъ, условіемъ медленной и трудной передачи черезъ нервныя центры? Какъ бы тамъ ни было, но онъ отличается, однако, очевидно тѣмъ, что доказываетъ положительно, будто сознаніе и безсознательное состояніе сосуществуютъ повсюду и всегда, когда нервный центръ въ дѣйствіи, причемъ одно время преобладаетъ одинъ, въ другое—другой. Такимъ образомъ, даже спинному мозгу онъ приписываетъ элементарное, безличное неразумное сознаніе, которое у низшихъ животныхъ даетъ максимумъ, а у высшихъ—минимумъ. Однако, здѣсь не легко слѣдовать за его аргументаціей, такъ какъ его языкъ не всегда состоятеленъ: въ то время, какъ онъ заявляетъ открыто, что сознаніе существуетъ всюду и всегда, онъ признаетъ, что никакого обращенія къ помощи сознанія спиннаго мозга не дѣлается въ тѣхъ актахъ, которые совершаются спиннымъ мозгомъ автоматически. Здѣсь есть сознаніе, но его не призываютъ другими словами, хотя сознаніе всюду сосуществуетъ съ безсознательнымъ, но оно иногда существуетъ въ безсознательной формѣ! Но если оно есть тутъ, да не подаетъ никакого признака, почему мы знаемъ, что оно есть? Развѣ мы не обязаны заключать въ подобныхъ случаяхъ: *«de non apparen-tibus et de non existentibus eadem est ratio?»*

Конечно, невозможно въ примѣчаніи отдать должное фактамъ и аргументамъ, которыми проф. Герценъ поддерживаетъ свою теорію. Кто прочелъ предъидущія страницы, сдѣлаетъ хорошо, ознакомившись самъ съ работою проф. Герцена. Поскольку она хорошо обоснована, она можетъ служить къ исправленію или опроверженію того мнѣнія, которое я развиваю, а въ то же время мое мнѣніе, наоборотъ, можетъ иногда показать слабыя стороны его теоріи. Мнѣ кажется, что онъ оставилъ безъ разсмотрѣнія главную сторону предмета, не указавъ, что существуютъ два рода синтеза или комбинаціи, требующихъ разъясненія въ физиологій нашей душевной жизни,—первый есть комбинація элементовъ для построенія нервнаго вещества, на которое онъ и на-

легъ; второе есть комбинація или объединеніе нервныхъ сплетеній для выполненія разныхъ функцій ихъ, такъ сказать, физиологическая катенация (сцѣпленіе), причемъ образуются многочисленныя морфологическія сѣти, дѣлающіяся нервнымъ субстратомъ различныхъ функцій или способностей души, и строящія, такимъ образомъ, сложную и запутанную структуру душевной организаціи.

НА ПОѢЗДѢ.

Мы мчимся, какъ стрѣла,—все мимо насъ летить,
Въ глазахъ безслѣдно исчезая,
А поѣздъ все впередъ стремится и стучить,
Броней желѣзной громяя.
Вдали синѣть лѣсъ неровною стѣной,
Надъ нимъ кудряво вьются тучи,
Мелькаетъ телеграфъ рѣшеткою стальной
И зеленѣющія кручи.
Мелькнуло кладбище; бѣлѣются кресты,
Угромо смотрятъ мавзолеи...
И вновь по сторонамъ канавки и кусты
Да рѣдко темныя аллеи.
На нивахъ зыблется пшеница и овесъ,
Пестрѣютъ гряды въ огородѣ,
И грустная семья задумчивыхъ березъ
Бѣлѣтъ въ дружномъ хороводѣ.
Все мимо! Все летить, какъ вольная мечта,
Какъ жизнь съ обманчивыми снами,
И только свѣтлая лазури высота
Горитъ неизблимо надъ нами.
И тусклая луна блѣдна, какъ первый снѣгъ,
Въ лучахъ вечерняго заката
Слѣдить не устаетъ нашъ торопливый бѣгъ,
Печалью тайною объята...

Такъ жизнь впередъ летить, летить, какъ паровозъ,
Мѣня сны и впечатлѣнья,
И сыплеть искрами живыя чары грезъ,
И стелеть дымомъ увлеченья.
И все бѣжить впередъ, безъ усталости бѣжить,
И лишь сомнѣнья призракъ вѣчный,
Какъ блѣдная луна за поѣздомъ, слѣдитъ
За нашей жизнью скоротечной.

К. Фозановъ.

ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

(Окончаніе)

20-го октября 1886 г. Сегодня я пріѣхала изъ Петербурга домой, чтобы сдать школу моей намѣстницѣ, Софьѣ Никаноровнѣ, и попрощаться съ «дытішками» и друзьями. Подъѣзжая къ своей хатѣ, я увидѣла ее въ очень плачевномъ состояніи: огородъ разгороженъ, призва раззорѣна, не вымазана, словомъ, она производитъ очень и очень грустное впечатлѣніе. Когда я вошла въ хату, на меня пахнулъ тяжелый, теплый, но сырой воздухъ. Печка была только-что вытоплена и труба закрыта. Я, не раздѣваясь, прошла раза два по хатѣ, посмотрѣла на запустѣніе, царившее въ ней, и хотѣла тотчасъ же идти къ Оеклѣ. Вдругъ дверь быстро растворилась. Смотрю—Дуня. Она вбѣжала и, рыдая, кинулась мнѣ на шею. За ней вбѣжала Оекла и—тоже самое. Онѣ долго плакали, и я не могла утѣшить ихъ, тоже едва сдерживая слезы. Онѣ никакъ не могутъ себѣ представить, какъ теперь будутъ жить безъ меня. Рассказывали мнѣ, какъ онѣ все лѣто скучали, плакали по мнѣ и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали меня. Дуня говоритъ, что это лѣто она только на работѣ «трохи позабывала» обо мнѣ, а то все грустила и плакала, еще не зная того, что придется навсегда разстаться. За ними тотчасъ пришла и Арина (невѣстка Оеклы), а за ней пришли хлопцы цѣлою гурьбой и четыре мужика. Хата наполни-

лась такъ, что негдѣ было повернуться, и я почувствовала, что приѣхала домой, къ роднымъ. Я поставила самоваръ и мы стали пить чай. Сейчасъ же натащили мнѣ хлѣба, кавуновъ, молока, картофеля, масла. И это дѣлаютъ голодные! Я такъ была тронута ихъ радушіемъ, что растерялась и не знала, какъ выразить имъ свою благодарность. Разговаривали о томъ, о семъ, потомъ Миронъ (братъ Ивана солдата) обратился къ хлопцамъ и сказалъ:

— Хлопцы! Ну якъ ви теперь безъ своей матери живимо? Вони до васъ, якъ до матери біжать,—обратился онъ ко мнѣ. Заросте, ма бутъ, дорожка до цеей хатки!..

Я отвѣтила, что, можетъ быть, Софья Никаноровна будетъ въ ней жить.

— Ні, вона туточка не буде; кажуть, у панівъ живимо.

— Ну тогда, конечно, и дорожка заростетъ,—сказала я.

Въ хатѣ стало очень жарко. Когда всѣ ушли, у меня страшно разболѣлась голова и начали являться мрачныя, невеселыя мысли: жалко разставаться, жалко оставлять начатое дѣло; оторвавшись отъ него, не знаешь, куда дѣть себя. «Не знаешь, куда дѣть себя!..» А здѣсь предъявляются требованія на мой трудъ и на все, что я въ силахъ и могу дать. И нужно уходить. Обидно!..

21-го октября. Съ самого ранняго утра опять начали посѣщать меня. Но въ 9 час. вдругъ около моей хаты остановился экипажъ. Это Марья Алексѣвна (Николаева) прислала за мною. Самого Николаева не было дома. Я у нихъ обѣдала и пробыла до 2-хъ часовъ. Чувствую ея доброту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ и разспросовъ, намъ какъ-то не о чемъ стало говорить и мы надѣли другъ другу. Придя домой, я застала ожидающихъ меня хлопцевъ. Потомъ мало по малу опять стали сходиться взрослые. Опять хата наполнилась такъ, что если бы еще два-три человѣка пришли, то негдѣ бы

было стать, не только сѣсть. Всѣ сожалѣли, что я уѣзжаю, и каждый высказывалъ это сожалѣніе по своему. Степанъ сказалъ:

— За эти два года, что вы здѣсь были, много я поперечиталъ и много хорошаго узналъ. Свѣту больше увидѣлъ. А теперь, какъ вы уѣдете, и свѣту у насъ убавится.

Я сказала, что, можетъ быть, Софья Никаноровна еще лучше меня угодить имъ. Она же, говорю, кажется, добрая.

— Мы же, говорить, ее ужъ знаемъ, учились у нея. Она добрая, пока только здороваается, а за ученьемъ страсть сердита.

— Да куда тамъ. Она намъ недоступна, горда. Къ ней не пойдешь; до васъ же всякій идетъ, безъ стѣсненія, какъ къ своему брату, мужику.

А Борисъ сказалъ:

— И що воно таке значить? Вона и не знатнаго рода, а бачъ яка гѣрца. А коли изъ нашего роду запапанствують, такъ и дивится не хочуть на нашего брата. Вотъ якъ Евгешка (модистка у Николаевыхъ): вмѣстѣ колись грались, бывало, у ней сопляки бѣжать, ажъ самому тошно стане, а теперичко поди-ко! Поклонись ей, а вона прямо и не дивится! А вы вотъ заразъ не такія.

— Я не понимаю,—говорю,—чѣмъ намъ гордиться другъ передъ другомъ, когда мы всѣ—люди, и когда я сама вижу, что другія гораздо даже лучше меня. И потому наше дѣло, я думаю, не въ томъ, чтобы гордиться, а въ томъ, чтобы любить и помогать другъ другу; и помогать не только деньгами, вещами, трудомъ, но и добрымъ словомъ, которое иногда бываетъ нужнѣе всего другого.

— Это вы вѣрно говорите,—подтвердили Степанъ и Миронъ; —только мало такихъ людей теперь на свѣтѣ!

— Кто знаетъ, говорю, можетъ быть и много, да и навѣрно много, только мы ихъ не замѣчаемъ.

Опять стали всѣ хвалить меня.

— Вотъ вы, говорю, все сидите, да хвалите меня, я и возгоржусь, подумаю, что я и вправду очень хорошая, а на васъ и дивиться не стану.

Иванъ Лавриненко и Борисъ разомъ заговорили и почти одно и то же: «ні, ні, ні, це не буде; якъ скажуть про васъ таке, такъ не повіримо». Всѣ засмѣялись, а баба Оекла прибавила: «бачъ що кажуть». Потомъ продолжала:

— И що воно таке зробилось, що панъ прогнавъ васъ? Я, бачъ, такъ думаю, що це безпримінно панъ Хведько (Федоръ Павловичъ, дядя Николаева) съ о. Никаноромъ наробили. Въ літку частенько піпъ їздівъ до его.

— Я же здѣсь, говорю, не была и ничего этого не знаю, а знаю только-то, что Евгеній Анатольевичъ давно уже недоволенъ мной, ученьемъ моимъ и всѣмъ, что я дѣлаю, а потому и попросилъ меня уйти отсюда. Вотъ я и ухожу.

Борисъ началъ дѣлать разныя догадки въ подробностяхъ, почему панъ могъ быть недоволенъ мной и говорить:

— Це, ма быть, имъ не нравится, що вы усе зъ мужиками, да зъ дытішками водитесь?

— Не знаю, говорю, можетъ быть и такъ.

Иванъ (солдатъ, братъ Мирона) спросилъ:

— Куда жъ вы пойдіте? На місто, чи що?

— Нѣтъ, говорю, я теперь безъ мѣста. Но у меня думка така, что разъ уже заѣхала сюда, то мнѣ хотѣлось бы эту зиму гдѣ-нибудь здѣсь по близости прожить—ребятишекъ поучить и еще чѣмъ могу послужить. Такъ вотъ я и думаю, не захотятъ-ли липовцы принять меня: я буду хлопцевъ учить, а они кормить меня. Платы я съ нихъ никакой не хочу брать, а лишь бы только не дали мнѣ

умереть съ голоду. Вотъ и все. Какъ вы думаете, согласятся они меня принять?

Не успѣла я всего этого договорить, какъ всѣ весело заговорили, но я слышала то, что говорилъ Степанъ, такъ какъ сидѣла рядомъ съ нимъ. Онъ говорилъ:

— Кабы наши петровцы узнали про это, такъ они бы не выпустили васъ, и всѣ бы хлопцы до васъ ходили.

— Вотъ хорошо! А въ школѣ, говорю, кто бы учился?

— А хiba намъ нужно?—отозвался какой-то хлопецъ.

Миронъ сказалъ:

— Тилько горе, хаты нема?

— Кто-то отвѣтилъ:

— А оця? кто въ ней житымо? Стоятымо, да стоятымо такочко, безъ діла.

— Я бы, говорю, съ радостью у васъ осталась, только, вѣдь, если я останусь здѣсь, значить, и вы, и я пойдемъ противъ желанія пана. А изъ этого можетъ выйти лихо. Нѣтъ, говорю, какъ мнѣ самой ни жалко и ни трудно разставаться съ вами. а, знать, придется. Ну, да если липовцы примутъ меня, то мы будемъ видаться, и это хорошо.

— Це правда ваша,—сказали они.

Я подумала: вотъ, говорятъ, что голоднымъ не до грамоты, что нужно сначала дать возможность быть сытымъ и не холоднымъ. Но я вижу, что и голодные ищутъ культурной пищи и они видятъ тамъ свѣтъ и всѣми силами стараются пробраться къ нему. Урожай здѣсь плохой, значить только на половину зимы, дай Богъ, чтобы хватило своего хлѣба. Но чѣмъ объяснить, что, не смотря на это плачевное положеніе, они берутся съ радостью кормить лишняго человѣка, лишь бы онъ далъ имъ той духовной пищи, отъ недостатка которой они также голодаютъ?

Еще о чемъ-то говорили, а потомъ стали просить почитать, а то, говорятъ, отыдіте, такъ николи не почуемо, якъ гарно читають. Я прочитала «Кающійся грѣшникъ».

Всѣмъ понравился этотъ разсказъ. «Ну, а теперь еще что-нибудь прочитайте». Я начала читать изъ «Цвѣтника», «Апостоль Іоаннъ и разбойникъ». По окончаніи посыпались одобренія: «Охъ, и ловкая жъ книжка!» — «Оця міні самая лучшая?» — «Да и гарно же разсказана» и т. д., въ такомъ родѣ; но болѣе существенныхъ отзыовъ не высказывали, а я не вызывала. Въ заключеніе я прочитала «Бѣдный богатъ». Этотъ разсказъ вызывалъ смѣхъ помѣръ того, какъ жадность богача увеличивалась. А потомъ сказали: «вотъ такъ разбогатѣлъ! Оно жъ такъ и есть: усе мало, хочъ и богатъ, усе мало!»

— Ну, читанья наслухались, теперь заграйте намъ.

Я заиграла и даже спѣла «Жито маты» и еще нѣсколько пѣсенъ. Изъ выраженій лицъ, одобреній, я могла заключить, что я доставила имъ большое удовольствіе. Степану первый разъ пришлось слышать такой концертъ, и онъ все время сидѣлъ около меня и слѣдилъ, какъ я играю, а Миронъ басомъ подтягивалъ мнѣ, такъ что у насъ выходило недурно. Потомъ я имъ сыграла нѣсколько арій изъ «Жизни за Царя» и спросила, понятнали имъ эта музыка?

— Та чего жъ оно понятно? Слухаешь, такъ гарно.

Миронъ сказалъ:

— Міні понаравилась: тутъ наче співають то веселое, то жалибное».

Потомъ зашло дѣло — какъ піанино устроено. Я разсказала и показала весь механизмъ его. Потомъ кто-то изъ хлопцевъ увидалъ на полкѣ глобусъ и спросилъ: «що це за кавунъ?» Тутъ пришлось прочесть маленькую лекцію о вращеніи земли, о временахъ года, о поверхности земнаго шара, чѣмъ онъ наполненъ внутри, и объ изверженіи огнедышащихъ горъ. Все это цѣплялось одно за другимъ по ихъ вопросамъ. Было уже половина двѣнадцатаго, я уже уморилась. Стали собираться уходить. Миронъ и Иванъ, прощаясь, сказали, что они те-

перь каждый день будутъ приходить, пока совсѣмъ не «выпроводятъ» меня.

22-го октября. Съ утра я хотѣла отправиться въ хуторъ Липовцы (въ 5-ти верстахъ отъ насъ), чтобы переговорить съ крестьянами о своемъ переселеніи къ нимъ. Но мнѣ пришло въ голову, не лучше-ли справиться сначала, какъ на это панъ посмотритъ. Я пошла къ нему. Онъ еще не пріѣхалъ. Марья Алексѣевна была дома. Я ей сказала, что хочу поговорить съ ней. Она какъ будто удивилась. Мы отправились въ отдѣльную комнату и я ей рассказала о своемъ намѣреніи поселиться въ Липовцахъ, но мнѣ хотѣлось бы, говорю, раньше знать, не будетъ-ли мое сосѣдство настолько непріятно Евгенію Анатольевичу, что онъ постарается и оттуда меня выжить?

— Я право не знаю, Надежда Даниловна,—сказала она съ улыбкой.

— А мнѣ кажется, говорю, что вы очень хорошо можете сказать за Евгенія Анатольевича, такъ какъ вы хорошо знаете его и, вѣроятно, говорили съ нимъ о моемъ удаленіи. Повѣрьте, говорю, что наши отношенія насколько не страдаютъ отъ этого.

— Ну, Надежда Даниловна, я скажу вамъ, только пожалуйста, чтобы это осталось между нами. Видите что: у насъ не было рѣчи, что вы можете быть въ Липовцахъ или гдѣ-нибудь по близости. Мы были увѣрены, что васъ здѣсь не будетъ. Но дядя, Федоръ Павловичъ, очень противъ васъ и говоритъ, что онъ давно-бы удалилъ васъ, если бы Евгеній Анатольевичъ не былъ съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Ну, такъ значить, говорю, мнѣ не дадутъ ужиться въ Липовцахъ?

— Я, право, не знаю. Надежда Даниловна,—сказала она съ тою же улыбкой,—я передаю вамъ то, что слышала.

Я хотѣла еще поговорить съ ней по поводу этого,

но она позвала гувернантку, и разговоръ перешелъ на ихъ семейныя дѣла. Немного погодя, я пошла домой. Тяжело какъ-то на душѣ было: изъ-за какой-то мнимой опасности затѣяли цѣлую исторію, и меня, мнимо-опаснаго человека, гонять и гонять подальше отъ себя... Придя домой, я у себя уже застала хлопцевъ, но я не вдругъ могла отбросить всѣ свои думы и войти въ бесѣду съ ними. Вечеромъ опять пришли взрослые, нѣсколько вчерашнихъ и новыхъ посѣтителей. Опять читали и играли, но разошлись раньше.

23-го октября. Сегодня открытіе школы. До молебна хлопцы всѣ сошлись у меня. Но скоро ихъ позвали. После молебна они опять пришли ко мнѣ. Пришли и хуторяне. Спрашиваютъ, отчего я уѣзжаю. Думаютъ оттого, что мнѣ «погано» жить въ Петровкѣ. «Хоть бы ще цю зиму поучили насъ, а тоді и поіхали бы».

— Что дѣлать, говорю, хлопцы, не въ моей это волѣ. У васъ же другая будетъ учительница. Будетъ учить васъ такъ же, какъ я. Вы полюбите другъ друга и вамъ такъ же хорошо будетъ.

— Ні! оця не така ужъ буде, до ней и не подходить. Вона и книжокъ не даватимо. Тільки учитимо, тай годи. Ні, ні, це не така.

Вотъ что они мнѣ отвѣтили. Мое стараніе помирить ихъ съ новою учительницей давало плохіе результаты. «Оця, кажутъ, битимо и за волосья таскатымо».

— Да, вѣдь, вы, говорю, этого и хотѣли. Помните, какъ я съ вами объ этомъ спорила, и вы сами совѣтовали мнѣ наказывать васъ, обѣщая при этомъ лучше слушаться меня?

— Да це колись казали. А теперъ такъ наче не захочется и учиться, якъ такъ буде.

Антонъ (ему 10 лѣтъ) все время молчалъ и слушалъ, опершись локтями на столъ. Потомъ вдругъ торопливо заговорилъ (у него такая манера говорить):

— Оце я не пиду до ней, Пилипшъ не пиде, Грицько не пиде, уси бѣ не пишли! И школы не було бѣ—кого вона учитымо? А мы казатымо: мы хочимъ до Надежды ходыть.

Я и всѣ хлопцы засмѣялись.

— Оце, дакъ такъ «скирда» каже!

Его дразнять «скирдой», потому что у него длинный, раздвоенный черепъ и бѣлые, густые волосы. Мнѣ удивительно было услышать отъ этого маленькаго хлопца такой обдуманый проектъ стачки и я какъ-то не могла сразу повѣрить своимъ ушамъ. Я опять начала говорить имъ въ томъ духѣ, чтобы потушить ихъ непріязненное отношеніе къ Софѣ Никаноровнѣ. Но это было довольно трудно, такъ какъ они уже знаютъ ее по рассказамъ отцовъ, братьевъ, учившихся у нея. Поповы дочки пришли звать меня въ гости. Я пошла. Матужка и сестра ея стали выражать свое сожалѣніе, что я уѣзжаю, и главное то, что некому будетъ учить ихъ дѣтей. Софья Никаноровна не беретса. Напившись чаю, я пошла домой. Хлопцы уже ждали меня. Стали просить почитать. Имъ попался на глаза «Иванъ Дуракъ», и они настояли, чтобы прочесть его. Я начала читать, и когда читала то мѣсто, гдѣ чертенята рассказываютъ старому дьяволу свой способъ, какъ поссорить братьевъ, Грицько не вытерпѣлъ и сказалъ: «Да и ловко вінъ придумалъ! знаетъ що зробить!» Нужно замѣтить, что все то, что чертенята задумали сдѣлать съ братьями, онъ испыталъ на себѣ. Дѣдъ выгналъ его отца со всею семьей (жену и 7 сыновей, изъ которыхъ старшему, Грицькѣ, 12 лѣтъ) и ни хаты, ни хлѣба, ни одежды—словомъ, ничего не далъ. «Свалили ихъ въ одну кучу, а жрать нечего» и, конечно, жизнь ихъ полна недовольства, руготни и упрековъ. Это лѣто (срокъ 15 ноября) Грицько и его два брата живутъ въ наймѣ. На хозяевъ своихъ они не жалуются, говорятъ, что тѣ жалѣютъ ихъ и даютъ работу по силамъ. А мнѣ сколько разъ приходилось слы-

шать, что отцы должны были нарушать договоръ съ нанимателями, такъ какъ 9-ти и 10-лѣтнихъ хлопцевъ заставляютъ работать то, что подъ силу только взрослому человѣку. Но то хозяева-кулаки. Обыкновенные же хозяева-крестьяне не дѣлаютъ никакого различія между наемнымъ хлопцемъ и своими дѣтьми. Прочитавъ сказку, мы занялись музыкой. Никонъ, по обыкновенію, на закуску попросилъ сыграть «Marche funèbre» Бетховена.— Въ аккордахъ этого марша удивительная полнота и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то раздирающее душу. Вотъ это-то, я думаю, и дѣйствуетъ на него.

Потомъ они всѣ пошли домой.

24-го октября. До начала занятій въ школѣ хлопцы собрались у меня. Я хлопотала около печки и самовара, такъ что не могла все свое вниманіе отдать имъ. Съ двумя братьями Бондаренко я сегодня только-что увидѣлась послѣ разлуки. Одинъ изъ нихъ, Иванъ, сидѣлъ, понуря голову. Я спросила:

— Бондаренко, чего ты такой не веселый?

— Такъ, ничѣго.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Скучно намъ буде безъ васъ!—и опять наклонилъ голову.

— Вінъ сейчасъ заплаче,—сказали хлопцы.

— Такъ що жъ?—сказалъ за него братъ, Семень—вже плакалъ много разівъ.

— Да якъ же не плакать,—отвѣчалъ Семень,—хиба богато такихъ людей? Ні, хлопцы, такой учительши більшъ намъ не нажить!

— Отчего, говорю, ненажить? Наживете! Мнѣ, вѣдь, говорю, тоже не легко съ вами разставаться и я только, только что не плачу.

— А хиба у васъ не буде хлопцівъ?! Ще більшъ, ма будь. А у насъ не буде вже такой учительши. Не буде, не буде и не кажить!—сказалъ онъ на мое возраженіе.

— Я тоже, говорю, думаю, что у меня не будетъ больше такихъ хлопцевъ. Оттого-то намъ такъ трудно и разставаться. Мы успѣли полюбить другъ друга и намъ кажется, что съ другими людьми у насъ не будетъ уже той любви. А это, вѣдь, не вѣрно. Любовь живетъ въ каждомъ человѣкѣ, и потому, если мы разстанемся, то, вѣдь, она не пропадетъ, а останется въ каждомъ изъ насъ и будетъ скрѣплять всѣхъ, съ кѣмъ намъ придется жить. Вотъ у васъ теперь Софья Никаноровна будетъ и, навѣрно, если вы ее полюбите, то и она васъ. А я тоже гдѣ-нибудь буду, и буду жить съ какими-нибудь людьми, съ которыми любовь точно также соединить меня.

Семенъ то и дѣло порывался возражать мнѣ, но я все же успѣла досказать все, что хотѣлось. А потомъ онъ сказалъ:

— Ні, ні, це не буде. Коли бъ вона така була, якъ вы. А вона зъ нами и не забалакае.

Грицько прибѣжалъ и сказалъ, что Софья Никаноровна уже «иде на гору». Они всѣ похватали свои шапки и побѣжали въ школу. Послѣ обѣда они опять пришли ко мнѣ. Я сидѣла и шила. Они вбѣжали и тотчасъ стали критиковать приемы Софьи Никаноровны: «Погано учить!» «Не такъ, якъ вы». Я стала имъ говорить, что ко мнѣ они привыкли и потому имъ больше нравится, какъ я учу, и что когда привыкнуть къ Софьѣ Никаноровнѣ, то уже не будутъ такъ говорить о ней. Но они отвергали мои доводы, указывая на ея гордость и неприступность. Я стала ихъ спрашивать, кому какъ жилось лѣтомъ, и тутъ посыпались эпизоды различнаго характера съ непрѣмнымъ прибавленіемъ колотушекъ и волосянокъ, получаемыхъ отъ объѣздчиковъ и прикащиковъ (это специальное ихъ занятіе).

Только, что хлопцы ушли, пришла старуха, мать Семена. Не успѣла она войти, какъ заплакала, стала цѣловать меня и приговаривать: «ужъ якъ мы васъ дожи-

дали! якъ скучали, такъ прямо ажъ...» и она махнула рукой. «Дожидали васъ якъ Бога, якъ рідну мати. А хлопцы важную ніділю до васъ приходили. Придуть до дому, та кажуть: «ні, ще не пріїхала, да це, ма быть, ихъ и не буде!» та журятся. Оце повстрічался міні Семень, иде та плаче, та усе дивится на ті книжки, що вы ему дали, спасіби вамъ».

Я стала говорить ей, что хотя мнѣ и приходится оставить ихъ, но что меня замѣняетъ другая. «Да цю мы знаємъ» и опять начиналась цѣлая тирада въ пользу мою. «Вона не выуче, якъ вы! Ванька теперичко сяде читать, да гарно чита, а мы слушаемъ, та плачемъ. Ужъ мы дякуемъ, дякуемъ вамъ; похлопотались коло нашихъ дѣтей, дай Богъ вамъ здоров'їчка.

Я поставила самоваръ и мы стали чай пить. Оекла пришла и мы вмѣстѣ стали чай пить. Сдѣивна продолжала рассказывать о 'сожалѣніи хлопцевъ и что старики ихъ хутора поговариваютъ о томъ, чтобы просить пана оставить меня. Я ей сказала, что теперь уже ничего не подѣлаешь — новая учительница назначена и что я на этихъ дняхъ должна сдать ей школу и удалиться отсюда.

Напившись чаю, я принялась убирать посуду, а онѣ, утирая потъ, вызванный горячимъ питьемъ, разговаривали между собой. Потомъ Оекла обратилась ко мнѣ:

— Надежда Даниловна, чи вы пойдете куда, чи дома сидітьмо?

— А что?

— Та бачъ, коломенскіе присоглашаютъ васъ до себя, та шобъ и книжечку гарненьку взяли.

— Ну что жъ,—говорю,—пойдемъ; я давно къ нимъ собиралась.

И, проводивъ гостью, мы пошли. Я взяла 12-й томъ Толстого и азбуку-копѣйку для маленькаго хлопчика, которому очень хочется учиться. Ему всего три года и онѣ бѣгаетъ еще въ одной рубашенкѣ, но матери всегда боль-

шого труда стоитъ удержать его дома, когда братъ его идетъ въ школу. Придя къ нимъ, мы застали хозяйку Горпину за страпней (она готовила вечерю). Бабуся укачивала внучку, а дѣдусъ съ двумя внучатами забавлялся на печи. На столѣ стояла зажженная лампа и освѣщала всю эту семейную картину. Старшаго сына, мужа Горпины, не было дома, а младшій парубокъ Якуша только-что пришелъ съ портняжной работы. Поздоровавшись со всѣми, я дала хлопчику азбуку и рассказала нѣсколько картинокъ. Онъ такъ и просіялъ. Дѣдушка смѣялся, глядя на его радость, и сказалъ:

— Ну, Михайло, оце жъ треба берегти книжечку, ото жъ Даниловны не буде, дакъ и книжечекъ не побачишь.

Онъ только мотнулъ головой и прижалъ ее къ своей груди. Антонъ («скирда») подошелъ къ нему и они оба съ азбукой въ рукахъ растянулись на печкѣ и стали искать знакомые предметы и, время отъ времени изъ ихъ угла слышалось: дивись, оце чоботы, оце рогачъ... Меня попросили сѣсть къ столу и почитать. Но мнѣ не хотѣлось читать, мнѣ хотѣлось побыть еще всѣмъ своимъ существомъ въ ихъ семейномъ мірѣ. Хорошо мнѣ показалось въ немъ. Пока мы разговаривали и возились съ дѣтьми, Горпина въ это время успѣла убраться около печи и, оправивъ свою головную повязку, сѣла рядомъ со мной.

Кто-то заглянулъ и стукнулъ въ окно. Кузьма вышелъ посмотрѣть—оказалось, что это хлопцы дожидаются меня. Въ это время Горпина захопотала около печки и стола. На столѣ очутились ложки и паляница, потомъ она поставила большую чашку съ борщемъ и стала усиленно угощать меня. Борщъ былъ вкусный, и я ѣла съ удовольствіемъ. Михайло тоже, съ азбукой въ рукахъ, присоединился къ намъ. Азбуку онъ осторожно положилъ на лавку, а когда кончилъ вечерять, вымылъ сначала руки и тогда только взялъ ее. Всѣ обратили вниманіе на его заботли-

вость. Послѣ борща подали говядину, наръзанную кусочками. Вилочекъ не было, а брали кусочки прямо руками и каждый расправлялся съ ними, какъ умѣлъ. Третьимъ подали моргуны, это—печенье, похожее на то, что мы называемъ хворостомъ. Я ѣла очень много, но имъ казалось, что мало, и все угощали меня. Повечерявъ, мы долго еще разговаривали. Горпина уже успѣла все убрать и сидѣла съ груднымъ ребенкомъ. Она прижала его къ своей груди и начала цѣловать его и разговаривать съ нимъ. И между прочимъ и про меня съ ней заговорила:

— Оце, Наташка, нажили мы собѣ родичку, та не надолго! Далеко, далеко Даниловна теперь уіде и не побачишь її...

Ея сожалѣніе подхватили и другіе. Меня глубоко тронули ея слова—чего еще больше, когда называютъ родной. Да я такъ и чувствую себя, живя здѣсь, такъ меня и притягиваетъ этотъ міръ большой семьи. За эти дни я еще сильнѣе почувствовала эту связь и потому мнѣ страшно трудно и больно отрываться отъ нея.

Пора было идти домой. Мы попрощались. Кузьма пошелъ проводить насъ до воротъ. Хлопцы все еще сидѣли и дожидались меня, такъ что я вмѣстѣ съ ними пошла домой. Дома мы еще прочитали кое-что и поболтали.

25-е. Вмѣсто школы хлопцы опять собрались у меня и сидѣли, пока не возвѣстили имъ, что «учительша прійшла». Сегодня я какъ-то не разговорчива была съ ними—меня охватило грустное настроеніе. Не смотря на это, они все же и послѣ классовъ пришли ко мнѣ и оставались до самого вечера.

26-е, воскресенье. Послѣ обѣда я отправилась прощаться съ Николаевыми. Придя къ нимъ, я прошла прямо въ комнату гувернантки; туда же пришла и Марья Алексѣвна. Она стала меня спрашивать, куда я поѣду, и что намѣрена дѣлать. Среди нашего разговора вдругъ влетѣлъ Евгеній Анатольевичъ и, какъ будто ни въ чемъ

не бывало, встрѣтилъ меня съ своимъ безшабашнымъ радушіемъ:

— А! Надежда Даниловна, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы!

Я стала извиняться, что до сихъ поръ не уѣхала и не очистила его помѣщеніе. Онъ мнѣ отвѣтилъ на это:

— О, нѣтъ, оно мнѣ теперь совсѣмъ не нужно; живите, сколько хотите. А вотъ съ Новаго года я хочу въ вашей хатѣ кабакъ открыть!

— Ну, чтожъ,—говорю,—исполать вашему доброму намѣренію.

Онъ началъ дальше развивать свой планъ относительно этого учрежденія, Марья Алексѣевна стала его унимать:

— Ахъ, Евгенийъ, перестань пожалуйста глупости говорить.

— Какія глупости, матушка! Вѣдь, это чистое благодѣяніе будетъ для крестьянъ. Теперь они пьютъ водку пополамъ съ водой, а я имъ буду давать безъ всякаго надувательства.

Съ окончаніемъ своей рѣчи онъ обратился уже ко мнѣ. Но я ничего ему не отвѣчала, я видѣла, что ему хотѣлось на прощанье цотѣшиться надо мной и посмѣяться надъ тѣмъ, что мнѣ дорого.

Простившись съ ними и принявъ отъ нихъ благія пожеланія, я пошла домой. Дома меня уже ждали гости и Дуня занимала ихъ. При входѣ моемъ они прямо заявили мнѣ, что еще разъ пришли послушать мою музыку. Я, конечно, сказала, что съ удовольствіемъ поиграю. Но у насъ затѣялся довольно длинный разговоръ по поводу вліянія «легкой руки». Зашелъ разговоръ объ этомъ въ связи съ жестокимъ отношеніемъ людей къ своимъ же собратьямъ.

Въ отсутствіе мое крестьяне нашей слободы поймали конокрада—молодого парубка, съ которымъ захотѣли раньше суда и расправы раздѣлаться сами. Они стали мнѣ рассказывать, какъ его вели по слободѣ въ сопровожденіи

цѣлой толпы, и всѣ, кто имѣлъ желаніе, били его, какъ кто могъ. Нѣкоторые изъ моихъ гостей жалѣли его, а Иванъ Карпенко выразилъ сожалѣніе, что ему мало досталось; что если бы онъ былъ при этомъ, то добавилъ бы самъ, что слѣдовало, по его мнѣнію. Воръ, по ихъ рассказамъ, плакалъ все время и оправдывался тѣмъ, что не хотѣлъ красть, а взялъ лошадь изъ табуна только для того, чтобы съѣздить къ своей невѣстѣ, пѣшкомъ пришлось бы много потратить времени для этого. Ему не вѣрили и били безъ пощады, присоединяя ругательства. Я обратилась къ Карпенко и говорю:

— Неужели у тебя не явилось никакой жалости къ этому человѣку?

— Та я жъ вамъ кажу, що якъ бы вінъ міні попався, то я бъ ему всыпавъ такъ, що бъ вінъ добре запам'ятававъ, якъ коней красть.

Я стала говорить, что обыкновенно не только людей, даже всякое животное жалко, когда его бьютъ или когда оно страдаетъ, мучается.

— А міні байдуже! Міні що дня доводиться бити скотину, дакъ що жъ, и жалить її? Тоді и безъ мяса насидішся, Богъ дасть.

— Ну такъ что же: говорятъ, что и безъ мяса можно жить и будешь здоровъ.

— Хиба жъ нельзя! Адже жъ схимники живутъ и безъ мяса, то то-жъ схимники, а намъ и самъ Богъ звелівъ істі скотину и поблагословивъ її на те.

— Такъ-то такъ, но Богъ же и вложилъ въ душу человѣка любовь къ жизни, жалость ко всему живому, и потому-то не всякій можетъ такъ равнодушно уничтожать ее. У тебя это чувство слабѣе, чѣмъ у другихъ, и потому тебѣ это легче дѣлать, и я не вѣрю, чтобы для тебя такъ-таки совсѣмъ все равно было убить или не убить животное.

— Та ни вірьте....

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но я перебила его.

— Тебѣ, навѣрно,—говорю,—было непріятно, когда въ первый разъ пришлось убивать скотину?

— Кто его знае.

— А потомъ съ каждымъ разомъ тебѣ легче стало совершать это и, наконецъ, у тебя до того притупилось чувство жалости, что ты, въ концѣ концовъ, становишься жестокимъ человѣкомъ.

— Да це може и правда, хто его знае. Тільки міні байдуже. Е люди такі, що заріже, а самъ якъ мертвий упаде, та це рідко случается.

— Какъ трудно, значить, инымъ людямъ побѣдить въ себѣ врожденное чувство жалости. А вотъ, говорятъ, что настанетъ время, что не только люди не будутъ убивать животныхъ себѣ на пищу, но и сами животныя не будутъ поѣдать другъ друга.

— А куда жъ вони дінуться,—сказаль онъ, смѣясь.—Тоді и земля ихъ не сдерже, та и корму не стане, однаково съ голоду поколіють.

— Этого я уже не знаю, что тогда бы было.

— А що жъ Богъ-то поблагословивъ ихъ для насъ,—продолжалъ онъ.—Ні, це ніколи не буде, це брехня. А ви хіба вірите, що це колись буде?

— Нѣтъ, я не вѣрю. Если бы я вѣрила, то съ этой же минуты перестала бы ѣсть мясо, но я ѣмъ, значить не вѣрю. А есть люди, которые вѣрятъ этому и не ѣдятъ никакого мяса.

Оекла подошла ко мнѣ и стала унимать меня:

— Та буде вамъ зъ нимъ балакать, заграйте намъ.

Она уже нѣсколько разъ порывалась прекратить нашъ разговоръ.

Отвѣтивъ ей, я снова обратилась къ Ивану:

— Но ты, вѣроятно, самъ не очень-то любишь мясо, я думаю, противно ѣсть, когда самому приходится вонзать ножъ и видѣть, какъ животное умираетъ отъ твоей руки.

— Тільки було бь що істі, противно не буде. Противно стане тоди, якъ нічого істі.

— Ну,—говорю,—не всякій можетъ быть такимъ, какъ ты. Вотъ я знаю, что охотники, которые не по необходимости, а ради удовольствія убиваютъ, и не такъ ужасно, какъ скотину бьютъ, и тѣ не всегда могутъ ѣсть убитое ими животное. И это случается не только съ панами, но и съ мужиками. А почему тебѣ такъ часто, «що дня», какъ ты говоришь, приходится бить скотину? Развѣ у тебя своей такъ много?

— Яке тамъ своя! Люди кличуть, кажутъ: у тебя, дядя Иванъ, рука легка. Ну и пойдешь. А и справді, я якъ заріжу, дакъ у мене скотина якъ жива запрыгаєть, а другій заріже, дакъ ніколі такъ не буває.

— И ты вѣришь, что это оттого, что у тебя рука легка?

— А якъ же?

— Ну да Расскажи мнѣ, что такое значить «рука легка»?

— Це я вамъ не зъумію разсказать. Легка, тай годі!

— А по моему, такъ это совсѣмъ не отъ легкой руки.

— Та отчего жь?

Тутъ я начала объяснять ему, какъ умѣла и какъ сама понимала, отчего происходятъ эти движенія убитого животного. Пришлось говорить о нервахъ, рефлексахъ. Онъ слушалъ съ интересомъ, но такъ сильно вѣрилъ въ «легкость» своей руки, что даже поколебать только эту вѣру и то было очень трудно. Я, впрочемъ, приписываю это своему неумѣнію объяснять, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ меня застали врасплохъ, такъ какъ раньше никогда въ голову не приходило подумать о подобныхъ предразсудкахъ и объяснить ихъ себѣ; хотя часто приходилось слышать о нихъ, но все это пропускалось мимо ушей.

Наконецъ, я сѣла играть и тихо запѣла наигрываемую пѣсню. Иванъ и Борисъ подхватили, и мы вмѣстѣ запѣли.

уже во весь голосъ и пропѣли весь нашъ общій репертуаръ. Насладившись музыкой, они всѣ, исключая Оеклы, пошли домой, а мы стали пить чай и бесѣдовать насчетъ подводъ и о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ какъ я рѣшила, что во вторникъ непременно уѣду. Послѣ чая Оеклѣ нужно было идти домой, топить печку и варить вечерю, но ей не хотѣлось и разставаться съ нами, и потому я съ Дуней отправилась къ ней; все равно, думаю, время проходить въ вознѣ, суетнѣ, а у ней, по крайней мѣрѣ, побуду въ семьѣ и поговорю съ ними. Борисъ былъ дома и читалъ какую-то книжку, но когда мы пришли, онъ свернулъ ее, а самъ сѣлъ къ печкѣ. Онъ былъ одѣтъ по праздничному—въ чистой ситцевой рубахѣ и жилеткѣ. Оекла принялась сейчасъ же топить печку, а мы стали говорить о томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы они, т.-е. Дуня и Борисъ могли и безъ меня продолжать учиться чтенію и письму. Послѣ нашего разговора они пришли къ такому заключенію, что всѣ мои совѣты были бы хороши, если бы они дружныѣ жили, «а то, говорятъ, якъ сойдемось, такъ зѣразъ и поругаемось».

— А кто же, говорю, виновать?

— Да це Борька всегда сперва зачинаеть; зачнеть ругать, та толкать...

— Дунька, Дунька!—сказалъ Борисъ и лукаво посмотрѣлъ на нее.

Я имъ совѣтовала хотя во время ученія не ссориться, такъ какъ тутъ имѣется въ виду обоюдная польза. Но я и сама сомнѣвалась, чтобы они могли что-нибудь дѣлать не ругаясь и даже не подравшись другъ съ другомъ. Дуня обыкновенно въ этихъ случаяхъ кончаетъ слезами. Не смотря на такую какъ бы вражду, они любятъ другъ друга и скучаютъ, если долго не видятся.

Оекла, управившись съ своими дѣлами, сѣла на печку и любовно смотрѣла на своего сына, который въ это время

замолкъ и глядѣлъ въ одну точку. Потомъ вдругъ онъ задалъ матери такой вопросъ:

— Мамо, коли вы мене женытымо?

Мы засмѣялись такому неожиданному его вопросу, но онъ оставался серьезенъ.

— Коли прійди время, сынокъ, тоді и женытымо, — отвѣчала, смѣясь, Оекла.

— Та коли жъ воно прійде, мамо?

— А тоді, сынокъ, якъ грошей заробимо....

— Та треба и хату справить, а въ таку хату хто за тебе и піде, хлопче? — сказала Дуня. — Хиба яка ледаща дівчина, такъ на що вона тобі здалась?

— А вотъ мнѣ, Борисъ, и не придется на твоей свадьбѣ погулять, — говорю.

— А мы до васъ пісьмо напишемо, вы и прійдите.

— Нѣтъ, должно быть, не прійду, далеко больно.

Пока мы разговаривали, я все смотрѣла на это большое дитя — Бориса, и мнѣ хотѣлось знать, какія соображенія имъ руководятъ, чѣмъ наполнена его душа.

Оекла зажгла лампу и обратилась къ сыну:

— Борька, ты бы пошукалъ сказку про Иванушка-дурачка. Надежда Даниловна намъ почитала бы, я еще не чула її.

Борисъ порылся въ своихъ книжкахъ и подалъ мнѣ ее. Только-что я начала читать, какъ вошли одинъ за другимъ всѣ ея сосѣди. Ивану Карпенко очень понравилась эта сказка и у него то-и-дѣло вырывались одобрительныя восклицанія.

Посреди чтенія дверь шумно растворилась и вошли горничная и кухарка Николаевыхъ.

— А мы, — говорятъ, — къ вамъ хотѣли, Надежда Даниловна, послушать еще вашу музыку.

— Ну что жъ, — говорю, — вотъ дочитаю и пойдемте.

Но голосъ мой сталъ мнѣ измѣнять и я сказала, что не могу больше читать. Заинтересованные этою сказкой

стали предлагать воды выпить, или хлѣбца поѣсть. Имъ очень хотѣлось конецъ узнать, но я не могла удовлетворить ихъ желанію. Я пошла домой въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ при чтеніи. Дома мы занялись музыкой, а потомъ, отдохнувъ, я имъ дочитала и сказку. Иванъ Карпенко отозвался, что это самая лучшая книжка. Много было смѣху и разныхъ мѣткихъ замѣчаній, которыя я теперь не могу воспроизвести.

Съ нѣкоторыми изъ моихъ гостей я совсѣмъ попрощалась и приняла отъ нихъ массу пожеланій, сожалѣній и цѣлованій.

Всѣ ушли и мы остались съ Дуней вдвоемъ. Я начала укладываться, а Дуня помогала мнѣ и все плакала.

27-е. Съ ранняго утра пришли хлопцы. Вчера во время укладки я отобрала книжки, которыя они бы могли читать, и раздала имъ. По уходѣ хлопцевъ я пошла къ знакомымъ крестьянамъ попрощаться, въ томъ числѣ и къ Степану. Описывать всѣ тѣ сожалѣнія, которыя мнѣ пришлось выслушать, и все то радушіе, которое мнѣ оказывали, я считаю излишнимъ, такъ какъ и такъ много пришлось говорить объ этомъ.

Завтра я рѣшила ѣхать. Хлопцы сказали, что они придутъ рано утромъ прощаться со мной и проводить меня.

Вечеромъ я продолжала укладываться, но скоро пришлось оставить, такъ какъ опять пришли гости, въ томъ числѣ и батюшка съ матушкой. Этого визита я уже никакъ не ожидала. Они удивились, увидя у меня мужиковъ и хлопцевъ. Батюшка прямо обратился къ нимъ съ вопросомъ, зачѣмъ они пришли. Они сказали, что пришли провожать Надежду Даниловну. Батюшка съ матушкой скоро ушли, хлопцы тоже, а Миронъ и Иванъ долго оставались и помогали мнѣ увязывать добро. Иванъ ѣхалъ со мной.

28-е. Пишу уже не въ Гришевкѣ. Сегодня рано

утромъ, попрощавшись съ Дуней и Оеклой, которыя плакали, какъ по покойницѣ, я садилась на таратайку и по-сматривала въ ту сторону, откуда должны явиться хлопцы. Они изо всей мочи бѣжали и все же застали меня и мы попрощались другъ съ другомъ, поцѣловавшись. Это были именно тѣ, съ которыми у меня связь была крѣпче, чѣмъ съ другими. Они какъ-то точно не вѣрили своимъ глазамъ, да и мнѣ какъ-то странно было подумать, что вотъ была у меня семья, а теперь не будетъ.

Сижу я теперь одна на перепутьи и смотрю назадъ, что было. Многое можетъ быть я не такъ дѣлала, какъ нужно, и можетъ быть многое дать зло, вмѣсто добра, но мое искреннее желаніе было дѣлать добро и насколько можно больше быть полезною окружающимъ меня. Какъ удалось мнѣ это — трудно судить, да и возможно-ли? Время было такъ коротко и такъ мало пришлось пожить вмѣстѣ.

Чувство оторванности не оставляетъ меня и я думаю не оставить, пока я опять не войду въ ту же жизнь и дѣло.

Надѣюсь, что я ихъ опять найду.

Н. Д. Кившенко.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ ¹⁾.

Въ числѣ основныхъ задачъ современной этики находится и вопросъ о цѣнности жизни. Отъ отвѣта на него вполнѣ зависитъ всякое наше рѣшеніе о томъ, что слѣдуетъ считать хорошимъ или дурнымъ въ дѣлѣ поведенія. По мнѣнію Спенсера, тѣ изъ моралистовъ, которые видятъ въ жизни не благодѣяніе, а несчастіе, должны смотрѣть на поведеніе, способствующее ея продолженію, скорѣе какъ на предосудительное, чѣмъ похвальное; ибо мы должны желать скорѣйшаго конца тягостнаго существованія, а потому одобрять все то, что ведетъ къ его окончанію, и порицать все то, что такъ или иначе содѣйствуетъ его продленію для насъ самихъ или для другихъ. Тѣ же изъ нихъ, которые придерживаются оптимистическаго взгляда, или тѣ, которые хотя и не будучи чистыми оптимистами, все-таки считаютъ, что въ жизни добро перевѣшиваетъ зло, должны придерживаться въ своихъ сужденіяхъ совершенно противоположнаго взгляда: они должны считать похвальнымъ то поведеніе, которое способствуетъ жизни, и предосудительнымъ то, которое наноситъ вредъ или грозитъ опасностью своей или чужой жизни. Законодательство, стремящееся къ увеличенію

¹⁾ Эта статья есть глава изъ готовящейся къ печати книги почтеннаго автора. Будучи сами противниками философскаго пессимизма, на основаніи иныхъ мотивовъ, чѣмъ авторъ, мы даемъ, однако, мѣсто этой статьѣ: чѣмъ больше доводовъ противъ пессимизма, тѣмъ лучше. Ред.

долговѣчности, будетъ предосудительнымъ съ точки зрѣнія пессимиста и похвальнымъ съ оптимистической точки зрѣнія ¹⁾).

Многіе спрашиваютъ себя: какую цѣну должна имѣть жизнь въ глазахъ человѣка мыслящаго, просвѣщеннаго новѣйшимъ опытомъ и современною наукой? Правда-ли, что въ природѣ и человѣчествѣ заключается радикальное, абсолютное, непобѣдимое зло, что существованіе есть несчастіе и что небытіе предпочтительнѣе бытія? Какъ извѣстно, пессимисты, въ родѣ Леопарди, Шопенгауэра, Гартмана, Юліуса Банзена и т. д., отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы съ полнымъ невѣріемъ въ возможность человѣческаго счастья. Леопарди, поэтъ пессимизма, съ рѣдкою проницательностью резюмировалъ многіе доводы пессимизма; онъ первый живо описалъ ту странную философскую болѣзнь, которой суждено было овладѣть людьми конца XIX вѣка. Каро увѣряетъ, что пессимизмъ Леопарди — порожденіе горькаго опыта, пессимизмъ же Шопенгауэра и Гартмана — выводъ изъ размышленій. Но самъ поэтъ указывалъ, что его взгляды были только философскимъ выводомъ изъ наблюденій надъ человѣческою жизнью вообще, а не только его личною ²⁾).

Полнаго философскаго развитія пессимизмъ достигъ въ трудахъ Шопенгауэра. Онъ утверждалъ, что сущность всѣхъ вещей есть стремленіе, воля. «Всякое же стремленіе, возникающее изъ недостатка, изъ недовольства своимъ состояніемъ, есть, слѣдовательно, страданіе, пока оно не удовлетворено; но никакое удовлетвореніе не продолжительно, а скорѣе оно исходный пунктъ новаго стремленія. Стремленіе мы всюду видимъ многоразлично прегражденнымъ, всюду борющимся, такимъ образомъ, постоянно въ образѣ страданія: нѣтъ конечной цѣли стремленія,

¹⁾ Герб. Спенсеръ. Основанія науки о нравственности.

²⁾ Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Стр. 98, 99 и 33.

слѣдовательно, нѣтъ мѣры и цѣли страданію» ¹⁾. «Въ той самой мѣрѣ, какъ познаніе достигаетъ ясности и сознаніе возвышается, возрастаетъ и мука, которая, слѣдовательно, въ человѣкѣ достигаетъ своей высшей степени, и тутъ опять тѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе сознателенъ, чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ: — тотъ, въ комъ живетъ геній, страдаетъ болѣе всѣхъ». «Въ сущности,—прибавляетъ Шопенгауэръ,—всякая жизнь есть страданіе» ²⁾. По мнѣнію его послѣдователя, Гартмана, существуетъ три рода возможнаго для человѣка счастья, три способа понять и реализовать его. Одни надѣются достигъ счастья въ мірѣ, каковъ онъ есть, въ нынѣшней индивидуальной жизни, то черезъ свободное упражненіе чувствъ, богатство и разнообразіе ощущеній, то черезъ

¹⁾ Ар. Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и предстарленіе. Стр. 367.

²⁾ Тамъ же. Стр. 368. Ученіе о томъ, что жизнь есть страданіе, особенно распространено въ Индіи. Главнымъ его основателемъ былъ Сидатта или аскетъ Готама, какъ его называютъ иные, родившійся въ странѣ и родъ Шакіевъ и впоследствии заслужившій прозванія «будды», т.е. просвѣтленнаго, святого. Этотъ «Будда» жилъ и распространялъ свое ученіе во 2-й половинѣ шестаго вѣка до Р. Хр. Онъ училъ, что жизнь есть страданіе; и такъ какъ жажда бытія, такимъ образомъ, является основною причиною страданія, то избѣжать страданія мы можемъ только такъ: «упразднить эту жажду полнымъ упраздненіемъ вождельній, положить имъ предѣлъ, отрѣшиться отъ нихъ, воздержаться, не давать имъ мѣста». Казалось бы, логическимъ выводомъ изъ этого стремленія отрѣшиться отъ жажды бытія должно быть самоубійство, но Готама-Будда, подобно нынѣшнимъ пессимистамъ, утверждаетъ иное. Въ дѣйствительности, Будда видѣлъ логическій конецъ своего ученія, но отвергъ его какъ искушеніе злого духа (Мара). Онъ рассказывалъ своему ученику Анандѣ, какъ злой Мара приблизился къ нему и сталъ побуждать къ самоубійству, къ погруженію въ Нирвану; но онъ съ твердостью отвѣтилъ: «Я до тѣхъ поръ не погружусь въ Нирвану, злой духъ, пока святое, мною преподаваемое ученіе не окрѣпнѣетъ, не упрочится, не усвоится всѣми народами и, распространяемое все далѣе и далѣе, не станетъ достояніемъ всего человѣчества». (Будда, его жизнь, ученіе и община. Герм. Ольденберга. Стр. 80, 109 и 101). Очевидно, что эта увертка можетъ касаться только проповѣдниковъ ученія, способствующихъ его распространенію, но не заурядныхъ его послѣдователей,—для нихъ, не занимающихся распространеніемъ ученія, не должно быть никакого предлога оставаться въ сей юдоли плача и зубоваго скрежета. И если мы видимъ, что Будда остановился передъ послѣднимъ логическимъ выводомъ изъ своего ученія, то это объясняется могучею силой инстинкта самосохраненія, подсказывающаго всякаго рода увертки и достигающаго своей цѣли.

развитіе высшихъ способностей духа, черезъ мысль, науку, искусство и черезъ возвышенныя чувства, вытекающія изъ нихъ, то, наконецъ, черезъ героическую дѣятельность, страсть къ власти и славѣ. Другіе считаютъ, что счастье можетъ быть реализовано для индивидуума въ трансцендентной жизни послѣ смерти: это — надежда, которою питается толпа страждущихъ, бѣдныхъ, презираемыхъ въ этомъ мірѣ; это — убѣжище, открытое религіями, преимущественно христіанскою, всѣмъ безпомощнымъ бѣдствіямъ, безутѣшнымъ страданіямъ. Третьи, наконецъ, отказавшись отъ трансцендентнаго тамъ, принимаютъ тамъ земное, міръ будущаго, вырабатываемый трудомъ и опытомъ каждаго поколѣнія. Чтобы обезпечить пришествіе этого новаго идеала, они жертвуютъ личнымъ счастіемъ, возвышаются до забвенія своей личности, до коллективизма сознанія и воли, заранее наслаждаются при мысли о томъ, вырабатываемомъ ихъ трудами, счастья, которое достанется другимъ; его они хотятъ для своихъ потомковъ и упиваются мыслью о немъ и жертвами, которыхъ оно требуетъ. Эти благоразумныя мечты о будущемъ счастіи человѣчества на землѣ, счастіи, которое наступитъ черезъ научныя открытія, развитіе индустріи, политическія и соціальныя реформы, есть философія прогресса, сдѣлавшаяся, по словамъ Гартмана, религіей для нѣкоторыхъ энтузіастовъ. Этими тремя теоріями счастья исчерпываются всѣ иллюзіи человѣчества о счастіи ¹⁾. Пессимисты стараются доказать всю тщетность этихъ иллюзій. Гартманъ говоритъ: «сколько бы ни прогрессировало человѣчество, оно никогда не освободится отъ самыхъ величайшихъ изъ бѣдствій и даже не уменьшитъ ихъ. Эти бѣдствія суть: болѣзнь, старость, зависимость отъ воли и

¹⁾ Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Стр. 35 и 36. (См. у Гартмана «Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго». Вып. 2-й стр. 254—363).

власти другихъ, нужда и недовольство своимъ положеніемъ» ¹⁾).

Пессимисты отвергаютъ, въ теоріи, реальность всѣхъ человѣческихъ наслажденій. Уже Шопенгауэръ указывалъ, что занятія наукой мало доставляютъ удовольствія, такъ какъ для всякой истины «опредѣлено только краткое торжество, между долгими періодами, когда она какъ парадоксъ отвергается и какъ тривиальность не цѣнится» ²⁾. «Если мы выключимъ, говоритъ Гартманъ, впечатлѣнія наслажденія, которыя не идутъ прямо отъ науки и искусства, а основаны на честолюбіи, тщеславіи, доходности или другихъ мотивахъ, которыя, слѣдовательно, суть только аффектаціи, то изъ существующихъ, повидимому, въ мірѣ наслажденій наукой и искусствомъ скинется со счетовъ, по моему, значительная доля. Но и осталъная подлинная доля ихъ покупается не даромъ, хотя я не стану оспаривать того, что перевѣсъ окажется на сторонѣ наслажденій. Въ наслажденіи творчествомъ это всего яснѣе. Извѣстно, что мастера не съ неба падаютъ и что моменту зрѣлаго творчества предшествуетъ необходимая, но непріятная и трудная подготовка, которая даетъ мало радостей, происходящихъ отъ преодоленія трудностей и отъ надежды на будущее. Во всякомъ искусствѣ нужно преодолѣть технику, а въ наукѣ нужно сперва стать на уровень пробитаго направленія, чтобы не созидать того, что уже существуетъ. Сколько скучныхъ книгъ нужно прочесть только для того, чтобы добросовѣстно убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего годнаго, и сколько нужно прочесть другихъ книгъ для того, чтобы изъ кучи мусора выбрать крупинку золота?! По истинѣ, это не малая жертва. Наконецъ, вы покончили съ предварительною подготовкой; но и въ самомъ творчествѣ

¹⁾ Эд. Гартманъ. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Вып. 2-й, стр. 347.

²⁾ Ар. Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Стр. XVII.

сладкіе моменты суть только моменты самаго творчества, за ними же слѣдуютъ длинныя промежутки механически-технической обработки» ¹⁾. Такимъ образомъ оказывается, что занятіе наукой и искусствомъ, не смотря на массу огорченій, все-таки даетъ, по словамъ Гартмана, «перевѣсъ въ сторону наслажденія», т.-е. въ теоріи пессимистовъ оказалась брешь. Правда, Гартманъ спѣшитъ заткнуть эту брешь соображеніемъ, что наслажденіе творчествомъ есть «весьма рѣдкое явленіе, ибо способность къ нему есть только у избранныхъ натуръ, да и у нихъ такіе восторженные моменты бывають не часто въ теченіи жизни. Эти моменты суть какъ бы нѣкоторое вознагражденіе для тѣхъ избранныхъ существъ, которыя должны ощущать страданія жизни гораздо сильнѣе, чѣмъ другіе люди, ибо большинству легче живется вслѣдствіе его тупости» ²⁾. Но во всякомъ случаѣ мы отъ самихъ пессимистовъ получили признаніе полной реальности нѣкоторыхъ изъ наслажденій, что даетъ право утверждать реальность другаго рода наслажденій, испытываемыхъ людьми другихъ профессій, ибо понятно, что для людей науки всего ближе наслажденіе наукой.

Нечего и говорить, что наслажденія непривилегированныя, по мнѣнію пессимистовъ, еще менѣе способны доставить человѣку счастье, чѣмъ занятіе наукой и искусствомъ. Шопенгауэръ въ своей «Метафизикѣ любви» доказываетъ, что любовь доставляетъ человѣку гораздо больше страданій, чѣмъ наслажденій, и что она служитъ только приманкой, на которую природа ловитъ человѣчество, имѣя въ виду только свои цѣли размноженія, а отнюдь не счастье человѣчества ³⁾. Уже Эразмъ Роттердамскій, въ своей «Похвалѣ глупости», замѣчалъ, что не будь на свѣтѣ глу-

¹⁾ Эд. Гартманъ. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Вып. 2-й, стр. 322 и 323.

²⁾ Эд. Гартманъ. Тамъ-же. Стр. 319.

³⁾ Ар. Шопенгауэръ. Метафизика любви. Изд. Чуйко. Стр. 41 и 42.

ности, женщины не вступали бы въ супружескія отношенія, зная какія страданія бываютъ послѣдствіемъ этого. При этомъ пессимисты упускаютъ изъ виду, «что воображаемое счастье, воображаемое удовольствіе всегда остается дѣйствительнымъ, пока у того, кто за счастьемъ гонится, смерть не закроетъ глазъ и не уничтожитъ всякаго чувства» ¹⁾. Пессимисты полагаютъ, что долгъ человѣка заключается въ томъ, чтобы стремиться къ уничтоженію въ людяхъ воли къ жизни, и когда это рѣшеніе будетъ принято всѣми, то человѣчество освободится отъ мукъ реального бытія. На это многими было замѣчено, что невозможность подобнаго рѣшенія со стороны всѣхъ разумныхъ существъ (не только на землѣ, но и на остальныхъ небесныхъ тѣлахъ) — очевидна. Кромѣ того, уничтожая свою жизнь, человѣчество никакъ не можетъ уничтожить жизни вообще. Если бы даже предположить, что оно занялось самымъ тщательнымъ образомъ уничтоженіемъ животныхъ передъ собственною смертью, то все-таки оно не можетъ уничтожить тѣхъ безчисленныхъ микроскопическихъ организмовъ, которыми населенъ міръ. Этотъ микроскопическій міръ животныхъ опять, слѣдовательно, послужитъ почвой для развитія болѣе совершенныхъ организмовъ, т.-е. попытка человѣчества уничтожить бытіе не осуществится. Есть научное основаніе предполагать, что даже при условіи полного уничтоженія всѣхъ организмовъ они могутъ опять возникнуть изъ неорганической природы, какъ возникли уже когда-то. Слѣдовательно, объ уничтоженіи бытія путемъ смерти человѣчества и окружающихъ его животныхъ не можетъ быть и рѣчи. Да и странно было бы думать, что извѣстная форма бытія можетъ когда-либо уничтожить самое бытіе; форма можетъ разрушить только самую себя, а не свою сущность — бытіе.

¹⁾ П. Милославскій. Типы современной философской мысли въ Германіи. Стр. 62.

Такимъ образомъ, надежда пессимистовъ найти выходъ изъ безконечнаго страданія міра путемъ его уничтоженія—вполнѣ не удалась. Значеніе и жизненность оптимизма сказывается въ томъ, что пессимисты сами оказались зараженными оптимизмомъ, такъ какъ ихъ надежда на уничтоженіе страданія путемъ уничтоженія міра несомнѣнно подсказана имъ оптимистическимъ воззрѣніемъ. Только Юліусъ Банзенъ рѣшился отвергнуть и эту послѣднюю надежду, послѣднюю мысль, подсказанную оптимизмомъ, и говорить о ней, какъ объ иллюзіи.

Джемсъ Сѣлли утверждаетъ, что оптимистическіе и пессимистическіе взгляды нужно разсматривать, какъ слѣдствія множества причинъ, болѣе или менѣе скрытыхъ въ нашемъ внутреннемъ строеніи. Пессимизмъ есть одновременно и патологическій, и умственный феноменъ. Когда онъ доводится до крайности, то указываетъ на тяжкія измѣненія въ нервной системѣ: онъ становится настоящею болѣзнію. Оптимизмъ и пессимизмъ, прежде всего, зависятъ отъ темперамента, наслѣдственной болѣзненности строенія духа и состоянія нервовъ. Существуютъ темпераменты пессимистическіе и оптимистическіе, характеры счастливые и несчастные. Событія жизни принимаютъ совершенно различный видъ и окраску въ глазахъ тѣхъ, которые заранѣе готовы къ благопріятному объясненію, и тѣхъ, которые всегда склонны находить недостатки какъ въ людяхъ, такъ и въ жизни ¹⁾.

Нравственныя и соціальныя причины успѣха пессимизма, по мнѣнію Сѣлли, также весьма многочисленны. Пессимизмъ былъ естественною реакціей «противъ жутого оптимизма послѣдняго вѣка» и слѣдствіемъ прежняго періода чрезмѣрнаго напряженія чувствъ и экзальтированной вѣры въ идеальныя цѣли, изъ которыхъ многія оказались ошибочными. Кромѣ того, необходимо принять во

¹⁾ Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Стр. 244 и 245.

вниманіе и постепенное разрушеніе критикой прежнихъ традицій и вѣрованій, которыя, казалось, унесли съ собою при своемъ удаленіи все, что придавало красу и цѣну жизни. Правда, продолжаетъ Селли, наука процвѣтаетъ, и ея успѣхи должны бы утѣшить человѣка; но она не дала еще массѣ человѣчества новаго источника вдохновенія, новыхъ формъ, которыя могли бы передать его чувства ¹⁾.

Такъ какъ условія существованія каждаго вида, говоритъ Спенсеръ, претерпѣвали по временамъ нѣкоторыя перемѣны, то у нихъ должны были являться по временамъ нѣкоторыя несоотвѣтствія между чувствованіями и требованіями жизни, дѣлавшія необходимыми новыя приспособленія. Эта общая причина разстройства гармоніи между чувствованіями особи и требованіями жизни дѣйствовала на человѣческій родъ особенно рѣшительнымъ, постояннымъ и сложнымъ образомъ ²⁾. Въ настоящее время, очевидно, наступилъ моментъ для новаго приспособленія европейскихъ народовъ къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Поэтому, нельзя не согласиться съ Каро, что одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ причинъ успѣха пессимистической философіи въ Германіи заключается въ томъ, что она даетъ выраженіе глухому недовольству, злобѣ и всевозможнымъ требованіямъ, волнующимъ германское общество подъ его дисциплинированную, офиціальною и военною поверхностью ³⁾. Кирхманъ указываетъ на то, что въ настоящее время люди стали понимать всю ошибочность того мнѣнія, будто бы прогрессъ наукъ, техники, успѣхи въ дѣлѣ примѣненія силъ природы на пользу человѣка составляютъ причину болѣе высокой ступени счастья. Благодаря своей воспріимчивости, говоритъ онъ, человѣкъ очень скоро приспособляется къ самымъ разнообразнымъ

¹⁾ Тамъ же. Стр. 248 и 249.

²⁾ Основанія науки о нравственности. Герб. Спенсера. Стр. 106.

³⁾ Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX в. Стр. 251.

обстоятельствамъ, вслѣдствіе чего дѣйствіе внѣшнихъ причинъ на душевныя состоянія боли и удовольствія то приглушается, то усиливается, и рѣка человѣческаго счастья продолжаетъ катиться въ своемъ обычномъ руслѣ¹⁾. Надежды человечества на быстрый разцвѣтъ счастливаго будущаго, такимъ образомъ, не исполнились, и оно бросается въ другую крайность—невѣріе въ возможность счастья.

Вопросъ о «цѣнности жизни» обыкновенно начинается беспокоить человечество въ тѣ критическіе моменты, когда дѣйствительная цѣнность жизни понижается уменьшеніемъ доли счастья, приходящейся на каждого изъ насъ. Въ такое время люди начинаютъ дѣлиться на два лагеря: оптимистовъ, утверждающихъ, что жизнь въ концѣ концовъ доставляетъ намъ больше счастья, чѣмъ страданія, и пессимистовъ, увѣряющихъ, что жизнь—сплошное мученіе и страданіе. Казалось бы, что мнѣніе пессимистовъ должно бы побудить ихъ къ избавленію себя отъ мученій, т.-е. отъ жизни; но, разглагольствуя о земныхъ страданіяхъ, они все-таки придумываютъ разные логическіе выверты, чтобы оправдать себя отъ обвиненій въ непослѣдовательности и подыскать предлогъ для продолженія жизни. Такъ, Гартманъ увѣряетъ, что «личность должна цѣли безсознательнаго сдѣлать своими цѣлями», а потому отнюдь не прибѣгать къ самоубійству, «ибо способствовать міровому процессу можно только полною отдачей себя на жизнь и ея страданія, а не трусливымъ личнымъ отреченіемъ и бѣгствомъ отъ нея»²⁾. Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что пессимисты въ концѣ-концовъ всѣми силами стараются сохранить свою жизнь, всегда будетъ разбивать ихъ теоретическія заключенія о непреложной связи жизни и страданія. Мы на каждомъ шагѣ можемъ видѣть, что люди, дѣйствительно страдающіе, не прибѣгаютъ къ ло-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 352. (См. «Бесѣда о пессимизмѣ»).

²⁾ Эд. Гартманъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Вып. 2-й, стр. 373 и 374.

гическимъ уловкамъ съ цѣлью сохранить жизнь, а избавляютъ себя отъ мученій, тѣмъ или другимъ способомъ лишая себя жизни. Но нельзя не замѣтить, что при этомъ страданія бываютъ черезчуръ велики, и что въ большинствѣ случаевъ, въ которыхъ мы имѣемъ несомнѣнные доказательства перевѣса страданій надъ удовольствіями (напримѣръ, въ случаяхъ явнаго угасанія человѣка подъ бременемъ страданій), все-таки человѣкъ не имѣетъ силъ лишить себя жизни. Это обыкновенно объясняется существованіемъ инстинкта самосохраненія. Въ чемъ же спрашивается, сила этого инстинкта? Почему онъ явился въ организмъ и играетъ въ немъ такую могучую роль? По нашему мнѣнію, этотъ инстинктъ является результатомъ прежнихъ впечатлѣній удовольствія отъ жизни, сохраненныхъ организмомъ и переданныхъ по наслѣдству 1). Такимъ образомъ, накопленіе инстинкта самосохраненія началось съ зарожденія органической жизни и шло вмѣстѣ съ развитіемъ ея. Человѣкъ получаетъ какъ бы наслѣдственный капиталъ отъ всего процесса развитія органической жизни, въ видѣ накопленной массы впечатлѣній отъ удовольствій, доставленныхъ жизненнымъ процессомъ всѣмъ нашимъ предкамъ, начиная съ первобытной протоплазмы. Этотъ капиталъ заявляетъ о своемъ присутствіи въ жизни человѣка, въ видѣ бессознательнаго инстинкта самосохраненія. Понятно, что при существованіи подобнаго рода наслѣдства индивидуальная жизнь человѣка можетъ быть полна страданій и онъ все-таки будетъ инстинктивно цѣнить жизнь, такъ какъ къ этому его побуждаетъ сила, съ которою ему трудно бороться—инстинктъ самосохраненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, что существованіе такого инстинкта вполне доказываетъ, что въ общемъ своемъ

1) Редакція не можетъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, полагая, что самосохраненіе не есть продуктъ опыта, а первичное свойство самыхъ простыхъ организмовъ и даже неорганизованной матеріи (инерція). Ред.

теченіи жизненный процессъ доставляетъ органическому міру больше удовольствій, чѣмъ страданій, иначе не образовался бы подобный инстинктъ и органическій міръ исчезъ бы съ лица земли, распавшись на химическіе элементы.

Уже Аристотель высказалъ вполне справедливую мысль, что удовольствій и страданій столько же, сколько ощущенийъ, а такъ какъ ощущение есть сознаніе какой-нибудь энергіи организма, то каждой энергіи, или, лучше сказать, отпращивленію послѣдняго долженъ соотвѣтствовать особый видъ удовольствій и особый видъ страданій ¹⁾.

Спенсеръ указываетъ на тотъ фактъ, что во всемъ животномъ мірѣ страданія, необходимымъ образомъ, соотносительны вреднымъ для организма дѣйствіямъ, а удовольствія столь же необходимо соотносительны дѣйствіямъ, ведущимъ къ его благополучію; гипотеза развитія приводитъ насъ къ тому неизбѣжному выводу, что одаренныя чувствительностью породы организмовъ не могли явиться на свѣтъ ни при какихъ другихъ условіяхъ. Только тѣ породы существъ могли выжить, у которыхъ, въ среднемъ выводѣ, пріятныя чувствованія сопровождали дѣятельности, ведущія къ сохраненію жизни, а непріятныя сопровождали дѣятельности, прямо или косвенно пагубныя для нея. Такимъ образомъ, тѣсная связь жизненныхъ процессовъ организма и пріятныхъ чувствованій считается Спенсеромъ необходимымъ условіемъ существованія всѣхъ организмовъ, а такъ какъ человѣчество не только существуетъ, но и размножается, то мы въ правѣ заключить, что и его жизнь въ среднемъ выводѣ даетъ перевѣсъ счастья надъ несчастьемъ ²⁾. Но если Спенсеръ вполне правъ, утверждая, что возможность существованія человѣчества опредѣлилась только тѣмъ, что въ его жизни пріятныя впечат-

¹⁾ Ник. Гротъ. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основаніяхъ.

²⁾ Гер. Спенсеръ. Основанія науки о нравственности.

лѣнія брали верхъ надъ непріятными, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упускаетъ изъ вида, что извѣстная часть человѣчества въ данный періодъ своей жизни можетъ быть поставлена въ такія условія, при которыхъ несомнѣнный верхъ остается за страданіями, а не за удовольствіями. Показателемъ этого явленія можетъ служить вырожденіе, вымираніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и произвольная приостановка увеличенія народонаселенія. Съ точки зрѣнія самого Спенсера, эти явленія иначе нельзя и объяснить, какъ преобладаніемъ страданій надъ удовольствіями. Можно быть оптимистомъ, наблюдая ходъ жизни человѣчества въ его цѣломъ, и въ то же время ясно видѣть первые предвѣстники вымиранія какого-нибудь отдѣльнаго народа, т.-е. быть въ отношеніи къ нему пессимистомъ. Спрашивается: какъ долженъ поступать человѣкъ въ этихъ исключительныхъ случаяхъ? Онъ несомнѣнно видитъ преобладаніе страданій надъ удовольствіями; но въ правѣ-ли онъ способствовать этому вымиранію какими-либо дѣйствіями, руководствуясь тѣмъ, что онъ уменьшаетъ этимъ страданіе людей? Мы видимъ всегда и всюду, что люди, организмъ которыхъ быстро разрушается подъ вліяніемъ преобладанія несчастій надъ счастьемъ, все-таки стараются во что бы то ни стало сохранить свою жизнь. Какъ они сами, такъ и окружающіе обыкновенно пытаются объяснить это тѣмъ, что человѣкъ все-таки надѣется въ будущемъ пополнить недостатокъ счастья. Эти разсужденія предполагаютъ, что люди сознательно взвѣшиваютъ свои страданія и удовольствія, и если продолжаютъ жить, такъ только потому, что нашли жизнь выгодною, въ смыслѣ перевѣса удовольствій. На самомъ дѣлѣ все это происходитъ, какъ мы уже говорили, гораздо проще.

Преобладаніе удовольствій надъ страданіями обусловило существованіе всего органическаго міра. Опыты этого преобладанія удовольствій отпечатались въ организмѣ и стали передаваться по наслѣдству въ видѣ интуиціи. Эту вполне

біологическую интуицію мы обыкновенно называемъ инстинктомъ самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія—это есть переданный намъ по наслѣдству организованный опытъ преобладанія удовольствій надъ страданіями въ жизни нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Вотъ съ этимъ-то наслѣдственнымъ капиталомъ приходится жить и тому, у кого страданія берутъ верхъ надъ удовольствіями. Безсознательное чувство твердитъ ему: живи, а сознание старается украсить эту вынужденную жизнь розовыми лоскутьями надежды. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то сознательномъ разсчетѣ: человѣкъ просто повинуется слѣпой силѣ, стремящейся во что бы то ни стало сохранить организмъ. Тотъ, кто посягаетъ на жизнь несчастнаго человѣка, тотъ не уменьшаетъ его страданій, а увеличиваетъ ихъ самымъ большимъ несчастіемъ—отнятіемъ жизни. Мы не въ правѣ прилагать въ этихъ случаяхъ никакой субъективно-родовой мѣрки, и субъективно-индивидуальный страхъ разрушенія, хотя и не имѣющій, строго говоря, реальныхъ основаній въ его индивидуальной жизни, все-таки долженъ непремѣнно идти въ счетъ.

И такъ, можно быть пессимистомъ въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, о которомъ мы говорили выше, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только не желать прекращенія тягостнаго существованія, а, наоборотъ, всѣми силами стараться помочь выйти данному народу изъ его бѣдственнаго положенія, такъ какъ несчастіе не есть необходимый удѣлъ человечества, а только исключеніе въ его жизни, рассматриваемой во всей ея совокупности. По мнѣнію г. Грота, соціологія не можетъ стать ни на сторону пессимизма, ни на сторону оптимизма, такъ какъ у нея нѣтъ для этого данныхъ. Единственный методъ доказать правильность той или другой гипотезы, говоритъ онъ, можетъ состоять только въ томъ, чтобы сосчитать всѣхъ людей, признающихъ себя счастливыми. Но такъ какъ это невозможно, то немыслимо вполне научно рѣшить споръ между двумя

гипотезами ¹⁾. По нашему мнѣнію, это невѣрно. Всѣмъ извѣстно, что страданія угнетаютъ и губятъ жизнь, а все то, что придаетъ энергію и жизненность организму, виѣстѣ съ тѣмъ, доставляетъ ему удовольствіе. Исходя изъ этого положенія и видя не паденіе, а развитіе органическаго міра вообще и въ частности человѣчества, необходимо прійти къ заключенію, что удовольствія преобладаютъ надъ страданіями. Иначе, вѣдь, жизнь должна была бы давно погибнуть, такъ какъ нельзя отрицать факта связи страданія съ паденіемъ жизненности и удовольствія съ поднятіемъ ея уровня. Хотя всѣ эти соображенія основаны не на статистикѣ, но они достаточны, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что удовольствіе должно преобладать надъ страданіемъ. Но изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что въ каждомъ данномъ субъектѣ мы можемъ найти ихъ преобладаніе. Наоборотъ, мы часто видимъ, какъ люди чахнутъ подъ гнетомъ страданій и умираютъ: цѣлыя племена быстро вымираютъ, а это доказываетъ, что ихъ жизненная энергія ослабѣла подъ наплывомъ новыхъ условій жизни, доставляющихъ имъ больше страданій, чѣмъ удовольствій. И такъ какъ наплывъ страданій не имѣетъ остраго характера, могущаго заставить ихъ прибѣгнуть къ самоубійству, то они и погибаютъ медленною смертію.

Многіе психологи держатся того мнѣнія, что организаціи человѣка дана совершенно одинаковая возможность столько же для удовольствій, сколько и для страданій, что организація даетъ всѣ условія для полного равновѣсія тѣхъ и другихъ, ибо не предопредѣляетъ ни перевѣса страданій надъ удовольствіями, ни перевѣса удовольствій надъ страданіями. Эти авторы могли прійти къ такому ложному заключенію только потому, что, выхватывая изъ эволюціоннаго движенія всего органическаго міра данный организмъ, рассматриваютъ его въ состояніи *statu quo*, безъ

¹⁾ О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ мировоззрѣній. Профессора Н. Я. Грота.

соображенія съ его историческимъ происхожденіемъ и развитіемъ. Между тѣмъ, только развитіе жизненной энергіи, выражающееся въ эволюціонномъ развитіи, можетъ намъ указать на преобладаніе удовольствія, т.-е. ощущенія, необходимо сопутствующаго всякому фізіологическому повышенію жизненной энергіи.

Слѣдовательно, на вопросъ: стоитъ-ли жизнь того, чтобы жить—мы смѣло можемъ отвѣтить: да. И такъ какъ счастье есть необходимое условіе для жизни человѣческаго организма, то, понятно, что нравственное поведение должно заключаться въ стремленіи къ увеличенію счастья, какъ главнаго условія существованія и развитія жизни. Нравственно только такое поведение, которое даетъ наибольшую сумму счастья, т.-е. наиболее поддерживаетъ жизнь человѣчества при современныхъ условіяхъ.

І. Юзовъ.

НАБРОСКИ КАРАНДАШОМЪ.

ТАЛАНТЪ.

ГЛАВА I.

Въ консерваторіи (все равно какой) готовились къ концерту, которые ежегодно даются съ помощью лучшихъ учениковъ и ученицъ.

Пока арена, гдѣ разыгрываются большія и маленькія самолюбія, далека отъ нихъ, пока перспективы будущей славы носятся передъ ними какъ бы въ туманѣ—эти ученическіе концерты имѣютъ не мало прелести. Многое въ нихъ такъ еще несовершенно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣжо и увлекательно. У этихъ готовящихся концертантовъ жажда производить эффекты не убила еще индивидуальности, и сквозь незаконченную игру васъ вдругъ можетъ поразить самая трогательная задушевность, самое подъ часть смѣлое и оригинальное толкованіе чужой мысли. Здѣсь, въ заведеніяхъ, многіе профессора, вѣрные музыкальнымъ традиціямъ, дерзаютъ еще поощрять не шаблонную музыку. Они думаютъ, что не слѣдуетъ приносить всего въ жертву механизму—играющій долженъ стремиться тронуть слушателя, а не поразить и оглушить его. Они хорошо знаютъ капризы и причуды публики. Они находятъ, что публику слѣдуетъ воспитывать, а если ее балуютъ, не шевеля ея души, не задѣвая глубоко, скользя по ея внѣшнимъ чувствамъ, она пресыщается и становится непомѣрно требовательна къ эффектамъ. Въ самомъ дѣлѣ, слушая нѣкоторыхъ современныхъ концертантовъ, начинаешь бояться за будущность піанистовъ, начинаешь думать, что неда-

леко то время, когда для возбужденія вниманія публики придется играть черезъ натянутое на клавиши полотенце, или ладонями вверхъ, или же, наконецъ, исполнять трудные пассажи не двумя, а одною рукой съ помощью нухоты носа. Да не посѣтуютъ артисты за такое вульгарное предположеніе; но, вѣдь, самый совершеннѣйшій механизмъ имѣетъ предѣлы, дальше которыхъ идти нельзя, и только порывы души человѣческой безпредѣльны, только то, что глубоко трогаетъ, не даетъ пресыщенія, а всегда является одинаково новымъ и прекраснымъ.

И такъ, готовились къ концерту. Оставалось всего шесть дней до назначеннаго вечера, а уже явились очень опасные симптомы того, что концертъ можетъ не состояться. Сегодня, на примѣръ, молодой скрипачъ, слава и гордость своего учителя, наотрѣвъ отказался играть. Позвали директора. Въ аудиторіи поднялся шумъ и взаимныя пререканія. Учитель, размахивая смычкомъ, какъ разъяренный пѣтухъ насккивалъ на своего ученика, а тотъ уперся и ни съ мѣста. Директоръ, разсерженный, красный, всклокоченный выбѣжалъ въ корридоръ.

— Гдѣ Рулева?—закричалъ онъ.

Проходившіе ученики остановились и смотрѣли на него съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Отыщите мнѣ ее тотчасъ и приведите сюда, — добавилъ онъ грозно.

Нѣсколько человѣкъ разсыпались въ разныя стороны, и, возвратясь, объявили, что Рулевой нигдѣ нѣтъ.

Директоръ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, вздернулъ плечомъ и, подошедши къ дверямъ, ведущимъ въ парадный залъ, пріотворилъ ихъ и началъ слушать. Тамъ двѣ дѣвушки играли концертъ Шумана на двухъ рояляхъ. Яркое весеннее солнце, ворвавшись въ большія окна, освѣтило ее во всѣхъ ея подробностяхъ. Колонны, заново отѣланныя, блестѣли, кидая длинныя тѣни. Стекланныя украшенія на бронзовыхъ канделябрахъ отливали всѣми цвѣтами радуги. Свѣтлые волосы одной изъ играющихъ, пропустивъ лучи солнца, окружали ее голову точно сіяніемъ. Залъ имѣлъ торжественный и праздничный видъ, а директоръ имѣлъ видъ хищника, подстерегающаго добычу. Лицо его выражало страстное нетерпѣніе, точно онъ выжидалъ случая выместить на комъ-нибудь свою досаду.

И вотъ его артистическаго уха коснулась фальшь. Былъ пропущенъ тактъ, и въ торопяхъ вмѣсто *fa* бемоль было взято *redîsè*. Онъ схватилъ себя за волосы и кинулся къ играющимъ.

— Это Малова, это вы! Остановитесь, остановитесь, — кричалъ онъ въ изступленіи, и топалъ ногами.

Виновица его ярости, молодая высокая дѣвушка съ черными глазами, быстро вскочила съ табурета. Нижняя губа ея дрожала, румянецъ исчезъ, разлившаяся блѣдность точно въ одно мгновеніе состарила ея лицо. Всегда красивое, въ эту минуту оно было совсѣмъ нехорошо.

— Вы мнѣ на зло, на зло дѣлаете одну и ту же ошибку! Я запрещаю вамъ совсѣмъ играть, я не хочу, чтобы вы срамили консерваторію. Кто васъ въ шею гонить! Начинайте опять съ *allegro*. *Allegro!* — крикнулъ онъ.

Малова переглянулась со своею товаркой, полною блондинкой, и опять сѣла за рояль и, по мѣрѣ того, какъ онѣ играли, артистическое ухо директора стало ясно различать страстную, выразительную, но неровную игру Маловой и отеканенную, блѣдную, холодную игру блондинки. Чѣмъ больше онѣ играли, тѣмъ сильнѣе чувствовалась эта разница. Подъ конецъ онъ слышалъ одни только эти рѣдкіе звуки, которые сыпались подобно гороху на жестяную доску, и до того стали раздражать его, что онъ готовъ былъ прогнать ихъ обѣихъ. Онъ удивлялся теперь, что могъ заставить играть ихъ вмѣстѣ, и чтобы сдержать свое раздраженіе, онъ нетерпѣливо отбивалъ тактъ рукой. Приближалось роковое мѣсто. Онъ напрягалъ свой слухъ, игра блондинки ступевалась, онъ слышалъ только одну Малову. Щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, глаза ея, казалось, свѣтились сквозь опущенныя рѣсницы. Она была взволнована и разсержена, Злополучный тактъ прошелъ мимо, *fa* бемоль не измѣнилъ ей; чувство радости придало ей точно крылья: послѣднія заключительныя страницы она сыграла съ такимъ мастерствомъ, такъ выразительно, горячо и мѣтко, что всякая злость исчезла съ лица директора и, когда онѣ кончили, онъ невольно захопалъ въ ладоши. Блондинка приняла это на свой счетъ и въ то время, какъ Малова порывисто убѣгала, косясь однимъ глазомъ на директора, та, улыбающаяся, довольная собою, невозмутимо выплыла изъ зала, слегка раскачиваясь на своихъ корот-

кихъ ногахъ. «Вотъ дерево», — подумалъ директоръ и закричалъ: «Повзвать мнѣ Рулеву!» Блондинка кивнула головою, а директоръ сердито думалъ: «какъ могъ я увлекаться этой», тутъ въ умѣ его промелькнуло одно сравненіе съ полезнымъ, но весьма неграціознымъ животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда она поступила въ консерваторію, ему понравилась ея величавая наружность, ея спокойная улыбка, ея удивительное самообладаніе. Онъ взялъ ее къ себѣ, и это была единственная ученица, съ которою онъ не раздражался. Она выучивала уроки твердо, играла отчетливо, не возбуждая въ душѣ слушателя ровно ничего. У нея были виртуозныя руки и — только. Директоръ, всегда съ нею спокойный, приходилъ съ Малочой въ неописанную ярость. У этой была игра порывистая и страстная. У нея никогда не хватало терпѣнія выучить что либо до конца. Она гналась за цѣлымъ, проглатывая детали, вѣчно фальшивила и ничего не умѣла сыграть въ совершенствѣ. Ей удавались только тѣ мѣста, которыя ей особенно нравились. Однажды она до того разозлила директора, что тотъ гнался за ней черезъ весь залъ и, наконецъ, швырнулъ ей тетрадь въ догонку. Ученицы не должны были обижаться подобными выходками. Онъ былъ великій артистъ. Ему не слѣдовало брать себѣ ученицъ, пока тѣ не достигали извѣстнаго совершенства. Его призваніе было дѣйствовать на подготовленную душу, а не вслушиваться въ игру достигающаго таланта: накладывать послѣдніе штрихи на законченную работу, раздуть тлѣющуюся искру, вдохнуть страсть къ достиженію. Онъ раздражалъ нервнымъ своимъ нетерпѣніемъ и подчасъ рѣзкими выходками, и совсѣмъ парализовалъ малодушныхъ. Онъ одновременно проклиналъ и любилъ своихъ учениковъ и готовъ былъ драться съ ними и плакать отъ умиленія, если случалось слышать что-нибудь удачно сыгранное. Онъ всегда являлся, какъ гроза, съ раскатами грома и проблесками солнца изъ за тучъ. Его всклокоченная голова наводила панической страхъ на многихъ.

Теперь онъ выходилъ изъ себя потому, что Рулева смѣла не являться. Онъ заложилъ руки въ карманы, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и остановился у окна. У него было нѣсколько круглое, незначительное лицо, тупой носъ и мясистый подбородокъ. Приподнятые углы рта

съ глубокими, но короткими складками обличали въ немъ чловѣка страстнаго и необладающаго терпѣніемъ. Темно-сѣрые глаза, смотрѣли насмѣшливо и остро. Пальцы у него были короткіе, но гибкіе и сильные. Онъ умѣлъ извлекать звуки, заставлявшіе плакать слушателей; но онъ рѣдко этого хотѣлъ. Онъ позволялъ себѣ гениальныя небрежности. Однажды онъ началъ играть въ концертѣ сонату съ другаго тона и продолжалъ, транспонируя ее какъ бы по вдохновенію. Рояль повиновался ему, но жизнь захватила его и держала въ своихъ опьяняющихъ объятіяхъ. На себя, какъ на композитора онъ давно махнулъ рукой. Въ настоящее время, помимо его собственнаго сознанія, за нимъ укоренилась репутація самаго остроумнаго собесѣдника и самаго счастливаго дамскаго кумира.

Стоя у окна и глядя на улицу, онъ проклиналъ Рулеву. Эта дѣвчонка, по его мнѣнію, стала въ послѣднее время невыносимо дерзка и своевольна. Онъ давалъ себѣ слово проучить ее. Если она не явится, онъ велитъ насильно ее притащить.

Въ слѣдующей залѣ раздался акомпаниментъ и два женскихъ голоса запѣли дуэтъ: «Конецъ мечтамъ, конецъ надеждамъ»... изъ «Пророка» Мейербера. Сначала онъ оставался совершенно глухъ, но артистъ пересилилъ въ немъ нетерпѣливаго директора, онъ подошелъ къ двери и сталъ внимательно слушать. Голоса были удивительно подобраны. Прекрасное свѣжее сопрано вливалось серебристою волной въ густое полное контральто. Вопли и сѣтованія молодой дѣвушки дополнялись звуками, полными могучей скорби, выходившими изъ груди матери, оплакивающей своего сына. Этотъ дуэтъ Фидесъ и Марта должны пѣть безъ музыки, полагаясь единственно на свой собственный слухъ. Пѣли его двѣ некрасивыя дѣвушки сестры, которыя поддерживали свое пребываніе въ консерваторіи страшнымъ трудомъ и непомѣрными лишеніями. Онъ зналъ ихъ очень хорошо. Онъ помнилъ много исторій, происшедшихъ съ ними, въ которыхъ его любимицы играли очень незавидную роль, но онъ прощалъ своимъ любимицамъ: онѣ всегда были талантливы и часто очень хороши. По его мнѣнію, піанистка могла еще быть дурна, а пѣвица, — никогда! Если у нея не было красиваго лица, она должна была обладать красивою фигурой, а объ этихъ сестрахъ онъ вы-

разжался: «Qu'elles n'y avaient même pas les dos». Бѣдняжки трепетали его. Скажи имъ теперь кто-нибудь, что онъ самъ съ такимъ вниманіемъ ихъ слушаетъ, какъ бы онѣ были счастливы. До сихъ поръ никто не восхищался ими, кромѣ ихъ стараго учителя, и среди малоразвитаго общества ихъ школы, эти двѣ трудящіяся бѣдныя дѣвушки на каждомъ шагу чувствовали и свое безобразіе, и свою нищету. Однажды ихъ едва совсѣмъ не выгнали. Одна очень красивая, но съ маленькимъ голоскомъ ученица была отодвинута профессоромъ пѣнія на задній планъ для некрасиваго сопрано. Это случилось зимой. Недолго думая, обиженная помчалась въ уборную, вытащила красныя фланелевыя юбки несчастныхъ сестеръ и развѣсила ихъ на кресло, приготовленное для директора. Юбки были поношены, съ бѣлыми, грязными тесемками. Издали онѣ представляли очень некрасивую картину, напоминая собой одежды, о которыхъ обыкновенно не говорятъ. Эффектъ вышелъ грубый, но поразительный. Ужасъ и отчаяніе бѣдныхъ сестеръ не имѣло границъ. Директоръ простилъ ихъ, потому что вся эта исторія показалась ему въ высшей степени комична. Особенно потѣшала его виновница этой исторіи. Во все время слѣдствія она держала себя съ достоинствомъ оскорбленной принцессы и онъ ею невольно любовался. Съ тѣхъ поръ, однако, въ его артистическомъ воображеніи сестры никогда не являлись безъ своихъ красныхъ фланелевыхъ юбокъ, онѣ придали имъ особенную окраску, возбуждавшую въ немъ брезгливую къ нимъ антипатію. Въ настоящую минуту онъ любовался ихъ голосами какъ бы сквозь призму этихъ поношенныхъ одеждъ, и саркастическая улыбка мелькала на его губахъ.

Дуэль кончился.

— Неправда-ли, прекрасно поютъ, — сказалъ за нимъ голосъ.

Директоръ обернулся и протянулъ руку старику съ широкимъ лысымъ черепомъ и добродушной улыбкою.

— Вы не видали Рулевой? спросилъ онъ, опять возвращаясь къ ней.

— Она гуляетъ въ корридорѣ, — отвѣчалъ старикъ.

— Какъ она смѣетъ гулять! Я жду ее цѣлый часъ, а она гуляетъ.

— Nicht so arg, — сказалъ старикъ и, положа ему руку

на плечо, тихонько прибавилъ:—эта дѣвочка заставить насъ поплясать передъ собой, попомните мое слово.

Легкая судорога перекосила губы директора. Если бы не этотъ старикъ, котораго онъ глубоко уважалъ и который былъ когда-то его учителемъ, онъ способенъ былъ наговорить ему дерзостей въ отвѣтъ, но передъ нимъ таиться нечего, старикъ зналъ его насквозь и потому онъ сказалъ насколько возможно покойно: — Пока она у меня, я заставлю себя уважать и слушаться. Я не позволю нарушать дисциплины въ моемъ заведеніи.

— Но ее беречь нужно,—отвѣчалъ старикъ и, глядя ему въ глаза, онъ прибавилъ:—она пойдетъ далеко, она можетъ пойти дальше насъ.

— Чортъ ее бери!—воскликнулъ директоръ,—недоставало, чтобы вы отправились и сказали, что я желаю поступить къ ней въ ученики.

Старикъ расхохотался.

— Ну, ну,—началъ онъ, добродушно улыбаясь и слегка тряся его за локоть. —Я пойду приведу, приведу ее къ вамъ; только не сердитесь, дайте слово, что не будете сердиться.

Директоръ пристально посмотрѣлъ на него и въ свою очередь расхохотался.

— О, ein alter schwärmer ¹⁾,—сказалъ онъ. Которую ужъ это вы прочтете въ великія артистки, а?

Старикъ махнулъ рукой и вышелъ. Черезъ минуту онъ вернулся, за нимъ шла Рулева. Она была небольшого роста, нѣсколько худощава; полныя губы, вадернутый носъ и ямочки на щекахъ могли бы сдѣлать ея лицо вульгарнымъ, если бы не глаза. Въ глазахъ ея было такъ много чарующей, притягательной силы, что нельзя было оторваться отъ нихъ. Темнорусые волосы, прямые, лишенные всякаго блеска, небрежно были закручены на затылкѣ. Она не носила гривки на лбу, подобно современнымъ женщинамъ, и короткіе волосы, не вошедшіе въ косу, беспорядочными прядями падали на ея бѣлые виски и художественно очерченныя ушки. Линіи ея покатыхъ плечъ и стана были необыкновенно мягки и женственны. Глядя на такую женщину, трудно замѣтить, во что она

¹⁾ Старый мечтатель.

одѣта, она облагораживаетъ и возвышаетъ всякій костюмъ. Какая-то неизвѣданная глубина таилась въ ея взглядѣ. Присутствіе какой-то духовной силы сказывалось во всей ея миниатюрной фигурѣ.

— Что же вашъ Шопень?—спросилъ директоръ почти мягко.

— Я не могу играть, — отвѣчала она, и насмѣшливые огоньки забѣгали въ ея глазахъ.

— Какъ, и вы не можете играть?—вскричалъ онъ, готовый забыть данное слово старику и обрушиться на нее съ крикомъ и бранью.

— Не могу, — отвѣчала она, сѣясь казаться спокойною, между тѣмъ, какъ губы ея дрожали отъ улыбки.

— Я заставлю васъ играть, — заревѣлъ директоръ.

— У меня руки болятъ, отвѣчала она.

— Это вздоръ, однѣ отговорки.

— Нѣтъ, у меня дѣйствительно руки болятъ, — начала она уже совершенно серьезно. Она приподняла свои бѣлыя, точно изъ мрамора выточенные, руки и продолжала: — Когда я играю, я чувствую ноющую боль. Эта боль начинается отъ перваго и указательнаго пальцевъ и идетъ до самой спины.

— Рулева, вы не обманываете?—спросилъ онъ, съ тревогой въ голосѣ.

— Нѣтъ, не обманываю, отвѣчала она убѣдительно. — Прежде я чувствовала подобную боль послѣ продолжительной игры, но стоило мнѣ отдохнуть немного и боль проходила. Теперь никакой отдыхъ мнѣ не помогаетъ. Я не могу играть.

Не было никакого сомнѣнія, — что она говоритъ правду.

— Вотъ, — обратился директоръ по нѣмецки къ старику, который подошелъ къ нимъ и очень внимательно слушалъ. — Я говорилъ вамъ, что она можетъ испортить себѣ руки. Она черезчуръ рвалась впередъ, я говорилъ, что это можетъ случиться, и случилось.

Старикъ покраснѣлъ такъ, что лысина его казалась багровою.

— О, о! — началъ онъ, — теперь требуется такой механизмъ, что артистъ погибаетъ подъ разными фокусами. Это такъ, это такъ, — и обратясь къ Рулевой, онъ продолжалъ горячо:

— Вѣдь, это, моя барышня, не то, что, по канату ходить, или черезъ голову кувыркаться, вы нервы свои тратите, нервы. Понимаете-ли вы, какъ это серьезно?

— Докторъ говорилъ мнѣ, что если я отдохну, все пройдетъ, — сказала Рулева.

— Какой докторъ сказалъ вамъ это, — воскликнулъ директоръ. — Я дамъ вамъ рекомендацію къ самому лучшему специалисту. Ахъ, Боже мой, Боже мой, — схватилъ онъ себя за голову.

Онъ уже не хотѣлъ покорять Рулеву своей волѣ, онъ былъ въ отчаяніи, что концертъ можетъ разстроиться, а главное его беспокоили ея руки.

Опять огоньки забѣгали въ ея глазахъ. Она не вѣрила въ серьезность своей болѣзни. Ей улыбалась перспектива огорчить и привести въ ярость этого директора, который могъ быть жестокъ и несправедливъ къ ней. Въ послѣдній разъ, когда она играла въ дворянскомъ собраніи, гдѣ ее слушалъ чуть-ли не весь городъ, она произвела неслыханный фуроръ, но, увы, сдѣлала незначительную ошибку. Никто изъ публики, конечно, не замѣтилъ этого, только одинъ изъ молодыхъ профессоровъ, сидя за спиной директора, воскликнулъ: «Sapere! и это первая ученица!» Для щепетильнаго самолюбія директора подобнаго восклицанія было совершенно достаточно. Рулева кончила при взрывѣ дружныхъ, оглушительныхъ аплодисментовъ. Въ ней чувствовалась будущая великая артистка. Директоръ съ любезною улыбкой подошелъ и предложилъ ей руку, чтобы отвести ее въ уборную. И когда она, гордая, упоенная торжествомъ, съ чувствомъ довѣрія оперлась на руку своего учителя, онъ сталъ осыпать ее самыми жесткими, самыми незаслуженными упреками. Онъ запрещалъ ей совсѣмъ играть во второмъ отдѣленіи. Рулева дрожала отъ обиды и горечи. Ея первый дѣйствительный успѣхъ былъ отравленъ его несправедливостью. Когда ее вторично вызвали, она вышла блѣдная, съ потухшимъ взглядомъ, съ руками, безсильно повисшими. Она отказалась играть на бисъ, и тѣмъ сильнѣе чувствовала оскорбленіе, чѣмъ менѣе смѣла его выказать. Она наотрѣзъ отказалась участвовать во второмъ отдѣленіи. Ее упрасивали, умаливали, директоръ грозилъ — все было напрасно. Онъ смирился. Онъ почувствовалъ ея силу, и сталъ съ нею

кротокъ и тихъ, но въ душѣ ея точно что-то порвалось къ нему съ этого вечера. Онъ позволилъ себѣ бросить ей въ лицо упрекъ въ томъ, что она его стипендіатка, именно въ то время, когда она принесла ему столько чести. Его всѣ поздравляли, а ее осыпали похвалами. Опьяненная своимъ первымъ успѣхомъ, она не могла не чувствовать, что она самая его выдающаяся ученица, что она, быть можетъ, современемъ побѣдитъ самого учителя. Она умѣла извлекать звуки, передъ которыми нельзя было не преклониться. И всѣ преклонились передъ нею въ этотъ вечеръ. И вдругъ онъ отравилъ ея торжество. Она была слишкомъ нѣжна и молода, чтобы не почувствовать себя потрясенною. Потомъ она горько жалѣла о томъ, что отказалась играть во второмъ отдѣленіи. Это было единственное средство показать ему, что она презираетъ его несправедливыя выходки. Съ этого вечера отношенія ея къ учителю совершенно измѣнились. вмѣсто прежней довѣрчивой почтительности явилось желаніе дѣлать ему все наперекоръ, злить и выводить его изъ терпѣнія. Болѣзнь рукъ, которой она не придавала никакого серьезнаго значенія, точно подоспѣла ей на помощь, и радовала ее.

— Рулева,—началь директоръ, и опять тревога слышалась въ его голосѣ. — Эта колющая боль вещь очень серьезная. Не смѣйтесь,—прибавилъ онъ строго, замѣтивъ огоньки въ ея глазахъ.—Вамъ все шутки. Вы навсегда можете лишиться себя рукъ!... Вспомните Шумана. Онъ былъ великій композиторъ, а вы, что вы станете дѣлать, если у васъ пропадутъ руки?

Рулева не смѣялась больше. При послѣднихъ его словахъ она отодвинулась отъ него, лицо ея покрылось блѣдностью, губы дрогнули и она готова была разрыдаться.

— Полноте, полноте, дитя мое,—сказалъ онъ, спохватившись, и дружески похлопалъ ее по плечу.

Страхъ потерять ее осилилъ въ немъ гордость директора. Теперь онъ самъ готовъ былъ сказать ей, что она его побѣдила и, глядя на нее съ отеческою нѣжностью, онъ продолжалъ:

— Вы будете здоровы, мы васъ вылечимъ, мы вамъ не позволимъ хворать; вѣдь, вы наша первая ученица, вы гордость моя,—протянулъ онъ.—Мы безъ васъ обойтись не можемъ.

Онъ смотрѣлъ на нее такъ, точно просилъ прощенія за все, все прошлое. Онъ тронулъ ее до глубины души. Въ эту минуту она видѣла въ немъ только великаго артиста и своего дорогого учителя. Она заговорила торопливо, мѣняясь въ лицѣ и дрожащимъ голосомъ:

— Я хочу играть, я буду играть. Я преодолѣю боль. Докторъ сказалъ, что пустяки. Я не хочу огорчать васъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, дитя мое...

Вдругъ онъ взялъ ея руку и почтительно поднесъ ее къ губамъ.

Она вспыхнула, закрыла лицо и убѣжала изъ зала, а онъ подошелъ къ окну и угрюмо началъ смотрѣть на улицу.

Когда онъ принималъ консерваторію въ свое владѣніе, его окрыляла мысль создать школу, которая станетъ разсадникомъ талантовъ. Она прогремитъ на весь свѣтъ, его ученики будутъ поддерживать славу его имени. И вотъ, сколько лѣтъ бьется онъ, забывъ совершенно свою артистическую карьеру, и ни одного громкаго имени, ни одного знаменитаго артиста.... Консерваторія служить какъ бы этапомъ, гдѣ на время останавливается молодежь для того, чтобы немножко поучиться, немножко приглядѣться къ музыкѣ и уйти затѣмъ, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ и унося очень мало. Сколько талантовъ намѣтилъ онъ, но гдѣ они? Что съ ними случилось? Куда они исчезли? Почему предпочли они неизвѣстность труда и будущей славы?... Его школа казалась ему въ настоящую минуту пустыней. Точно стаи птицъ пролетали надъ нею, не оставляя никакихъ слѣдовъ, даже ничьихъ могилъ здѣсь не было, пусто, пусто, пусто! Злоба душила его, злоба на то, что онъ убилъ въ себѣ генія. Онъ размѣнялъ себя на мелкую монету, для чего, для кого? Онъ заживо хоронилъ свое имя. Онъ думалъ теперь, что эта школа его принизила, что это вѣчное толченіе воды въ ступѣ опошлено его, и онъ проклиналъ общество, которое не дало ему никакого душевнаго удовлетворенія. Когда-то онъ былъ молодъ, пылокъ, полонъ благородныхъ порывовъ—и все, все у него отнято. У него ничего не осталось, кромѣ разочарованій. Онъ жаждалъ славы, онъ стремился къ ней, ему казалось, что онъ свободно могъ ее достигнуть, и вотъ теперь онъ стоитъ точно на обломкахъ своей разбитой,

никому ненужной жизни. Кто виновать!... Онъ стукнулъ кулакомъ по подоконнику и расхохотался. Страшно, неприлично, дико прозвучалъ его горькій смѣхъ въ этой блестящей залѣ, сплошь залитой яркими лучами весенняго солнца. Въ этотъ вечеръ въ клубѣ онъ пилъ больше обыкновеннаго, онъ восхищалъ всѣхъ своимъ остроуміемъ. Дамы жужжащимъ роемъ окружали его и осыпали любезностями. А Рулева? Рулева проплакала всю ночь. Прикосновеніе губъ директора къ ея рукѣ было какъ бы торжественнымъ признаніемъ ея таланта и его боязни потерять ее. Да, она будетъ работать, она сдѣлается его достойною ученицей, она будетъ честью своей консерваторіи. Она достигнетъ славы и величія! Но что такое, что съ нею дѣлается? Что почувствовала она къ этому директору, котораго она еще такъ недавно готова была ненавидѣть? Почему она вскакиваетъ съ подушки, простираетъ руки впередъ, и ей хочется плакать и молиться? Что за тревога охватила ее? Что такое?...

На другой день ее повезли къ знаменитому доктору. Онъ заставлялъ ее стоять на одной ногѣ, ходить съ закрытыми глазами, колоть ее булавкой, стучалъ молоточкомъ по головѣ, и объявилъ, наконецъ, что ей нужно совершенно бросить музыку и ѣхать на цѣлый годъ лечиться за границу. Концертъ такъ безъ нея и не состоялся.

Глава II.

Надъ колыбелью Рулевой не склонялось нѣжное лицо ея матери. Никто не пророчилъ ей красоты, богатства и славы. Дѣвочка не прижималась къ горячей груди кормилицы, она обхватывала рученками бутылку и жадно пила изъ нея молоко, подъ часъ холодное и прокислое. Отецъ ея, первый скрипачъ въ оркестрѣ, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до ея рожденія; мать зачахла съ горя, не вставая со дня ея рожденія. Рулева росла блѣднымъ, хилымъ ребенкомъ, и на десятомъ году была отдана въ консерваторію. Ее привезла старушка, одѣтая въ старомодный атласный салонъ, и когда настала минута разставанья, дѣвочка уцѣпилась за нее, начала биться и кричать; ее силой оторвали отъ старухи, которая была и ея бабка, и воспитательница, и няня. На третій день дѣвочка попыталась убѣжать изъ заведенія. Совершила она этотъ проступокъ

съ такимъ невиннымъ дѣтскимъ отчаяніемъ, что, когда ее нашли, полузамерзшую, на улицѣ и привели обратно въ заведение, никому, и въ голову не пришло наказать ее. Ея дѣтское горе не имѣло предѣловъ и обезоруживало всѣхъ. Она была дикій, своеобразный ребенокъ. Лучшимъ ея удовольствіемъ было зарыться головой въ подушки или одѣяло и лежать такимъ образомъ, за что и прозвали ее кротомъ. На четырнадцатомъ году она лишилась бабушки, а съ нею и послѣднихъ средствъ къ существованію, потому что старушка платила за нее изъ своей скудной пенсіи и нищенскихъ сбереженій. До этого событія Рулева ни къ чему не проявляла особенной склонности. Училась она дурно, была вяла, упряма, молчалива, считалась первою по громадности музыкальнаго слуха, хотя любила больше пѣть, нежели играть, не смотря на свой маленькій голосъ. Она была черна и совсѣмъ нехороша собой. Смерть единственнаго дорогаго существа свалила ее съ ногъ. Что думала дѣвочка, проводя скучные дни въ больницѣ и лежа по цѣлымъ часамъ съ сухими широко раскрытыми глазами, — она никому не повѣдала объ этомъ. Она никого къ себѣ не пускала, она вся погрузилась въ свою маленькую разбитую душу, и въ ней совершался одинъ изъ тѣхъ переломовъ, которые иногда опредѣляютъ человѣка на всю его послѣдующую жизнь. Съ этого времени она точно вышла изъ своего апатичнаго состоянія, стала быстро развиваться, выросла, возмужала, похорошѣла, сдѣлалась мила и общительна и страстно предалась музыкѣ. Директоръ, котораго съ трудомъ уговорили дать ей свою стипендію, вскорѣ замѣтилъ ее и сдѣлалъ своею ученицей. Въ пятнадцать лѣтъ она уже съ большимъ успѣхомъ участвовала въ концертахъ. Она поражала всѣхъ вѣрнымъ пониманіемъ того, что ей приходилось исполнять. Въ каждую вещь она вносила что-то новое, свѣжее и субъективно задушевное. У нея не было соперницъ по нѣжности и пѣвучести звука. Случалось иногда, что директоръ станетъ толковать ей, какъ слѣдуетъ исполнять тотъ или другой пассажъ, сядетъ самъ и покажетъ ей. Она внимательно слушаетъ, съ полною готовностью все выполнить, какъ онъ того желаетъ, и вдругъ что-то высшее подхватить и унести ее помимо ея собственной воли, и директоръ съ недоумѣніемъ остановится, не зная, разсердиться или похва-

лить ее за это. Многія избитыя вещи подъ ея пальцами казались новыми и прекрасными. Она умѣла заставить говорить рояль, она умѣла вдохнуть душу въ бездушныя клавиши. Она была не чужда творческой мысли, и только излишняя скромность, да презрѣніе ея учителя къ доморощеннымъ сочиненіямъ, мѣшало ей предаваться фантазіямъ, но иногда звуки до того переполняли ея душу, что она вскакивала ночью, пробиралась къ роялю, и болѣе мыслю, чѣмъ пальцами, наигрывала свои фантазіи. Эти минуты были самыми счастливыми въ ея жизни. Онѣ возвышали ее надъ окружающею обстановкой, онѣ давали ей силу оставаться чуждою всѣхъ интригъ и мелочей. Озаренная высшими проблесками вдохновенія, она съ чистою душой, съ яснымъ взоромъ шла навстрѣчу жизни и среди этого муравейника маленькихъ талантовъ и большихъ самолюбіи, подчасъ низменныхъ инстинктовъ и дрязгъ, она оставалась незлобивою и довѣрчивою, какъ ребенокъ. Нельзя было не тронуться ея музыкой, какъ нельзя было не полюбить ее тѣмъ, кто ее зналъ. У нея были друзья, преданные ей до самопожертвованія, къ такимъ принадлежала Малова и другія.

Когда разнесся слухъ о томъ, что она больна и что ее посылаютъ за границу, всѣ знавшіе ее и слышавшіе ея музыку переполошились, устроили концертъ, въ которомъ самъ директоръ принималъ горячее участіе, собрали деньги и отправили ее. Въ одинъ прекрасный весенній день на дебаркадерѣ желѣзной дороги можно было видѣть цѣлую толпу молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ. Всѣ они собрались провожать Рулеву. Какой-то господинъ, среднихъ лѣтъ, съ золотымъ ривсе-пез на носу, хотѣлъ спросить шампанскаго, но, смѣривъ толпу, провожавшую ее, благоразумно воздержался, но за то молодежь была совсѣмъ неблаго-разумна: она истратила свои послѣдніе пятаки на ея проводы. Пожеланіямъ и выраженіямъ сочувствія не было конца. Одна фраза ярко выдѣлялась на фонѣ смѣшанныхъ голосовъ и отрывочныхъ фразъ, это — «не играйте». Фраза эта, какъ напутствіе за границу, звучала весело и общала отдыхъ и пріятное препровожденіе времени, но сама по себѣ она была ужасна. Цѣлый годъ не играть! Когда докторъ сказалъ ей объ этомъ, въ первое время ей казалось, что она никогда не въ состояніи этого выпол-

нить, что ее хотятъ обречь на медленную, мучительную смерть и только потомъ перспектива ѣхать за границу, да непоколебимая вѣра въ русскіхъ въ успѣшность заграничнаго леченія нѣсколько успокоили ее. Здѣсь, на дебаркадерѣ желѣзной дороги, когда эту фразу повторяли на тысячу ладовъ молодые голоса, съ различными пожеланіями, она не унывала. Малова, со слезами на глазахъ просила ее писать. Поѣздъ тронулся, вся толпа бѣжала за вагонами, кричала и махала платками.

Кому не улыбается поѣздка за границу, кто не трепеталъ передъ ожиданіемъ испытать какихъ-то невѣдомыхъ наслажденій, вдохнуть свѣжаго воздуха, увидеть эту чужую жизнь, которую многіе такъ сильно осуждаютъ, и дурную сторону которой съ такимъ наслажденіемъ всасываютъ. Рулева, не смотря на запрещеніе играть, на разлуку съ Маловой и другими, была въ восторгѣ. Она везла въ своей маленькой сумочкѣ письмо къ большому доктору въ Цюрихѣ, и въ душѣ своей—самую пылкую готовность восхищаться всѣмъ, что только ей встрѣтится на пути; но увы! Уже въ Вѣнѣ она почувствовала тоску и свое полное одиночество. Въ Мюнхенѣ, услыхавъ русскую рѣчь, она побѣжала за говорившими и едва не опоздала на поѣздъ, а сидя въ Цюрихѣ, на четвертомъ этажѣ большого отеля, она горько плакала. Весь запасъ ея знаній французскаго и нѣмецкаго языка точно таялъ по мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ Россіи, и вышедши изъ вагона въ Цюрихѣ, она почувствовала себя до того чужою, одинокою и несчастною, что первымъ ея желаніемъ было опять ѣхать обратно на родину. Отсутствіе родныхъ звуковъ всего болѣе приводило ее въ отчаяніе. Первое письмо свое къ Маловой она наполнила горькими жалобами, даже ухабы на мостовой ея родного города казались ей пріятными. На четвертый день своего приѣзда она поступила въ гидропатическое заведеніе. Докторъ принялъ ее очень дружелюбно и это ее немного успокоило. Я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ ея писемъ, по нимъ читателю всего легче будетъ познакомиться съ этою дѣвушкой, которая такъ печально вступила въ жизнь, передъ которою развернулась блестящая будущность, и, поманивъ ее, опять отодвинулась на неопредѣленное время. Всѣ письма, кромѣ одного, адресованы на имя Маловой. Вотъ первое изъ нихъ.

Цюрихъ, 12 апрѣля 188...

Какъ только я поступила въ лечебницу, прежде всего меня свѣсили, а когда узнали, что мнѣ восемнадцать лѣтъ, такъ и смѣяли. Я оказалась особой безъ вѣса «ohne Gewicht». Вѣроятно, вслѣдствіе моей легковѣсности, меня помѣстили въ четвертомъ этажѣ, куда я взлетаю и спускаюсь по машинѣ. Окна корридора выходятъ во дворъ, или, лучше сказать, четырехъ-угольный ящикъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ срединѣ двора помѣщается кухня. Сверху поваръ мнѣ кажется какимъ-то бѣлымъ шаромъ, а колпакъ на его головѣ—пуговкой. Всякій разъ, когда я прохожу мимо, я смотрю внизъ и всегда вижу его у плиты съ распростертыми надъ нею руками, точно онъ совершаетъ какое-то непрерывное кулинарное таинство, а, между тѣмъ, намъ даютъ ѣсть очень мало и то все холодное, даже супъ сначала ставятъ, какъ мнѣ кажется, на ледъ, а потомъ уже приносятъ на столъ. Тоска здѣсь невыносимая. Говорятъ, теперь мертвый сезонъ. Я готова уснуть на все время, пока сезонъ оживится, но, можетъ быть, мнѣ здѣсь никогда не будетъ весело, вѣдь, я не могу играть. Въ сосѣдней комнатѣ со мной живетъ молоденькая француженка. Она лечится отъ меланхоліи. По ночамъ я слышу ея слезы и жалобы, мнѣ очень бы хотѣлось съ нею познакомиться, но ее сторожатъ два дракона въ лицѣ старыхъ дѣвъ, англичанокъ. Онѣ ей не позволяютъ говорить со мной, и за что? Представь, я оказалась бунтовщицей. Во-первыхъ, я осмѣлилась занять за столомъ кресло, предназначенное для стараго дракона, а потомъ, не дождавшись окончанія обѣда, встала и ушла въ свою комнату. Все это показалось имъ вольнодумствомъ и нарушеніемъ приличій, но меня душили слезы, не могла же я при всѣхъ расплакаться. Эти два англійскіе дракона задаютъ здѣсь тонъ, т.-е. еще больше замораживаютъ и безъ того уже мертвый сезонъ. Они до того выдрессировали одного молоденькаго англичанина, что тотъ цѣлый день кланяется. Велятъ ему закрывать дверь,—онъ закрываетъ и кланяется, приказываютъ передать воду или соль, онъ благодаритъ и кланяется. Велятъ ему закрыть окно—онъ закрываетъ и кланяется. Удивительно, какіе вѣжливыя мужчины у англичанъ и какія злыя женщины.

Меня драконы положительно не переносятъ, но молодые люди, видимо, на моей сторонѣ. Какъ только я вхожу въ столовую, они всѣ вскакиваютъ и предлагаютъ мнѣ мѣсто, всѣ, не исключая даже вѣжливаго англичанина. Я торжествую, а драконы злятся... Здѣсь всѣ молодые люди на одно лицо, у всѣхъ у нихъ румяныя щеки, красныя губы и толстыя икры на ногахъ. Я различаю ихъ только по цвѣтнымъ ленточкамъ на шляпахъ. Особенно смѣшны здѣсь трое нѣмцевъ; говорятъ, они офицеры прусской арміи. Они всѣ трое спѣшатъ занять одно и то же мѣсто, и если это имъ не удастся, они отъ души хохочутъ. Здѣшніе студенты тоже всѣ толсты и носятъ цвѣтныя ленты на шляпахъ. Нѣтъ, наши молодые люди мнѣ нравятся гораздо больше. Они не умѣютъ кланяться, мало благодарятъ, у всѣхъ у нихъ тонкія ноги и блѣдныя лица, но съ ними такъ весело, а главное они не похожи другъ на друга. Помнишь, на вечерѣ у Залевскихъ, помнишь, какъ я всѣхъ ихъ увлекала своею музыкой, какъ Ивановъ плакалъ, и всѣ они хотѣли меня нести на рукахъ до самой моей квартиры. Интересно знать, можно-ли чѣмъ-нибудь тронуть этихъ молодыхъ людей съ жирными икрами и цвѣтными ленточками на шляпахъ. Мнѣ кажется, самая лучшая для нихъ музыка, это—ржаніе лошадей. Скажи, почему они всѣ такъ веселы, досадно смотрѣть, какъ они бѣгаютъ и хохочутъ. Всѣ они слегка кокетничаютъ со мной, но я остаюсь холодна, какъ ледъ. Я бы хотѣла знать такое магическое слово, которымъ бы могла вдругъ остановить ихъ среди шума и веселья. Неужели у нихъ нѣтъ никакихъ желаній? А я, я умираю отъ желанія играть. Я хочу опять быть среди васъ, опять готовиться или къ концерту, или къ экзамену. Неужели цѣлый годъ еще? Я сдѣлаюсь брюзгой, въ родѣ нашей кликуши Л. Л. Что, какъ она? Пиши мнѣ, пиши чаще. Помни, я на чужой сторонѣ и не могу играть.

Твоя Варя.

Р. S. Я должна написать ему, но ты представить себѣ не можешь, какъ это трудно. Я знаю, получивши мое письмо, онъ сейчасъ подумаетъ: «а что мнѣ пишетъ эта безграмотная Рулева». Помнишь, какъ онъ увѣрялъ, что всѣ женщины безграмотны. Не знаю, какъ другія жен-

пины, но что касается меня, я могу быть грамотна только за роялемъ, а, между тѣмъ, писать нужно. Ему я обязана всѣмъ, всѣмъ. По милости его я играю и страдаю. Вижу, ты сердито нахмурила брови. Я не такъ люблю его, какъ любятъ другіе, совсѣмъ не такъ. Я по своему. Прощай, однако. Англичанинъ свалился съ лошади, лечу внизъ.

Твоя Рулева.

Она все-таки написала письмо своему учителю, вотъ оно.

Дорогой мой учитель!

Если бы я могла разыграть вамъ свое письмо, можетъ быть, вы бы и остались довольны, но на бумагѣ у меня нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить вамъ свою признательность. Я буду считать себя вашею вѣчною должницей. Изъ своего скучнаго далека мнѣ бы очень хотѣлось позабавить васъ чѣмъ-нибудь, но я такъ не остроумна, что кромѣ насмѣшки, ничего не могу вызвать на вашемъ лицѣ. Пожелавъ вамъ, мой дорогой учитель, всего лучшаго въ мірѣ, мнѣ слѣдуетъ бросить перо, но я все еще хочу бесѣдовать съ вами. Я хочу сказать вамъ, что свято исполняю ваши совѣты: я не сажусь за рояль. Я всѣми силами буду стараться вернуть свои руки, чтобы имѣть счастье закончить свое музыкальное образованіе подъ вашимъ руководствомъ. Если вы поѣдете за границу, какъ предполагали, и завернете въ нашу скучную лечебницу повидаться съ докторомъ, мы оборвемъ всѣ лавры и цвѣты въ нашемъ саду и усядемъ вамъ путь.

Мнѣ не нравится часть Швейцаріи отъ Баденскаго озера вплоть до Цюриха. Въ это время года вамъ попадаютъ на встрѣчу одни только сѣрые, пустынные холмы, и если на душѣ сѣро и пустынно, то поневолѣ хочется плакать. Однако, я вамъ могу надоѣсть. Будьте здоровы и вѣрьте, что я всегда останусь вашею благодарною ученицей.

Варвара Рулева.

Здѣсь произошелъ маленькій перерывъ, а слѣдующее письмо къ Маловой начинается такъ:

29-го апрѣля 188...

Каждый день собиралась писать тебѣ и не могла. Я испытываю такія мученія, что готова совсѣмъ бѣжать отсюда. Мнѣ кажется, Стенька Разинъ, когда ему обрили голову и капали холодную воду на голый черепъ, не страдалъ больше моего. Представь, что со мной дѣлають. Меня заворачивають въ мокрую простыню и кладутъ на кровать подъ перину. Когда я пролежу такимъ образомъ, не знаю право сколько, мнѣ кажется цѣлую вѣчность, меня сажаютъ въ ванну и начинаютъ растирать. Докторъ говоритъ, что вода *ist nur zimlich kalt*, а меня она приводитъ въ ярость. Я кричу, вырываюсь, и бѣгу отъ своихъ палачей. Этотъ докторъ мнѣ кажется папой, инквизиторомъ, толстыя нѣмки въ бѣлыхъ передникахъ и высокихъ чепцахъ—его кардиналами, а леченіе холодною водою—пыткой. Англичанки положительно шокированы моимъ неприличнымъ поведеніемъ. Французенка не улыбается больше, молодые люди перестали предлагать мнѣ мѣста за столомъ, но я не виновата, я ненавижу холодную воду. Большинство живущихъ здѣсь лечится, какъ мнѣ кажется, отъ толщины, особенно дамы. Горничная увѣряетъ, что я могу пролѣзть въ рукавъ каждой изъ нихъ, и вотъ почему я такъ страдаю. Докторъ увѣряетъ, что я не только привыкну, но даже полюблю свое леченіе. Я этому не вѣрю, и если не бѣгу отсюда, то только потому, что лечусь на общественный счетъ. Для меня несчастной собрали съ міра по ниткѣ и послали, и вотъ я плачу, и завтра съ дрожью, доходящею до боли, пойду и отдамся въ руки своихъ палачей. Если и эти мученія не возвратятъ мнѣ моихъ рукъ, скажи, развѣ я не самая несчастная женщина въ мірѣ? Я хочу броситься кому-нибудь на шею и плакать, плакать, плакать, но вокругъ меня никого нѣтъ, никого! Пожалѣй свою бѣдную Рулеву.

15-го мая 188...

Представь, моя душечка, я привыкла къ пыткамъ и хотя не чувствую ни малѣйшаго наслажденія париться и потомъ давать растирать себя въ холодной водѣ, но я не протестую, и что самое главное, у меня явился волчій аппетитъ и я, какъ выражаются, начинаю расцвѣтать.

Инвизиторъ меня хвалить, его кардиналы благосклонно со мной разговариваютъ, французенка пожелала мнѣ вчера покойной ночи, а молодые люди опять стали со мной кокетничать, только однѣ англичанки остаются немолимы и кидаютъ на меня строгіе взгляды. Меня такъ и подмываетъ выкинуть въ ихъ присутствіи какую-нибудь неприличную исторію. Весь пансіонъ занятъ нашею безмолвною борьбой и ненавистью, но я, право, къ нимъ совершенно равнодушна, мнѣ только хочется пройтись передъ ними колесомъ, подобно клоуну. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлалась пайнкой, меня приняли подъ свое нѣмецкое покровительство двѣ сестры изъ Дрездена. Мы цѣлуемся при встрѣчѣ, гуляемъ вмѣстѣ, но я чувствую, что разстояніе между мной и ими гораздо больше, чѣмъ между Цюрихомъ и Дрезденомъ. Было бы даже странно заговорить съ ними о моей артистической карьерѣ, о моихъ надеждахъ, моихъ опасеніяхъ. Предѣлъ ихъ стремленій... да у нихъ не было никогда ни стремленій, ни предѣла. Просто живутъ и хлѣбъ жуютъ. Вязутъ чулки въ Дрезденѣ; надоѣстъ, пріѣзжаютъ вязать въ Цюрихъ. Одна изъ нихъ учить меня плести кружево, другая вязать чулокъ. Если бы ты могла видѣть, какое интересное тріо мы представляемъ. Я прикидываюсь дурочкой, спускаю нарочно петли и люблюсь ихъ неподдѣльнымъ огорченіемъ и желаніемъ вразумить меня; «вотъ идиотка, эта русская», думаютъ онѣ вѣроятно. Я чувствую такой приливъ жизни, что непременно завтра перепугаю англичанокъ, что-нибудь да сдѣлаю very choking ¹⁾.

Твоя Рулева.

Р. S. Хорошо, что не запечатала письма. Руки дрожать у меня отъ смѣха. Представь, сегодня вечеромъ я возвращаюсь съ своими нѣмками съ прогулки, вдругъ подошли нѣмецкіе офицеры, которые стремятся сѣсть въ одно кресло, и предлагаютъ мнѣ, черезъ нѣмокъ, конечно, во-первыхъ, розу, во-вторыхъ, увѣреніе, что я могу всегда рассчитывать на ихъ рыцарскую защиту. Я взяла розу, закатила вверхъ глаза и сдѣлала имъ глубокій книксенъ. Все это произошло совершенно серьезно, а я

¹⁾ Очень скандальное.

едва не искусала себя губъ отъ смѣха. И такъ, завтра пройдуся на головѣ передъ англичанками, у меня есть рыцари, которые готовы защищать меня. Развѣ не весело?....

Твоя Рулева.

Слѣдующее письмо вѣроятно затерялось, и мы не знаемъ, прошла-ли Рулева колесомъ передъ англичанками и защитили-ли ее нѣмецкіе рыцари, или нѣтъ. Вотъ клочокъ безъ обозначенія числа и подписи.

«Нашъ мертвый сезонъ все болѣе и болѣе оживляется. Пріѣхало два скучныхъ господина,—изъ которыхъ одинъ напоминаетъ кочергу, а другой бочку,—тринадцати-лѣтняя дѣвочка,—когда ее свѣсили, то въ ней оказалось 4 пуда и 20 фунтовъ,—и старая баронесса съ молоденькою племянницей и собаченкой Вестой. Племянница предестное созданіе, а собаченка отвратительная тварь, но баронесса, кажется, любить собаченку больше племянницы. Жалко видѣть, какъ эта несчастная дѣвочка вѣчно озабочена исчезновеніемъ Весты. Иногда подъ палящими лучами солнца она ходитъ изъ дома въ домъ, чтобы розыскать этого уroda. Баронесса, какъ видно, очень богата, потому что здѣсь даже за ея собаченкой ухаживаютъ, и это дало мнѣ право раза два толкнуть ее ногой. Представь, милая: Веста не только не разсердилась, но, напротивъ, подошла ко мнѣ и стала смотрѣть заискивающимъ взглядомъ въ мои глаза. Неблагодарное животное, не хочу унижаться и бить ее, буду ухаживать за племянницей, а ихъ обѣихъ дарить презрѣніемъ».

Іюль 188...

Десять дней тому назадъ случился скандалъ, имѣвшій для меня очень пріятныя послѣдствія. Я сошла къ обѣду довольно поздно, всѣ были уже по своимъ мѣстамъ. Противъ меня сидѣла какая-то пріѣзжая дама, съ большими голубыми глазами на выкатъ и очень выразительнымъ лицомъ. Не знаю почему, но я тотчасъ рѣшила, что она русская. Я не могла оторвать отъ нея глазъ, она это замѣтила и, молча, поклонилась мнѣ. Между нами завязалось безмолвное знакомство. На другомъ концѣ стола шелъ разговоръ о Россіи. Какъ всегда, не хвалили насъ,

но на этотъ разъ, какой-то прїѣзжій, неизвѣстный мнѣ господинъ, говорилъ такія невозможныя вещи о русскомъ обществѣ, до того клеветалъ на все, что намъ дорого, что всѣ съ безпокойствомъ устремили на меня взгляды, точно ожидая отъ меня защиты. Кровь прилила къ моему лицу. Когда я волнуюсь, я могу говорить только по русски. Сердце у меня сначала замерло, а потомъ забилося, и я думала, что оно выпрыгнетъ изъ груди. Наконецъ, я не выдержала, вскочила и убѣжала изъ столовой. Только я успѣла затворить за собой дверь своей комнаты, какъ ко мнѣ постучались — это была прїѣзжая дама. Она, дѣйствительно, оказалась русская. Я бросилась къ ней на шею и выплакала, наконецъ, все, все, что накопилось въ душѣ моей за это время. Она предсказываетъ мнѣ великую будущность; она слышала меня въ послѣднемъ моемъ концертѣ, но не узнала потому, что, по ея словамъ, я сильно возмужала и перемѣнилась. Какъ она отнеслась ко мнѣ! Она меня покорила. Я бѣгаю теперь за ней, какъ собаченка, ношу ея зонтикъ, мантилью, смотрю ей въ глаза, точно влюбленная. О чемъ, о чемъ только мы съ ней не переговорили! Эта женщина можетъ коснуться самаго больного мѣста и ты почувствуешь не боль, а исцѣленіе. Она говоритъ о музыкѣ, какъ артистка. Впрочемъ, она обо всемъ говорить такъ, что заслушаться можно. Къ несчастью, она не долго здѣсь останется, и когда она уѣдетъ, я буду чувствовать себя еще болѣе одинокою и несчастною. Я поняла съ нею, какая я бѣдная, жалкая, и совсѣмъ не интересная безъ своей музыки, но я не горюю; если она меня развѣнчала, то она же и дала мнѣ средство подняться. Когда она уѣдетъ, я зарокуюсь по горло въ книги, буду читать, читать и читать. Ее зовутъ Ольга Николаевна Султанова. Она живетъ зиму въ Петербургѣ. Проѣздомъ черезъ нашъ городъ она обѣщалась розыскать тебя. Ты ее полюбишь, а главное, поумнѣешь. Я поумнѣла и развилась въ эти нѣсколько дней, проведенныхъ съ нею. Слѣшу кончить. Ольга Николаевна зоветъ меня гулять.

Твоя Варя.

Августъ 188...

Къ намъ прибываютъ все новыя и новыя лица. Сезонъ,

какъ говорятъ, оживляется. Скоро начинается виноградное леченіе. Я продолжаю свое собственное леченіе книжками. Недѣлю тому назадъ сюда пріѣхалъ сынъ банкира изъ Франкфурта. Его называютъ Bankirs Sohn, а потомъ, и то иногда, прибавляютъ его фамилію, Мительманъ. Онъ очень богатъ, большой пріятель доктора, и его всѣ здѣсь встрѣтили съ распростертыми объятіями. Онъ привезъ съ собою столько шума и веселья, что всѣ мы притихли и покорились ему, даже англичанки, которыхъ онъ постоянно смѣшить своими остротами, отъ него въ восторгѣ. Онъ держитъ себя точно въ покоренномъ имъ городѣ. Мы встаемъ, ѣдимъ, гуляемъ, говоримъ и танцуемъ по его командѣ, а, главное, не только не тяготимся своимъ рабствомъ, а напротивъ, чувствуемъ себя счастливыми. Это происходитъ отъ того, что каждый изъ насъ оставилъ свою душу дома, а привезъ сюда одну скуку. Банкирсзонъ, напротивъ, оставилъ дома скуку, а привезъ сюда свою душу и всего себя. Мы обрадовались этому и покорились ему, какъ единственному живому человѣку среди насъ: одна баронесса и ея собаченка никакъ не могутъ привыкнуть къ его шумному властолюбію. Какъ только онъ появляется въ общей залѣ, Веста вскакиваетъ съ колѣнъ своей госпожи и начинаетъ неистово лаять. Вчера онъ схватилъ ее за уши и сдѣлалъ видъ, что желаетъ выбросить ее за окно. Нужно было видѣть, что произошло затѣмъ. Позвали доктора, надзирательницу. Баронесса подпрыгивала отъ ярости, докторъ не зналъ, чью держать сторону. Одинъ — банкирсзонъ, а другая — баронесса и дама. Всѣ мы, конечно, приняли сторону банкирсзона, баронесса наговорила всѣмъ намъ кучу дерзостей, ушла къ себѣ и не являлась къ обѣду. Мительманъ притихъ, но мы готовы простить ему все, мы готовы позволить ему не только схватить за уши собаченку баронессы, но даже ее самою, до того она всѣмъ ненавистна. Она цѣлый день шипитъ и отравляетъ жизнь своей племянницѣ. Бѣдняжка вѣчно съ заплаканными глазами; съ нею даже познакомиться нельзя, до того она запугана и загнана. Какъ жаль, что эта старая корга тоже привезла съ собой всю свою злость, лучше бы она ее оставила дома.

Мое здоровье быстро восстанавливается. Я, подобно институткѣ, готова считать дни и часы, которые мнѣ оста-

лось быть здѣсь. Докторъ говоритъ, что я теперь совершенно здорова. И такъ, черная туча пронеслась надъ моей головой, волны стихли! Я могу воскликнуть: «Берегъ, берегъ виденъ!...» Теперь я безпрестанно борюсь съ желаніемъ играть, но я знаю, стоитъ мнѣ сѣсть за рояль и меня полумертвую оттащить отъ него. Звуки наполняютъ мою душу. Я слушаю безтолковую игру Мительмана, и не смѣю играть сама. Скоро, скоро я явлюсь и скажу: «Вотъ она, я, Рулева, здоровая, сильная». Скоро, скоро. По секрету, я написала нѣсколько фантазій; Боже сохрани, сказать кому-нибудь объ этомъ. Слышишь, никому ни слова.

Твоя Варя.

Р. S. Всѣ цвѣты отцвѣли, а онъ такъ и не захвалъ въ нашу скучную лечебницу.

Слѣдующее письмо относится ко времени, когда умеръ директоръ той консерваторіи, гдѣ она училась.

«Я ничего не знала о его болѣзни. Смерть его какъ громомъ поразила меня. Мы собрались въ общій залъ. Мительманъ, по обыкновенію, смѣшилъ насъ всѣхъ. Вдругъ кто-то взялъ газету и прочелъ телеграмму о его смерти. Я вскрикнула и убѣжала въ свою комнату. Я предалась такому отчаянію, какого не испытывала съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя бабушка. Мнѣ больше не хотѣлось играть. Зачѣмъ, если онъ никогда не услышитъ, не похвалитъ и не разсердится на меня? Я плакала, плакала нѣсколько часовъ сряду. Я помню, мнѣ потомъ хотѣлось перестать плакать, но я не могла. Я всячески старалась успокоиться, утѣшить себя, но все напрасно. Помню, у меня начали холодѣть руки, и вдругъ пальцы стали корчиться. Когда я пришла въ себя, около меня суетился докторъ и, какъ бы ты думала, кто еще? — англичанки! Какъ оказалось потомъ, всѣ боялись даже подойти ко мнѣ, только онѣ однѣ оказались настолько мужественны, что привели меня съ помощью доктора въ сознаніе. Онѣ выказали мнѣ столько вниманія, что совершенно меня покорили. Я пролежала три дня. Всѣ меня навѣщали, даже баронесса поднялась на верхъ со своею собаченкой и причинила мнѣ головную боль своимъ вниманіемъ. Сопедши внизъ, я уже не могла противиться желанію играть. Я нѣсколько часовъ не вставала изъ за рояля. Я проиграла «Ему» всѣ

похоронные марши, я сыграла всё «его» любимыя пьесы. Я своею музыкой заставила всѣхъ ихъ плакать о немъ. Когда я отправлялась на верхъ, всѣ провожали меня съ такими поклонами, съ такими торжественными лицами, точно я была самъ покойный артистъ, вставшій изъ гроба. Меня даже не хвалили, мнѣ только удивлялись. Одна изъ англичанокъ вотъ уже четвертую ночь спитъ на моемъ диванчикѣ, и какъ я не увѣряю, что я совершенно здорова, она непоколебима. Она, повидимому, находитъ наслажденіе причинять себѣ безпокойство ради меня, нѣтъ, ради моего покойнаго учителя. А какое это ужасное слово «покойный», неужели я никогда, никогда не увижу его, неужели?!...

«Твоя Рулева».

Вотъ ея послѣднее письмо передъ отъѣздомъ изъ за границы.

«Сегодня меня въ послѣдній разъ свѣсили и смѣрили. Я приобрѣла по нашему, 22 ф. вѣсу и 1¹/₂, вершка въ ростѣ. Результатъ блистательный. Не знаю, сколько приходится на долю моихъ рукъ? Я просила доктора свѣсить ихъ отдѣльно, онъ улыбнулся и сказалъ, что мои руки haben sehr viel Gewicht ¹⁾). Ахъ, какую онъ сказалъ правду! Стоило мнѣ начать играть и точно волшебница прикоснулась ко мнѣ жезломъ и превратила меня изъ замарашки въ принцессу. Всѣ эти десять дней были для меня триумфальнымъ шествіемъ. Я играла на вечерѣ у доктора, у одной русской графини, у знакомыхъ Мительмана, гдѣ мнѣ поднесли лавровый вѣнокъ, а на другой день напечатали въ газетахъ: «Въ заведеніи такого-то доктора излечилась отъ первнаго растройства ученица умершаго артиста. Она наслѣдовала его талантъ, но болѣе нѣжный, прекрасный»... Какое святотатство! Все это Мительманъ. Онъ шумитъ обо мнѣ на весь городъ и, представь, вчера сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Это произошло такъ неожиданно, при этомъ онъ имѣлъ такую странную фізіономію, что я едва не расхохоталась. Онъ единственный сынъ банкира, богатый, веселый и тщеславный. Для его славы не достаетъ, чтобы о немъ писали въ газетахъ. Вотъ онъ и задумалъ: публи-

¹⁾ Имѣютъ большой вѣсъ.

ковать обо мнѣ, потомъ сдѣлать мнѣ предложеніе и опять пустить публикацію. Потомъ, въ качествѣ его невѣсты, я дамъ нѣсколько концертовъ въ его родномъ городѣ, опять публикація. Потомъ стануть писать, какъ онъ стоялъ подъ вѣнцомъ, какія на немъ были запонки, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Конца не будетъ публикаціямъ. Нѣтъ, тотъ, кого я люблю, долженъ понимать и чувствовать... впрочемъ, я не сумѣю выразить, что долженъ онъ понимать и чувствовать, но онъ можетъ не быть сыномъ банкира, можетъ не быть богатымъ, шумнымъ, тщеславнымъ, среднимъ человѣкомъ (Mitelsmann)—онъ долженъ имѣть хоть немного, хоть капельку Бога въ душѣ.

Представь, первая похвала, какую я услышала отъ Мительмана была: «Sehr, sehr korrekt» (очень правильно). И ничего не нашлось въ душѣ его, кромѣ этихъ банальныхъ словъ. Когда онъ, слушая мою музыку, качаетъ головой или отбиваетъ рукой тактъ, мнѣ хочется вскочить и никогда не садиться при немъ за рояль. По моему, куда лучше офицеры! Тѣ ничего не говорятъ, но выстраиваются передо мной и дѣлаютъ мнѣ подъ козырекъ. Мнѣ кажется, Мительманъ не оставитъ ни одного уголка въ душѣ своей жены. Онъ все опредѣлитъ korrekt или unkorrekt; онъ захочетъ знать, какія подвязки покупаетъ себѣ его жена. Это скучно!.. Мнѣ совѣтуютъ дать проѣздомъ концертъ въ Вѣнѣ, гдѣ я буду фигурировать, какъ ученица умершаго артиста. Я наотрѣзъ отказалась. Что за гадость дѣлать себѣ рекламу изъ недавней смерти учителя. Мнѣ нужно еще учиться, но я не въ состояніи вернуться въ свою консерваторію; меня зоветъ Султанова въ Петербургъ, гдѣ я могу закончить свое музыкальное образованіе у Брассена. Ничего, что я не получу никакой медали. Я надѣюсь завоевать себѣ мѣсто однимъ своимъ талантомъ. Разъ у меня есть руки, мнѣ кажется, весь міръ раздвинется передо мной. Я могу играть, и ничего не боюсь, я могу играть! Помнишь, мы учили какіе-то французскіе стихи: На пѣвца Аріона напали въ морѣ разбойники и онъ началъ пѣть:

Il chante, et du liquide empire,
Un dauphin vole à son secours ¹⁾.

¹⁾ Онъ плетъ и изъ глубины морской дельфинъ спѣшитъ ему на помощь.

«Эти двѣ строчки постоянно вертятся у меня на языкѣ. Право, я начинаю терять голову отъ похвалъ. Что бы сказала Ольга Николаевна Султанова!...

«Во Франкфуртъ я не поѣду. Теперь, когда я отказала Мительману, это не имѣетъ никакого смысла. Онъ меня никогда не любилъ и теперь, вѣроятно, прокликаетъ себя за то, что сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Самолюбіе его уязвлено, но, тѣмъ не менѣе, онъ собирается устроить мнѣ торжественные проводы. Онъ желаетъ остаться до конца джентельменомъ. Опять я участвовала въ концертѣ. Мнѣ наговорили столько любезностей, что я чувствую потребность въ самообузданіи. Буду думать о «Немѣ», о его смерти. Когда умираетъ такой человѣкъ, какъ онъ, неправда-ли, онъ точно вырастаетъ въ нашей памяти. Завтра уѣзжаю. Изъ Кіева буду тебѣ телеграфировать. Что-то меня ждетъ впереди.

«Твоя Рулева».

Глава III.

У Ольги Николаевны Султановой собрались гости, всего нѣсколько человѣкъ. Ея домъ считался очень пріятнымъ. Всѣ чувствовали себя необыкновенно хорошо въ ея маленькой гостиной, небрежно меблированной. Мужъ ея хозяйничалъ гдѣ-то далеко на югѣ, и, въ ожиданіи большихъ доходовъ, они занимали маленькую квартиру въ Графскомъ переулкѣ. Не смотря на самую обыкновенную и даже разрозненную мебель, на статуетки, которыя во время переездовъ имѣли несчастье потерять нѣкоторые изъ своихъ членовъ, вся меблировка носила на себѣ печать какой-то поэтической беспорядочности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенной уютиости. Здѣсь все стояло точно не на своихъ, но за то на самыхъ лучшихъ мѣстахъ. Трудно было вообразить Ольгу Николаевну въ другой обстановкѣ, но еще менѣе можно было представить подобную обстановку безъ Ольги Николаевны. Она всюду вносила съ собой обаяніе изящества и простоты, какими обладала въ высшей степени. Голосъ у нея былъ пѣвучъ и нѣженъ, она очень хорошо знала музыку и очень недурно пѣла. Говоря съ нею, никто не былъ достаточно подготовленъ къ тому обилію остротъ и оригинальностей, какими брызгала ея рѣчь. Она держала себя точно тономъ

выше всего окружающаго и всѣ невольно подтягивались въ ея присутствіи. Всѣмъ хотѣлось показаться и остроумнѣе, и поэтичнѣе, и изящнѣе. Особенно сегодня она была мила. Она только-что встала послѣ рожденія своего первенца. На ея лицѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ была разлита нѣга и мягкость. Всѣ нашли ее похорошѣвшею. Она безпрестанно вскакивала и бѣжала въ третью комнату посмотрѣть, что дѣлаетъ ея ребенокъ. Мужъ, недавно вернувшійся съ юга, каждый разъ подстерегалъ ее и въ полутемной комнатѣ, отдѣлявшей гостиную отъ спальни, ловилъ ее и покрывалъ поцѣлуями. Поцѣлуи эти служили какъ бы акомпаниментомъ къ пisku ихъ новорожденнаго младенца. Въ гостяхъ у нея была Малова; она кончила курсъ и теперь пріѣхала въ Петербургъ завершить свое музыкальное образованіе; адвокатъ съ женой, красивою, высокою женщиной съ приподнятыми плечами; докторъ, молодой человѣкъ, подающій большія надежды сдѣлаться моднымъ дамскимъ угодникомъ. Около него увивалась молоденькая барышня съ свѣтлыми, курчавыми волосами и профилемъ Калипсы. Докторъ щурилъ глаза, какъ котъ, еле произносилъ какія-то членораздѣльные звуки и видимо интересничалъ. Молодой гвардейскій офицеръ, родственникъ Ольги Николаевны, въ сотый разъ рассказывалъ о своемъ дежурствѣ въ военномъ окружномъ судѣ, гдѣ разбирался политическій процессъ. Въ голосѣ его звучало удовлетвореніе человѣка, который, такъ просто, въ силу своего положенія, попалъ туда, куда многіе такъ напрасно жаждутъ проникнуть. Адвокатъ съ нескрываемою завистью слушалъ его. «Экій счастливчикъ, экій счастливчикъ», повторялъ онъ безпрестанно. А поодаль отъ всѣхъ сидѣлъ молодой человѣкъ. У него былъ высокій, бѣлый лобъ, окаймленный черными волосами, и прекрасные глаза. Онъ углубился въ какую-то книжку; онъ уже слышалъ все то, о чемъ тутъ говорили, и не интересовался болѣе; равно и всѣ присутствующіе здѣсь не только хорошо знали этого молодого человѣка-поэта, но знали всѣ стихи, имъ написанные, и тоже въ эту минуту мало имъ интересовались. Здѣсь было обыкновеніе никого не стѣснять и никѣмъ не стѣсняться. Здѣсь собиралось самое разнообразное общество и всѣмъ было весело.

— Акимъ Викторовичъ!—обратилась Ольга Николаевна къ молодому человѣку.

Тотъ поднялъ голову, а она продолжала:

— Помните, я вамъ говорила о піанисткѣ съ больными руками. Я встрѣтила ее въ Цюрихѣ.

— Помню, помню, какъ же.—Онъ отложилъ книгу и продолжалъ:—піанистка съ больными руками, вѣдь, это цѣлая драма!

— Такъ, вотъ, представьте,—начала опять Ольга Николаевна,—она безнадежна. Докторъ говоритъ, что она навсегда должна отказаться отъ музыки; у нея совершенно погибли руки.

— Неужели?!—воскликнулъ поэтъ и протянулъ:—несчастливая.....

— Она недавно вернулась изъ заграницы, куда опять ѣздила лечиться, но все напрасно. Если-бъ вы слышали, какъ она играетъ, вы бы умерли отъ восторга. Знаете, я, вѣдь, понимаю и люблю музыку; я слышала нашихъ первоклассныхъ артистовъ, но она трогаетъ меня больше всѣхъ. Она чародѣйка. Она можетъ растопить скалы и вызвать чудовищъ со дна морского.

— Какъ вы меня заинтересовали, — сказалъ Акимъ Викторовичъ, а Ольга Николаевна продолжала:

— Она точно изъ однихъ нервовъ соткана. Представьте, какая ея странная судьба: оба ея учителя умерли: одинъ директоръ консерваторіи, а другой Брассенъ, вы слышали. Теперь она вообразила, что сама должна умереть.

— Что-то фатальное есть въ ея судьбѣ,—сказалъ Акимъ Викторовичъ.—Почему я никогда не встрѣчаю ее у васъ?

— Не понимаю,—отвѣчала Ольга Николаевна, и вы, и она очень часто у меня бываете, почему вы до сихъ поръ ни разу не встрѣтились. Это меня самую удивляетъ. Можетъ быть она придетъ сегодня.

— Пошлите за ней,—упрашивалъ Акимъ Викторовичъ.—Вѣдь, это цѣлая драма: піанистка съ больными руками, она живо носится въ моемъ воображеніи. Скажите, гдѣ она живетъ, я пойду и приведу ее,—упрашивалъ онъ.

— Она вѣроятно придетъ, а если нѣтъ, я пошлю за ней.

Ольгу Николаевну позвали въ столовую, а поэтъ от-

кинулся на спинку кресла и думалъ. Передъ его воображеніемъ носилась она: высокая, стройная, съ печатью гения на высокомъ челѣ. Вдругъ раздался звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ вошла Рулева. Всѣ шумно ее привѣтствовали. Мечты поэта разлетѣлись. Онъ увидалъ ее, это была она: не высокая, не стройная, съ низкимъ лбомъ, но она была лучше всякой мечты, она была живая. Она тотчасъ подсѣла къ женѣ адвоката и между ними завязался горячій споръ о послѣднемъ симфоническомъ концертѣ. Акимъ Викторовичъ изъ своего угла жадно смотрѣлъ на нее, «какое чудное лицо, — думалъ онъ: — а глаза, въ нихъ гений и скорбь въ одно и то же время, какая прелесть!»

Вошла Ольга Николаевна.

— Варя, — обратилась она къ Рулевой, — я хочу вамъ представить нашего перваго поэта.

— Гдѣ, гдѣ, покажите мнѣ его! она сорвалась съ дивана и быстро подошла къ Акиму Викторовичу.

— Вы поэтъ, — сказала она, протягивая ему руку, — но вы не первый. Первыхъ у насъ нѣтъ совсѣмъ. Первые всѣ вышли, и мы должны обходиться безъ первыхъ. Мнѣ очень хотѣлось съ вами познакомиться. Ольга Николаевна такъ много говорила мнѣ о васъ.

— Я жаждалъ васъ видѣть, — отвѣчалъ онъ.

— Но вы меня бойтесь, я несчастная Рулева, люблю кого, тотъ умираетъ, — протянула она на манеръ речитатива изъ «Азра» Рубинштейна.

Онъ, какъ очарованный, стоялъ передъ этою дѣвушкой съ блѣднымъ лицомъ, съ кругами синевы подъ глазами. Ея горячіе, сухіе пальцы вздрагивали въ его рукѣ. Въ глазахъ ея была скорбь и неизмѣримая глубина.

— У меня было два учителя, — продолжала она, — и вотъ теперь я ѣзжу на ихъ могилы. Мнѣ сказала одна нѣмка заграницей: «не берите себѣ третьяго, вы его убьете».

Она отняла свою руку и опустилась на первое попавшееся кресло. Всѣ молчали.

— Отчего всѣ смолкли, — сказала Рулева и разсмѣялась.

Смѣхъ у нея былъ звонкій и серебристый. Она при этомъ слегка закидывала голову и на щекахъ у нея появлялись ямочки. Акимъ Викторовичъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

«у всѣхъ выдающихся людей есть что-то дѣтское въ лицѣ и въ обращеніи. Она совершенный ребенокъ по виду».

— Знаете, о чемъ я теперь хлопочу,—начала опять Рулева,—я отыскиваю добраго и хорошаго шарманщика.

Всѣ расхохотались.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?—спросила Малова.

— Онъ будетъ играть, а я стану плясать и пѣть подъ его музыку, мнѣ ничего больше не осталось.

Въ этихъ простыхъ словахъ, сказанныхъ съ напускнымъ спокойствіемъ, было столько трагизма, что у поэта мурашки забѣгали вдоль спины, а Ольга Николаевна подошла къ ней, взяла ее за руку и пригласила всѣхъ идти пить чай въ столовую. За чаемъ Рулева притихла и въ продолженіи всего остального вечера не сказала ни слова. Акимъ Викторовичъ не спускалъ съ нея глазъ. Онъ точно присутствовалъ при какой-то драмѣ, которая разыгрывалась здѣсь, гдѣ-то близко около него, и онъ не только чувствовалъ всѣ ея перипетіи, но будто самъ принималъ въ ней участіе. Во всемъ, что бы она ни дѣлала: говорила-ли она, смѣялась-ли, или молчала,—ему чудилось отчаяніе молодой разбитой жизни, и онъ страдалъ, глядя на нее.

Конецъ чая прошелъ очень оживленно. Барышня опрокинула горячій стаканъ на колѣни доктору, тотъ вскочилъ и едва не выбилъ чайника изъ рукъ Ольги Николаевны, а адвокатъ, сквозь набитый хлѣбомъ ротъ, промывчалъ: «и чего, сударыня, волнуетесь?» Барышня начала оправдываться. Наконецъ, все общество шумно поднялось и направилось въ гостиную.

— Вы все молчали,—сказала Рулева, подавая руку Акимъ Викторовичу.

— Я думалъ о васъ,—отвѣчалъ онъ.

— Вамъ меня жаль?—спросила она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и посмотрѣлъ на нее.

Въ глазахъ ея что-то вспыхнуло и затѣмъ быстро погасло.

— Я увѣренъ,—началъ онъ, чувствуя, что ему нужно говорить,—я увѣренъ, вы выздоровѣете, будете играть и сведете всѣхъ насъ съ ума.

— Этого никогда не будетъ,—отвѣчала она подавленнымъ голосомъ.—Меня уже никто и лечить не желаетъ. Всѣ рѣшили, что моя пѣсенка спѣта.

Въ эту минуту они проходили переднюю, она отняла руку, прислонилась къ подзеркальнику и продолжала.

— Моя пѣсенка спѣта, а я только что приготовилась ее пѣть. Я только теперь чувствую въ себѣ ту силу, за которую упорно гналась восемь лѣтъ. Восемь лѣтъ я не переставала работать. Иногда мнѣ казалось, что время тянется слишкомъ долго, что я никогда не достигну того идеала, который жилъ въ моей душѣ. А теперь я достигла всего. Теперь голова моя полна звуковъ, такъ чудно, такъ хорошо бывало минутами, что мнѣ хотѣлось и молиться, и плакать. И вдругъ у тебя рукъ нѣтъ!—Она подняла свои худыя, блѣдныя руки.—Вотъ они, мои плеточки... Я снимала съ нихъ браслеты, мнѣ тяжело, они причиняютъ мнѣ боль.

Акимъ Викторовичъ стоялъ передъ нею безмолвный. Чѣмъ онъ могъ ее утѣшить или успокоить. У него были сильныя, мощныя руки съ желѣзными мускулами. У него было горячее сердце, способное вмѣстить въ себѣ любовь и сожалѣніе ко всему человѣчеству и къ отдѣльному члену его. Онъ стоялъ передъ нею убитый, онъ готовъ былъ плакать.

— Теперь, когда я опять была заграницей,—продолжала она,—никто не дѣлалъ мнѣ никакихъ овацій, никто не интересовался мною. На меня смотрѣли, какъ на погибающую. И вы, вы тоже думаете: «можетъ быть, она и была чѣмъ-нибудь, а теперь что въ этомъ разбитомъ созданіи». Я теперь пѣвица безъ голоса, актриса безъ языка, художница безъ глазъ.

— Нѣтъ, я не это думалъ,—говорилъ онъ горячо.—Я думалъ, что могу отдать полъ-жизни за ваше выздоровленіе.

Она нервно засмѣялась и убѣжала въ гостиную.

— Ольга Николаевна,—закричала она,—моя душа мрачна, я хочу пить и плясать. Я хочу потопить свое горе въ весельи!...

Ольга Николаевна велѣла принести вино. Всѣ пили за здоровье хозяевъ, за выздоровленіе Рулевой. Она затѣяла танцы, но, какъ всегда оказывается въ подобныхъ случаяхъ, никто изъ мужчинъ не умѣлъ и не хотѣлъ танцевать. Молоденькій гвардеецъ долго ломался, пока позволилъ уговорить себя. Докторъ предложилъ кинуть

жеребій, кому какая дама достанется. Акимъ Викторовичъ взялъ на удачу и обернулся. За нимъ стояла Рулева и крестилась.

— О чемъ вы молитесь?—поспѣшно спросилъ онъ.

— Чтобы жребій палъ на меня. Я хочу танцевать съ вами.

— Ахъ, Воже мой, какой вы ребенокъ,—воскликнулъ онъ.— Да я безъ всякаго жребія готовъ танцевать съ вами цѣлый вечеръ.

Они понеслись. Адвокатъ игралъ польку съ такимъ ожесточеніемъ, что струны едва выдерживали натискъ его могучихъ пальцевъ. Рулева хохотала. «Еще, еще» просила она, когда играющій грозилъ остановиться, «еще», и они носились, носились. Она управляла кавалеромъ, который не умѣлъ держать такта, цѣплялся за всѣ стулья и горячо дышалъ ей въ самое лицо. Наконецъ, адвокатъ не выдержалъ, оборвалъ польку на полутактѣ и вскочилъ, а танцующая пара пронеслась черезъ гостиную въ полутемную комнату. Тамъ они сѣли на маленькомъ диванчикѣ другъ противъ друга. Рулева откинулась на спинку дивана, полузакрyla глаза и сложила руки на колѣняхъ. Комната эта была оклеена красными обоями. Розоватый свѣтъ отъ фонаря, висѣвшаго на потолкѣ, падалъ на ея лицо и придавалъ ему особенное оживленіе. Ея обнаженные блѣдныя руки тоже казались розовыми. Она дышала неровно и быстро, онъ усиленно обмахивался платкомъ. Комната, гдѣ они сидѣли, была спальня Ольги Николаевны. Въ глубинѣ ея за пунсовыми драпри стояла кровать; чувствовался слабый аромать фіалокъ.

Было тихо, въ гостиной затѣяли играть въ шахматы.

— Скажите мнѣ ваши стихи,—попросила она.

Онъ началъ говорить прерывающимся голосомъ. Она, не перемѣняя положенія, слушала.

— Еще, еще,—просила она, когда онъ переставалъ.— Я очень люблю стихи, точно качаешься на волнахъ, когда ихъ слушаешь; музыка должна дополняться стихами.

Онъ началъ декламировать стихотвореніе, въ которомъ описывалась казнь осужденнаго за убійденія человѣка. Вотъ этотъ осужденный постепенно со ступени на ступень подымается къ эшафоту. Она широко открыла глаза,

нагнулась и слушала, затаивъ дыханіе. Руки, лежавшія на ея колѣняхъ; слегка вздрагивали.

— Я разстраиваю васъ,—спохватился онъ,—простите меня, Бога ради, ахъ, какой я дуракъ!

— Ничего, ничего,—отвѣчала она.—Только мнѣ кажется, когда жизнь не даетъ того, что любишь, къ чему стремишься, такъ и жить незачѣмъ, тогда лучше умереть,—и нагнувшись къ нему ближе, она тихо спросила:

— Вы любили кого-нибудь?

— Любилъ,—отвѣчалъ онъ, такъ же тихо,—а вы?

— Я никогда никого.

Она, конечно, подразумѣвала не ту любовь, какою она любила своихъ учителей.

— И сладко любить?—опять спросила она шепотомъ,

— Сладко,—отвѣчалъ онъ.

— Когда я умру,—сказала она,—всѣ будутъ подходить и цѣловать мои холодныя губы.

Въ этихъ простыхъ словахъ слышалось сожалѣніе о томъ, что никто не любитъ ее. Онъ взялъ ея руки и покрылъ ихъ горячими поцѣлуями.

— Не говорите, не говорите этого,—шептавъ онъ.—Вы будете жить, вы должны жить! Васъ безумно любить можно! Вы не должны погибнуть!..

— Я останусь въ вашемъ воображеніи и когда я превращусь въ ничтожество и всѣ обо мнѣ забудутъ, вы напишите стихи: вы скажете, она была стройна, прекрасна, въ ея глазахъ свѣтился лучъ,—и никто, никто не узнаетъ въ этихъ строкахъ бѣдной, некрасивой Рулевой. Никто не пойметъ, какъ она страдала, какъ она любила музыку, и какъ все это было напрасно, напрасно и напрасно. Вы говорите, я жить должна, но чѣмъ мнѣ жить? Если бы мнѣ выкололи глаза, я бы была счастлива; если бы мнѣ отрѣзали языкъ, я бы могла благословлять судьбу, а теперь я хочу послѣдней ступени.

Голосъ ея дрожалъ и обрывался.

— Я взойду на мою послѣднюю ступень безъ страха и оглядки. Я не буду прислушиваться къ тому голосу, который станетъ звать меня: «назадъ, назадъ». Тамъ, позади меня, ничего нѣтъ, кромѣ обманутыхъ надеждъ. Знаете,—она нагнулась къ его уху такъ близко, что губы ея касались его волосъ и ея дыханіе обдавало его

шею, — знаете, я подслушала сегодня утромъ: докторъ сказалъ, что руки мои начнутъ усыхать.

Послѣднія слова она произнесла едва слышно, съ внутреннею дрожью, какъ бы подавленная страшнымъ призракомъ надвигающейся грозы. Дрожь эта сообщилась и ему. Онъ невольно протянулъ къ ней руки, онъ точно хотѣлъ защитить ее и спасти отъ удара. Глаза ихъ встрѣтились въ темнотѣ и ея голова, точно подкошенная, упала къ нему на грудь. Такъ просидѣли они нѣсколько мгновений, испытывая любовь, полную неизмѣримаго страданія и безграничной скорби, любовь безнадежную, какъ ея отчаяніе, и чистую, какъ вся ея прожитая жизнь.

Она первая опомнилась, вышла въ гостиную и сѣла за рояль. Онъ послѣдовалъ за ней. Подошла Малова и начала упрасивать ее не играть. Рулева обратила къ ней умоляющіе глаза.

— Послѣдній разъ, — просила она, — послѣдній только разъ, вотъ онъ не слышалъ еще, пусть онъ услышитъ.

Онъ подошелъ и въ свою очередь началъ просить Малову позволить ей играть.

У Маловой выступили на лицѣ красныя пятна, она слышала, что говорилъ докторъ, она знала больше, чѣмъ знала Рулева. Она любила ее такъ, какъ можетъ любить менѣе сильная талантомъ свою болѣе могучую подругу. Она ей никогда не завидовала, она преклонялась передъ нею, а теперь она испытывала чувство, похожее на то, какъ если бы кумиръ ея падалъ въ пропасть и она бы не имѣла силъ удержать его.

— Пойдите сюда, — сказала она Акимъ Викторовичу, — я вамъ что-то скажу, — но онъ только что-сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ Рулева вскочила, схватила его за руку и посадила около себя.

— Оставь насъ, — сказала она Маловой тихо, но твердо, — дай мнѣ жить, это мой послѣдній вечеръ, мой послѣдній бенефисъ!

Та повиновалась, отошла, сѣла въ уголь и готова была разрыдаться. Ей сказалъ докторъ, что Рулевой нуженъ абсолютный покой, и если она станетъ играть, у нея можетъ сдѣлаться воспаленіе спинного мозга, но Рулева хотѣла играть въ этотъ вечеръ, на краю гибели своего таланта, она со всею мукой молодыхъ разбитыхъ на-

деждъ, со всею жаждой любить и быть любимою почувствовала, что уходитъ безславна въ какое-то темное будущее, не оставляя никакихъ по' себѣ слѣдовъ. И если ей суждено превратиться въ жалкое полуживое созданіе, то пусть хоть онъ запомнитъ этотъ послѣдній вечеръ въ ея жизни, пусть онъ думаетъ о ней и не забудетъ ее. Это было нищенское, но, увы! единственное ея утѣшеніе.

Первые аккорды причинили ей нестерпимую боль. Она быстро отняла руки отъ клавишей и поникла головой съ сильно бьющимся сердцемъ. Акимъ Викторовичъ не сводилъ съ нея глазъ; онъ былъ точно въ туманѣ. Онъ почти не сознавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

Опять раздалось нѣсколько аккордовъ нѣжныхъ и чудныхъ, какъ звукъ ея голоса. Онъ весь превратился въ слухъ. Что это она играетъ? Онъ какъ будто никогда не слыхалъ этихъ звуковъ и какъ будто они вѣчно звучали въ его душѣ. Какъ могъ онъ жить до сихъ поръ, не слыша ея музыки! Какая величественная скорбь и какое сдержанное страданіе. Наконецъ, онъ узналъ, что она играла. Она играла сонату апассіонату Бетховена. Это было то, что она испытывала за минуту передъ этимъ, сидя въ темной комнатѣ. Это былъ ропотъ сильной страсти, это были жалобы передъ неизбежною гибелью. «Неужели, неужели она лишится навсегда возможности воспроизводить подобные звуки?!» Онъ откинулся на спинку кресла и сидѣлъ въ томъ состояніи душевнаго настроенія, когда человѣкъ даже плакать не можетъ. А Ольга Николаевна думала: «ее нужно спасти, непременно нужно спасти». Жена адвоката, которую считали пианисткой, чувствовала, что она долго не въ состояніи будетъ сѣсть за рояль, что ей нужно забыть сначала эту музыку. Адвокатъ былъ въ восторгѣ, онъ находилъ, что это несовременная игра, что самъ Бетховенъ съ того свѣта водить ея пальцами. Докторъ молчалъ. Онъ не слушалъ, что ему нашептывала барышня съ свѣтлыми волосами, онъ считалъ Рулеву сумасшедшею, глупою и совсѣмъ неинтересною, а теперь онъ готовъ былъ расцѣловать всѣ ея пальчики. А она, между тѣмъ, перешла въ *adagio*, торжественное и стройное, какъ церковный хоръ, какъ пѣсня о величіи природы. Смирись, казалось, говорила она звуками. Забудьте ваши личные страданія. Пока солнце свѣтитъ, пока жизнь кипитъ

на землѣ, не исчерпать вамъ ни вашихъ радостей, ни вашихъ скорбей. Не ждите счастья отъ жизни, оно заключается въ сознаниі величія вѣчности, въ красотѣ всего прекраснаго, въ чистотѣ и незлобіи душъ вашихъ. Но вотъ, послѣ торжественныхъ заключительныхъ аккордовъ, два восходящіе аккорда *agredo*; сильная, страстная, короткая прелюдія *allegro*, раздавшаяся подобно набату, и затѣмъ полились звуки, перешедшіе въ потокъ такого горькаго отчаянія, такой захватывающей душу неудовлетворенной страсти, ни съ чѣмъ немирящагося земного страданія, что Акимъ Викторовичъ уронилъ голову на столъ. Онъ рыдалъ, а рояль стоналъ и жаловался подъ ея пальцами.

Когда она кончила, не раздалось ни одного аплодисмента. Всѣ были взволнованы и потрясены. Она сидѣла неподвижно, уронивъ руки на колѣни, съ опущенными вѣками. «Играть или не играть, изжить ли въ этотъ вечеръ все, что сулила ей жизнь впереди и затѣмъ погибнуть. Пока руки у нея двигаются, пока она въ силахъ приказать своимъ нервамъ молчать и не болѣть, она можетъ заставить своихъ слушателей плакать и смѣяться, тренетать и благословлять себя. Она будетъ играть. Опять первые аккорды причинили ей боль; но по мѣрѣ возбужденія боль ею не чувствовалась. Она сыграла нѣсколько вещейъ граціозныхъ, нѣжныхъ и чарующихъ. «Еще, еще», просили всѣ, совершенно забывая, что это ей вредно. Она начала играть что-то бурное, какой-то танецъ, полный захватывающаго веселья и вдругъ совершенно неожиданно для всѣхъ перешла въ «Маршъ Фюнебръ» Бетховена, торжественный и холодный, какъ сама смерть. Акимъ Викторовичъ думалъ: «этотъ маршъ написанъ на смерть героя. Надъ могилой героя не раздастся рыданій, потому что герой не умираетъ, онъ уходитъ съ земли, чтобы окруженный легендами, еще крѣпче прирости къ ней, а вотъ эти рыданія Шопеновскаго марша слѣдуетъ играть надъ всякою безвременною могилой, надъ тѣми, кто хотѣлъ и не могъ выполнить своихъ стремленій на землѣ, кто ушелъ съ нея, унося съ собой душу, переполненную страданіями, кто не живши жилъ, кто стремился умереть, кто оставилъ по себѣ разбитыя надежды и упованія».

Всѣ подобныя мысли вихремъ носились въ головѣ

Акима Викторовича. Онъ потерялъ всякое представленіе о времени. Ему казалось, что въ эти нѣсколько часовъ онъ пережилъ больше, чѣмъ во всю свою жизнь. А она все еще играла. Ужъ это не былъ ни Бетховенъ, ни Шопенъ, ни Мендельсонъ, это было что-то новое, ни кѣмъ никогда не слышанное. Это была ея собственная пѣсня, родившаяся подъ напоромъ отчаянной борьбы со смертью. Она прозвучала, какъ прощальное эхо погребальнаго напѣва, и смолкла.

Чья-то рука легла на плечо Акима Викторовича. Онъ поднялъ голову, передъ нимъ стояла Малова. Она что-то говорила ему, но онъ ничего не могъ понять. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и понялъ.

— Ее отвести нужно отъ рояля,—говорила она.—Посмотрите, ей дурно.

Онъ подошелъ къ ней. Она сидѣла неподвижно, сжавшись, съ сжатыми руками и согнутою спиной. Губы ея посинѣли, лицо потухло. Ему казалось, что она стала точно меньше и старѣе въ эти нѣсколько минутъ, которыя онъ не смотрѣлъ на нее.

— Холодно мнѣ,—сказала она упавшимъ голосомъ, и, ни на кого не глядя, безпомощно протянула руки впередъ. Легкая судорога искривила углы ея рта, концы пальцевъ сжимались. Острая боль, подобно электрическому току, пронизала ее отъ головы до ногтей пальцевъ на ногахъ.

Она въ эти нѣсколько часовъ истощила всѣ свои жизненные силы. Съ этого вечера она стала медленно и мучительно погибать.

—
Не все-ли равно, что съ нею стало. Ни чье вниманіе не можетъ ее утѣшить, ни чья любовь не въ состояніи возратить ей того, что она на вѣки утратила. Акиму Викторовичу казалось, что никогда міръ не услышитъ звуковъ болѣе нѣжныхъ и прекрасныхъ и что никогда не встрѣтитъ онъ глазъ, чей взглядъ общалъ такъ много блаженства, и въ которыхъ бы свѣтилось такъ много страданія.

А. С. Шабельская.

МИЛЛИОНЕРЪ

Романъ Криспи Муррей.

(Окончаніе)

XXV.

Разъ утромъ Болсоверъ Кимберли пришелъ въ себя и увидалъ, что отъ него остались только кожа, да кости, — кожа блѣдная и прозрачная, а кости такіа тяжелыя, что каждая рука вѣсила нѣсколько пудовъ. Онъ замѣтилъ также, что волосы и бакенбарды его сбриты и, взглянувъ на себя въ зеркало, истерически засмѣялся, а потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ себя какъ будто ребенкомъ, и какъ ребенка, его умыли, накормили и оправили. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ чувствовалъ какое-то странное равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Прошлое словно умерло для него, настоящее казалось блѣднымъ и не интереснымъ, а будущаго точно и не предстояло.

Уиндголь продолжалъ по прежнему часто навѣщать больного и оставался съ нимъ все время, въ которое дозволялось это врачами. И чѣмъ лучше узнавалъ онъ маленькаго Кимберли, тѣмъ выше поднимался тотъ въ его уваженіи. Никакіе денежные расчеты не входили болѣе въ это чувство: документы были сожжены и о деньгахъ не было болѣе и помина.

Въ первые дни выздоровленія Кимберли чувствовалъ въ душѣ пустоту и тоску, но все же нравственное его состояніе было легче сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился передъ болѣзнію. Элла съ Алисой уѣхали на нѣсколько дней гостить къ своей родственницѣ, и Уиндголь опять поселился на эти дни

въ гостинницѣ, гдѣ жилъ его больной другъ, чтобы ухаживать за нимъ во время выздоровленія.

Что касается до Джэка Клэра, то онъ не могъ и подумать теперь о Кимберли безъ тайнаго стыда; въ понятіяхъ его о немъ произошла такая перемѣна, что бывшій соперникъ представлялся ему теперь въ воображеніи окруженный ореоломъ. Джэкъ всякій день навѣдывался въ гостинницѣ объ его здоровьи. Докторъ съ каждымъ днемъ подавалъ все болѣе и болѣе надежды, и когда выздоравливающій немного окрѣпъ, его отправили, для полнаго выздоровленія, на южно-бережныя морскія купанья. Онъ бродилъ тамъ, одинокій и унылый, и размышлялъ о своей судьбѣ, не находя для себя никакой отрады въ жизни.

Однажды, слишкомъ понадѣявшись на свои силы, онъ долженъ былъ остановиться среди прогулки: у него закружилась голова и, попытавшись сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, онъ пошатнулся и чуть было не упалъ. Но чья-то сильная рука, продѣтая подъ его руку, поддержала его и осторожно довела до одной изъ маленькихъ бесѣдокъ, устроенныхъ для отдыха публики. Тамъ только, опустившись на скамью и поднявъ глаза, Болсоверъ Кимберли увидѣлъ, кто его велъ: это былъ никто иной, какъ Джэкъ Клэръ, который стоялъ теперь, наклонившись надъ нимъ, и глядѣлъ на него съ искреннимъ участіемъ, краснѣя, какъ школьникъ.

— Вы еще очень слабы,—сказалъ онъ.—Осторожно-ли такъ рано выходить одному?

— Я далеко зашелъ, это оттого,—отвѣтилъ Кимберли слабымъ голосомъ.

— Вамъ не будетъ непріятно, если я посижу съ вами?—спросилъ Клэръ.

— Благодарю васъ, вы очень добры,—отвѣтилъ тотъ, подвигаясь, чтобы дать мѣсто.

Джэкъ сѣлъ и оба нѣсколько минутъ молчали. Нельзя сказать, чтобы видъ капитана приносилъ Кимберли облегченіе; онъ не могъ подавить горькаго чувства, невольнаго поднимавшагося въ его душѣ.

— Я чувствую себя совсѣмъ хорошо,—сказалъ онъ, немного погодя.

— Возьмите мою руку,—предложилъ Клэръ съ несвойственною ему робостью.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Право, я не такъ слабъ.

— Пожалуйста, позвольте мнѣ довести васъ,—просилъ Джэкъ, и Кимберли не могъ не сдаться на его умоляющій тонъ.

— Вы стоите въ Королевской гостинницѣ?—спросилъ Джэкъ.

— Да,—былъ отвѣтъ.

— Я видѣлъ, когда вы выходили оттуда.

Они опять замолчали. Кимберли чувствовалъ, что сильная рука молодого человѣка служить для него надежною опорой, но тѣмъ не менѣе, отъ души желалъ, чтобы владѣлецъ этой руки былъ подалѣе отъ него.

Когда они дошли до гостинницы, онъ протянулъ Джэку свою худую, слабую руку, говоря.

— Благодарю васъ. Очень вамъ обязанъ.

Джэкъ проводилъ его глазами, пока онъ медленно поднимался по лѣстницѣ, и пошелъ къ себѣ. У него щемило сердце.

На слѣдующее утро миллионеръ опять пошелъ гулять, не замѣчая, что Клэръ слѣдуетъ за нимъ издали, наблюдая за каждымъ его движеніемъ, какъ нянька наблюдаетъ за малымъ ребенкомъ. На другой день было то же, но на этотъ разъ Кимберли замѣтилъ его и не могъ не поклониться. Джэкъ приблизился и пожалъ ему руку.

— Вы выглядите лучше сегодня.

— Да,—томоно отвѣтилъ Кимберли,—я чувствую, что крѣпну съ каждымъ днемъ.

Дѣйствительно, вѣсы перетянули на сторону жизни, и нельзя сказать, чтобы на радость ему. Онъ предпочелъ бы раздѣлаться съ жизнью навсегда.

— Можно мнѣ пройти съ вами? Возьмите мою руку,—мягко предложилъ Клэръ.

Они тихо пошли рядомъ. Немного погодя, Кимберли присѣлъ на опрокинутую лодку, лежавшую на песчаномъ берегу. День былъ теплый и ясный, поверхность моря ровно колыхалась, какъ грудь спящаго ребенка. Вокругъ не видно было ни души, слышался только вдали ребячій смѣхъ и лепетъ, въ которомъ нельзя было разобрать словъ.

Джэкъ прервалъ молчаніе, сказавъ дрожащимъ голосомъ:

— Мистеръ Кимберли, завтра я уѣзжаю въ Лондонъ и, быть можетъ, мы долго не встрѣтимся. Но передъ тѣмъ мнѣ хотѣлось бы высказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно, какъ мнѣ искренно совѣстно, что я оскорбилъ человѣка съ такимъ благороднымъ сердцемъ....

— Оставимъ это, пожалуйста оставимъ,—сказалъ Кимберли умоляющимъ тономъ.

— Я съ тѣмъ и пріѣхалъ сюда, чтобы испросить у васъ прощенія,—продолжалъ Джэкъ.— Я не зналъ васъ, я былъ раздраженъ и не понималъ, что говорю. Повѣрьте, что я глубоко, глубоко, сожалею....

— Бога ради, оставимъ это,—просилъ Кимберли.—Я заслужилъ то, что случилось,—прибавилъ онъ, уныло свѣсивъ голову на грудь и чертя тростью по песку.

— Я вижу, что для васъ тяжело мое присутствіе, мистеръ Кимберли,—сказалъ Джэкъ мягкимъ и грустнымъ тономъ.—Но я желалъ бы заслужить, чтобы вы вспоминали обо мнѣ, какъ о самомъ благородномъ и преданномъ изъ вашихъ друзей.

Въ ихъ взаимномъ положеніи было нѣчто комичное. Не всякій день случается, чтобы одинъ женихъ былъ обязанъ другому за то, что тотъ отдалъ ему невѣсту.

«Да, не всегда побѣда достается достойнѣйшему», говорилъ себѣ Джэкъ совершенно искренно.

Послѣ долгой паузы, Кимберли отвѣтилъ на послѣднія слова своего собесѣдника, сказанныя вслухъ:

— Вы пріѣхали сюда, чтобы сказать мнѣ это,—благодарю васъ. Я умѣю цѣнить ваше доброе сердце—повѣрьте. Но я самъ былъ не правъ: я не долженъ былъ становиться на вашей дорогѣ... Я не зналъ...

Онъ еще ниже наклонилъ голову, продолжая чертить тростью по песку, и Клэръ замѣтилъ, что двѣ блестящія капли упали на песокъ. Онъ отвернулся и началъ ходить взадъ и впередъ: у него сдавило горло. Немного погодя, Кимберли всталъ и подошелъ къ нему.

— Прощайте,—сказалъ онъ, протягивая руку.—Передайте мой сердечный поклонъ милорду, когда увидите съ нимъ.

Онъ пожалъ ему руку и, отвернувшись, прибавилъ:—Надѣюсь, что вы будете счастливы.

Клэръ остался стоять возлѣ лодки съ какимъ-то страннымъ чувствомъ: онъ какъ будто потерпѣлъ поражение, хотя цѣль, для которой онъ пріѣхалъ, была достигнута, и желаемое прощеніе получено. Онъ чувствовалъ, что между нимъ и Кимберли лежитъ пропасть, которую врядъ-ли можно наполнить.

Между тѣмъ, милліонеръ вернулся въ свою гостинницу, гдѣ нашелъ ожидавшаго его мистера Бэджа. Онъ забылъ, что вызвалъ его.

— У васъ есть какое-нибудь важное дѣло?—спросилъ тотъ, протирая руки въ увѣренности на хорошее вознагражденіе за то что его заставили провѣстаться изъ Голлоубая въ Гастингсъ.

— Да, дѣло важное,—отвѣтилъ Кимберли, и на блѣдномъ лицѣ его выступила легкая краска. Я хочу сдѣлать духовное завѣщаніе. Кто знаетъ, что можетъ случиться?

— Конечно, конечно. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Удивительно, что столь немногимъ приходится въ голову устраивать такимъ образомъ свои дѣла.

— Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, мистеръ Беджъ, если бы вы приняли мои инструкціи,—сказалъ миллионеръ, вставъ и подходя къ окну.

Годъ тому назадъ, онъ не посмѣлъ бы и подумать давать инструкціи мистеру Беджу, но онъ уже усвоилъ себѣ образъ выраженій, принятый другими, да къ тому же онъ былъ уже совсемъ не прежній Кимберли.

— Конечно,—повторилъ Беджъ, садясь за письменный столъ.

— Я желаю завѣщать все мое имущество сполна и безусловно лэди Эллѣ Сантеррь.

— Та-акъ,—протянулъ Беджъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго; но, видя, что Кимберли молчитъ и смотритъ въ окно, спросилъ:— Это въ случаѣ, если лэди Элла переживетъ васъ. А если нѣтъ?

— Тогда... ея дѣтямъ,—чуть слышно проговорилъ миллионеръ.

— А если дѣтей не будетъ?—спросилъ Беджъ, нарочно дѣлая свои вопросы сухимъ, дѣловымъ тономъ, чтобы скрыть, что ему извѣстна тайна его кліента.

Тщетно продавъ отвѣта, онъ принужденъ былъ снова прервать молчаніе.

— Дѣло въ томъ, мистеръ Кимберли,—началъ онъ, повернувшись вмѣстѣ со стуломъ и сложивъ концы своихъ пальцевъ,— дѣло въ томъ, что вы располагаете очень большимъ состояніемъ, очень большимъ, а такое состояніе не можетъ быть передано двумя словами. Въ жизни нѣтъ ничего вѣрнаго. Никто не знаетъ этого лучше юриста; поэтому, составляя духовное завѣщаніе, необходимо принимать въ расчетъ всѣ случайности.

Слова адвоката представляли какой-то диссонансъ, вносили что-то пошлое въ то дѣло, которое имѣло для Кимберли такой трагическій и цѣльный характеръ. Найдутся, пожалуй, люди, которыхъ не оскорбило бы, если бы Отелло, въ минуты своего безумнаго отчаянія и угрызений совѣсти, сталъ соображать, во сколько ему обойдутся похороны Дездемоны; но для другихъ

это было бы дикимъ диссонансомъ, вторженіемъ ни съ чѣмъ несообразнаго элемента. Кимберли былъ изъ числа послѣднихъ, и умъ его не принималъ никакого участія въ послѣдующемъ совѣщаніи его съ повѣренными насчетъ завѣщанія его денегъ, въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ, различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Въ своемъ сердцѣ Кимберли сдѣлалъ изъ этого завѣщанія поэму, а юристъ превратилъ ее въ прозу.

— Я никогда не выѣжалъ изъ Англіи и хочу теперь отправиться путешествовать,—сказалъ миллионеръ, когда завѣщаніе было составлено и подписано.—Но у меня есть газета. Редакторъ ея — очень умный человѣкъ — говорилъ мнѣ, что газета должна просуществовать нѣсколько лѣтъ для того, чтобы окрѣпнуть и приносить пользу. Очень можетъ быть, что моя уже окрѣпла, и прекращать ея жизнь было бы жалко. Я думаю подарить ее редактору.

Бѣдѣ, какъ человѣкъ дѣловой, совѣтовалъ лучше продать газету, но Кимберли отказался.

— Нѣтъ, до сихъ поръ весь трудъ лежалъ на мистерѣ Эмили, такъ по справедливости ему же должны принадлежать и барыши.

Достаточно окрѣпнувъ, Кимберли вернулся въ Лондонъ и навѣстилъ Эмили. Тотъ каждый день ждалъ вызова въ судъ и чувствовалъ надъ собой что-то въ родѣ Дамоклова меча. При видѣ входящаго Кимберли, онъ подумалъ, что мечъ оборвался и падаетъ.

— Я былъ боленъ и уѣзжаю за границу,—просто сказалъ миллионеръ.—Я сложилъ съ себя депутатскія полномочія и хочу развязаться и съ газетой.

«Деликатный способъ отказывать мнѣ отъ мѣста!» подумалъ провицательный журналистъ.

— Жаль!—сказалъ онъ вслухъ.—Газета только-что начала пріобрѣтать вліяніе и значеніе, и перестала быть намъ въ убытокъ. Теперь она уже оплачивается.

— Очень радъ слышать это,—сказалъ Кимберли.—Если вы найдете выгоднымъ вести ее на вашъ рискъ, то я охотно представлю ее вамъ.

Эмили былъ такъ изумленъ, что въ первую минуту не нашелъ, что сказать. Но человѣческая природа эластична и что бы вы въ нее ни вкладывали, она все будетъ принимать первобытную форму.

— Я приготовилъ росписъ лежащихъ на газетѣ обяза-

тельствъ, объявилъ Эмили вмѣсто благодарности.— Не хотите-ли взглянуть?

Кимберли взглянулъ и досталъ свой бумажникъ.

«Ему это ничего не стоитъ», размышлялъ Эмили, пока миллионеръ подписывалъ нѣсколько крупныхъ чековъ.

— Это все?—спросилъ онъ.

— Все, благодарю васъ. Но развѣ вы отказываетесь отъ всякаго участія въ прибыли?

— Отказываюсь,—сказалъ Кимберли.—Я уѣзжаю, и, вѣроятно, на долго. Надѣюсь, что газета будетъ приносить доходъ подъ вашимъ руководствомъ, а доходъ этотъ долженъ по праву принадлежать вамъ. Прощайте, мистеръ Эмили.

— Прощайте, мистеръ Кимберли. Много вамъ обязанъ.

Кимберли не сталъ дожидаться болѣе краснорѣчивыхъ выражений благодарности и ушелъ, а Эмили, по уходѣ его, осмотрѣлся вокругъ съ видомъ монарха, обзорѣвающего свои владѣнія.

Однако, когда первый восторгъ немного остылъ и разсудокъ вступилъ въ свои права, онъ шепнулъ журналисту одно словечко, отъ котораго тотъ все съѣжился и скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ въ кресло. На лицѣ его изобразилась ужасъ.

— Ловушка!—вскричалъ онъ,—несомнѣнно ловушка! Онъ свалилъ все на меня, а самъ уѣзжаетъ. А, вѣдь, онъ столько же отвѣтственъ, какъ и я.

Эмили полагалъ, что Кимберли поступилъ такъ, какъ онъ самъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ; но за исключеніемъ страха, который онъ испыталъ вслѣдствіе человѣческой склонности мѣрить другихъ по своей мѣркѣ, все обошлось благополучно. Недѣля проходила за недѣлей, а вызова къ суду не являлось; Эмили, наконецъ, успокоился и результатомъ этого успокоенія было слѣдующее объявленіе, разосланное имъ во всѣ главныя газеты:

«Газета «Дорога Жизни», выходящая со дня ея основанія подъ редакціей мистера Уилліама Эмили, перешла въ настоящее время въ его полную издательскую собственность, и новый издатель намѣренъ сдѣлать къ ней нѣкоторыя пополненія, которые будутъ новостью въ англійской журналистикѣ».

Такимъ образомъ, звѣзда маленькаго Эмили продолжала всходить, несмотря ни на что. У него, правда, были враги, но у каковаго же даровитаго человѣка не бываетъ ихъ? Единственнымъ его bête noire былъ Кириллъ Мэддоксъ, который давно разошелся съ нимъ и ушелъ изъ его газеты. Ему также повезло, и

онъ уже сталъ извѣстенъ не только какъ поэтъ, но и какъ романистъ. Умный маленькій Эмили, имѣвшій теперь руку во многихъ газетахъ, могъ, прикрываясь щитомъ распространенной въ Англіи анонимности, наносить противнику удары съ разныхъ сторонъ, и удары эти были бы очень чувствительны, если бы Мэддоксъ не зналъ, чьею рукой они наносятся.

Не смотря на свои многообразныя обязанности по изданію газеты, Эмили нашелъ время написать романъ, въ которомъ нарисовалъ самыми черными красками портретъ одного изъ своихъ старыхъ враговъ. Задолго до появленія этого блестящаго произведенія вся страна знала о немъ и находилась въ напряженномъ ожиданіи, судя по частымъ извѣщеніямъ объ его ходѣ, плавлѣ, фабулѣ, заглавіи, и даже о томъ, какую уйму денегъ даровитый авторъ положитъ себѣ въ карманъ. Десятка два газетъ, съ которыми мистеръ Эмили имѣлъ различныя связи, единогласно превозносили новый романъ, и если другія не соглашались съ ними, то это могло быть объяснено тѣмъ, что каждый отецъ предпочитаетъ собственное дитя. Словомъ, примѣръ Уилліама Эмили доказываетъ съ полною ясностью, что въ настоящее время барду не предстоитъ избирать между сытнымъ пуддингомъ и славой, такъ какъ слава обыкновенно приноситъ и сытный пуддингъ.

XXVI.

Наступилъ новый годъ. Кимберли путешествовалъ и никому не писалъ, потому что ему некому было писать. Джекъ получилъ письмо изъ Новой-Зеландіи, отъ своего агента, который писалъ, что купленная имъ земля настолько хороша, насколько можно было ожидать, и что онъ, агентъ, дѣлаетъ съ нею что можетъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, давалъ понять, что было бы желательно присутствіе хозяина. Получивъ это письмо, Джекъ при первомъ же свиданіи со своею невѣстой изложилъ ей свои затрудненія, объяснивъ, по какимъ соображеніямъ онъ приобрѣлъ землю въ Новой-Зеландіи.

Онъ говорилъ медленно и съ разстановками, какъ человѣкъ, который обдумываетъ то, что говорить. Элла, опустивъ на колѣни руки съ какимъ-то завалывшимся вышиваньемъ, слушала съ серьезнымъ видомъ.

— А ты желаешь ѣхать туда?—спросила она, когда онъ кончилъ.

— Желалъ, когда думалъ, что проживу свой вѣкъ одиноко, но теперь у меня двоякая цѣль: во-первыхъ, я хочу дѣлать что-

нибудь полезное, и во-вторыхъ, считаю теперь своимъ долгомъ вырваться изъ когтей бѣдности.

— Объ этомъ нужно подумать серьезно. Но скажи мнѣ, желаешь-ли ты, чтобы я ѣхала съ тобою въ Новую-Зеландію?

— Я боюсь и думать объ этомъ, — отвѣчалъ онъ. Какъ обречь тебя на такую жизнь, заставить терпѣть лишенія, скуку?..

— Я не чувствую никакого желанія блистать при дворахъ, Джэкъ, — отвѣчала Элла. — Скажи мнѣ лучше откровенно, что ты имѣешь серьезнаго противъ Новой-Зеландіи. Я не вижу пока ничего, кромѣ разстоянія. Оно, дѣйствительно, ужасно.

— А скука?

— Вѣдь, мы будемъ вмѣстѣ, — возразила она нѣжно.

Джэкъ быстро окинулъ взглядомъ комнату: въ дальнемъ концѣ ея сидѣла Алиса, углубившись въ чтеніе, и болѣе не было никого. Джэкъ схватилъ маленькую ручку и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— А общественные предрасудки? — напомнилъ онъ.

— Мы будемъ далеко отъ нихъ.

Элла была проникательна; стремленія Клэра были давно извѣстны ей, и она хорошо понимала, что планы его относительно Новой Зеландіи были какъ нельзя болѣе способны удовлетворить этимъ стремленіямъ. Вотъ что заставляло ее отстаивать его планы на Новую-Зеландію противъ него самого. Она любила его и сочувствовала его цѣлямъ, а въ сравненіи съ этимъ возраженія, которыя онъ приводилъ противъ своего плана, не могли не показаться ей мелочными.

— Но это будетъ эгоизмомъ съ моей стороны, жестокимъ эгоизмомъ, — возражалъ онъ, глядя ей въ глаза.

— Отчего? Для меня будетъ счастьемъ видѣть тебя счастливымъ. Эгоизмомъ было бы съ твоей стороны сидѣть, сложа руки.

Въ отвѣтъ на это, онъ только прижалъ маленькую ручку къ своей груди.

Въ тотъ же вечеръ Джэкъ Клэръ попросилъ графа Уиндголя удѣлить ему нѣсколько минутъ.

«Еще, что?» — подумалъ милордъ. Горькій опытъ приучилъ его ежеминутно опасаться чего-нибудь непріятнаго.

— Пройдемтесь по парку, покуримъ и поговоримъ, — предложилъ онъ, спускаясь съ террасы.

— Я много размышлялъ о томъ, что вы мнѣ говорили нѣсколько недѣль тому назадъ.

— Прекрасно,—отвѣчалъ милордъ.—Вашъ братъ тоже согласенъ со мною.

— Мнѣ очень жаль, что я принужденъ поступить наперекоръ вамъ обоимъ,—сказалъ Джэкъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ милордъ съ замѣтной досадой.

— Вамъ извѣстно, милордъ, что я приобрѣлъ землю въ Новой Зеландіи?

— Знаю, и вы теперь легко найдете покупателя на нее. Эмиграція въ эту страну приняла въ послѣднее время широкіе размѣры.

— Я говорилъ объ этомъ съ Эллой,—началъ Джэкъ съ тревожнымъ біеніемъ сердца,—и мы рѣшили не продавать земли. Мы зрѣло обсудили нашу будущность и пришли къ заключенію, что въ Англіи мнѣ было бы трудно найти себѣ полезное и доходное занятіе...

— Великій Боже!—вскричалъ милордъ,—не давайте мнѣ повода думать, Клэръ, что я говорю съ помѣшаннымъ.

— Постараюсь не дать, милордъ,—холодно отвѣтилъ Джэкъ.

— Я предвидѣлъ, что встрѣчу оппозицію съ вашей стороны, и поэтому долго обдумывалъ дѣло, прежде чѣмъ рѣшился говорить съ вами: Но, повторяю, я не вижу для себя въ Англіи никакой дороги, которая могла бы вести меня къ моимъ цѣлямъ, не заставляя измѣнять своимъ убѣжденіямъ.

— Но, неужели вамъ когда-нибудь могла явиться мысль, что я отпущу мою дочь въ Новую-Зеландію?—вскричалъ бѣгавшій по комнатамъ Уиндголь, останавливаясь на минуту передъ молодымъ челоуѣкомъ.

Изумленіе и негодованіе его были такъ искренни, что на минуту поколебали самого Клэра, но твердое и обдуманное рѣшеніе его тотчасъ же вновь вступило въ свои права. Онъ попытался сдѣлать приступъ съ другой стороны.

— Вы были такъ добры, милордъ, что обѣщали обезпечить лэди Элла въ замужествѣ. Но если мы поѣдемъ въ Новую-Зеландію, то въ обезпеченіи не будетъ надобности, или оно можетъ лежать капитализированное, и на немъ будутъ расти проценты.

— Я отказываюсь и разсуждать объ этомъ планѣ, непреклонно объявилъ милордъ.—Приглашая васъ къ себѣ, я былъ увѣренъ, что вы не откажетесь отъ содѣйствія нашихъ друзей въ

дѣлъ открытія вамъ какой-нибудь карьеры. Мнѣ и въ голову не приходило, что я натолянусь на такіе безумные планы.

— Есть люди и получше меня, которые пустились въ подобныя предпріятія,—мрачно отвѣтилъ Клэръ.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—злобно возразилъ милордъ, и никто вамъ не мѣшаетъ слѣдовать ихъ примѣру; но только дочь мою я не отпущу съ вами.

Всякому, кто знаетъ человѣческое сердце, должно быть понятно, что Уиндголь не могъ еще питать дружелюбныхъ чувствъ къ Клэру: затаенная непріязнь высказалась при первомъ же удобномъ случаѣ. Но вспышка тотчасъ же была подавлена разсудкомъ, который шепнулъ графу, что на этотъ разъ онъ дѣйствительно продалъ свою дочь за девяносто тысячъ фунтовъ, хотя и любимому ею человѣку.

Прогулка кончилась въ молчаніи и Клэръ ретировался съ нѣмыми поклономъ. Входя въ комнаты, графъ встрѣтилъ свою старшую дочь.

— Что за нелѣпости говорить Клэръ?—обратился онъ къ ней съ гнѣвнымъ видомъ.—Какую такую эмиграцію вы замышляете съ нимъ?

Элла подтвердила рѣшеніе, принятое Джеккомъ съ ея согласіемъ.

— Рехнулись вы оба, что-ли?—гнѣвно вскричалъ графъ, но дочь осадила его однимъ взглядомъ, давшимъ ему понять, что онъ не имѣетъ болѣе права третировать ее такъ безцеремонно.—Что это, въ самомъ дѣлѣ, нашло на васъ обоихъ?—прибавилъ онъ значительно смягченнымъ тономъ.

— Что же такого несообразнаго въ нашемъ планѣ?—спросила она.—Мы серьезно обсудили его и оба пришли къ одному рѣшенію.

Уиндголь потерялъ всякую способность болѣе сдерживаться.

— Чтобы я не слышалъ болѣе объ этомъ!—закричалъ онъ.—Не потерплю! Знай я, что Клэръ затѣваетъ такую глупость, я... я...

У него осѣкся голосъ отъ гнѣва.

— Сожалѣю, что у васъ такой взглядъ,—спокойно проговорила Элла.

— Сожалѣешь? Это, что же значить?—кричалъ графъ.—Не то-ли, что тебѣ дѣла нѣтъ до моей воли?

Элла молчала.

— И ты думаешь, что я допущу до такого позора, отдамъ дочь за какого-то эмигранта, въ родѣ ирландскаго фермера.

Онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Элла никогда еще не видала его такимъ разсерженнымъ.

— Мнѣ очень жаль, папа,—повторила она.

— Что ты мнѣ твердишь одно и то же?—спросилъ онъ, останавливаясь противъ нея, весь красный отъ гнѣва.—Мнѣ нужно не сожалѣніе твое, а послушаніе.

Но едва онъ выговорилъ послѣднюю фразу, какъ пожалѣлъ о ней, вспомнивъ все, что Элла могла бы ему отвѣтить на это. Она-ли не была послушна?

— Прости меня, дитя мое,—сказалъ онъ, разомъ притихнувъ и перемѣнивъ тонъ.—Я знаю, я несправедливъ къ тебѣ. Прости меня.

— Папа, милый, не говорите такъ!—отвѣтила она, обвивъ руками его шею.—Поразсудимъ спокойно. Если рѣшимъ, что не слѣдуетъ ѣхать, то мы не поѣдемъ.

Не смотря на примиреніе съ дочерью, милордъ весь этотъ вечеръ былъ мраченъ, а на слѣдующій день отправился къ мистеру Бэджу, чтобы посоветоваться съ нимъ. Адвокатъ нисколько не удивился, хотя милордъ изложилъ ему планъ Клэра, какъ нѣчто изумительное по своей нецѣлостности.

— Безъ сомнѣнія, разлука съ леди Эллой будетъ для васъ очень тяжела,—сказалъ онъ сочувственно. Но удобство сообщенія такъ скрадываетъ разстояніе, что вамъ можно будетъ видѣться съ нею сравнительно часто. А для человѣка энергичнаго и трудолюбиваго колонія, дѣйствительно, открываютъ почетную и полезную карьеру.

— А общественное мнѣніе?—возразилъ милордъ.

— Просвѣщенное общественное мнѣніе,—отвѣчалъ Бэддж,—отнесется къ предпріимчивости молодого человѣка и къ смѣлости его супруги, какъ нельзя болѣе одобрительно. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Нигдѣ въ мірѣ сынъ и дочь англійскихъ перовъ не будутъ встрѣчены съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ англійской колоніи, и самые видные посты, какими она можетъ располагать, будутъ доступны для сына лорда Монтэкута и зятя графа Уиндголя.

Доводы Бэджа были настолько убѣдительны, что милордъ вернулся домой на половину примиренный съ планомъ Клэра, и Эллѣ почти не стоило никакого труда исторгнуть у него окончательное согласіе. Мало того, вскорѣ онъ самъ началъ говорить въ обществѣ о планѣ своего будущаго зятя, какъ о дѣлѣ весьма полезномъ, и изображать Клэра чѣмъ-то въ родѣ миссіонера

англійской аристократіи въ колоніяхъ. Такой переворотъ въ мысляхъ графа совершился, хотя и внезапно, но довольно естественно, послѣ того, какъ онъ убѣдился, что Элла уже ни въ какомъ случаѣ не согласится болѣе разстаться съ любимымъ человекомъ.

Спустя нѣкоторое время, члены всѣхъ аристократическихъ семействъ, состоявшихъ въ родственныхъ связяхъ съ домами Монтэкьютъ и Уиндголь, были приглашены на бракосочетаніе лэди Эллы Сантерръ съ капитаномъ Джэкомъ-Джорджемъ Эларикомъ-Фитцъ-Эддингтонъ-Клэромъ. Свадьба была отпразднована пышно и парадно; предстоящая эмиграція новобрачныхъ не только не скрывалась, но даже служила главною темой свадебныхъ спичей, которые были воспроизведены газетами вмѣстѣ съ описаніемъ свадебнаго торжества.

Такимъ образомъ, слава капитана Клэра и лэди Эллы долетѣла до ихъ новаго отечества прежде чѣмъ они сами прибыли туда.

ЭПИЛОГЪ.

Въ самый лондонскій сезонъ 1882 г., Больсоверъ Кимберли, облачившись вечеромъ во фракъ, отправился на званый обѣдъ въ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ. На пластронѣ его не блестѣло, какъ бывало прежде, крупныхъ солитеровъ, а видѣлись чуть замѣтныя золотыя пуговицы. Ни перстней, ни толстой золотой цѣпочки; послѣднюю замѣнила скромная черная ленточка. Давно уже замѣчали, что для миллионера новѣйшаго чекана мистеръ Кимберли одѣвается черезчуръ скромно.

Онъ часто поглядывалъ на часы и, чтобы насладиться яснымъ и теплымъ вечеромъ, отправился пѣшкомъ. Прибывъ на мѣсто довольно рано, онъ былъ принятъ хозяевами съ большимъ радущіемъ и, съ свойственнымъ ему скромнымъ видомъ, пожималъ руки своихъ многочисленныхъ знакомыхъ.

Почти по его слѣдамъ вошли въ залу высокій, статный джентльменъ, лѣтъ тридцати, съ сѣрыми глазами и большою русою бородой, и дама, замѣчательной красоты, моложе его лѣтъ на пять. Вмѣстѣ съ ними вошелъ маленький, худощавый старичекъ, который, замѣтивъ Кимберли, торопливо подошелъ къ нему и горячо пожалъ ему руку.

— Вы уже видѣлись съ Клэромъ, конечно,—сказалъ онъ.

— Нѣсколько разъ,—отвѣтилъ Кимберли.

Бородатый джентльменъ и его дама также подошли къ нему.

Кимберли поздоровался съ ними, и они вчетверомъ образовали отдѣльную группу.

— Я еще не поздравилъ васъ съ вашею вступительною рѣчью, — обратился милліонеръ къ блондину. — О ней всѣ говорятъ.

— Хвала мои рѣчи, вы воздаете должное ей милости, — онъ указалъ на свою даму. — Это она льетъ пули, а я только стрѣляю.

— Да, да, Элла, — вмѣшался старичекъ, — Джэкъ говорилъ мнѣ, что ты сдѣлалась великимъ политикомъ.

— Онъ говорить вздоръ, папа, — отвѣтила Элла, смѣясь.

Вѣрьте, милордъ, что не мнѣ, а ей слѣдовало бы быть членомъ палаты, — настаивалъ Джэкъ, съ любовью глядя на жену.

— Она многихъ вразумила бы. А какъ вы поправились, Кимберли! — обратился онъ къ милліонеру. — Вы выглядите еще лучше, чѣмъ въ нашъ прошлый прїѣздъ, четыре года тому назадъ.

— Но колоніи перещеголяли метрополію, — шутя замѣтилъ. Кимберли. — Новая-Зеландія сдѣлала изъ васъ богатыря.

Въ эту минуту къ нимъ подошла одна изъ дамъ.

— Я была у васъ сегодня утромъ, милая Элла, — сказала она, пожимая ей руку, — но никого не застала, кромѣ вашихъ крошекъ. Какія они прелестныя! Маленькій Эларикъ повелъ меня въ дѣтскую, чтобы показать своего новаго коня.

— Новаго коня? — съ удивленіемъ повторила Элла. — Откуда онъ взялся?

Кимберли потупилъ глаза съ виноватымъ видомъ. Элла поглядѣла на него и съ упрекомъ покачала головой.

— Вы не повѣрите, какъ онъ портитъ нашихъ дѣтей, — шутя, замѣтилъ Клэръ. — Онъ превратилъ дѣтскую въ игрушечную лавку, и этотъ плутишка Эларикъ никого болѣе знать не хочетъ, кромѣ дяди Кимберли, и ни на шагъ не отходитъ отъ него, когда онъ у насъ бываетъ.

Изъ этого можно предположить, что и бѣдный милліонеръ нашелъ, наконецъ, нѣкоторое счастье въ жизни.

НАШИ ТЕПЕРЕШНІЕ СТИХОТВОРЦЫ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭЗИИ Н. МИНСКАГО.

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Г. Минскій прислалъ намъ свои стихотворенія съ надписью «для отзыва», это налагаетъ на меня обязанность высказать точно, подробно и доказательно все, что я думаю о его стихотвореніяхъ. Но въ виду того, какъ онъ отнесся къ совершенно добросовѣстному, но только далеко не хвалебному отзыву г. Скабическаго, я полагаю, что ему принесетъ не много пользы и мой разборъ. Но, быть можетъ, онъ будетъ полезенъ другимъ нашимъ молодымъ стихотворцамъ: вѣдь, въ послѣднее время совсѣмъ почти нѣтъ серьезной художественной критики, а со старыми великими критиками, какъ Бѣлинскій, молодые писатели не хотятъ справляться, не идя дальше Писарева, да новѣйшихъ французскихъ борзописцевъ, которыхъ они берутъ себѣ за образецъ. Быть можетъ, я буду полезенъ этимъ юношамъ и публикѣ, для выработки ея сужденія о поэтахъ.

I.

Что такое поэтъ? Весь-ли это цѣлый данный человѣкъ, или только часть его, отдѣльные моменты его жизни, пробуждающіеся въ немъ въ лучшія и высокія его настроенія?

Поэтъ ¹⁾ не есть весь человѣкъ, и каждый человѣкъ бываетъ поэтомъ въ извѣстныя мгновенья. Разница между простымъ человѣкомъ и даже самымъ великимъ поэтомъ та, что у простого человѣка высокія настроенія пробуждаются рѣже, слабѣе, не доходятъ до полного сознанія, не требуютъ такъ сильно внѣшняго выраженія, словомъ — какъ слезы, которыя только подступили къ горлу, но не вылились, не перешли въ рыданія. У каждаго человѣка, особенно въ юности, какъ и у поэта, замираетъ сердце въ весеннюю ночь, также видится въ глазахъ любимой дѣвушки міровая загадка, также при видѣ родныхъ полей и полуразвалившихся хатъ встаютъ вопросы, тоска, жажда подвига... Если бы всего этого не переживало большинство людей, оно не понимало бы поэтовъ. У поэта такія выдающіяся настроенія повторяются чаще, они даже составляютъ его преобладающее настроеніе и доходятъ часто до очень сильнаго напряженія, вырываясь съ радостными или мучительными слезами. И вотъ, въ такія-то минуты, а еще чаще по минованіи ихъ, когда человѣкъ въ силахъ задуматься о томъ, что съ нимъ происходило, подмѣтитъ ясно и сознательно существенныя черты своей пронесшейся душевной бури, является страстное желаніе подѣлиться и этими чувствами, и впечатлѣніями, и выводами (если явились выводы) съ людьми-братьями. Откуда это желаніе?

Никакое сильное чувство не хочетъ быть безъ раздѣленія, поэтъ ищетъ слушателей, какъ мать, которая потеряла сына, — ищетъ потому, что сильно чувствовалъ и самъ изумленъ и силой, и прелестью своего чувства. Конечно, есть радости и скорби, которыя перешли предѣлы этой потребности. Есть замкнутыя, отчасти мизантропическія натуры, которыя ни съ кѣмъ не дѣлятся ни радостью, ни горемъ. Поэты же (въ этомъ отношеніи) самые сообщительные люди; они, какъ замѣтилъ Спенсеръ о дѣтяхъ, не могутъ ни радоваться, ни огорчаться не сообщивъ этого другимъ. Какъ и у дѣтей, у нихъ это зависитъ отъ симпатіи къ людямъ. Были поэты, которые,

¹⁾ Мы называемъ здѣсь поэтами не тѣхъ только поэтовъ, которые пишутъ стихи. Величайшій поэтъ, Толстой — пишетъ прозой. О томъ, какую роль играетъ въ поэзіи стихотворная или прозаическая форма, сказано въ концѣ статьи.

судя по ихъ словамъ, ненавидѣли людей, какъ Байронъ и особенно Свифтъ (вспомните его страну лошадей), и, однако, если они ненавидѣли людей, для чего же они писали? Они писали для людей, значитъ, любили ихъ, жаждали ихъ любви и сочувствія. И эта черта—отличительная черта поэтовъ и дѣтей. Посмотрите, что дѣлается съ дѣтьми, когда они знакомятся со взрослыми: какъ имъ хочется, чтобы ихъ замѣтили и полюбили! Природа въ этой ихъ симпатіи и общительности устроила нѣчто въ родѣ клапана въ паровозѣ: дѣти такъ быстро настраиваются на самыя сильныя чувства радости и скорби, что ихъ мозгъ разорвался бы отъ напора чувства, если бы не этотъ клапанъ общительности. Тоже и поэты. Нѣкоторые не понимаютъ этого стремленія поэтическихъ натуръ быть любимыми, его часто смѣшиваютъ съ честолюбіемъ, жаждой славы, но это ошибка. Конечно, и поэтъ можетъ быть честолюбивъ,—онъ человѣкъ,—но, однако, честолюбіе въ обыкновенномъ смыслѣ честолюбцевъ другихъ профессій въ немъ подавлено преобладающимъ чувствомъ иного типа, стоящаго ближе къ желанію матери, чтобы ее любилъ ея ребенокъ, или къ желанію любовника, чтобы его любила возлюбленная. Ниже мы пояснимъ психологически, почему низшіе сорта чувствъ менѣе свойственны поэтамъ, чѣмъ обыкновеннымъ людямъ. Вообще, едва ли не большинство поэтовъ, при жизни, переносили всевозможныя клеветы, вражду и ненависть окружающихъ, пользуясь иногда большою славой и любовью вдали, особенно за предѣлами родины. Какъ преслѣдовала окружающая среда Пушкина, Байрона, Лермонтова! На это много причинъ. Объ одной, заключающейся въ особыхъ свойствахъ мышленія поэтовъ и въ особенности поэтовъ-геніевъ, мы скажемъ послѣ, а пока достаточно сказать, что уже одно заподозрѣваніе въ честолюбіи, недовѣріе къ искренности поэта, можетъ быть источникомъ вражды: людямъ кажется невѣроятнымъ, что такой же человѣкъ, какъ они, сидящій рядомъ съ ними за чиновничьимъ столомъ, или торговою конторкой, пишущій, какъ и они, дѣловыя бумаги, и также закладывающій перо за ухо,—описываетъ какія-то необыкновенно сильныя свои чувства, порывы, волненія, которыхъ они у него никогда не видятъ. Конечно, его начинаютъ подо-

зрѣвать и въ неискренности, и въ ходульности. Только когда поэтъ умираетъ, и забываются его, общія со всѣми, человѣческія черты, его потертый скюртукъ, его некрасивый носъ или борода, только тогда, когда онъ въ своихъ произведеніяхъ явится міру только поэтомъ, его перестаютъ обвинять въ неискренности, какъ обвиняли, напр., Некрасова, за то, что онъ, оплакивая въ стихахъ мужика, могъ въ то же время выигрывать огромные куши въ клубѣ и жить въ роскошной квартирѣ. А между тѣмъ, можно поручиться, что рѣдкія стихотворенія Некрасова не были глубоко искренни и не стоили ему мукъ, а, быть можетъ, и слезъ. Чѣмъ рѣзче были противорѣчія его будничной жизни съ такими моментами пробужденій, тѣмъ болѣе онъ страдалъ, тѣмъ искреннѣе была въ такія минуты его любовь къ народу, скорбь о немъ и проклятія самому себѣ, какъ, напр., въ «Рыцарѣ на часъ».

И вотъ тутъ выясняется намъ особое свойство поэтическихъ натуръ, лежащее въ корнѣ всѣхъ остальныхъ явленій поэзіи и объясняющее ихъ всѣ болѣе или менѣе ясно. Способность сильнаго чувствованія у поэтовъ, какъ и у дѣтей, обусловленная сильною впечатлительностью, и какъ у дѣтей эта впечатлительность производитъ то, что предметы ихъ увлеченій довольно быстро смѣняются. Ребенокъ, который минуту назадъ плакалъ, черезъ минуту можетъ смѣяться, переполненный радостью и восторгомъ. Тутъ опять видна экономія природы: если бы такія сильныя радости и горести, какія бываютъ у дѣтей и поэтовъ, не смѣняли другъ друга и вообще не мѣняли своихъ объектовъ, давая отдохнуть и возстановиться израсходованнымъ мозговымъ центрамъ,—ни поэты, ни дѣти не вынесли бы такой ихъ интенсивности. Поэты не только мѣняютъ свои увлеченія, но страшно каются въ этомъ своемъ свойствѣ, не сознавая, что безъ него они не были бы поэтами. Такъ, вспомните Некрасова въ его «Рыцарѣ на часъ», вспомните Надсона въ его прелестномъ стихотвореніи:

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья....

.

А сегодня, сегодня весна золотая,

Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно,

И забилося усталое сердце, страдая,

Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно.
Милый взглядъ, мимолетнаго полный участя,
Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица...
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца.

Вспомните, наконецъ, Гейне, который сравниваетъ себя съ колоколомъ, въ который можетъ позвонить всякій проходящій. Такъ и хочется крикнуть въ отвѣтъ: не стыдись, потому-что въ этой-то способности откликаться на все и лежитъ твое призваніе, поэтъ! Имъ-то и сослужишь ты службу людямъ, службу, которую другіе не могутъ сослужить имъ, точно такъ же, какъ ты не въ силахъ выполнить ихъ службу. Но и этого нельзя крикнуть поэту, ибо онъ долженъ пережить и это чувство проклятій самому себѣ за безсиліе дѣлать, ибо и это высоко-человѣческое чувство должно пройти въ его душѣ роковымъ разрывомъ и вылиться въ рыдающій стонъ, а этотъ стонъ опять найдетъ откликъ во многихъ и многихъ душахъ, и возбудитъ въ нихъ силы и поможетъ имъ справиться съ своею нестойкостью! Въ крайнемъ же случаѣ, онъ скажется имъ сочувственнымъ отзвукомъ, сблегчитъ ихъ муки самопроклятій, если у нихъ дѣйствительно нѣтъ силы, а раскаяніе терзаетъ душу.... Вѣдь, не раскаяніе же одно цѣль жизни. Одно раскаяніе, и только оно—можетъ надорвать душу и сдѣлать ее неспособною къ жизни и къ дѣлу, хотя и не великому, но все же доброму: всякому свое, и много въ мірѣ есть прекраснаго, благороднаго, много чудныхъ, благодарныхъ цѣлей: не пришлось ты по одной двери, иди въ другую, лишь бы не быть безъ пользы и дѣла, это всего ужаснѣе, это—мертвить жизнь. А въ жизни всякій найдетъ дѣло! Его непочатые углы! И тѣмъ-то велика поэзія, въ томъ ея значеніе, что у сильнаго она возбудитъ силы, а слабого утѣшитъ, дастъ возможность справиться и найти дѣло по силѣ, ибо поэзія есть отзвукъ на все высокое, на все прекрасное, идеальное, она зоветъ и къ борьбѣ, но она молить и о пощадѣ. И это потому, что она не односторонность, а человѣчность, всечеловѣчность! Это ея скрытый (латентный) идеаль ').

*) Физиологическія основанія этого явленія разработаны мною въ моихъ
русское богатство. 1887 г. № 12.

Въ виду того, что впечатлительность и подвижность суть отличительныя фізіологическія свойства поэтовъ, слѣдуетъ немного болѣе остановиться на столь удивительномъ свойствѣ. Чтобы понять психо-фізіологическое значеніе его, мы могли бы обратиться къ работамъ лучшихъ фізіологовъ и психологовъ, но чтобы не обременять читателя подробностями, сошлемся на Маудсли, благо его статья «О физическихъ условіяхъ сознанія» помѣщена въ этой же книжкѣ. Онъ доказываетъ, что какой-нибудь процессъ въ мозгу только тогда становится сознательнымъ, если онъ не одинъ, если вмѣстѣ съ нимъ, совершаются другіе процессы, такъ что возможно сравненіе между ними. Безъ сочетанія двухъ или болѣе нервныхъ путей, безъ сравниванія или различенія двухъ или болѣе ощущеній—нѣтъ ощущенія; нѣтъ сознанія идеи. И всякое ощущеніе, всякое чувствованіе, всякая идея сознаются тѣмъ сильнѣе, отчетливѣе, чѣмъ больше имѣется подобныхъ имъ дѣятельностей мозга для сравненія и различенія. И, наоборотъ, чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ и сознательность слабѣе. Это показываютъ люди, которыхъ загипнотизировали, заставивъ думать объ одномъ предметѣ или смотрѣть въ одну точку: одинъ предметъ поглощаетъ все ихъ вниманіе, но съ этимъ же вмѣстѣ теряется и сознаніе даже этого предмета или идеи, ибо когда потомъ гипнотика спрашиваютъ, что съ нимъ было, онъ ничего не помнитъ или помнитъ смутно. Но мы взяли гипнотизмъ, какъ крайній примѣръ сосредоточенія на одной только идеѣ, т.-е. когда сознаніе исчезаетъ вполне. Въ обыкновенной жизни люди съ малою впечатлительностью, средніе люди, имѣютъ сознаніе, но сознаніе слабое, потому что они одновременно или послѣдовательно получаютъ крайне малую сумму впечатлѣній и идей, а потому сознаніе средняго человѣка должно быть гораздо слабѣе сознанія человѣка очень впечатлительнаго и съ довольно быстрою смѣной идей и впечатлѣній. У него является огромный матеріалъ чувствъ и идей для постоянного сравненія, а потому каждая идея, каждое чувство сознаются сильнѣе и яснѣе. Но что такое значить: чувство созн а е т с я яснѣе? Это и значить, что оно сильнѣе чувствуетъ

статьяхъ: «Фізіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты» (изд. отд. брошюрой) и «Искусство и тенденціонность» («Мысль»).

ся. И вотъ, вы видите уже, какой результатъ долженъ получиться у поэтовъ отъ болѣе сильной впечатлительности: во-первыхъ, у поэта каждое чувство и каждая идея сознательнѣе, но отъ этого же они сильнѣе удерживаются въ памяти. Сѣлли, да и другіе психологи доказываютъ, что способность памяти задерживать впечатлѣнія связана съ тѣмъ, насколько страстно, или равнодушно мы воспринимаемъ явленія: почему человекъ помнитъ много лѣтъ и до малѣйшихъ подробностей свое первое свиданіе и разговоръ съ любимою дѣвушкой? Почему онъ не помнитъ, что говорилъ и дѣлалъ въ тотъ же день вдали отъ нея? Это потому, что свиданіе сопровождалось чувствованіемъ, а къ другимъ встрѣчамъ онъ былъ равнодушенъ. Если хотите, чтобы дѣти хорошо запомнили урокъ, говорить Сѣлли, возбудите въ нихъ эмоцію любознательности. Вотъ, то же и съ поэтомъ: отличаясь сильною впечатлительностью, онъ все воспринимаетъ страстно (мы говоримъ объ истинныхъ поэтахъ).

Но какое же значеніе имѣетъ память для поэта? Поэтъ безъ отчетливой памяти мельчайшихъ своихъ впечатлѣній — ничто. Вѣдь, онъ долженъ намъ яснѣйшимъ образомъ передать свои ощущенія и волненія отъ пейзажа, отъ разговора, схватить типичный характеръ рѣчи, движеній людей; онъ долженъ держать въ памяти всѣ свои пережитыя чувствованія, чтобы потомъ могъ ихъ анализировать, и по ихъ образцу и законамъ понимать чувства другихъ, какъ современниковъ, такъ и историческихъ дѣятелей. Одно лицо, близкое къ Л. Н. Толстому, удивлялось при мнѣ, что онъ помнитъ малѣйшія бездѣлицы и такія мелочи какого-либо случая, что это просто уму непостижимо. И вотъ почему у великаго художника такое вѣрное пониманіе чужой души, такія удивительныя детали, что совершенно переносишься въ описываемую среду и точно видишь людей живыми, со всѣми ихъ манерами, привычками, со всѣми ихъ движеніями и мыслью. Художники съ меньшею впечатлительностью, обладающіе, поэтому, и меньшею памятью, должны, наоборотъ, сочинять подробности; описанія чувствъ у нихъ раздуты, преувеличены, потому что, не помня точно своихъ чувствованій, и не будучи поэтомъ въ силахъ заставлять насъ пережить ихъ посредствомъ точнаго воспроизведенія, они надѣются достигнуть силы

впечатлѣнія громкими преувеличеніями; описанія впечатлѣній отъ природы у нихъ замѣняются алегоріями, восклицаніями о красотѣ или ужасѣ природы, а великій художникъ просто опишетъ до тонкости то, что онъ пережилъ, и вы переживете то же гораздо сильнѣе, нежели читая восклицанія плохого поэта о томъ, какъ онъ «ужасно восторгался», или, какъ это было «ужасно красиво!»

Но есть и еще важное значеніе сильной впечатлительности великихъ художниковъ, и обусловленной этой впечатлительностью яркой памяти и сознанія. Чѣмъ болѣе въ памяти сохраняется точныхъ отпечатковъ жизни, тѣмъ яснѣе и сознательнѣе пониманіе жизни въ ея общемъ, т.-е. идеи о жизни, или поэтическія идеи художника. Маудсли не даромъ говорить, что геніи дѣлаютъ сознательнымъ то, чѣмъ толпа живетъ полусознательно или бессознательно. Воспринимая впечатлѣнія отъ всевозможныхъ теченій жизни, онъ можетъ сравнивать ихъ между собою и они становятся сознательными, тогда какъ въ толпѣ они бродятъ разрозненно въ отдѣльныхъ группахъ и, не имѣя сравненій съ другими, въ каждой отдѣльной душѣ являются весьма смутными, хотя и сильными влеченіями. И вотъ почему геніи идутъ впереди вѣка, и вотъ почему они, по словамъ Байрона и Шопенгауэра, всегда одиноки: стоя впереди вѣка и будучи поэтому наиболѣе прогрессивными изъ людей своего вѣка, они не могутъ всецѣло слиться ни съ одною изъ самыхъ даже прогрессивныхъ группъ своей эпохи, ибо могутъ сознательно объединять въ себѣ то, что обыкновенныхъ людей прогрессивнаго лагеря можетъ разъединять враждебно, вслѣдствіе узкости, близорукости, т.-е. недостаточно широкой сознательности ихъ точекъ зрѣнія. Отсюда понятно и то, почему геніальные художники рѣдко бываютъ людьми практическаго дѣла, хотя могутъ чувствовать и сознавать извѣстное движеніе или движенія своего времени сильнѣе и яснѣе самихъ дѣятелей и героевъ. Доказано физиологически, что сознаніе зависитъ отъ дѣятельности корковаго вещества головного мозга и чѣмъ больше энергіи, возбужденной въ мозгу какимъ-нибудь явленіемъ или идеей, переходитъ въ корку, тѣмъ сильнѣе сознаніе, но за то тѣмъ меньше энергіи остается для центровъ и нервовъ движенія (дѣятельности и воли), и наоборотъ, чѣмъ

больше энергіи уходитъ на двигательные нервы, тѣмъ меньше остается ея для сознанія, а если вся энергія уходитъ въ движеніе, то сознанія вовсе можетъ не быть, хотя идея и выразится въ движеніи: такъ мы дѣлаемъ прыжокъ отъ падающаго камня, не успѣвъ еще сознать, отчего сдѣлали скачекъ, и только потомъ начинаемъ это понимать. Люди дѣла слабѣе чувствуютъ, чѣмъ великіе поэты, и слабѣе понимаютъ, чѣмъ великіе философы, даже свои собственные спеціальныя идеи, вслѣдствіе небогатства содержанія и однородности, они не имѣютъ сравненія съ другими (говоря физиологически, у нихъ меньшее число нервныхъ сплетеній работаетъ для данной идеи) и оттого у нихъ сознаніе идеи, сила чувства слабѣе, хотя они могутъ умереть за нее, а гений-поэтъ способенъ на это весьма рѣдко; во-вторыхъ, у людей дѣла идея переходитъ тотчасъ въ работу, въ движеніе, дѣйствіе, и отъ этой второй причины сознательность идеи еще слабѣе, и въ третьихъ, если идея доходитъ до фанатизма, экстаза, когда человѣкъ такъ поглощенъ ею, что не чувствуетъ боли, страданія, онъ и идеи не долженъ чувствовать отчетливо, какъ гипнотикъ, хотя ради ея будетъ производить чудеса геройства.

Но и люди мелкаго житейскаго дѣла по большей части еще болѣе поглощены одною или нѣсколькими крохотными идейками: одинъ мечтаетъ о лошадяхъ, другой о собакахъ, третій о томъ, какъ бы достать денегъ, четвертый о коготкѣ, пятый о чинѣ или крестѣ, объ угодненіи начальству и т. д. Поэтому, сознательность ихъ, отъ бѣдности духовнаго содержанія (нервно-мозговыхъ путей, сочетающихся въ работѣ), должна быть крайне скудная. И вотъ почему такой художникъ, какъ Толстой, можетъ даже тончайшія мелочи жизни Облонскаго или Ивана Ильича прочувствовать, понять глубже, нежели сами Облонскіе и Иваны Ильичи, и когда рисуетъ ихъ намъ, мы поражены тѣмъ, что и многіе изъ насъ то же чувствовали, дѣлали, да какъ-то никогда не замѣчали. То-есть гений освѣщаетъ своею впечатлительностью нашу полусознательную жизнь, переводя бессознательное (для насъ) въ сознательное.

Теперь, когда мы выяснили самую сущность поэтическаго гения, намъ остается только оговориться. Все имѣетъ

свои предѣлы, и указанные законы, доходя до крайности, являются уже болѣзнию, а не геніальностью. Такъ, быстрая впечатлительность генія, его способность переходить отъ одного увлеченія къ другому, можетъ являться и у самыхъ ничтожныхъ людей, какъ болѣзненная безхарактерность и разстройство мозга. Масса юношей, пописывающихъ стишонки, замѣтивъ, что и у нихъ мысли бѣгутъ и что-то томить, и что барышни въ ихъ сердцахъ смѣняются дюжинами, — вообразить, что они геніи. Нѣтъ, они просто больные люди. Впечатлительность истиннаго поэта вовсе не такъ легка, какъ кажется такимъ господамъ. Они дѣйствительно переживаютъ каждое впечатлѣніе, каждую идею, иногда глубже, чѣмъ сами мученики этой идеи, и слѣды этого мучительнаго переживанія остаются въ нихъ навсегда, какъ дорогое и святое воспоминаніе. Вотъ почему они могутъ насъ заставить пережить его, полюбить его. Такимъ образомъ, великіе поэты не просто мѣняютъ свои чувства, идеи, какъ перчатки, они остаются въ нихъ на всю жизнь, западаютъ глубоко, чувствуются страстно, какъ и любовь къ женщинѣ, стоившая не одному поэту всей жизни, какъ, напр., Пушкину, отчасти Байрону. Они потому переходятъ къ новому предмету, что ищутъ дальнѣйшаго развитія, и каждое новое явленіе дополняетъ ихъ идею: поэтому геніи и великіе поэты развиваются органически въ этихъ переходахъ, кругъ ихъ впечатлительности широкъ, иногда безпредѣленъ. Но ихъ увлеченія не выходятъ, однако, изъ предѣловъ ихъ могучей индивидуальности, развивающейся правильно, органически: поэтъ не можетъ сдѣлаться негодяемъ, ренегатомъ прогресса и человѣчности, онъ можетъ не сходиться ни съ одною группою наличныхъ прогрессистовъ, можетъ постепенно разойтись со всѣми ими, переростая ихъ каждую въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, но онъ никогда не можетъ стать обскурантомъ, служить безчеловѣчю и злобѣ; великій поэтъ всегда есть передовой человѣкъ въ направленіи человѣчности, наибольшаго развитія человѣчности: вотъ его основной признакъ. Отдѣльныя группы его современниковъ прогрессистовъ борются за отдѣльныя стороны идеала человѣчности, являющіяся въ каждую эпоху въ разнообразныхъ видахъ. Геній объединяетъ въ себѣ, обосознаетъ лучшія изъ этихъ стремленій и говоритъ

дальнѣйшее слово эпохи, а иногда опережаетъ эпоху. И такъ, геній и человѣчность, геній и прогрессъ человѣчности—есть синонимы. Чтобы случилось иначе, надо, чтобы поэтъ предварительно потерялъ свой поэтический талантъ, свою широкую и глубокую впечатлительность, пересталъ сознать истину жизни лучше другихъ, сталъ ее сознать хуже другихъ. И вотъ отчего, напр., Соути, уйдя къ обскурантамъ, тотчасъ пересталъ быть и талантливымъ поэтомъ; вотъ почему то же случилось на нашихъ глазахъ съ Сенкевичемъ. Поэтъ, пока онъ поэтъ, не можетъ не быть въ средѣ лучшихъ или впереди ихъ. Это потому, что, чувствуя сильнѣе всѣхъ, созная яснѣе всѣхъ, онъ сильнѣе чувствуетъ и всѣ тѣ недостатки жизни, которые заставляютъ людей стремиться къ выходу въ лучшее. Нужно-ли добавлять, что если и большого поэта поглотить всецѣло какая-либо одна идея, онъ потеряетъ въ силѣ своей впечатлительности и сознательности, а слѣдовательно, и во всѣхъ прочихъ атрибутахъ поэтического творчества. Но у великихъ художниковъ это бываетъ рѣдко, а если и бываетъ, то не на долго. Одна идея, овладѣвъ вниманіемъ временно, переживается страстно, глубоко, какъ ни у кого, но, когда она исчерпана и изъ нея, какъ изъ цвѣтка, высосанъ весь медъ, геній пореходитъ къ другой. Такъ, у Толстого былъ періодъ поглощенія идеей народной школы, затѣмъ религіознымъ движеніемъ, теперь есть слухи о его занятіяхъ европейскою критическою философіей, въ лицѣ ея величайшихъ представителей. И все это не пройдетъ безслѣдно для генія и его творчества.

Мы нарочно все время имѣли дѣло съ геніемъ, потому что на немъ легче и безспорнѣе показать сущность поэтического творчества. Добавимъ здѣсь, что, сравнивая великихъ поэтовъ съ дѣтьми, мы не только не унижаемъ ихъ, но возвышаемъ. Дѣло въ томъ, что, какъ справедливо доказываютъ Маудсли, А. Герценъ, Дельбефъ и многіе другіе, сознательность у людей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ихъ мозгъ менѣе отлился уже въ совершенно готовые механизмы, т.-е. чѣмъ менѣе онъ дѣйствуетъ чисто автоматически. Эта автоматичность мозга пріобрѣтается больше и больше, по мѣрѣ того, какъ онъ привыкаетъ и приспособляется къ средѣ, дѣйствуя подъ рядъ много разъ совершенно одинаково. У дѣтей, которымъ приходится еще

все узнавать, ко всему приспособляться вновь, автоматичность еще не могла выработаться, и вотъ почему они сознательны ко всякому впечатлѣнію, ко всякой реакціи на него, и вотъ почему они такъ сильно все чувствуютъ. У геніевъ-поэтовъ приспособленіе и автоматичность не могутъ наступить потому, что они получаютъ такую массу впечатлѣній, что этимъ впечатлѣніямъ гораздо труднѣе обратиться въ автоматическія, ибо чѣмъ больше впечатлѣній, тѣмъ каждое изъ нихъ рѣже повторяется, и вотъ почему они составляютъ контрастъ съ средними людьми, у которыхъ малая сумма впечатлѣній, часто повторяясь, переходитъ въ автоматичность и слабую сознательность. Поэтому же геніи всегда ищутъ новыхъ путей и приспособленій для человѣчества, поэтому же, обратно, они сильнѣе чувствуютъ; тутъ причина порождаетъ слѣдствія, а слѣдствія снова вліяютъ на причину. И вотъ откуда кажущееся сходство геніевъ съ дѣтьми.

И вотъ этимъ-то объясняется то явленіе, замѣченное всѣми, что каждый геній оригиналенъ, или, какъ выражаются не вполне правильно, имѣетъ индивидуальность, свой характеръ. Гораздо точнѣе употреблять слово оригинальность, самобытность, ибо геній, по самому психо-физиологическому свойству организаци, не можетъ ни повторять другихъ, ни повторяться: ибо это было бы равносильно привычѣ, устойчивости, автоматичности. а не той подвижности и пластичности, которая, отличая генія, заставляетъ его искать всюду новыхъ путей. Замѣчательно, что даже у поэтовъ, которыхъ нельзя поставить въ разрядъ великихъ, но которые стоятъ во всякомъ случаѣ на уровнѣ идейнаго развитія своихъ согражданъ, т.-е. которые включаютъ въ свою поэзію и явленія социальныя, и вопросы духа, уже замѣчается это постоянное стремленіе стать выше частныхъ группъ своего времени, т.-е. создать нѣчто оригинальное, новое, непохожее ни на что предъидущее, какъ въ области образовъ и идей, такъ и въ области формы. И лучшіе критики довольно справедливо ставили это доказательствомъ или признакомъ таланта. Однако, мы должны замѣтить, что если такою оригинальностью отличаются не всѣ, или не большинство, а напр., два-три произведенія поэта, то это, наоборотъ, должно бы доказывать большую слабость таланта. Ибо двѣ-три оригинальныхъ

мысли или произведенія,—на массу избытыхъ и заѣзженныхъ,—могли быть получены искусственнымъ стремленіемъ къ оригинальности, ибо каждому хочется быть оригинальнымъ, чтобы не быть обвиненнымъ въ подражательности. Во всякомъ случаѣ, разборъ поэта лучше всего начинать съ отысканія въ немъ оригинальности, какъ перваго признака таланта. Съ этого мы и начнемъ разборъ нашихъ поэтовъ, и перейдемъ теперь, прежде другихъ, къ г. Минскому.

II.

У г. Минскаго мы въ двухъ мѣстахъ находимъ стремленія къ оригинальности идеи, т.-е. къ освобожденію себя отъ господствующихъ направленій мысли. Такъ, во первыхъ, послѣ того, какъ въ своихъ «Бѣлыхъ ночахъ», онъ въ четвертой ночи, напоминающей знаменитое стихотвореніе Некрасова ¹⁾, требуетъ, чтобы пришла гроза, все разметала, всѣхъ перебила, все сожгла, на другой же день отдѣляется отъ этого настроенія, довольно характеристичнаго для всего нашего времени, и восклицаетъ въ ужасѣ:

Прочелъ я свой безумный, изступленный
Вчерашній бредъ—и ужасъ, точно льдомъ,
Сковалъ мнѣ грудь... и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ онъ какъ будто оправдывается въ этой оригинальности и въ своемъ стремленіи къ чистой человѣчности, а въ то же время, хотя и робко, но, однако, старается показать самымъ смысломъ стихотворенія превосходство этой человѣчности. Робость поэта понятна: вѣдь, онъ идетъ, если не въ разрѣзъ, то не совсѣмъ въ ногу съ людьми, которые считаются передовыми, лучшими: онъ знаетъ, что это не всегда прощается, и страшно ему грозящее одиночество.

Вотъ почему онъ почти съ отчаяніемъ восклицаетъ про себя:

Дитя душой! Жрецъ кротости безсильной!

Дѣло въ томъ, что его муза, заставляя его «жилища

¹⁾ Душно безъ счастья и воли,
Ночь безпробудно темна...
Буря бы грянула, что-ли...

нищеты почитать, какъ храмы», въ то же время нашептываетъ ему слѣдующую ересь въ жилищахъ богачей, она

...съ яркой мишуры позолоченной рамы
Срыван блестящій, обманчивый покровъ,
Картину тайныхъ мукъ моимъ очамъ чертила,
И нищихъ—богачей, какъ нищихъ—бѣдняковъ,
Любовью равною любить меня учила.

Но дальше еще большая ересь:

Учила, ставъ со мной среди толпы вдвоемъ
Передъ голгоаами, излюбленными вѣкомъ,
Скорбѣть надъ жертвою, скорбѣть надъ палачомъ
Надъ губящимъ и надъ погибшимъ человѣкомъ.

Наконецъ, окончательное сознаніе истиннаго призванія поэта, состоящаго «въ человѣчности», онъ выражаетъ такъ:

Она ввела меня въ священный храмъ вѣковъ,
Но съ ветхихъ стѣнъ его заботливо стирала
Лозунги ветхіе (т.-е. кружковъ и партій) и, вмѣсто преж-
нихъ словъ,
Лишь слово «человѣкъ» лучисто начертала.

Повторяемъ, поэтъ, очевидно, изъ страха относить это къ прошлому, но тонъ стихотворенія показываетъ, какъ дорого ему это прошлое, какъ бы онъ хотѣлъ отстоять его.

Но двумя этими робкими попытками и ограничиваются всѣ его порывы къ оригинальности и человѣчности. Однако, взять одинъ этотъ фактъ за доказательство полного отсутствія таланта, конечно, нельзя. Поэтъ могъ еще не выйти изъ оковъ подражательности, свойственной вначалѣ даже и большимъ поэтамъ. А потому необходимо предварительно поискать у него другихъ основныхъ элементовъ поэтического творчества и, между прочимъ, степени его впечатлительности вообще, и прежде всего степени его впечатлительности къ природѣ, а затѣмъ и къ другимъ явленіямъ жизни. Мы уже сказали, что эта впечатлительность и лежитъ въ источникѣ творчества, хотя она вовсе не у всѣхъ поэтовъ должна быть ко всѣмъ родамъ явленій. И такъ, если бы мы въ Минскѣ не нашли впечатлительности къ природѣ, это бы не доказывало его без-

талантности, надо было бы поискать въ другихъ областяхъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній Минскаго мы находимъ его собственное свидѣтельство о его сильной впечатлительности и существованіи въ немъ того же раскаянія въ этой впечатлительности, какое находимъ и у другихъ поэтовъ, какъ мы показали выше.

Вотъ это весьма недурное стихотвореніе:

Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ,
Даль морская—отблескомъ небесъ,
Теплый вѣтеръ усыпляетъ
Кипарисовъ гордый лѣсъ.
А кругомъ и таетъ, и синѣетъ
Бѣлыхъ скалъ зубчатая гряда,
Я гляжу и сердце млѣетъ
Отъ блаженства и стыда.
Стыдно мнѣ, что нужно такъ немного
Для души измученной моей,
Чтобъ утихли въ ней тревоги
И борьбу (?) смѣнилъ покой.
Стыдно мнѣ, что плачу отъ волненія
Предъ лицомъ бездушныхъ водъ и скалъ,
Я, кто тщетно утѣшенія
Средь живыхъ людей искалъ;
Что сильнѣй сознательнаго горя
Кипарисовъ благовонный лѣсъ,
Шорохъ листьевъ, шепотъ моря
И безмолвіе небесъ....

Но мы показали, что одной впечатлительности мало: необходима и память къ этой впечатлительности, которая позволяла бы поэту ясно и точно воспроизводить передъ нами свои впечатлѣнія. Если такой памяти нѣтъ, то впечатлительность можетъ быть и обыкновенная, но въ данномъ случаѣ усиленная новизной явленія (человѣкъ пріѣхалъ въ Крымъ, или Италію, или въ Швейцарію и, конечно, пораженъ). Наконецъ, самъ человѣкъ могъ и преувеличить ее въ своихъ глазахъ. Поэтому, нельзя вѣрить его собственнымъ увѣреніямъ, что онъ сильно чувствовалъ. Это обычная манера бездарныхъ стихотворцевъ, какъ мы видѣли ранѣе. И такъ, поищемъ фактовъ: умѣетъ-ли Мин-

скій помнить свои впечатлѣнія отъ природы и точно изображать ихъ.

Въ первомъ же изъ такихъ стихотвореній, «На высотѣ» (стр. 8), авторъ пытается намъ описать съ высоты видъ на Салгирь. Стихотвореніе имѣетъ 24 строки, изъ нихъ только восемь отданы описанію, состоящему изъ весьма избитыхъ общихъ мѣстъ. Начинается описаніе очень громко, авторъ изображаетъ себя на конѣ, и увѣряетъ, что онъ «отворилъ души своей темницу», чтобы воспринять впечатлѣнія. Но послѣ этого громкаго аккорда слѣдуетъ довольно жалкое описаніе:

Какая даль кругомъ! Объяты тишиной
Желтѣющая степь, распаханныя нивы,
Салгира синяго (?) веселые извивы
И скалы, ставшія угрюмою стѣной. (какія? гдѣ? вдали, вблизи?)
А тамъ, за ихъ стѣной, я чую близость моря:
Оттуда съ ласковымъ дыханьемъ вѣтерка
Сребристыя плывутъ къ утесамъ облака,
Небесныя мечты среди земнаго горя.

Этимъ и кончается описаніе. Авторъ забылъ видъ на Салгирь и рассказываетъ, что у него въ Петербургѣ есть другъ, которому онъ расскажетъ объ этомъ видѣ, или, какъ онъ фигурно выражается:

Тогда на эту высь я вновь мечтать приду,
Приду, но не одинъ, а силой вдохновенья (ого!)
Я и тебя, мой другъ, съ собою приведу.... и т. д.

Едва-ли! По крайней мѣрѣ, читателя г. Минскій не приводитъ на высоту; стихи лишены изобразительности, а сравненіе облаковъ съ «небесною мечтой среди земнаго горя», такъ здѣсь не къ мѣсту (на высотѣ, гдѣ никто не живетъ), что, очевидно, притянута за волосы только для рифмъ «море» и «горе». Наконецъ, сообщить читателямъ вмѣсто ожидаемаго описанія впечатлѣній отъ Салгира, что у автора есть въ Питерѣ пріятель, это Богъ знаетъ что! Какое это отношеніе имѣетъ къ описанію Салгира? Чѣмъ его дополняетъ? Если вы помѣстили его въ стихотвореніе только потому, что это, дѣйствительно, вамъ на умъ пришло, то мало-ли чего не могло еще придти на умъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ у васъ есть суп-

руга или дѣти, которымъ вы все это расскажете, и т. д. И неужели рассказывать всѣ эти вещи, значить, дать описаніе природы! Но, быть можетъ, это стихотвореніе неудалось случайно. Идемъ далѣе. Слѣдующее описательное стихотвореніе, на стр. 12, «Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ», мы привели ранѣе; оно сравнительно недурно. Затѣмъ, только на 22-й мы находимъ описаніе наступленія ночи и пѣнія соловья. Тутъ опять мы наталкиваемся на совершенно тотъ же характеръ, какъ и въ описаніи Салгира: во-первыхъ, невозможныя сравненія, напримѣръ, «ночь зажглась» (?!). Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ А. Бэнъ (знаменитый психологъ), эти сравненія или аналогіи служатъ поэтамъ, какъ краски для живописца, помогая нарисовать образъ. Но сказать о ночи, что она «зажглась», это все равно, что взять съ палитры огненную краску вмѣсто черной, ибо со словомъ зажглась соединена ассоціація огня, свѣта, а ночь, наоборотъ, есть погасаніе свѣта, наступленіе тьмы. Но все это еще не бѣда; дальше, подобно тому, какъ «На высотѣ» г. Минскій умственно бесѣдовалъ съ питерскимъ пріятелемъ, такъ здѣсь онъ начинаетъ читать лекцію самой дѣтской избитой философіи, кому бы вы думали? Птицѣ, соловью!

Пой! Не стыдися призванія,
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, что движется, править (?!),
Счастливы, кто въ пѣснѣ любовь свою славить....

А дальше еще удивительнѣе, и у всѣхъ зоологовъ встанутъ волосы дыбомъ: г. Минскій убѣждаетъ соловья, что—

Если же счастья
Грезу мгновенную жребій унесъ,
Плачь (?!), не стыдися участія... и т. д.

Едва-ли соловьи плачутъ! Далѣе авторъ увѣряетъ соловья, что—

Вся тебѣ внемлетъ вселенная,
Я тебѣ внемлю—безсмертный, какъ ты.

Хорошо, что поэтъ все это говоритъ соловью, который ничего не можетъ отвѣтить, потому что ничего этого не понимаетъ! Но, спрашивается: какое же это описаніе при-

роды?! Или это аллегорія, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи «Передъ зарею», стоящемъ рядомъ, гдѣ описаніе ночи взято для аллегоріи, а ожиданіе зари должно изображать лучшее будущее, т.-е. самое избитое сравненіе.

Въ стихотвореніи «Серенада» авторъ началъ было въ двухъ строкахъ описывать природу, но въ третьей опять вспомнилъ о какомъ-то другѣ (только уже не обозначилъ его мѣстожителства, какъ въ стихотвореніи «На высотѣ») и начинаетъ убѣждать его «не просыпаться»! И такъ долго убѣждаетъ, и такъ громко, что тотъ, навѣрное, проснется, какъ бы крѣпко ни спалъ и, конечно, выбрать автора.

Но вотъ мы добрались на слѣдующей же страницѣ до стихотворенія «Везувій», и тутъ положительно приведены въ ужасъ: авторъ увѣряетъ, что когда онъ всходилъ на гору, то стоило ему только сѣсть на лаву, какъ внизъ сверкала морская гладь и начиналъ чернѣть трупъ Помпеи. Буквально такъ:

Остывшая встрѣчалась лава мнѣ,—
Я на нее садился, отдыхая.
Тогда внизъ сверкала, будто сталь,
Морская гладь; средь зелени веселой
Помпеи трупъ чернѣлъ... и т. д.

Только подумавши, вы догадываетесь, что не оттого море сверкало и трупъ Помпеи чернѣлъ, что авторъ садился, какъ выходитъ буквально, но что онъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое, т.-е. что, когда онъ садился, то начиналъ видѣть все это. Не справившись со стихомъ, онъ выбросилъ слово «видѣлъ» и вышло чудо небывалаго рода! Вы скажете, что, быть можетъ, это было нужно для поэтической сжатости. Какая тутъ сжатость у г. Минскаго, когда далѣе еще на трехъ страницахъ онъ описываетъ свой разговоръ съ Везувіемъ! Да, съ Везувіемъ! Отчего же и не поболтать съ такою важною особой, когда ранѣе г. Минскій даже съ соловьемъ бесѣдовалъ! И что это за разговоръ! Это уже не поэтическій грѣхъ, это грѣхъ гражданскій — писать такія вещи. Послушайте-ка, и вы не повѣрите своимъ ушамъ.

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, губитель городовъ!
Чей скрытый гнѣвъ смертельный страхъ вселяетъ

Въ сердца людей! О, будь всегда таковъ! (Oго!)
 Весь міръ тебя за то лишь прославляетъ,
 Что ты жестокъ, что въ быстротечный мигъ
 Людей сразить ты можешь горемъ....
 Кто бъ зналъ тебя, когдабъ дремалъ надъ моремъ,
 Среди другихъ и твой безвредный пикъ.

Вмѣсто того, чтобы писать это «чтобъ» и «когдабъ», и упрашивать Везувія «будь всегда таковъ», поэтъ лучше бы сдѣлалъ, если бы припомнилъ, что Казбекъ, Монбланъ и прочія горы извѣстны всѣмъ, хотя и не занимаются, любезнымъ г. Минскому, разрушеніемъ городовъ. Но, быть можетъ, здѣсь идетъ дѣло о какомъ-нибудь «либеральномъ» разрушеніи? Тогда, вѣдь, стихотвореніе Минскаго имѣло бы даже гражданскій душокъ! Увы, читатель, совсѣмъ наоборотъ. Дѣло тутъ пахнетъ совсѣмъ инымъ. Вотъ что говоритъ далѣе г. Минскій Везувію: если бы ты не поступалъ такъ, то:

Твои бока изрѣзали бы плугомъ, (вотъ бѣда-то была
 бы, читатель!)

До темени сковали бы въ сады, (еще хуже!)
 И сотня поселянъ (NB) быть можетъ другомъ
 Звала-бъ тебя въ награду за плоды...

А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, это было бы ужасно! Сотня поселянъ кормилась бы! Катай ихъ, господинъ Везувій, жарь ихъ, мошенниковъ!

А нынѣ (продолжаетъ авторъ) кто горы Везувія не знаетъ?...

и т. д.

По увѣренію г. Минскаго, Везувій до того былъ очарованъ этой лестью, что, какъ показалось г. Минскому, отвѣчалъ ему на трехъ страницахъ такой чепухой, отъ чтенія которой мы избавимъ читателей.

Вы готовы вообразить, что г. Минскій какой-то извергъ рода человѣческаго? Нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ самъ онъ увѣряетъ, что онъ —

.... кротости родникъ неистощимый!

(стр. 86, въ стих. «Бѣлыя ночи», «Ночь пятая»).

Не довольно-ли, читатель, изучать эту сторону впечатлительности г. Минскаго? Я полагаю, вы достаточно

видѣли, какова его способность описывать природу. Нѣтъ, подождите: тутъ-то и загвоздка: представьте себѣ наше удивленіе; когда послѣ подобной вопіющей чепухи мы набрали на описаніе природы почти дровосходное — если бы и оно не было испорчено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычнымъ у г. Минскаго напыщеннымъ фразерствомъ. Мы говоримъ объ описаніи «Бѣлой ночи». Вотъ это описаніе:

Румянцемъ чахоточнымъ слабо горя,
Вечерняя медленно гаснетъ заря,
Болѣзненно гаснетъ и не угасаетъ.
На западѣ отблескъ еще не исчезъ,
И бѣлая ночь, среди бѣлыхъ небесъ,
Большую зарю обнимаетъ....

.
.

На землю струится безжизненный свѣтъ,
Всѣ краски подернуты дымкой молочной.
Свѣтло. Не бросаютъ предметы тѣней,
Нѣтъ блеска въ цвѣтахъ. Всѣ слились переливы,
Лучи не мерцаютъ игрой прихотливой,
И ближе все кажется, больше, бѣлѣй.

. природа

Знакомымъ покойникомъ кажется мнѣ.
Щемящая боль и тупая невзгода
Незримо разлиты въ больной тишинѣ...
И въ бѣломъ мерцаніи сѣверной ночи,
Уставивъ на землю открытыя очи,
Со скорбью застывшей на блѣдныхъ устахъ,
Таинственно, молча, съ лицомъ помертвѣлымъ,
Широко закутана саваномъ бѣлымъ,
Безстрастно лежитъ эта ночь въ небесахъ,
Какъ будто въ гробу.....

Вы озадачены, послѣ того, что прочли раньше, и думаете: да неужели это тотъ же Минскій? Отчего же, когда онъ описывалъ Кавказъ, Крымъ, Рейнъ, вы получали голые возгласы о ихъ красотѣ, о сильномъ впечатлѣніи автора, воспоминанія о друзьяхъ, нелѣпые разговоры съ соловьями, Везувіями, Казбеками (есть и такой разговоръ, но мы уже его оставили въ покоѣ) и никакого собственнаго впечатлѣнія! Это, какъ мы объясняли рань-

ше, показываетъ недостатокъ впечатлительности и памяти къ данному классу впечатлѣній. А какъ же г. Минскій написалъ «Бѣлыя ночи»? Нѣтъ, тутъ что-нибудь иное? Вѣдь, «Бѣлыя ночи» менѣе грандіозны, чѣмъ Кавказъ, Рейнъ; тамъ впечатлѣніе должно бы быть сильнѣе. И вотъ для васъ становится яснымъ, что тамъ гдѣ-то, въ мѣстахъ грандіозныхъ, впечатлительность автора, вѣроятно, была чѣмъ-то подавлена, чѣмъ-то постороннимъ, но что, быть можетъ, онъ ея вовсе не лишенъ. Чѣмъ же она была подавлена? Будемъ искать отвѣта въ самыхъ описаніяхъ. Почти всѣ описанія испорчены тѣмъ, что авторъ ихъ дѣлаетъ въ видѣ аллегорій, или сами они тотчасъ-же обращаются у него въ аллегоріи для какой-нибудь мысли. Невольно возникаетъ вопросъ: да знакомъ-ли г. Минскій съ какими-либо теоретическими и критическими трактатами о поэзіи? Читалъ-ли онъ хотя бы Виссаріона Бѣлинскаго? Неужели тотъ напрасно потратилъ столько страсти и огня, чтобы показать, какъ невозможны въ поэзіи разсудочныя, аллегоріи? Но, быть можетъ, у г. Минскаго это не аллегорія, а то, что Бэнъ называетъ аналогіями (т. - е. уподобленія, сходства), которыя поэты умѣютъ улавливать въ явленіяхъ, пользуясь ими затѣмъ, какъ живописецъ красками, для рисованія картинъ и образовъ. Конечно, у г. Минскаго есть и такія, но большинство чистѣйшія, разсудочныя аллегоріи, да еще иногда прицѣпленные просто ни къ селу, ни къ городу, чтобы закончить стихъ или притянуть риѣму за волосы. Приведемъ новыя доказательства: такъ, въ самомъ первомъ, такъ сказать, «предисловномъ» стихотвореніи г. Минскій, по своему тяготѣнію къ аллегоріямъ, изображаетъ тѣ направленія, по которымъ его тянула муза въ видѣ трехъ женщинъ. Первая явилась въ видѣ вакханки и требовала, чтобы онъ воспѣвалъ красоту, наслажденія и пр. Изображеніе этой фигуры было бы даже недурно, если бы не избитые атрибуты:

Въ одной рукѣ поднявъ бокалъ съ кипящей влагой
(точно мы перенеслись въ 20-е годы нашей поэзіи),

Въ другой вънокъ изъ розъ,—и вся она цвѣла

Грѣхомъ и красотой, весельемъ и отвагой;

Кудрями свѣтлыми былъ низкій лобъ вънчанъ,

Изъ длинныхъ глазъ сверкалъ горячій взоръ и томный,

Въ послушныхъ складкахъ шелкъ, какъ тайну другъ
нескромный,

Скрывалъ и выдавалъ богини грудь и станъ... -

Сравненіе шелковой ткани съ нескромнымъ другомъ введено только для риѣмы, ибо ничего не дорисовываетъ, а, наоборотъ, затемняетъ образъ, вызывая фигуру какого-то силетника, ни къ селу, ни къ городу.

Описаніе второй богини, зовущей на борьбу, начинается стихами:

За мной, звала ова, и какъ призывъ трубы (!)

Былъ голосъ у нея властительный и зычный.

Очень некрасиво, но все же ничего. Третья богиня, рабомъ которой и оказывается поэтъ, говоритъ о себѣ:

Я жажда истины, я совѣсть мірозданья, (!)

За мною вьются вслѣдъ сомнѣнья и страданья,

Какъ желтые пески за вѣтромъ по слѣдамъ.

Ранѣе авторъ говоритъ, что эта богиня глядитъ на него «безумными» глазами. Почему «жажда истины» и «совѣсть мірозданья» должна имѣть безумные глаза, тогда какъ даже у вакханки они только «длинные, со взоромъ горячимъ и томнымъ»,—это загадка, которой рѣшить не берусь. Впрочемъ, эта богиня говоритъ такія нелѣпости, что, пожалуй, понятно, отчего у нея безумные глаза. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «совѣсть мірозданья»? Что такое мірозданье? Зданіе міра? Какая же у него совѣсть? Не понимаю. Далѣе, что дорисовываетъ сравненіе «сомнѣній и страданій» съ «желтыми песками, вьющимися за вихремъ по слѣдамъ». Мы уже сказали, что сравненія служатъ поэзіи какъ краски, какъ средства болѣе яркой изобразительности. Почему же желтые пески должны намъ ярче изобразить страданія и сомнѣнія? Развѣ страданія и сомнѣнія желты. Или они похожи на песокъ? Или это просто сказано въ параллель съ «безумными» глазами этой богини, чтобы напомнить «желтый домъ»? Ничего не понимаю. И затѣмъ, пески вьются не за вихремъ, а въ самомъ вихрѣ. Изъ всего этого ясно, что эта аллегорія введена только для того, чтобы пополнить строфу и притянуть риѣму. Къ тому же роду относится и выраженіе: «въ зеркалѣ, какъ вѣчность (?) неподкуп-

номъ». Почему вѣчность поясняетъ неподкупность, какое тутъ соотношеніе? Далѣе въ томъ же стихотвореніи много неточныхъ выраженій, показывающихъ неточность самыхъ элементарныхъ наблюденій и памяти, напр. «отчаянія дрожь». Дрожать отъ страха, но никогда никто не дрожалъ отъ отчаянія.

И такъ, вы видите, что у г. Минскаго какая-то болѣзненная страсть къ аллегоріямъ и не только совершенно бесполезнымъ описательнымъ эпитетамъ, но къ эпитетамъ анти-описательнымъ, вреднымъ, напоминающимъ, какъ мы показали, художника, который бы вмѣсто голубой краски рисовалъ огненную («ночь зажглась»); конечно, если бы у г. Минскаго не было двухъ-трехъ довольно порядочныхъ стихотвореній, не стоило бы и задумываться, отчего это происходитъ. А теперь стоитъ, если не для того, чтобы ему самому быть полезнымъ, то другимъ нашимъ молодымъ стихотворцамъ: вѣдь, писать въ наше время, не зная даже того, что требовалось во времена Бѣлинскаго, это значить тащить насъ назадъ, въ 20-ые годы текущаго столѣтія. Но пока не будемъ еще дѣлать окончательныхъ выводовъ, а запомнимъ только эту страсть къ аллегоріямъ и напыщеннымъ анти-изобразительнымъ сравненіямъ, и для окончательнаго вывода будемъ продолжать предположенную нами задачу—изслѣдовать впечатлительность и память г. Минскаго въ различныхъ областяхъ. Теперь посмотримъ его впечатлительность не къ природѣ, а къ чему-нибудь другому, напр., къ внѣшнему выраженію человѣческой страсти. Мы уже видѣли выраженіе, «какъ дрожь отчаянія». Одного его достаточно, чтобы показать, что поэтъ совершенно не обладаетъ даже элементарною, свойственною самому обыкновенному человѣку, наблюдательностью внѣшнихъ проявленій человѣческой души. Тутъ дальше идти невозможно и не стоитъ.

Но, быть можетъ, онъ мастеръ рисовать картинки жизни, или, какъ онъ выражается на своемъ ультра-вычурномъ псевдо-классическомъ языкѣ—«нѣжныхъ звуковъ свирѣли»? Посмотримъ.

Только въ двухъ стихотвореніяхъ онъ пытался нарисовать «жизнь»: въ одномъ онъ описываетъ засуху въ деревнѣ, въ другомъ—пахаря. Начнемъ съ пахаря: встрѣтивъ его и сказавъ ему «здорово, дѣды!» авторъ полу-

чилъ въ отвѣтъ: «спасибо», и тотчасъ же началъ восклицать, и къ удивленію нашему, совершенно тѣми же словами, какъ и при видѣ Везувія. Только тамъ онъ говорилъ:

Привѣтъ тебѣ, губитель городов!

И поэтъ затѣмъ ругался надъ мужицкимъ трудомъ, а здѣсь:

Привѣтъ тебѣ, о, пахарь терпѣливый!

Привѣтъ отъ грустнаго пѣвца!

Вотъ тебѣ и разъ! Хорошо, что этотъ «пахарь терпѣливый» не знаетъ, какіе предательскіе разговоры ведетъ черезъ нѣсколько страницъ «грустный поэтъ» съ господиномъ Везувіемъ! Бѣда бы была грустному поэту отъ «терпѣливаго пахаря», да еще при мужицкой-то необразованности. Вѣдь, пахари не всегда бываютъ терпѣливы! Впрочемъ, г. Минскій можетъ съ каждымъ человѣкомъ особый разговоръ вести: съ господиномъ мужикомъ онъ поетъ совсѣмъ иную пѣсню, чѣмъ съ генераломъ Везувіемъ. Мужика онъ увѣряетъ, что онъ самъ совсѣмъ то же самое, что и мужикъ:

Изъ ому́та столицы развращенной
 Къ тебѣ больной и кроткій (?) я пришегъ,
 Въ твоей судьбѣ, вѣками и отягченной,
 Въ твоей тоскѣ глубоко затаенной
 Я жребій собственный прочелъ (?!).
 И я всю жизнь надъ нивою безплодной
 Тружусь, всю жизнь—надъ нивою сердець—

(Это вѣроятно, надъ сердцемъ Везувія и соловья, проповѣдая одному раззорять мужика, а другому плакать? Похоже на мужицкую работу!)

И на меня, за подвигъ благородный...

(Теперь трудъ крестьянина сталъ называться благороднымъ, а на Везувіи чѣмъ онъ былъ?)

Съ насмѣшкою призраительно-холодной,
 Глядитъ ликующій глупецъ...
 ...и мнѣ отъ родины счастливой
 Вѣнецъ, быть можетъ, дастся, какъ тебѣ...

То-есть г. Скабичевскій посмѣется и назоветъ поэтикомъ, а г. Минскій напишетъ въ отвѣтъ бранчивое письмо!... Какое сходство съ пахаремъ терпѣливымъ! И все это кончается такъ:

Привѣтъ тебѣ, о, пахарь терпѣливый!

Привѣтъ отъ брата по судьбѣ! (Каково!)

Это даже хуже, чѣмъ то, что авторъ ставитъ себя самъ выше Пушкина и Лермонтова въ стихотвореніи—

Наставникъ мой, о, Пушкинъ величавый..

Впрочемъ, что же ждать скромности отъ г. Минскаго, если въ одномъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что его тоска равна только Самому Господу Богу.

...ты бѣ одинъ, кто скорби чуждъ, памѣрилъ

Скорбь мою великую, какъ Ты.. (51).

А въ другомъ мѣстѣ говорить, что онъ сказалъ бы милой о своей любви, да боится, что звѣзды останоятся и «ночь навсегда повиснетъ надъ міромъ», что вѣтерокъ станетъ ураганомъ. Это просто манія величія!

Но перейдемъ къ другому стихотворенію, тоже изъ «народнаго быта», называемому «Засуха».

Описаніе засухи не менѣе фальшиво и невѣрно. Если повѣрить г. Минскому, то въ засуху—

Толпился въ церкви весь народъ,

Кричали дѣти у воротъ:

«Дай, Боже, дождичка, дай хлѣба

Для дѣтокъ маленькихъ твоихъ.

Впрочемъ, далѣе оказывается, что г. Минскому все это понадобилось, какъ и всѣ другія описанія жизни и природы, для аллегоріи. Дождь прошелъ и раззорилъ гнѣздо птички, людямъ счастье, а ей бѣда, птичка до того испугалась что покончила свое земное странствіе.

Въ заключеніе поэтъ философствуетъ:

что, если-бъ мать

Могла въ тоскѣ своей понять,

Что той грозой неумолимой

Спасенъ весь край?

— Что край родимый,

Когда не стало навсегда
Гнѣзда, родимаго гнѣзда!

Какъ аллегорія, какъ иллюстрація къ вопросу о столкновении личнаго и общаго интереса, стихотвореніе задумано не дурно; но и аллегорія должна быть живою картинкой у настоящаго поэта; у Минскаго въ засуху все село толпится въ церкви, а ребятишки у воротъ кричатъ: дай Боже дождичка, дай хлѣба! Всякій знаетъ, что въ это время служатъ молебны и выносятъ иконы въ поле, и никогда вся деревня не будетъ въ рабочую пору толпиться въ церкви. Что касается самаго вопроса, то онъ такъ и остается вопросомъ и даже трудно понять изъ аллегоріи, какъ его надо рѣшить. Но какой же смыслъ въ постановкѣ вопроса, который уже тысячи лѣтъ назадъ поставленъ. Важно указать въ новой постановкѣ хотя какой-нибудь намекъ на рѣшеніе. Тутъ и этого нѣтъ. И такъ.... что же остается?

И вотъ, двѣ попытки изобразить жизнь. Онѣ показываютъ, что Минскій никоимъ образомъ не наблюдатель жизни, какъ онъ и не поэтъ природы. Но, быть можетъ, онъ поэтъ историческихъ движеній человѣчества? У него есть два стихотворенія историческихъ: одно «Весталки», другое «Смерть Кая-Гракха». Въ «Весталкахъ» опять аллегорія: двѣ весталки разговариваютъ; одной надоѣло хранить священный огонь, да къ тому же и Римъ развращенъ, и никому отъ этого нѣтъ пользы, т.-е. тутъ аллегорически олицетворено сомнѣніе и колебаніе. Другая весталка, наоборотъ, должна олицетворить мужество и вѣрность долгу. Она убѣждаетъ, что въ годину бѣдствій надо особенно подерживать священный огонь:

Сказала—и, склонясь, въ огонь кореньевъ (?) новыхъ
Подбросила, и вспыхнулъ храмъ... и т. д.

По русски «вспыхнулъ храмъ»—значитъ онъ загорѣлся, и отъ этого вывода мы не отдѣлаемся двумя слѣдующими стихами:

Предъ взоромъ дѣвственницъ задумчиво-суровымъ,
Внимавшихъ дальнимъ голосамъ.

Этимъ и кончается стихотвореніе. Весьма немного намъ сказали «Весталки» объ исторической впечатлительности и фантазіи г. Минскаго. Ибо то, что онъ сказалъ, старо,

да и это старое выражено плохо: кто изъ читателей Минскаго догадается, что эта весталка не поджигательница храма, а только хочет поддержать священный огонь? Особенно на эту мысль наводитъ совсѣмъ безсмысленная рѣчь строгой весталки, сказанная только передъ тѣмъ:

И если бѣ міръ опять ниспалъ въ хаосъ нестройный,
(Какъ будто бываетъ стройный хаосъ? Вѣдь,
хаосъ нестройный это — «масляное
масло»)

Владѣя искрою одной

Ты изъ послѣдняго обломка (чего? Хаоса?) съ ней
спокойно (?)

Послѣдній жертвенникъ устрой...

Сами судите, сколько въ этомъ смысла, и бѣдному читателю легко подумать, что весталки устроили себѣ «послѣдній жертвенникъ», подпаливъ храмъ. Повидимому, они ошибутся, а, впрочемъ, такъ хитро написано, что я окончательно рѣшить не берусь: надо спросить самого г. Минскаго. Смерть Кая-Гракха уже значительно лучше по формѣ, и вотъ одно изъ доказательствъ, что г. Минскаго стѣсняють стихи: смерть Кая-Гракха написана бѣлыми стихами, т.-е. безъ риѣма, а въ иныхъ мѣстахъ и прозой: было легче писать и—меньше стилистическихъ курьезовъ, хотя и здѣсь ихъ не мало. Но разберемъ эту «драматическую поэму» подробнѣе. Содержаніе ея въ томъ, что сенаторы задумали уничтожить демагога и народнаго трибуна Кая-Гракха. Они собрались въ храмъ Кастора вооруженные, и говорятъ для чего-то полушепотомъ. Входитъ Септимулей, въ которомъ авторъ соединилъ слѣдующія свойства: пьяница, развратникъ, шпионъ, предатель и въ то же время такой умница, что собственно онъ одинъ побѣдилъ и Гракха, любимца Рима, и, стало быть, весь Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гракхъ побѣжденъ только потому, что этотъ кутила, котораго, при его входѣ, сенаторы чествуютъ самыми позорящими названіями — «паяца», «гуляки безпросыпнаго» и проч., — научилъ сенаторовъ, какъ одурачить Римъ, и всѣ его совѣты исполнились: онъ является отъ Гракха и предательски сообщаетъ, что не смотря на убѣжденія своихъ друзей, напоминавшихъ Гракху, какъ измѣнчивъ и трус-

ливъ народъ, какъ онъ предалъ его родного брата и многихъ великихъ людей, Гракхъ не думаетъ ни вооружаться, ни защищаться, ибо-де Гракхъ говорить:

Иль народъ

Достоинъ счастья, власти и свободы...

тогда сената бояться нечего —

Или народъ—ребенокъ;

Тогда былъ правъ сенатъ, убивши брата,

Который власть надъ Римомъ и надъ міромъ

Хотѣлъ вручить ребенку.

Замѣтите, читатель, эти слова Кая-Гракха, потому что вы увидите дальше, какъ ихъ забудетъ самъ г. Минскій. Такъ вотъ, Септимулей, требуя въ награду только вина, научаетъ сенаторовъ: во-первыхъ, пустить по Риму клеветниковъ, которые бы смутили народъ хитрою рѣчью, но не обвиняя Гракха въ подлости, какъ хотѣли сенаторы, а обвиняя его въ непочтеніи богамъ, во-вторыхъ, объявить пощадку тѣмъ, кто уйдетъ отъ Гракха, и въ третьихъ, назначить за голову Гракха награду—слитокъ золота, равняющійся вѣсомъ вѣсу его головы. Вотъ этими всѣми совѣтами Римъ и побѣжденъ. Во 2-й сценѣ Гракхъ спитъ, а ему являются призраки всѣхъ, кому измѣнилъ римскій народъ, и убѣждаютъ длинно, скучно, — напримѣръ, призракъ Тиберія Гракха (брата) на трехъ страницахъ, — чтобы Кай не вѣрилъ народу. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы выводить на сцену призраки, но заставлятъ ихъ говорить риторическія общія мѣста, это, воля ваша, ни на что не похоже. Вѣдь, призракъ выражаетъ думу, душевное волненіе самого героя. Могъ-ли Кай думать такими метафорами, какими на двухъ страницахъ сыплетъ, напри-мѣръ, Маркъ Манлій:

Извѣдалъ я, что въ мірѣ есть оружье

Смертельныѣ отравленной стрѣлы,

Острый мечъ и тяжелѣй тарана (еще чего-нибудь нѣтъ-ли?)

Мнѣ клевета провзила грудь, такъ часто

Стрѣлами пощаженную враговъ.

И это почти на 3-хъ страницахъ!

Наконецъ, не менѣе фразисто, сухо и реторично убѣждаетъ его и жена, и ужъ тутъ на четырехъ страницахъ. И это въ то время, когда человѣка ждутъ люди, на которыхъ готовы напасть враги (кстати, въ первой сценѣ говорится, что «ужъ всадники сѣдлаютъ лошадей, снабдивши каждый двухъ рабовъ (?) оружіемъ», а, между тѣмъ, послѣ этого Гракхъ спитъ, и все дѣло происходитъ, повидимому, на другой день. До какой степени естественны рѣчи жены Гракха, видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста:

Дни счастья? Какъ я тогда гордилась,
 Что первая привѣтствовать могу, —
 Кого чрезъ часъ весь Римъ привѣтомъ встрѣтитъ,
 Что я могу обрадовать того,
 Кто людямъ всѣмъ (?) несетъ съ собою радость,
 Что слабою рукой ту руку жму,
 Которая и т. д.

И это еще не кончено, дальше она еще расскажетъ, какъ стояла у порога и думала:

О, радуйтесь, несчастные, больные!
 Всѣ радуйтесь: Кай Гракхъ идетъ на форумъ.
 Въ его глазахъ я видѣла лучи,
 Которые зажгутъ вамъ солнце счастья (?),
 Я чула въ лобзаніи его,
 Огонь рѣчей, вокругъ сладкихъ устъ порхавшихъ... и т. д.

И это болтаетъ любящая женщина въ состояніи мучительнаго ужаса! И это на 4-хъ страницахъ! О, г. Минскій, принимаясь писать драму, нельзя же не прочесть хотя бы Лессинга; вспомните переводъ, сдѣланный г-жею Готшдетъ, словъ одной французской комедіи: «*j'en jouirai, je vous rendrai tous heureux*» (Я буду пользоваться имъ (моимъ богатствомъ), вѣдь, я васъ всѣхъ сдѣлаю счастливыми), г-жа Готшдетъ перевела ихъ такъ: «Тогда только я, какъ должно, буду пользоваться богатствомъ моимъ, когда я, посредствомъ него сдѣлала васъ обоихъ счастливыми». Лессингъ восклицаетъ о подлинникѣ: «Какъ хорошо! тутъ нѣтъ ни одного лишняго слова! Истинная небрежная краткость», и т. д. А о переводѣ: «Невыносимо! Смыслъ переданъ вполнѣ, но пропала душа! Нагроможденіе словъ задушило ее!»

А сколько разъ на реторику въ драмахъ, на необходимость краткости въ патетическихъ мѣстахъ указывалъ Бѣлинскій, ссылаясь на Шекспира! И вотъ, черезъ полсотни лѣтъ мы опять зрители ложно-классическаго приѣма! И все это пропало для г. Минскаго, точно онъ живетъ и пишетъ еще до 20-хъ годовъ, когда идеи европейской критики, перенесенныя къ намъ Бѣлинскимъ, еще смутно бродили, но и тогда были извѣстны и Пушкину, и Грибоѣдову! А, вѣдь, г. Минскій пишетъ въ 1880-хъ годахъ! Право, это въ Россіи только возможно такое полное незнакомство съ исторіей да же родной литературы!

Но dokonчимъ содержаніе драмы. Все исполнилось по совѣтамъ и предсказанію негодяя Септимулея, но этого мало: Септимулей ходитъ самъ въ толпѣ и клеветаетъ на Гракха; и этого мало, онъ тайно крадется за Гракхомъ, когда тотъ уже бѣжитъ и находится въ лѣсу, онъ, видите-ли, желаетъ достать голову Гракха, чтобы получить за нее золото! И этого мало автору: онъ заставляетъ Септимулея вынуть тутъ же въ лѣсу изъ кармана кусокъ свинца и рассказать публикѣ, что этотъ свинецъ молъ, я впущу въ голову Кая, чтобы когда ее будутъ вѣсить сенаторы, она была тяжелѣе и мнѣ-бы дали больше золота!

Ну какъ же и тутъ не припомнить изъ знаменитаго разбора Лессингомъ «Родогуны» слѣдующаго хотя бы мѣста.

Лессингъ такъ осмѣиваетъ содержаніе Родогуны: «По исторіи, говоритъ онъ, Клеопатра убиваетъ мужа изъ ревности. Изъ ревности? думаетъ авторъ, но она была бы самою обыкновенною женщиной! О, нѣтъ! Моя Клеопатра должна быть настоящею героиней». Далѣе Лессингъ передаетъ иронически, какъ авторъ придумываетъ цѣлую сѣть усложненій и продолжаетъ: «Клеопатра мститъ Родогуна (любовникъ мужа, который уже убитъ Клеопатрой). Однако, этого недостаточно, что она ей мститъ. Поэтъ желаетъ, чтобы она совершила это совѣмъ необыкновеннымъ образомъ. Попробуемъ (опять иронически передается что придумалъ поэтъ). «Превосходно!—продолжаетъ Лессингъ,—но нельзя-ли еще запутать дѣло? Попробуемъ»... и т. д., и т. д. Въ концѣ Лессингъ восклицаетъ: «Браво! вотъ это я называю интригой!»

Но что же сказалъ бы Лессингъ, если бы онъ прочелъ драму г. Минскаго! У него и въ могилѣ кости перевернутся!

И чѣмъ дальше вы читаете драму Минскаго, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что главное несчастье Минскаго, быть можетъ, не въ отсутствіи таланта, а въ совершенномъ незнаніи по части исторіи и теоріи литературы. Въ самомъ дѣлѣ, виноватъ-ли онъ, что ничего не читалъ, что было писано о драмѣ съ прошлаго вѣка; онъ является передъ нами вовсе не поэтомъ конца XIX вѣка, а поэтомъ конца XVIII вѣка, который все это время проспалъ и вдругъ проснулся въ 1880 году, и пишетъ такъ, какъ бы писалъ 100 лѣтъ назадъ: этимъ только и можно объяснить и его сравненія, и его аллегоріи, и его драму, все въ стилѣ эпохи такъ называемаго ложно-классицизма. Возьмемъ, напримѣръ, тотъ монологъ, который бѣжавшій Кай, укрывшійся въ храмѣ Діаны, произноситъ передъ статуей этой богини. Представьте себѣ, читатель: народъ, защищавшій Гракха, разбѣжался, всѣ улицы Рима наполнены всадниками, ищущими Гракха, а онъ передъ статуей въ храмѣ Діаны на трехъ страницахъ катаетъ монологъ, въ которомъ проклинаятъ любимый свой римскій народъ!! И чего онъ только ему ни посулилъ! Ни одна торговка на базарѣ того не наговоритъ! И это все, замѣтите, послѣ тѣхъ словъ, которыя мы васъ просили запомнить вначалѣ, когда онъ говорилъ, что если Римъ ребенокъ, такъ его брата по дѣломъ убилъ сенатъ. Теперь Римъ оказался ребенкомъ, и Гракхъ долженъ бы былъ идти на казнь, но онъ этого-то ребенка не только проклинаятъ, но... Нѣтъ, право, не можемъ не выписать. Онъ говоритъ такія вещи:

Дѣва!

Суровая богиня! Заступись!

Осквернена любовь и добродѣтель

Ратѣнная взываетъ о возмездьи!

О, накажи измѣну! Отомсти

Развратному, бездушному народу, (г. Минскій полагаетъ, что Гракхъ, такъ же скоро мѣняетъ мнѣнія о народѣ, какъ онъ, добѣхавъ отъ Везувія, до своего пахаря!)

Чтобы съ моимъ проклятіемъ безсмертнымъ

Надъ нимъ твой гнѣвъ безсмертный тяготѣлъ!

Пусть никогда, лицо свободы близко
 Не видитъ онъ, но тѣнь ея вдали,
 Какъ призракъ чести въ помыслахъ блудницы,
 Пусть вѣчно духъ терзаетъ въ немъ въ то время,
 Когда въ пыли онъ будетъ изнывать,
 У ногъ владыкъ его безумно-сильныхъ,
 Переноса съ отчаяніемъ покорнымъ
 Презрѣніе презрѣнныхъ. Если жь вдругъ
 Какой-нибудь мечтатель безразсудный,
 Свою мечту въ немъ полюбивъ, захочетъ,
 Спаси его,—пусть не узнаетъ друга!
 Пусть самъ его предастъ врагамъ для казни!
 Пусть въ зрѣлище казни друга превратится.

Позвольте, читатель, пропустить строкъ двадцать, все равно. Пропускаемъ ровно 20 строкъ, и все то же:

Пусть каждый разъ паденье будетъ ниже,
 И каждый разъ все нестерпимѣй стыдъ!
 Когда же Римъ, распущенный и дряхлый,
 За зрѣлище иль яркую игрушку,
 Привыкнетъ самъ игрушкой быть въ рукахъ,
 Временщиковъ насмѣшливой фортуны,
 Отдавъ имъ все, и требуя взамѣнъ
 Лишь одного,—забвенія былого,—
 Пошли тогда, о, праведное небо,
 Свирѣпаго тирана, палача,
 Порока воплощеніе, безумца,
 Бичемъ безумныхъ призваннаго быть,
 Орудіемъ въ когтяхъ эриній мрачныхъ!
 Пусть извергъ сей....

Нѣтъ, я уже дальше не могу, читатель! «Пусть извергъ сей», г. Минскій, читаетъ самъ свои стихи! Вѣдь, отъ одного періода-то такого три раза задохнешься, а, вѣдь, осталось еще болѣе страницы и все ругается эта торговка (Кай Гракхъ г. Минскаго). Богъ съ ней.

Ну-съ, теперь, какая же идея сей якобы дрърамы? Идея эта уже выражена въ «предисловномъ стихотвореніи»: гдѣ муза г. Минскаго обѣщаетъ ему—

И не повѣришь, ты, пророку и герою...

Иными словами: дураки вы всѣ, господа Каи Гракхи,

полагаетесь вы на народъ, хлопчете вы о немъ. Сколько такихъ было! Лучше жить въ свое удовольствіе, какъ этотъ Септимулей или господинъ Везувій... Такъ что-ли? Если идея другая, то пусть мнѣ ее укажетъ читатель. У г. Минскаго не разберешь. Его идеи не органически развиваются, а ползутъ, какъ тараканы, въ совершенно противоположныя стороны. Но сообщу читателю конецъ, пусть разбирается самъ. Когда Септимулей крадется въ лѣсу за Гракхъ, тотъ опять разболтался со своимъ рабомъ, единственнымъ человѣкомъ, оставшимся при немъ. Наболтавъ съ три короба, Гракхъ проситъ раба убить себя и получить въ свою пользу за его голову золото, но рабъ говоритъ, что умереть съ нимъ вмѣстѣ; тогда Гракхъ удивляется, за что тотъ его любитъ и проситъ объяснить. Тотъ ничего не объясняетъ, Гракхъ плачетъ и проситъ, чтобы тотъ его обнялъ. Рабъ, убивая его и себя, и обнимая, говоритъ:

Теперь дерзаю! Другъ мой! Братъ мой милый!

А въ это время «умный» Септимулей крадется, чтобы отрѣзать голову и, вѣроятно, ощупываетъ въ карманѣ свинецъ: не потерялся-ли молъ.

Достаточно, читатель, чтобы намъ съ вами судить и объ историческихъ идеяхъ г. Минскаго и о его способности проникать въ духъ исторіи и ея великихъ дѣятелей. Я думаю тутъ объясняться больше нечего. Конечно, при такихъ взглядахъ на народъ, на его героевъ, которые, по г. Минскому, любятъ народъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ возвышаетъ, а затѣмъ готовы его поджарить на сковродѣ, и говорить объ этомъ съ такими подробностями и смакованіями, съ какими Гоголевскій Пѣтухъ не заказывалъ поджаривать пирогъ, вотъ, говорю, при такихъ взглядахъ, гражданская скорбь должна перейти въ чисто-метафизическое недовольство и ворчаніе на міръ за то, что онъ плохо устроенъ. Поэтому, даже удивительно, откуда у г. Минскаго все же является гражданская скорбь. Мы видѣли, что г. Минскій мучается на всѣхъ точкахъ земнаго шара о Россіи и ея бѣдствіяхъ, и вырываются мѣста, которыя мнѣ кажутся искренними, а инныя весьма не глупыми, и въ нихъ мы, быть можетъ, найдемъ объясненія этихъ противорѣчій: напри мѣръ, въ Римѣ авторъ посѣтилъ

развалины Колизея и заснул тутъ же въ травѣ, и ему явился духъ Колизея, весьма умный старикъ и говорить очень дѣльно: чего, молю, ты ноешь о Россіи, г. Минскій, вѣдь, она только начинаетъ жить, ты еще и не сдѣлалъ для нея ничего, да и никто изъ васъ ничего не сдѣлалъ, вы только еще поболтали маленько, а вотъ я видѣлъ Римъ въ его цвѣтущую пору, въ пору, когда еще у него была будущность, а теперь даже и гробница-то его стала развалиной, а не то что онъ самъ.

Если бы не нѣкоторыя громкія ноющія общія мѣста, въ родѣ того, что—

Нѣтъ весны въ отчизнѣ у меня!

то и стихотвореніе «Пѣсни о родинѣ» было бы очень не дурно, особенно пѣснь II, но я не буду приводить изъ нея отрывки, они не передадутъ смысла цѣлаго, а совѣтую достать книжку и прочесть, ибо однѣ эти пѣсни искупаютъ всю книгу, и показываютъ, что у Минскаго есть талантъ, что онъ можетъ мѣстами, (даже и въ этомъ стихотвореніи мѣстами!) писать и сжато, и точно, и ярко, и выразительно, когда пишетъ о томъ, что перечувствовалъ, а перечувствовалъ онъ ясно, повидимому, пока только одно: сомнѣніе и удивленіе передъ Россіей, передъ ея страннымъ народомъ, которому такъ плохо живется, а, между тѣмъ, нѣтъ нигдѣ отдѣльныхъ людей, болѣе поражающихъ и своею любовью къ человѣку, и своимъ полнымъ самопожертвованіемъ:

«Нѣтъ насъ честнѣй, и нѣтъ злосчастнѣй никого».

Послѣ этого разбора едва-ли стоитъ собирать черты умствованій г. Минскаго, разсѣянные въ его мелкихъ стихахъ: очевидно, у него еще нѣтъ опредѣленнаго взгляда, а есть только вопросы и броженія, являющіеся отраженіемъ средняго уровня интеллигентовъ нашего времени. Однимъ словомъ, немудреная философія. Я на поляхъ дѣлалъ замѣтки объ идеяхъ отдѣльныхъ стихотвореній и у перваго стихотворенія «Наше горе» стоитъ моя замѣтка: «Наше русское горе тихо». Около втораго, «На высотѣ», я записалъ: «Даже воспоминанія о красотѣ смиряютъ зловѣщія думы усталой души». Далѣе стихотвореніе «Въ деревнѣ» оканчивается стихомъ, весьма хорошимъ и опять

говорящемъ о талантѣ автора. Поэтъ спрашиваетъ: что такое народъ, «герой великодушный, иль годный къ битвѣ конь, арапнику послушный»? Стихотвореніе на стр. 12 выражаетъ мысль, что красота природы побѣждаетъ горе. Въ стихотвореніи «Послѣдняя воля» та мысль, что на родинѣ все еще не хорошо. Въ стихотвореніи «Любовь и мечъ», что любовь вездѣ встрѣчаетъ мечъ. Но не довольно-ли? Общая идея, волнующая г. Минскаго, въ томъ, что для него потерянь смыслъ въ мірѣ, душа міра, и онъ этимъ мучается. Довольно старая печаль! Довольно старая идея!

III.

Перейдемъ теперь къ формѣ стихотвореній Минскаго. Мы уже видѣли, какъ онъ плохо владѣетъ языкомъ, и какія отъ этого происходятъ недоразумѣнія: весталки поджигаютъ храмъ, море блещетъ отъ того, что Минскій садится, и проч. То же можно сказать и о его стихѣ. На примѣръ, въ одномъ стихотвореніи «Съ Восточнаго», на стр. 137, обратите вниманіе на подчеркнутыя слова:

Твоей кожи загаръ—какъ пустыни песокъ,
Когда гаснетъ заря утомленная;
Твои очи глубоки, какъ темный потокъ,
Куда смотрится зелень спаленная.
Твое тѣло душисто, какъ въ полдень смола (?),
Твои губы, какъ розы раскрытыя,
И улыбка на нихъ, какъ на розѣ пчела,
Какъ на розѣ пчела ядовитая.

Настоящій размѣръ этого стихотворенія, анапестъ, есть только въ послѣдней и предпослѣдней строкѣ, т.-е. это два слога короткіе (безъ ударенія), и третій длинный (съ удареніемъ): и улы-б-ка тво-я и т. д. Какъ на рѣ-зѣ пчелѣ. Но въ виду этого приходится всѣ подчеркнутыя слова «твоей, когда, куда, твое» читать безъ ударенія на второмъ слогѣ, отчего, если внимательно прислушаться къ чтенію, выходитъ невыносимая для уха какофонія, т.-е. выходитъ «твѣей», «кѣгда», «кѣда» и т. д. Такія же мѣста есть

и въ стихахъ на стран. 143, стр. 11, гдѣ «Мое» приходится читать «Мде» и т. д.

Есть строки, которыхъ буквально невозможно прочесть, не подавившись, напр.:

И не знаетъ никто, что уста эти лнутъ,
Лнутъ къ моимъ устамъ въ нѣчи блаженныя.

Здѣсь тоже идетъ анапестъ, но во второй строкѣ, для соблюденія размѣра, приходится слово устамъ читать безъ ударенія на а, что невозможно, и выходить ѹстамъ... и т. д. Что касается вообще неумѣнья правильно выражаться, то кромѣ приведенныхъ ранѣе, есть еще большіе курьезы.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ г. Минскому Богъ подаетъ руку! Да! Читайте на стр. 48:

Такъ я молилъ—но вотъ мнѣ длань.
Простеръ Господь, и молвилъ: встань!

Г. Минскій желалъ сказать: Господь простеръ ко мнѣ длань, но, не справившись со стихомъ, сказалъ «простеръ мнѣ длань», разница тутъ, по русски, такая же, какъ «протянуть къ нему руку» или «протянуть ему руку».

Въ другомъ мѣстѣ того же стихотворенія авторъ говоритъ, что онъ «въ слухъ Предвѣчнаго шепталъ» (стр. 47). Можно шептать «въ ухо», но «шептать въ чей нибудь слухъ... странно! Но мало-ли такихъ рѣдкостей можно отыскать даже въ томъ же самомъ стихотвореніи, напр., «отмель темная забвенья» (стр. 47) «Ласка иль гроза мгновенья»... Можно дать премію тому, кто разгадаетъ, какія у мгновенія могутъ быть ласки или гроза. Кромѣ неумѣнья владѣть языкомъ, тутъ является страшно вычурное фразерство напыщенности, первое доказательство слабости таланта. Кромѣ этого всего, замѣчается крайняя страсть къ лишней болтовнѣ. Между тѣмъ, доказано, что всякое лишнее слово въ стихахъ есть уже грѣхъ противъ поэзіи. А г. Минскій не стѣсняется одинъ и тотъ же вопросъ, немножко вывернувъ, повторять два раза. Напр., въ слѣдующемъ же стихотвореніи, раздумавшись о народѣ, онъ спрашиваетъ:

надъ вѣйшей тишиной
Теченья тайныя и дно души народной

Кто можетъ разглядѣть? (разъ) О, какъ, постигнуть мнѣ,
Что скрыто у тебя въ душевной глубинѣ... (два)

Какъ будто дно души, и глубина не одно и то же?

Въ слѣдующемъ стихотвореніи поэтъ рассказываетъ, будто его другъ, умирая, просилъ, если на родинѣ будетъ лучше житься, придти на могилу и положить на могилу цвѣтовъ «въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣдное сердце истлѣло» (?!). И вотъ поэтъ пришелъ на могилу и видитъ, что «гдѣ грудь (друга) истлѣла, тамъ густо разрослись полынь зеленѣла.» Опять, вмѣсто живаго образа, аллегорія, вмѣсто чувства вычурная фраза и какая неудачная! Развѣ сердце истрѣбается на могилѣ? И къ чему все это длинное стихотвореніе? Чтобы высказать мысль, выражаемую въ четырехъ словахъ: «на родинѣ не стало лучше?» Но тогда давайте картинки, сцены, а не аллегоріи. Г. Минскій слышалъ, что поэтъ мыслить образами, и вообразилъ, что вотъ это и значить мыслить образами. Но поэтъ мыслить «образами жизни», т.-е. это значить, что идеи являются ему не мертвыми и отвлеченными аллегоріями, а въ видѣ живыхъ лицъ и событій, которыя въ нихъ воплотились. Пушкинъ даже свою грусть послѣ свиданія съ милою изобразилъ въ видѣ живаго образа, помните-ли:

«Я вѣхалъ къ вамъ, живые свѣ» и т. д.

или:

Мои хладѣющія руки

Тебя старались удержать...

У Некрасова, у Гейне, у всѣхъ рѣшительно настоящихъ поэтовъ мыслить образами, значить представлять идею въ томъ самомъ живомъ образѣ, какой ее породилъ или могъ породить. Возьмите любое стихотвореніе; напри- мѣръ, «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной». Тутъ образъ, самый образъ, взятый изъ жизни, говоритъ вамъ о чувствѣ, и объ идеѣ. И такъ всѣ поэты пишутъ, г. Минскій. Вотъ еще стихотвореніе въ которомъ авторъ желаетъ изобразить борьбу любви съ враждой. Вы думаете онъ изобразить это въ формѣ сценъ изъ жизни? Никогда! Жизни для него какъ будто и не существуетъ. Любовь летаетъ по мірамъ и вездѣ встрѣчаетъ мечъ, «и летитъ отъ міра къ міру, безпріютная до нынѣ!» Поймите, что это не поэти-

ческій образъ, а вымученая, разсудочная аллегорія и притомъ фальшивая, ибо на мірахъ нѣтъ никакихъ мечей, точно такъ же, какъ полынь не можетъ вырости изъ того мѣста, гдѣ грудь друга истлѣла, и все это—фальшь. И нѣтъ ни одного стихотворенія безъ этой фальши. Очевидно, это какая-то теорія у г. Минскаго! Откуда сіе въ наше время, черезъ 50 лѣтъ послѣ Бѣлинскаго, а не во времена ложно-классической поэзіи, когда писали:

Что наша жизнь? Ничто иное
Какъ лишь мечтаніе пустое,
Иль нѣтъ, тяжелый нѣкій шаръ
На тонкомъ волоскѣ висящій.

Попробуемъ же разобраться въ той массѣ матеріала, которую мы собрали; попробуемъ выйти изъ противорѣчій, которыя намъ дала книжка г. Минскаго.

Мы нашли: во-первыхъ, что впечатлительности къ природѣ у г. Минскаго не только не проявляется, но есть доказательства обратнаго, а между тѣмъ, мы нашли стихотвореніе «Бѣлыя ночи», противорѣчащее этому выводу; во-вторыхъ, мы нашли, что вездѣ онъ даетъ вмѣсто образовъ аллегоріи; въ третьихъ, вмѣсто чувства напыщенныя и иногда бессмысленныя сравненія; но есть у него одно стихотвореніе «Пѣсни о родинѣ», гдѣ вырываются прекрасныя мѣста; въ четвертыхъ, мы нашли, что языкъ его до того невозможенъ, что выходятъ недоразумѣнія, и въ пятыхъ, что его стихъ доказываетъ у него отсутствіе слуха. Что же онъ такое? Поэтъ онъ, или фальсификаторъ, поддѣлывающій поэзію, какъ теперь поддѣлываютъ масло, чай и пр., и пр. Что онъ не фальсификаторъ преднамѣренный, это—несомнѣнно для насъ: будь онъ фальсификаторъ, онъ лучше изучилъ бы теорію поэзіи и, кромѣ того, онъ не шелъ бы иногда въ разрѣзъ съ наиболѣе популярными взглядами окружающей среды. Если есть послѣднее, то оно, какъ бы робко ни было, доказываетъ нѣкоторую его искренность и опровергаетъ преднамѣренную фальсификацію, а полная необработка стиха, и тѣ самомнительныя увѣренія, о которыхъ мы говорили, указываютъ на основную психологическую причину всего этого явленія: очевидно, кто-то убѣдилъ г. Минскаго, что онъ большой талантъ, быть можетъ, тѣ журналы, которые не-

батали всякій его вздоръ, быть можетъ, невѣжественные пріатели, а быть можетъ, и не невѣжественные, а неискренніе, смѣявшіеся надъ нимъ за глаза, а въ глаза увѣрявшіе, что онъ такой поэтъ, что онъ можетъ обойтись и безъ изученія лучшихъ образцовъ, и построенныхъ на ихъ изученіи законовъ искусства, и безъ обработки своихъ произведеній, однимъ словомъ, что все, что онъ пишетъ, прекрасно. Изъ этого же убѣжденія о величіи своего таланта явилось и другое: когда г. Минскій забрался на Везувій, когда онъ очутился передъ Казбекомъ, когда онъ на конѣ, взлетѣлъ надъ Салгиромъ, онъ очевидно думалъ: «я большой поэтъ и при видѣ этихъ необыкновенныхъ красотъ природы долженъ чувствовать нѣчто необыкновенное; вѣдь, поэтъ, это—гигантъ. Вѣдь, онъ долженъ «ручьа разумѣть лепетанье», а, стало быть, говорить съ соловьями и Везувіями». И вотъ, вмѣсто того, чтобы просто наслаждаться и чувствовать, онъ надувался, натуживался, чтобы выжать какую-нибудь небывалую аллегорію, сравненіе, оборотъ, противоположеніе, принимая все это за поэзію и за мысль; этимъ онъ давилъ свое живое впечатлѣніе отъ чудной природы, а вернувшись домой и думая, что теперь онъ долженъ написать что-нибудь великое, онъ и послѣднія остатки впечатлѣнія разсѣивалъ этимъ напряженіемъ, въ которомъ виновата не его безталанность, а его полное незнаніе законовъ и условій творчества, попросту сказать, круглое невѣжество, быть можетъ, обязанное не одному самомнѣнію его, но и общему невѣжеству послѣдняго времени по части литературы. И теперь понятно, почему у него хорошо написались «Бѣлыя ночи». Тутъ онъ не думалъ, что надо выдумать что-то необыкновенное, ибо предметъ былъ крайне обыденный. И онъ эти ночи прочувствовалъ, и онъ ихъ нарисовалъ. Стало быть, не будь у него невѣжества, т.-е. ложнаго понятія о томъ, что такое поэтъ, онъ также прочувствовалъ бы и Рейнъ, и Салгиръ, и Везувій, и написалъ бы просто, образно, живо, какъ написалъ «Бѣлыя ночи».

И вотъ я смѣю думать, что г. Минскій еще не доказалъ своею книжкой, что у него нѣтъ таланта. Его кажущаяся безталанность есть—пока только доказательство круглаго невѣжества. А быть можетъ, теперь, проученный этимъ первымъ тяжелымъ опытомъ, онъ научится писать

и лучше, научиться всматриваться въ жизнь, природу и людей, изучать ихъ, и дать намъ еще недурныя произведенія. Онъ еще молодъ.

Есть основанія предположить, что, кромѣ самомнѣнія, были и еще причины, сѣзвившія его впечатлительность: мы могли замѣтить, что въ теченіи всей книги его мучить тяготѣніе къ глубокомыслию, къ желанію говорить умныя вещи, выражать идеи. А въ то же время чувствуется полное, абсолютное незнакомство съ лучшими философскими системами времени: нигдѣ мы не встрѣтили ни слѣда ихъ, ни признака. Но тотъ, кто хочетъ сдѣлать умствования предметомъ своей поэзіи, долженъ же ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлали до него люди въ этой области, иначе его философія будетъ первобытною. Такъ оно и есть у г. Минскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ скорбитъ, что потерялъ вѣру въ Бога, что міръ для него безцѣленъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ мучится за судьбу Россіи, страдаетъ отъ загадочности ея народа:

... Кто ты, герой великодушный,
Иль годный къ битвѣ конь, араппику послушный?

Мы видѣли также его тоскованія въ Римѣ надъ тѣмъ же вопросомъ. Спрашивается, не общая-ли это черта времени? Довольно жиденькая гражданская скорбь, не идущая дальше сомнѣній въ народѣ, а затѣмъ еще придавленная и дальнѣйшими сомнѣніями въ народахъ, въ человѣчествѣ, въ герояхъ, въ цѣли жизни вообще, однимъ словомъ, то пессимистическое настроеніе, которое стало моднымъ, съ легкой руки французскихъ беллетристовъ, схватившихъ его отъ полу-философа полу-болтуна Гартмана, отъ экцентрическаго и безсердечнаго скряги и человѣконенавистника Шопенгауэра, того Шопенгауэра, который не имѣлъ друзей, чтобы у него не просили въ займы, а послѣ смерти оставилъ свой капиталъ семьямъ погибшихъ усмирителей народнаго движенія. Въ книжкѣ Минскаго есть доказательства, что онъ считаетъ себя однимъ изъ выразителей этого якобы направленія, на самомъ-же дѣлѣ, если можно такъ выразиться, — паченья. Но это мало утѣшительно: если его впечатлительность слаба ко всему остальному міру, то и въ области идей онъ ничего не сдѣлаетъ, при такомъ поверхностномъ отношеніи къ идеямъ вѣка.

Мы вовсе не требуемъ, чтобы онъ былъ впечатлителенъ ко всему: только геній объединяетъ въ себѣ всѣ виды впечатлительности, а потому и всѣ виды памяти и наблюдательности. Требовать того же отъ каждого поэта — несправедливо: одинъ впечатлительнѣе къ зрительнымъ впечатлѣніямъ и даетъ намъ точныя, прекрасныя картины ¹⁾; другой или близорукъ, или имѣетъ слабую впечатлительность глазъ и зрительныхъ центровъ, но впечатлителенъ къ звукамъ и будетъ давать намъ чудную передачу человѣческой рѣчи, въ ея типичныхъ признакахъ, или звучные музыкальные стихи; третій впечатлительнѣе къ идеямъ или чувствамъ и пр., и пр. Сообразно съ этимъ возникаютъ и типы поэзіи, и отъ поэта можно требовать только наибольшаго совершенства въ своемъ типѣ, и только отъ генія мы ждемъ объединенія всѣхъ типовъ. Однако, замѣтимъ при этомъ, что какъ бы мы не желали быть любезными къ поэтамъ разныхъ типовъ, однако, приходится признать, что даже въ своей специальной области поэтъ не можетъ быть вполне хорошъ, если онъ лишенъ способности всякой другой впечатлительности, и всегда будетъ выше его, даже въ его специальности, тотъ поэтъ, который, напр., кромѣ природы, впечатлителенъ и къ жизни простыхъ людей, или вообще къ какому-либо явленію міра. Причины понятны: на основаніи вышеприведеннаго закона Маудсли, сознание тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ меньшее число нервныхъ путей конкурируетъ другъ съ другомъ. Стало быть, и сознание, и чувствованія поэта узенькой сферы, а стало быть и его изобразительность, способность потрясать насъ, будутъ всегда уже, слабѣе, чѣмъ у болѣе многосторонняго поэта. Въ гостиныхъ думаютъ наоборотъ. Думаютъ, что слѣ-

¹⁾ Искренній поэтъ природы, научая насъ любить и понимать природу, расширяетъ этимъ кругъ нашихъ чистыхъ, высокихъ наслажденій, удаляетъ насъ отъ наслажденій, созданныхъ чужимъ, иногда египетскимъ трудомъ другихъ людей, т.-е. отъ наслажденій искусственныхъ и фальшивыхъ, порожденныхъ извращеніями истинной цивилизаціи. Въ то же время, научая насъ любить природу, онъ дѣлаетъ насъ болѣе наблюдательными къ ея явленіямъ, а, слѣдовательно, и болѣе способными уловить ея великіе законы, господствующіе надъ нами, и надъ которыми мы должны господствовать: слѣдовательно, онъ косвенно служитъ и нашей болѣе способности къ наукѣ и философіи природы, къ познанію истины.

пой музыкантъ долженъ быть геніальнѣе зрячаго, потому что онъ весь сосредоточенъ на музыкѣ, а тотъ разсѣянъ зрительными впечатлѣніями. Но факты говорятъ обратное: не было ни одного музыкальнаго генія слѣпца. И это понятно: слѣпой музыкантъ можетъ быть виртуозомъ, но чтобы воплощать въ звукахъ міръ, онъ долженъ имѣть широкое, полное представленіе о немъ.

То же и въ поэзіи. Повидимому, какое развитіе нужно, чтобы описать впечатлѣніе утра. Но поэтъ узенькій даетъ вамъ только одну сторону: ему не съ чѣмъ сравнивать. Поэтъ болѣе развитой охватитъ то же явленіе съ самыхъ неожиданныхъ сторонъ. Возьмите описаніе сѣнокоса у Толстого, въ «Аннѣ Карениной» и у Фета (если оно есть), или у другаго небольшого поэта, и вы меня поймете. Толстой всколыхнетъ этимъ описаніемъ всю вашу душу, всѣ ея глубочайшія стороны и запросы, заставитъ васъ тосковать о сѣнокосѣ и самому испытать счастья, доставляемаго имъ; у Фета же будетъ только изящная картинка.

Но односторонность не менѣе вредна, если она идетъ не отъ нижняго конца лѣстницы, а отъ верхняго, т.-е. если поэтъ, напр., способенъ къ впечатлѣніямъ только отъ идей, но глухъ ко всей остальной природѣ и жизни. Онъ не въ силахъ будетъ воспринимать разностороннія идеи, вносить въ нихъ что-либо свое, живое, новое изъ массы своихъ живыхъ наблюденій, онъ вѣчно будетъ рабомъ чужихъ идей, да и среди нихъ не въ силахъ будетъ сдѣлать выбора, ибо выборъ между ними долженъ быть на чемъ-нибудь основанъ, на какихъ-либо иныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ жизни, природы, человѣчества. Но, если у поэта все это слабо, то онъ и будетъ качаться на подобіе маятника отъ одной идеѣ къ другой, не ассимилируя, не претворяя въ плоть и кровь ни одной.

Это мы видимъ отчасти у г. Минскаго. Въ предисловномъ стихотвореніи, въ лицѣ богини, ставшей его царицей, Минскій именно выражаетъ, что онъ не вѣритъ ни героизму, ни жизни, что онъ охваченъ только сомнѣніями во всемъ. И хотя онъ тутъ же прибавляетъ устами своей богини—

Въ безцѣльной суетѣ искать ты будешь цѣли,

И рваться къ небесамъ, и жаждать божества...

но въ стихахъ это нигдѣ не проявляется, а, наоборотъ, какъ мы видѣли въ «Каѣ Грахѣ», г. Минскій остается до конца вѣрнымъ тому же нытью т.-е. сомнѣнію. Въ «Бѣлыхъ ночахъ», гдѣ онъ всего искреннѣе, онъ свое пониманіе этихъ ночей объясняетъ ихъ сходствомъ съ собственнымъ состояніемъ духа, когда человѣкъ—

...Полонъ сомнѣній и полонъ печали,
Стоить на распути, не зная пути.

И вотъ собственно резюме всѣхъ идей г. Минскаго. Въ нихъ нѣтъ ничего своего, ничего новаго и оригинальнаго. Все это отзвукъ моднаго, гостиннаго пессимизма и, тѣмъ не менѣе, я думаю, что этотъ пессимизмъ такъ сильно давитъ душу человѣка, неумѣющаго съ нимъ справиться, что отбиваетъ у него и охоту наблюдать, и любовь къ жизни, необходимую для наблюденія жизни и природы. И вотъ, быть можетъ, еще одна косвенная причина кажущейся безталанности г. Минскаго, которая можетъ быть скрытою (латентной) талантливостью. Но эта талантливость можетъ обнаружиться, когда онъ переживетъ періодъ подчиненія моднымъ идейкамъ. Вѣдь, и большіе поэты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, начали съ увлеченія европейскимъ пессимизмомъ Байрона. Надо было имъ пожить, чтобы началось освобожденіе отъ этого кошмара.

Но меня могутъ спросить: какъ же я надѣюсь на будущность Минскаго, если онъ такъ плохо владѣетъ языкомъ и стихомъ, если очевидно, что у него нѣтъ музыкальнаго слуха.

По этому случаю позволяю сказать слова два о стихотворной формѣ. Она, конечно, не естественная рѣчь. Но есть поэты, которые просто настолько музыканты, что имъ она необходима для выраженія, какъ музыканту-импровизатору музыкальные звуки. Таковъ, напр., Надсонъ, который имѣлъ огромный музыкальный талантъ, и могъ прямо говорить стихами. Здѣсь стихи являются просто внутреннею потребностью музыки.

У поэтовъ съ слабою музыкальною способностью или безъ нея, наоборотъ, стихи не составляютъ естественнаго выраженія, а есть искусственная форма, взятая отчасти по обычаю, по привычкѣ съ дѣтства слышать извѣстныхъ

явленія духа облеченными въ размѣренную форму, отчасти потому, что поэтъ такъ дорожитъ моментами своего высокаго настроенія, такъ желаетъ, какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, передать ихъ и другимъ въ наилучшей формѣ, что ему простая рѣчь кажется недостаточною, оскорбительною. И онъ выражаетъ свою мысль стихами, какъ мы портретъ наиболѣе дорогого человѣка или женщины вставляемъ въ лучшую рамку. И здѣсь могутъ быть хорошіе стихи, путемъ навыка, развитія музыкальнаго слуха, теоріи и, наконецъ, кропотливой и тяжелой отдѣлки, которою занимались даже Пушкинъ и Лермонтовъ.

Наконецъ, есть величайшіе поэты, какъ Толстой, которые даже не могутъ писать стихами, ибо они стѣснили бы то богатство образовъ поэзіи, какое эти гиганты носятъ въ себѣ. Вообразите «Войну и миръ» или «Анну Каренину» въ стихахъ. Сколько лишняго, адскаго, бесполезнаго труда нужно бы было Толстому, и сколько бы мелкихъ деталей и душевныхъ, и житейскихъ все-таки не улеглось бы въ стихи. И такъ, стихи не только не неизбежная принадлежность поэзіи, а они показываютъ даже нѣкоторую узость поэтическаго матеріала. Даже Пушкинъ, даже Лермонтовъ, болѣе широкія картины жизни писали въ прозѣ.

Матеріаль, которымъ можетъ располагать г. Минскій, не только не широкъ, но крайне узокъ и, кромѣ того, состоя, главнымъ образомъ, изъ отдѣльныхъ короткихъ тоскливыхъ мыслей, просто невозможенъ въ прозѣ. Поэтому, ему остается продолжать излагать его въ стихахъ, но прибѣгнуть къ суровому труду и чисто механической выработкѣ стиха, надписывая ударенія, долгіе и короткіе слоги надъ каждымъ словомъ, иначе онъ будетъ всегда невозможенъ, какъ стихотворецъ.

Ну, я полагаю, на этотъ разъ довольно. Очень желалъ бы, чтобы я не ошибся въ томъ, что у г. Минскаго есть талантъ. Если не ошибся, то могу сказать: до лучшей встрѣчи, поэтъ. Простите за правду и, если можете, извлеките изъ нея пользу.

Л. Оболенскій.

КЪ ЮБИЛЕЮ ГЛѢБА ИВАНОВИЧА УСПЕНСКАГО.

15-го ноября исполнилось 25 лѣтъ литературной дѣятельности одного изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей нашей литературы, Г. И. Успенскаго. Впервые онъ выступилъ въ 1862 г., въ журналѣ «Ясная Поляна», издававшемся Л. Н. Толстымъ.

Въ короткой замѣткѣ о юбилеѣ невозможно дать ни оцѣнки, ни характеристики такого писателя, какъ Успенскій. Мы отложимъ это до будущаго года. Въ текущемъ году мы не разъ говорили о нѣкоторыхъ новыхъ произведеніяхъ Глѣба Ивановича, и наши читатели знаютъ, что мы ставимъ его по таланту, знанію народа и любви къ нему въ первыхъ рядахъ русскихъ писателей.

Одинъ разъ въ теченіи всей его литературной дѣятельности, а именно въ 1883 г., мы замѣтили въ немъ отклоненіе отъ его пути, когда онъ, послѣ поѣздки по Россіи, вдругъ поразилъ насъ слѣдующимъ отзывомъ о русскомъ крестьянинѣ: это, молъ, «особь, опасная своею дикостью и глупостью» ¹⁾. Предполагая, что эта фраза есть начало поворота въ идеяхъ одного изъ лучшихъ друзей народа, мы тогда отвѣтили рѣзкою полемическою статьей («До чего договорился Глѣбъ Успенскій», «Русское Богатство» 1883 г., № 7, стр. 167). Къ счастью, выходка Успенскаго противъ народа оказалась временнымъ,

¹⁾ «Отечественныя Записки» 1883 г., № 5, стр. 260.

мимолетнымъ настроеніемъ впечатлительной души поэта, пораженной, вѣроятно, или сплошнымъ печальнымъ застоемъ внѣшней стороны крестьянской жизни, или иными дѣйствительно печальными событіями того времени.

Но съ той поры Успенскій не только не повернулъ на этотъ опасный путь народофобіи, охватившей тогда весьма многихъ, — нѣтъ, наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ душевнѣе и глубже относился онъ къ народу, а послѣднія его произведенія, — объ одномъ изъ которыхъ мы уже говорили, — и особенно неоконченный еще очеркъ «Осенью» полны задушевной любви и правды о народѣ, и, такъ сказать, ясновидѣнія, открывающаго перлы душевной красоты тамъ, гдѣ равнодушный взглядъ увидѣлъ бы только грязь да язвы; мы не можемъ сказать того же о другомъ очеркѣ Глѣба Ивановича «Трудовая жизнь и труженичество», съ которымъ во многомъ несогласны, о чемъ поговоримъ въ будущемъ году.

Глѣбъ Ивановичъ можетъ и до сихъ поръ быть недоволенъ на насъ лично, за нашу статью 1883 г., Но тогда мы исполняли нашъ долгъ передъ народомъ.

Теперь, исполняя тотъ же долгъ, мы говоримъ: живи, живи долго, работай такъ же свято и честно, какъ ты работалъ, и да хранить тебя Богъ, дорогой, незамѣнимый человѣкъ для Россіи и ея народа!

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ будущаго года мы предполагаемъ давать постоянные очерки иностранной жизни, которые должны восполнить недостатокъ, замѣчавшійся въ нашемъ журналѣ. Однако, мы полагаемъ, что обзорѣнія въ томъ видѣ, какъ они являются въ другихъ журналахъ, т.-е. разсужденія о внѣшней политикѣ, о томъ, какъ спалъ Бисмаркъ и какой прыщъ вскочилъ на носу у Гриви, и какую рѣчь произнесла та или другая знаменитость,—совершенно бесполезны. Мы постараемся, по возможности, давать обзорѣнія, имѣющія въ виду жизнь массъ, ту закулисную жизнь народовъ, которая становится извѣстною въ рѣдкія минуты ея крайняго возбужденія, какъ, на примѣръ, тѣ волненія рабочихъ въ Англіи, которыя случились въ послѣдніе дни и, конечно, обратили на себя вниманіе нашихъ читателей. Предполагаемый первый очеркъ, составленный для насъ лицомъ компетентнымъ и живущимъ въ Лондонѣ, пояснить читателямъ ясно и наглядно, что происходитъ въ Англіи въ массахъ, подъ внѣшнимъ блестящимъ покровомъ показной цивилизаціи.

Въ виду того, что подобныя обзорѣнія могутъ не всегда успѣвать къ выходу книжки журнала, мы впередъ извиняемся, если не каждая книжка будетъ содержать ихъ, но, во всякомъ случаѣ, озаботимся о наивозможной регулярности.

АНГЛИЙСКИЙ ПАУПЕРИЗМЪ.

Everything is depreciated in value, the
lives of the poor—most of all.

A. Krausse.

I.

Вопросъ о бѣдныхъ Лондона никогда не прекращалъ интересовъ общественное мнѣніе. Причина здѣсь не въ томъ, что бѣдные Лондона бѣднѣе пролетаріата другихъ странъ, европейскихъ и азіатскихъ, а скорѣе въ обширности арены для наблюденій въ городѣ съ пяти-милліоннымъ населеніемъ и въ яркости контрастовъ. Англія настолько же страна несмѣтныхъ богатствъ, какъ и поразительной нищеты. Рубище, голодъ и холодъ въ Лондонѣ занимаютъ кварталы, не уступающіе по своей величинѣ и населенію территоріи цѣлой столицѣ второстепенной державы, а кварталы эти нерѣдко составляютъ собственность или, вѣрнѣе сказать, часть собственности одного богача-лорда. Рядомъ съ улицами, гдѣ роскошь бросается въ глаза, почти провоцируя взоръ скромнаго человѣка, гдѣ въ окнахъ магазиновъ выставлены крупнѣйшіе брилліанты Цейлона и тяжелѣйшіе рубины Бирманіи, гдѣ жильцы не выѣзжаютъ иначе, какъ на двойныхъ рессорахъ,—рядомъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой роскоши, существуютъ смрадные, темные и узкіе переулки, въ которыхъ тѣсно ютится бѣдность, не знающая постоянной пищи. И по настоящій день, на лучшихъ проспектахъ Лондона—на Оксфордскомъ и Регентскомъ—есть аристократическіе рестораны, выходящіе одною стороною на названныя улицы въ видѣ дворцовъ съ раззолоченными въ два свѣта залами и оркестрами, играющими въ часъ завтрака и обѣда, а другою стороною смотрящіе въ глухой закоулокъ почернѣлою отъ копоти стѣной, съ узкими и грязными окнами, гдѣ залежалые остатки барскаго стола дробятся на мелкія дешевыя порціи и гдѣ посѣтителі—полуголая бѣдность. Только на англійской и американской почвахъ существуютъ рядомъ и ежедневная статистика голодныхъ смертей, и колоссальныя богатства, наживаемыя съ изумительною быстротою. Какъ на примѣръ послѣднихъ можно указать на состояніе двухъ лицъ, умершихъ въ настоящемъ году. Нѣкто Давидъ Левисъ, 30 лѣтъ тому назадъ бѣднякъ—портной, оставилъ послѣ смерти 150 милл. рублей и огромнѣйшія торговыя учрежденія въ Нью-Йоркѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ. Другой—Вандербилтъ, начавъ дѣло двадцать пять лѣтъ тому назадъ съ

нѣсколькими сотнями тысячъ, оставилъ сыну 350 милл. рублей наличными деньгами, такъ что даже среди буржуазной прессы появились робкіе намеки на опасность для общества отъ такого огромнаго состоянія. Пресса вычислила, что наслѣдникъ Вандербилта, проживая въ годъ цѣлый милліонъ и получая съ капитала только пять процентовъ, черезъ тридцать лѣтъ будетъ обладателемъ тысячи милліоновъ рублей. «А что,—спрашиваетъ по этому поводу печать,—если г. Вандербилтъ вздумаетъ монополизировать въ свою пользу всѣ воды, воздухъ или всѣ пути сообщенія страны—хватитъ ли тогда у государства силъ и законовъ для борьбы съ такою монополіей?»¹⁾ Эта яркость контраста для наблюдателя еще усиливается свободой прессы и учреждений, такъ же, какъ и прекрасными работами по части статистики, рисующими безъ стѣсненій всю обнаженную правду о счастливыхъ и страдальцахъ девятнадцатаго вѣка. Наконецъ, въ Англіи источникъ бѣдности не одинъ. Въ ней крупное землевладѣніе пускаетъ по міру не меньшее число жертвъ, чѣмъ ея прославленные заводы и фабрики.

Къ названнымъ причинамъ слѣдуетъ прибавить еще одну. Англія самая колоніальная страна изъ всѣхъ другихъ державъ. У неѣ огромнѣйшее богатство земель внѣ метрополіи; въ ея рукахъ почти половина колоніальной торговли всего міра. Эти обстоятельства еще ярче отъвѣняютъ вопросъ о хроническомъ состояніи ея пролетаріата.

Обыкновенно принято вѣрить и говорить, что прославленная англійская бѣдность происходитъ отъ избытка производства надъ потребленіемъ, отъ застоя въ торговлѣ и недостатка хлѣба, или, что все равно, полей въ Англіи. На дѣлѣ это не такъ. Англія стоитъ вовсе не въ такой зависимости отъ сѣвѣсныхъ припасовъ другихъ странъ, какъ привыкли думать люди, рѣдко заглядывающіе въ статистическіе труды. На Великобританскихъ островахъ немного земли, но обработка ея уступаетъ лишь китайской, и мягкій влажный климатъ здѣсь служитъ прекраснымъ помощникомъ земледѣльца. Англійское поле даетъ въ среднемъ выводѣ семнадцать бушелей хлѣба съ акра (по русскимъ мѣрамъ около девяти четвертей съ десятины) и не знаетъ «неурожаѣ»; для него бѣдствіе—лишь низкая цѣна хлѣба на чужихъ рынкахъ. Нѣтъ въ Англіи и пастбищъ въ русскомъ или венгерскомъ смыслѣ слова, но домашній скотъ Англіи давно и заслуженно пользуется

¹⁾ «Pall Mall Gazette» 1886.

славой за свою породу и ростбифъ. Современная знаменитость статистики, Мангелъ, высчиталъ, что Англія скушала въ послѣднее десятилѣтіе разныхъ припасовъ на 40,970 милліоновъ рублей—среднимъ числомъ въ годъ на 400 милліоновъ—но изъ этого огромнаго количества лишь 38 проц. было привознаго матеріала и почти двѣ трети собственнаго ¹⁾. Другой знатокъ мѣстнаго земледѣлія, политическая восходящая звѣзда, Джессе Колингсъ, членъ парламента, бывшій товарищъ министра въ кабинетѣ Гладстона и предсѣдатель бирмингемскаго земледѣльческаго общества,—убѣжденъ, что и большая часть этихъ 38 проц. уплачивается Англіею чужимъ странамъ совершенно напрасно. По его авторитетному мнѣнію, англійское земледѣліе могло бы теперь же безъ особаго труда увеличить свое производство на счетъ иностранцевъ по крайней мѣрѣ на сумму 500 милл. рублей ежегодно. Если бы фермеры ознакомились съ производствомъ лишь масла и сыра, то привозъ въ Англію сократился бы на 170 милл. рублей въ годъ ²⁾. Наконецъ, въ Англіи, какъ это ни кажется страннымъ, земля во многихъ мѣстахъ пустуетъ: въ теченіи послѣдняго десятилѣтія болѣе милліона акровъ, прежде культивированныхъ, остаются нынѣ безъ обработки ³⁾. Такимъ образомъ, малоземелье нельзя считать единственнымъ или главнѣйшимъ источникомъ знаменитаго британскаго пауперизма.

Еще менѣе виновата въ немъ торговля. Купцы увѣряютъ, что кризисъ убиваетъ ихъ, но люди, не болѣющіе собственнымъ карманомъ, отвергають существованіе застоя въ торговлѣ. Общія цифры оборотовъ, производства и потребленія, даже статистика банкротствъ и преступленій доказываютъ, что говоръ о застояхъ создала лишь невѣжественная фантазія. Есть другіе факторы, неблагопріятно отзывающіеся на многихъ торговцахъ и рабочихъ,—прогрессъ въ механикѣ, ускореніе и удешевленіе механическихъ силъ, неравномѣрность приложенія научныхъ знаній на крупныхъ и мелкихъ фабрикахъ и т. д. Но застоя нѣтъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ опять безпристрастныя цифры уже приводимаго нами Малгела. Взгляните, для примѣра, на главные продукты англійскаго производства—уголь и желѣзо. Ростъ ихъ твердъ и вѣрокъ:

¹⁾ Ten Years of National Growth by M. Mulhall. 1886.

²⁾ The Land Question from the labourer's point of view by Jesse Colings. 1886.

³⁾ M-r Threlfall on the Agr. Congress 1886.

Въ 1871—75 гг. добывалось 125 мил. тоннъ кам. угля и 6,480 тыс. тоннъ желѣза.
 „ 1875—80 „ „ 136 „ „ „ „ 6,660 „ „ „
 „ 1880—85 „ „ 159 „ „ „ „ 8,080 „ „ „

Т.-е. въ десять лѣтъ производство этихъ главнѣйшихъ британскихъ продуктовъ увеличилось на 27 и 25 процентовъ. Можно ли требовать еще большаго цвѣта ихъ?

Такой же почти ростъ оказывается въ британской важнѣйшей мануфактурѣ, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы потребления сырого матеріала на англійскихъ фабрикахъ:

	Въ 1871—75 гг.	Въ 1875—80 гг.	Въ 1880—85 гг.	
Хлопка	1,280 мил. ф.	1,268 мил. ф.	1,440 мил. ф.	
Шерсти	305 „	326 „	341 „	
Джута	356 „	347 „	466 „	
Льна	434 „	377 „	380 „	и т. д.

Слѣдуетъ еще замѣтить при чтеніи этихъ краснорѣчивыхъ цифръ, что года 1871—75 заключаютъ въ себѣ время необычной оживленности британскаго рынка, вслѣдствіе застоя дѣлъ въ Германіи и Франціи, по случаю франко-прусской войны. Столь же ясно говорятъ цифры всемірной торговли Англій. Ея коммерческія сношенія съ главными колоніями—Канадой, Индіей, Южною Африкой и Австраліей удвоились въ послѣдніа четыренадцать лѣтъ ¹⁾ а общій ввозъ и вывозъ Англій за этотъ періодъ увеличился съ 5,220 милл. рублей до 7,330 милл. ²⁾. То же увеличеніе мы видимъ и въ лучшемъ критеріи для торгово-морской державы—въ ростѣ ея судоходства, которое выражается слѣдующими цифрами: въ 1868 г. она имѣла 5¹/₂ милл. тоннъ, въ 1883—7 милл. ¹⁾, а число тоннъ судовъ, посѣтившихъ британскіе порты, было: въ 1871—11 милл., въ 1875—14 милл. и 1885—23 милл. ²⁾. Наконецъ, и статистика банкротствъ—этотъ прекрасный показатель купческаго благополучія—по официальному счету, приводимому Малгеломъ, доказываетъ не менѣе ясно, что торговля не находится въ печальномъ кризисѣ. Всѣхъ банкротствъ въ Великобританіи насчитывалось:

	Число банкротствъ.	На сумму.	Средн. расчетъ ихъ платежей.
Въ 1871—75 гг.	8,038	20 м. ф. ст.	31 %
„ 1877—82 „	11,166	25 „ „ „	29 %
„ 1883—85 „	6,072	18 „ „ „	31 %

²⁾ History of Prices by M. Mulgall. 1885.

¹⁾ The Truth about the Naby by O. W. R. T. Facts. 1884.

²⁾ History of Prices by M. Mulhall.

¹⁾ Colonies and Indias by C. Ransome. 1885.

Послѣ этихъ цифръ, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и по разнымъ предметамъ, относящимся къ торговлѣ Англіи, имѣя въ виду, что статистика этой страны заслуживаетъ общаго довѣрія, а система свободы торговли (Free-Trade) устраняетъ изъ мѣстной коммерціи резоны для секрета и обмана въ цифрахъ, мы должны согласиться; что въ Англіи нѣтъ кризиса въ смыслѣ застоя коммерческихъ дѣлъ. Напротивъ, въ послѣднее полу столѣтіе производство Англіи увеличилось въ семь разъ, и въ послѣднее десятилѣтіе равно на 20 проц.

Обращаясь затѣмъ къ колоніальному развитію Англіи, мы и тамъ не найдемъ, среди цифръ и официальныхъ актовъ, причинъ возрастающей бѣдности и ея хроническаго положенія. Въ колоніальной политикѣ Англія безъ спора занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Ея колоніальный ростъ не только не приостанавливается, а, наоборотъ, идетъ впередъ столь быстро, что осторожные люди уже боятся, не слишкомъ-ли поспѣшно совершается онъ. Въ настоящее время Англія съ ея колоніями имѣетъ болѣе девяти милліоновъ квадратныхъ миль территорій ¹⁾. Чтобы представить себѣ нѣже это огромное пространство, можно вычислить приблизительно, что Великобританія съ ея колоніями почти въ сорокъ разъ больше Германіи и почти въ три раза болѣе Сѣв.-Амер. Штатовъ. Уже теперь на каждую квадратную милю метрополиі приходится 45 к. м. въ колоніяхъ. И это необыкновенное развитіе совершалось съ наибольшою энергіей именно въ послѣдніе пятнадцать-двадцать лѣтъ, не останавливаясь и нынѣ, когда происходитъ между Англіей и Германіей дѣлежъ разныхъ частей Восточнаго океана, а въ Азіи жестокое усмиреніе бывшей величественной Бирманской имперіи съ цѣлью присоединенія къ Англіи несмѣтныхъ естественныхъ богатствъ этого дальняго востока, гдѣ роскошныя мины драгоценныхъ камней сочетались съ плодороднѣйшею въ мірѣ почвой. Достаточно лишь перечестъ, сколько странъ и земель Англія присоединила къ своимъ владѣніямъ на нашей памяти, чтобы удивиться колоніальному росту и отбросить всякую идею найти здѣсь корень ея національной и прославленной нищеты. Съ 1868 года Англія завладѣла—островами Фиджи, половиной Новой-Гвиней, третью острова Борнео, кромѣ разныхъ протекторатовъ въ южной части Тихаго океана, полуостровомъ Малайскимъ, Кветтой и Пишиномъ, Баухтоландомъ-Грикеландомъ, Тренскеемъ, Бехухоландомъ и Трансва-

¹⁾ Colonies and India by C. Ransome. 1885.

лемъ, берегами Оранжевой р. и пр. и пр., такъ что колоніальная арена Англіи въ 1868 г. равнялась 4 мил. кв. миль, въ 1883 г.—уже 8 мил.; а нынѣ около 9 мил. 1). Словомъ въ колоніяхъ теперь и на сотни лѣтъ впередъ есть широкій пріютъ для англичанъ и ихъ попомствъ; слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что при поселеніи англичанъ въ далекихъ странахъ туземныя племена быстро даютъ имъ дорогу, вымирая поголовно, и что англичане никогда не смѣшиваются съ туземцами.

Правда, ростъ колоній требовалъ у Англіи почти постоянныхъ войнъ. Изъ 86 лѣтъ настоящаго столѣтія Англія провела въ мирѣ лишь 33 года, а изъ послѣдняго дѣсятилѣтія лишь два года 2); но войны для Англіи совсѣмъ не имѣютъ того раззорительнаго характера, какъ на континентѣ. Британскія арміи, воюющія въ разныхъ концахъ міра, съ нашей точки зрѣнія—лишь роты и батальоны; солдаты берутся по найму изъ бѣднѣйшаго класса народа, что служить скорѣе къ уменьшенію пролетаріата; наконецъ, военные расходы Англіи по большей части возлагаетъ на чужую казну: за афганскую и бирманскую экспедиціи платитъ Индія 3), за суданскія неудачи—бюджетъ хедива 4) и т. д. Военныя и морскія издержки Англіи увеличиваются лишь въ самой незначительной пропорціи, далеко оставляя за собой въ этомъ отношеніи всѣ другія великія державы, дѣйствительно раззоряющіяся на поддержаніе вооруженнаго міра. Жизнь въ колоніяхъ также не застыла въ неподвижности; напротивъ, онѣ несутъ столько богатствъ метрополи, что скорѣе слѣдуетъ удивляться, какъ въ Англіи сохранились бѣдняки. Въ западной Австраліи, напр., гдѣ въ шестидесятихъ годахъ было лишь пять тысячъ преступниковъ-рецидивистовъ, сосланныхъ изъ метрополи, теперь счастливо проживаетъ 300 т. свободныхъ англичанъ, ведущихъ торговлю болѣе, чѣмъ на четыре мил. рублей въ годъ, поставляя Европѣ одного лѣса на два мил. рублей. Въ Ново-Зеландіи цѣнность земли въ нѣкоторыхъ округахъ возросла уже до 600 рублей за десятину (по 20 ф. с. за акръ) 5). Населеніе Канады въ десять лѣтъ увеличилось съ 494 т. до 642 т.; ея желѣзно-дорожная сѣтъ—съ 5 т. миль на 10 т.; число правительственныхъ денежныхъ знаковъ въ странѣ, по послѣднимъ извѣс-

1) The Truth about the Navy and its coaling Stations. 1884. 2) The Constitutional Yearbook. 1886. 3) India for the Indians by Digby. 1885. 4) The Egyptian Compagus 1882—1886 by C. Royle. 1886. 5) Оба свѣдѣнія изъ Hetherington's Handbook for intending Emigrants. 1885.

тіямъ, равняется 49 мил. долларовъ, а банковыхъ операцій совершается на 216 мил. долларовъ ¹⁾.

Для Индіи мы находимъ еще болѣе доказательствъ, что колоніи не переставали и не перестаютъ давать Англіи все большіе и крупнѣйшіе барыши. Литература объ Индіи очень обширна; въ Англіи ежегодно выходитъ въ свѣтъ не менѣе пяти, шести книгъ, специально посвященныхъ этой колоніи и столько же серьезныхъ статей въ періодическихъ журналахъ. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и правдивыхъ писателей объ этомъ предметѣ, Дигби, высчитываетъ, что Индія даетъ Метрополиі почти по сто рублей на каждую голову населенія послѣдней ²⁾; другой, не менѣе популярный знатокъ Индіи—Гейнманъ, говоритъ, что двадцать пять процентовъ валового дохода всѣхъ жителей Индіи—около 750 милл. рублей, отбирается въ видѣ податей, которыя по бюджету почти цѣликомъ идутъ въ карманъ англичанъ; кромѣ того, Индія уплачиваетъ ежегодно болѣе 150 милл. рублей Англіи въ видѣ процентовъ по займамъ ³⁾. Профессоръ Рензамъ высчитываетъ, что вывозъ Англіи въ ея колоніи въ четырнадцать лѣтъ удвоился ⁴⁾. Всего нагляднѣе золотая рѣка, льющаяся изъ колоній въ метрополию, явствуетъ именно изъ колоніальныхъ долговыхъ обязательствъ. Новый и почтенный трудъ г. Нормана ⁵⁾ даетъ намъ удивительную таблицу этихъ долговъ, которая заканчивается поразительнымъ итогомъ въ 3,500 милл. рублей. Эти деньги всѣ безъ исключенія заняты у Англіи въ послѣдніе десять, двадцать лѣтъ и приносятъ ей огромные барыши въ видѣ процентовъ и дивидендовъ. Слѣдуетъ помнить при этомъ, что вышеприведенныя цифры представляютъ лишь государственные долги колоній, предназначенные главнымъ образомъ для туземныхъ публичныхъ работъ. Капиталъ же Англіи, затраченный на частныя предпріятія колоній, разумѣется, превышаетъ въ нѣсколько разъ приведенную сумму, ибо всѣ производительныя силы колоній устроены исключительно на деньги метрополиі. Англійскія колоніи существуютъ дѣйствительно для англичанъ, а не на подобіе французскихъ, хронически раззоряющихъ казну метрополиі, или германскихъ, еще не приносящихъ прочнаго дохода. Англичане настоящіе хозяева своихъ колоній, ибо нѣтъ на свѣтѣ другой націи, у которой бы столько подданныхъ проживали внѣ метрополиі. Она не даромъ называетъ свой языкъ «универсальнымъ»,

¹⁾ Dominion of Canada published by the Goovernement of Canada 1885.

²⁾ India for the Indians by Digby. 1885. ³⁾ The Bankruptcy of India by H. Hyndman. 1886. ⁴⁾ Our Colonies and India by Ransame. 1885. ⁵⁾ Colonial France by C. Norman. 1886.

либо четыре милліона двѣсти тысячъ природныхъ англичанъ проживаетъ постоянно и буквально во всѣхъ частяхъ свѣта, тогда какъ въ самой Англіи всего 294 тысячи иностранцевъ. Въ этомъ отношеніи англичане далеко перешеголяли нѣмецкій «drang», ибо нѣмцы, хотя и прославились своею ползучестью, но въ отечества ихъ проживаетъ всего два милліона триста тысячъ душъ ¹⁾.

Послѣ вышеприведенныхъ цифръ, разумѣется, излишне и спрашивать, не замѣтно-ли въ Англіи общее обѣдненіе и развивается-ли ея общее благосостояніе? Но для полноты картины мы отвѣтимъ вкратцѣ и на эти вопросы. Прогрессъ общаго благосостоянія страны совершается, конечно, съ такою же прочною и поразительною быстротою, какъ прогрессъ торговли Англіи и ея колоніальныхъ владѣній. Лучшій образчикъ этого развитія—количество потребляемой пищи на каждую душу населенія. А именно, на каждого англичанина приходилось:

	Въ 1875 году.	Въ 1885 году.
Мяса.	95 фунт.	106 фунт.
Сахара.	63 „	74 „
Чая	72 „	80 „ и т. д. ²⁾ .

Подходящая подать, платимая государству, указывала въ 1880 году лишь 577 милл. фунтовъ обложенія, а нынѣ 631 милліонъ; пошлина съ наслѣдства насчитывала общую стоимость послѣднихъ въ 1882—83 гг. 164 милл. фунтовъ, въ слѣдующемъ—174 милл., въ 1885—181 милл. и, наконецъ, въ 1886—183 милл. Въ сберегательныхъ кассахъ, гдѣ хранится экономія меньшаго брата, въ теченіи пятилѣтія влады увеличались на 160 милл. рублей и представляютъ теперь почтенную цифру 940 милліоновъ рублей ³⁾. Такой же внушительный итогъ изображаетъ цифра страхованія жизни. Последнее изданіе интереснаго ежегодника «Assurance Jahrbuch» удостовѣряетъ, что Англія въ этомъ отношеніи стоитъ во главѣ другихъ націй. Въ ней застраховано 965 тыс. жизней—по 2,650 на сто тысячъ жителей, тогда какъ въ Германіи состоитъ въ страховкѣ лишь 671 тыс., т.-е. 1,480 на сто тысячъ населенія ⁴⁾.

¹⁾ Not at Home by J. O'Neill. 1886.

²⁾ The Years of National Growth by M. Mulhall. 1886.

³⁾ Are we rich or Poor. Address by Lord Derby. 1886.

⁴⁾ Послѣ Германіи страхованіе жизни наиболѣе развито въ Даніи и Швеціи, а въ Россіи наименѣе; у насъ застраховано лишь 19 тыс. жизней, т.-е. по 23 на сто тысячъ.

Духовная сторона благосостоянія идетъ рука объ руку съ развитіемъ матеріальныхъ благъ. Народное образованіе въ Англіи сдѣлало въ послѣдніе 25—30 лѣтъ успѣхи, небывалые въ исторіи. Въ настоящее время первоначальное образованіе въ Англіи обязательно, и всѣхъ учениковъ въ ней насчитывается четыре-милліона триста тысячъ, т.-е. 120 на каждую тысячу жителей, тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ ихъ было только два съ половиною милліона или по 78 на тысячу душъ населенія. Государственные расходы на школу достигли 46 милл. руб. въ годъ. Школа уже оказала свое доброе вліяніе; съ одной стороны, она уменьшила государственный расходъ на тюрьмы, ибо въ Англіи нынѣ ровно вдвое меньше преступниковъ, чѣмъ было тридцать лѣтъ тому назадъ; съ другой стороны грамотное населеніе стало приносить казнѣ во многихъ видахъ лишній доходъ. Ради курьеза и примѣра приведемъ цифры развитія почтового дохода:

Въ періоды:	Милліоны писемъ.	Число писемъ на одного жителя.
1841—50 гг. было	277	10
1851—60 „ „	466	17
1861—70 „ „	724	24
1871—80 „ „	982	30
1881—85 „ „	1,319	37

Англичане большіе любители писать, и собственно въ Англіи на каждого жителя приходится въ годъ 43 письма, а въ Ирландіи только 18 ¹⁾). Даже количество бѣдняковъ, содержимыхъ приходами, постепенно понижается: въ 1870 г. таковыхъ было милліонъ двѣсти тысячъ, въ 1880—милліонъ, въ 1885—девятьсотъ восемьдесятъ тысячъ.

И такъ, передъ нами полная картина быстрого и крѣпкаго прогресса благосостоянія въ Англіи. Всѣ официальныя и общественныя цифры ясно и доказательно увѣряютъ, что богатства Англіи растутъ, довольство увеличивается, и сокращается даже число бѣдняковъ, живущихъ милостыней. Между тѣмъ, одновременно съ этими доказательствами раздается все громче и громче голосъ о страданіяхъ нищеты и о томъ, что кругъ этой нищеты становится съ каждымъ годомъ шире; что нищета, наконецъ, уже перестала быть исключительною принадлежностью большихъ городовъ и открыто вербуетъ многочисленныя жертвы даже среда

¹⁾ The Years of N. Growth by M. Mulhall.

деревенской идилліи. Вотъ жизненное противорѣчіе огромной величины и важности.

II

Есть-ли въ самомъ дѣлѣ бѣдность въ Англіи и дѣйствительно-ли кругъ ея расширяется? Въ самомъ Лондонѣ, не смотря на очевидность, многіе задаются такими вопросами и отвѣчаютъ на нихъ отрицательно. Въ Англіи, конечно, какъ у насъ, достаточно людей, неумѣющихъ видѣть что-либо собственными глазами. Встрѣчи на каждомъ шагу съ голодными лицами и праздно сложенными рабочими руками ничему не учатъ такихъ людей. Читая увѣренія статистиковъ о ростѣ общаго благосостоянія въ странѣ, эти люди готовы доказывать и голодному, что теперь каждый англичанинъ сѣдаетъ одиннадцатую фунтами мяса въ годъ больше, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. У такихъ людей даже нервы въ постоянной тревогѣ отъ того, что жизнь осмѣливается спорить и противорѣчить quasi-научнымъ выводамъ; они съ азартомъ, достойнымъ лучшей участи, доказываютъ въ спичахъ и статьяхъ, въ газетахъ и журналахъ, что нищета выдумана зловерными людьми и пр. Россія была нѣсколько знакома съ такимъ азартомъ въ дни самарскихъ голодовъ, когда находились и у насъ мудрецы, указывавшіе на купеческіе запасы хлѣба, какъ на доказательство отсутствія голода ¹⁾. Другой сортъ людей въ Англіи, напротивъ, знать не хочетъ о книгахъ и научныхъ выводахъ статистики, отыскавъ другого бога подъ именемъ «кризиса» и поклоняется ему столь усердно, что отрицаютъ потребность искать другихъ корней голода и холода. По ихъ словамъ, кризисъ вездѣ—въ производствѣ, въ мануфактурѣ, торговлѣ, работахъ etc. Такимъ образомъ, для нихъ все легко объяснимо и все легко излечивается—кризисъ пришелъ, кризисъ пройдетъ и снова настанутъ красные дни.

Такая вѣра, какъ успокоительный плодъ счастливаго невѣжества, поддерживается въ Англіи многими дѣятелями политики и литературы съ недостойною и лицемерною цѣлью обмана въ предположеніи, что при тяжелыхъ обстоятельствахъ обманъ дѣйствуетъ какъ опій, умѣряя страданія нищеты и умиряя ея враждебныя чувства къ чужому богатству. Словомъ, въ Англіи

¹⁾ The Bankruptcy of India by Н. Нунман рассказываетъ, что наибольшій вывозъ хлѣба изъ западн. провинцій Индіи былъ именно въ 1877 г. когда въ этихъ провинціяхъ лишь по официальнымъ свѣдѣніямъ умерло отъ голода болѣе трехсотъ тысячъ душъ.

бѣдность и ея хроническое состояніе по сей день составляетъ вопросъ спорный, и потому намъ позволительно обратиться къ фактамъ жизни.

Холера 1884—85 гг. заставила крупныя города Англіи взглянуть серьезно на ихъ санитарное положеніе. Особыя коммисіи начали свое дѣло и кончили его осмотромъ лишь центральныхъ частей городовъ, ибо очищать окраины не хватило бы ни денегъ, ни времени. Въ центрахъ Лондона были признаны абсолютно невозможными для жилья 23 улицы. Ихъ сняли цѣликомъ отъ перваго до послѣдняго дома. Вслѣдъ затѣмъ естественно явился вопросъ о необходимости дать новый пріютъ бѣднякамъ, изгнаннымъ изъ зараженныхъ и уничтоженныхъ кварталовъ, превращенныхъ нынѣ въ широкія улицы и застраиваемыхъ фешенебельными дорогими зданіями. Вопросъ разрѣшался недавнимъ примѣромъ дѣятельности извѣстнаго филантропа Джорджа Мура, съ прекрасною біографіей котораго читатели вѣроятно знакомы изъ популярнахъ книжекъ Смайльса. Муръ почти всю свою жизнь посвятилъ филантропической дѣятельности въ обширномъ Лондонскомъ фобургѣ—Somers-Town, гдѣ протекаетъ грязный ручеекъ Бриллъ, знаменитый тѣмъ, что именно на его берегахъ останавливались лагеремъ римскія полчища Цезаря. Результатомъ трудовъ Мура на пользу меньшей братіи была перестройка большей части фобурга; лачуги и грязныя полусгнившіе дома были сломаны и построены взамѣнъ ихъ прекрасныя зданія, специально предназначенныя для рабочаго люда. Такихъ зданій въ фобургѣ столь много, что ими, напр., занята сплошь вся улица Ossolution Street. Населеніе ихъ около 20 т. душъ, а кандидатовъ болѣе 60 т. Консервативное правительство, заигрывающее съ демократіей, захотѣло послѣдовать примѣру Мура и провело черезъ парламентъ, надѣлавшій столько шума въ газетахъ билль, подъ названіемъ «The Artisans' and Labourers' Dwelling improvement acts», которымъ постановлено немедленно приступить къ постройкѣ домовъ для рабочихъ. Лондонъ уже выстроилъ 221 зданіе для помѣщенія 21½ тысячъ душъ; Сити, имѣющій свой особый муниципалитетъ, построилъ такой же домъ для 2½ тысячъ бѣдняковъ. Всѣ эти дома полны, и кандидатовъ въ жильцы записано болѣе ста тысячъ. Помимо этихъ прекрасныхъ, но, очевидно, недостаточныхъ учрежденій, во всей Англіи существуетъ подоходный налогъ «на бѣдныхъ», собираемый приходами и расходуемый ими на помощь безпріютнымъ и голодающимъ; эта сумма пособій на

маленькая—она достигаетъ въ иные года 180 милл. рублей ¹⁾. Кроме того англійская церковь занимается благотворительностью на широкую ногу; въ недавно опубликованномъ отчетѣ ея значится 815 милл. рублей, израсходованныхъ въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ болѣею частію на дѣла благотворительности ²⁾. Наконецъ, во всѣхъ городахъ Англіи есть масса благотворительныхъ обществъ съ солиднымъ фондомъ и знатоки увѣряютъ, что частная благотворительность въ общей суммѣ превышаетъ доходъ отъ налога для бѣдныхъ. Въ Лондонѣ, напр., существуетъ 158 обществъ для пособія престарѣлымъ, 45—выздоровливающимъ, 27—слѣпымъ, 8—глухимъ, 92—для временныхъ пособій нуждающимся, 56—для пособій на дому и т. д., а всего почтенная цифра тысячи двадцати четырехъ обществъ, съ годовымъ бюджетомъ почти въ сорокъ семь милліоновъ рублей ³⁾.

Все это взятое вмѣстѣ доказываетъ, что нуждающихся много. Но прогулка по Лондону убѣдитъ насъ, что и столь широкая помощь—лишь капля въ морѣ неудовлетворимыхъ потребностей. Прогулку можно сдѣлать въ любой части Лондона. Нуждающееся населеніе по мѣрѣ возрастанія нищеты переселяется изъ квартала въ кварталъ, въ такомъ порядкѣ: Waterloo-Road, Mile-End, Row, Blackwall, Est-Ham, Stepney и East-End. Въ Истъ-Эндѣ сосредочивается квинтъ-эссенція лондонской нищеты, ибо тамъ послѣдняя надежда добыть кусокъ хлѣба—работой въ докахъ при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ. East-End занимаетъ не малое мѣсто—въ немъ два милліона жителей ⁴⁾. Но изъ этихъ двухъ милліоновъ душъ есть только 180 семей, платящихъ за домъ 600 или болѣе рублей въ годъ, хотя обычная плата въ Лондонѣ за маленькую комнату, выходящую на дворъ и безъ мебели, 2—3 шиллинга въ недѣлю (4—6 руб. въ мѣсяцъ), а лондонскіе дома несравненно меньше нашихъ. Они состоятъ обыкновенно изъ трехъ, четырехъ этажей по двѣ комнаты въ каждомъ, такъ что при всей густотѣ населенія Лондона статистика удостовѣряетъ, что здѣсь приходится лишь по 8 жильцовъ на домъ ⁵⁾. Какъ живетъ бѣдный людъ въ этомъ обширномъ Status in Statu, можно судить по слѣдующей маленькой справкѣ. Средній возрастъ въ богатыхъ семьяхъ Англіи удивительно длиненъ: онъ

¹⁾ The Depression of Trade and State directed colonisation by I. Boyd. 1886.

²⁾ Official Year Book of the Church of England, 1886.

³⁾ Classified Directory to the Metropolitan Charities. 1887.

⁴⁾ Outcast London by G. Reaney. 1886.

⁵⁾ London—Facts and Figures by E. Brewer. 1885.

достигаетъ почтенной цифры 55 лѣтъ, тогда какъ у всего населенія Англіи онъ равняется лишь 41 году, въ нѣкоторыхъ же мануфактурныхъ округахъ, напримѣръ, въ Ламбесѣ — только 29½ годамъ. Въ Лондонѣ, въ приходѣ Napover, гдѣ живутъ аристократы и миллионеры-купцы, при населеніи въ 80 тыс. душъ, приходится 17 смертей на тысячу жителей въ годъ, въ бѣдномъ же приходѣ — St.-George Истъ-Энда, гдѣ 40 тыс. жителей, смертность достигаетъ 35½ на тысячу, т.е она вчетверо больше; въ богатомъ кварталѣ St.-James сравнительная смертность 105, въ бѣдномъ Whitechapel — 206 и т. д. ¹⁾ Между тѣмъ, какъ удосто- вѣрила специальная коммиссія, въ послѣдніе годы квартирная плата не возвышалась, а хлѣбъ сталъ дешевле на тридцать процентовъ ²⁾. Бѣдники живутъ не только по 6—8 душъ въ одной комнатѣ, имѣя вмѣсто мебели одинъ старый ящикъ, замѣняющій столъ, и лохмотья вмѣсто постели, но живутъ они и на чердакахъ и клѣтушкахъ, гдѣ сквозь дыры свободно гуляютъ вѣтеръ, дождь и снѣгъ, живутъ и въ хлѣвахъ, пока таковыя свободны отъ помѣщаемыхъ въ нихъ свиней, выкармливаемыхъ для рынка, наконецъ, живетъ нищета и просто на улицѣ, склоняясь на ночь у заборовъ и пороговъ, прячась отъ свѣта фонарей. Недавно судья Вестминстерскаго участка полиція представила тринадцатилѣтняго мальчугана, проживавшаго подъ мостомъ въ корзинѣ; рыбаки подали петицію въ Лондонѣ, Истбурѣ и прочихъ приморскихъ городахъ, жалуясь, что нищета избрала ихъ лодки своимъ пристанищемъ на ночное время. Голодъ, конечно, пропорционаленъ этой безпріютности. Парламентскіе акты подтверждаютъ, что полиціи приходится поднимать на улицахъ среднимъ числомъ по одному человѣку въ день, официально признанному умершимъ отъ чрезмѣрнаго голода ³⁾. Отчетъ прекраснаго благотворительнаго общества Sisters of Church говоритъ, что въ послѣдній мѣсяцъ въ госпиталь общества поступило шестьдесятъ пациентовъ и всѣ они безъ исключенія больны единственно отъ долгаго голода. Мѣстный окружный врачъ удостовѣряетъ, что въ его округѣ теперь масса больныхъ отъ голода, доведшаго свои жертвы до общаго паралича и сумасшествія ⁴⁾. Дѣйствительно,

¹⁾ Dr. Vichery at London Dialectical Society. 1886.

²⁾ Exceptional Distress Report with suggestions for the Administration of Relief. 1886.

³⁾ Каждое полугодіе парламенту представляется вѣдомость подъ заглавіемъ: «Deaths from Starvation».

⁴⁾ Medical Superintendent of Colney-Hatch. 1886.

статистика подтверждаетъ, что среди пролетаріата Лондона число умалишенныхъ возросло въ шесть лѣтъ съ 11 до 14 тыс. ¹⁾. Краусъ пишетъ, что дѣти бѣдняковъ такъ худы, что ихъ руки и ноги онъ могъ свободно обхватывать двумя пальцами; на улицѣ Истъ-Энда ночью ему приходилось наталкиваться на дѣтей, громко плачущихъ и неподвижно стоящихъ на мѣстѣ, которыя, на вопросъ о причинѣ слезъ, кричали въ отвѣтъ: «я ѣсть хочу, ѣсть хочу» ²⁾. Онъ же видѣлъ семьи изъ восьми душъ, питающіяся одною квинтой жидкаго бульона, купленнаго за полпенни въ благотворительномъ ресторанѣ св. Екатерины. Закладчики заявляютъ со всѣхъ сторонъ жалобы, что ихъ дѣла идутъ плохо, ибо у бѣднаго класса уже нѣтъ вещей, годныхъ для залога ³⁾. Краусъ наблюдалъ лично эти ростовщическіе вертепы—въ нихъ съ утра до вечера масса народа, но нѣтъ оборотовъ, потому что вещи, предлагаемыя въ закладъ, не стоятъ ровно ничего. Кладовыя ростовщиковъ такъ переполнены заложеными у нихъ инструментами рабочихъ, что они уже отказываются принимать и выдавать деньги подъ этотъ сортъ самаго ужаснаго залога, равносильнаго закладу рукъ, трудящихся руками ⁴⁾. Краусъ же видѣлъ во многихъ домахъ дѣтей безъ верхняго платья и старухъ, прикрывающихъ свое тѣло тряпками рваныхъ рубахъ. Въ Лондонѣ и въ часы разгара уличнаго гулянья въ самыхъ аристократическихъ кварталахъ не рѣдко можно встрѣтить людей, одѣтыхъ въ такое отрепье и столь грязныхъ, съ воспаленными глазами и впалыми щеками, что при видѣ ихъ на сердцѣ становится жутко.

Кого не спросите изъ бѣдняковъ о причинѣ ихъ горя, всѣ отвѣчаютъ: «работы нѣтъ!» Заработокъ, которымъ кое-какъ поддерживаетъ свое существованіе нищета Лондона, подтверждаетъ справедливость этого отвѣта. Опытная мастерица за отдѣлку пятнадцати модныхъ шляпъ получаетъ шиллингъ (55 коп.); за клейку спичечныхъ коробокъ изъ дерева и бумаги за gross, т. е. двѣнадцать дюжинъ, 2½ пенса (около 10 коп.); за вылушеніе шестидесяти заячьихъ шкурокъ — шиллингъ ⁵⁾; за шитье рубашки ¾ пенса (3 коп.); за дюжину фланелевыхъ панталонъ—1½, шиллинга (80 коп.) и т. п. ⁶⁾. Еще нагляднѣе количество

¹⁾ London by E. Brewer.

²⁾ Starving London by A. Krausse. 1886.

³⁾ The Distress in Sunderland by an Eye-Witness. 1886.

⁴⁾ Exceptional Distress. 1886.

⁵⁾ Starving London by A. Krausse.

⁶⁾ Outcast London by G. Reaney.

спроса на работу наблюдается у зоротъ доковъ. Тутъ съ ранняго утра до поздняго вечера стоять десятки тысячъ народа въ ожиданіи работы. Докъ отгороженъ отъ улицы высокою стѣной съ капитальными воротами. Суда, приходя въ разные часы дня, тотчасъ уговариваются съ подрядчиками о выгрузкѣ или на-грузкѣ, а подрядчикъ, соображая, сколько требуется ему въ данномъ случаѣ рабочихъ рукъ, отправляется къ воротамъ, гдѣ вдоль длиннаго каната стоять густою массою голодные. Обычная плата 5 или 6 пенсовъ въ часъ ¹⁾, и понятно, что подрядчику тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ меньшее число людей придется взять. Съ этой цѣлью подрядчикъ долго ходитъ вдоль каната, выбирая самыхъ широкоплечихъ и мускулистыхъ рабочихъ, вручая счастливымъ контрмарку для входа въ докъ. Какъ ни длиненъ канатъ, но толпа голодныхъ не можетъ разстѣстись вдоль его, а выборъ счастливыхъ производится, конечно, лишь изъ стоящихъ въ первыхъ рядахъ. И вотъ чтобы протискаться въ этотъ рядъ, чтобы спасти отъ голода себя, а можетъ быть и семью, мать и дѣтей, употребляются всѣ усилія стоящихъ назади попасть въ первый рядъ, на видъ подрядчику, усилія, отъ которыхъ уже нельзя требовать соблюденій даже элементарныхъ принциповъ общежитія и гуманности. Въ моментъ появленія подрядчика въ толпѣ начинается такая толкотня, что многихъ бѣдняковъ выносятъ потомъ безъ чувствъ съ переломанными руками или ногами, а порой и мертвыми, съ поврежденною спиною. «Сцены у воротъ дока,—пишетъ Крауссъ,—смѣло могутъ быть сравниваемы съ сценами въ звѣринцѣ, когда звѣрямъ раздаютъ пищу»... Голодъ—злѣйшій врагъ всего добраго въ человѣкѣ. Имѣющіе дѣло съ рабочими, открыто заявляютъ, что они избѣгаютъ брать людей, потерявшихъ занятіе и попробовавшихъ горечь голода. «Если мастеровому случится прожить безъ работы два-три мѣсяца, сказалъ одинъ изъ такихъ экспертовъ въ комиссіи думы, онъ уже никогда не будетъ прежнимъ человѣкомъ. Онъ уже деморализованъ» ²⁾. Страдаетъ отъ бѣдности и народное образованіе. Дѣти въ бѣдныхъ кварталахъ не аккуратно посѣщаютъ школы за неимѣніемъ платья, а родители

¹⁾ Чтобы получить ясное понятіе о дѣйствительной величинѣ этой мизерной платы, слѣдуетъ помнить, что жизнь въ Лондонѣ по крайней мѣрѣ въ четыре раза дороже петербургской.

²⁾ M-r Dove's evidence in the Report for the administration of Relief. 1886.

во многихъ приходахъ уже не разъ обращались съ петиціями объ освобожденіи ихъ сыновей отъ обязательнаго обученія, ибо дѣти настолько слабы отъ недостатка пищи, что не въ силахъ готовить уроки ¹⁾. «Я видѣлъ,—разсказываетъ Крауссъ,—во многихъ семьяхъ, какъ дѣти съ жадностью собакъ глодали голыя кости, подобранныя на улицѣ!...» Наконецъ, газеты въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ занесли въ хронику много фактовъ самоубійствъ цѣлыми семьями....

Мы полагаемъ, что этихъ краткихъ штриховъ достаточно, чтобы отвѣтить на вопросъ, поставленный въ началѣ главы, и утверждать, что бѣдность существуетъ здѣсь въ ужасающихъ размѣрахъ, бѣдность «хроническая», какъ назвала ее слѣдственная комиссія лондонской думы ²⁾, и бѣдность «чрезвычайная», какъ справедливо опредѣлила ее другая комиссія общей благотворительности ³⁾. Что эта бѣдность поражаетъ глазъ и сердце истиннымъ ужасомъ можно видѣть изъ случая съ извѣстнымъ филантропомъ графомъ Сюррей. Онъ зналъ, что такое лондонская нищета, и однажды, возвращаясь съ благотворительной прогулки ночью, подъ впечатлѣніемъ только, что видѣнныхъ ужасовъ голода и холода, бросилъ камень въ окно богатаго палаццо. Будучи привлеченъ за это къ суду, почтенный по положенію и годамъ графъ откровенно сознался, что этотъ странный поступокъ онъ совершилъ невольно, ибо умъ его помутился отъ сравненія только-что видѣнныхъ лишеній съ роскошью богатаго квартала ⁴⁾.

И такъ, несомнѣнный прогрессъ благосостоянія Англіи идетъ, какъ мы видимъ, рука объ руку съ хроническимъ голодомъ меньшинства.

А. М.

¹⁾ Показаніе Rev. Dodge of Southwark. 1886.

²⁾ Рапортъ этой комиссіи доложилъ Mansion House'y: «The Committee have the fullest evidence of the existence of chronic distress in East-End».

³⁾ Exceptional Distress.

⁴⁾ Works and Wyot and Surrey by G. Nott.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Характеръ нашихъ финансовыхъ затрудненій.—Исторія русскаго кредитнаго рубля.—Причины, обуславливающія колебаніе его цѣнности.—Значеніе курса и его колебаній.—Девальвація, какъ единственный цѣлесообразный способъ возстановленія разнѣнности кредитнаго рубля.—Защита дальнѣйшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и ея практическая подкладка.—Въ борьбѣ съ дефицитами.—Таможенная покровительственная политика.—Къ вопросу о водочной монополіи.

Нѣмецкія газеты не безъ умиленія рассказываютъ, что въ конторѣ германскаго наслѣднаго принца получаютъ цѣлыя тучи писемъ, въ которыхъ обыватели сообщаютъ о разныхъ домашнихъ средствъ противъ рака. Едва-ли не въ аналогичномъ положеніи находится теперь наше министерство финансовъ, которое также завалено разными домашними обывательскими рецептами противъ переживаемыхъ нашимъ отечествомъ финансовыхъ затрудненій. Побуждаетъ-ли къ творчеству нашихъ доморощенныхъ финансистовъ патріотизмъ, или же надежда, что ихъ пригласятъ «управлять департаментомъ»—рѣшить трудно. Вѣроятно, между ними есть люди обѣихъ категорій. Если, съ одной стороны, многочисленность подобныхъ финансовыхъ проектовъ свидѣтельствуетъ о возросшемъ въ обществѣ интересѣ къ обсужденію финансовыхъ вопросовъ, то, съ другой стороны, качество этихъ проектовъ является весьма яркимъ показателемъ довольно слабаго распространенія финансовыхъ познаній въ средѣ русскаго общества. Поэтому, да извинятъ насъ тѣ изъ читателей, которымъ наши разъясненія при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ финансоваго свойства покажутся черезчуръ элементарными.

Проявленіями нашего затруднительнаго финансоваго положенія является, во-первыхъ, постепенное паденіе курса нашей де-

нежной единицы, т.-е. бумажнаго рубля, и постепенное же возрастаніе дефицитовъ въ бюджетахъ.

Остановимся прежде на первомъ изъ этихъ явленій. И такъ, отчего падаетъ курсъ бумажнаго рубля? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти можно вывести чисто эмпирически. Первый опытъ замѣны денегъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ простыми знаками былъ сдѣланъ у насъ раньше даже такого же опыта въ Франціи по проекту извѣстнаго Джонъ-Ло. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по предложенію Ртищева, вмѣсто серебряныхъ рублей были выпущены въ 1655 году мѣдные знаки, которые до 1659 года и ходили *à pari*. Но вслѣдствіе увеличивавшагося съ каждымъ годомъ числа ихъ, уже въ 1659 году мѣдный рубль мѣнялся на серебрянный съ лажемъ въ 8 денегъ; въ 1661 году за серебряный рубль давали два мѣдныхъ, въ 1662—4 и въ 1663—15. Въ этомъ послѣднемъ году послѣдовалъ указъ о девальваци, т.-е. мѣдные рубли по существовавшему курсу были замѣнены соотвѣтствовавшей уже дѣйствительной ихъ цѣнности мѣдною же и серебряною монетою. Собственно ассигнаціи въ видѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ были выпущены въ Россіи въ первый разъ при Екатеринѣ II. Исторія цѣнности этихъ ассигнацій представляется въ слѣдующемъ видѣ, съ 1769 года, перваго года выпуска, по 1784 ассигнаціонный рубль стоилъ 101 к. сер., т.-е. въ пользу ассигнацій стоялъ еще лажъ, при выпускѣ ихъ на 40 милл. р. Но уже въ 1793 году сумма эта утронилась, ассигнацій въ обращеніи было на 120 милл. р. и курсъ ихъ упалъ до 74 к. сер. Затѣмъ количество ассигнацій, выпускаемыхъ въ обращеніе, съ каждымъ годомъ увеличивалось, соотвѣтственно чему падалъ съ небольшими колебаніями и курсъ ихъ. Такъ, въ 1800 году ассигнацій обращалось уже на 212 милл. р.—курсъ стоялъ 64 к.; въ 1810 году 579 милл. р.—курсъ 31 к.; въ 1815 году 825 милл. р.—курсъ 24 к. Это наибольшій предѣлъ паденія курса нашего ассигнаціоннаго рубля, до котораго, надо надѣяться, дѣло не дойдетъ и въ будущемъ.

Около 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія министерство финансовъ начинаемъ предпринимать разныя мѣры для сокращенія суммы ассигнацій и соотвѣтствующаго возвышенія курса ихъ. Дѣйствительно, къ 1820 году въ обращеніи уже оказалось до 600 милл. р. ассигнацій и курсъ ихъ поднялся до 27 к. Черезъ 20 лѣтъ при почти той же суммѣ ассигнацій курсъ повысился до 30 к. Въ это же время, т.-е. въ 1840 году, было приступлено къ девальваци. Съ этою цѣлью при одномъ изъ банковъ была открыта такъ называв-

шавшая депозитная касса, которая принимала отъ публики золотую и серебряную монету, выдавая взамятъ депозитные билеты, которые прежде всего и начали ходить наравнѣ съ золотомъ и серебромъ. Въ 1843 году состоялась самая девальвація, заключающаяся въ томъ, что ассигнаціи были замѣнены соотвѣтственно курсу кредитными билетами, безостановочно уже размѣнивавшимися на металлическую монету по номинальной ихъ стоимости. Такимъ образомъ, при курсѣ ассигнацій около 33 к., за три ассигнаціи давался одинъ кредитный рубль, а всего, вмѣсто бывшихъ въ обращеніи 597 милл. р. ассигнаціями, выпущено на 170 милл. р. кредитныхъ билетовъ. Для обезпеченія размѣна ихъ былъ образованъ металлическій фондъ въ 70 милл. р. Съ каждымъ новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ по уставу банка долженъ былъ усиливаться и металлическій фондъ. Благодаря этой мѣрѣ, новые кредитные билеты стали обращаться въ первые годы послѣ девальваціи даже съ лажемъ противъ серебра и золота. Но при новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ размѣнъ уже былъ сопряженъ съ нѣкоторыми затрудненіями, почему курсъ ихъ нѣсколько и упалъ, хотя впрочемъ, весьма незначительно, и довольно часто приближался въ своихъ колебаніяхъ до *al pari*, такъ что, напримѣръ, наиболѣе низкій курсъ имѣлъ мѣсто въ 1849 году—96,2 к. мет., а наиболѣе высокій въ 1853—100,4 к. мет.

Съ 1857 года въ исторіи нашихъ кредитныхъ билетовъ вновь наступаетъ періодъ ихъ неразмѣнности, который продолжается и до днесь. Расходы на военные надобности заставили министерство финансовъ дѣлать новые выпуски кредитныхъ билетовъ и ослаблять металлическій фондъ, почему сначала, въ періодъ 1854—56 гг. были усилены затрудненія по обмѣну кредитныхъ билетовъ, а въ концѣ 1856 года размѣнъ и официально объявленъ прекратившимся. Съ этого момента курсъ нашего кредитнаго рубля постепенно падаетъ въ зависимости отъ увеличенія самаго числа ихъ. Такимъ образомъ, въ 1853 году, какъ мы сказали, кредитный рубль стоялъ *al pari* при суммѣ ихъ въ 333 милл. р., въ 1855 году эта сумма увеличивается до 511 милл. р. и курсъ падаетъ до 93 к.; въ 1861 году, при 713 милл. р. кредитныхъ билетовъ, курсъ ихъ падаетъ до 87 к. Къ 1876 года сумма кредитныхъ билетовъ увеличилась постепенно до 790 милл. р. причемъ курсъ за весь этотъ періодъ колебался отъ 81 до 87 к., отчасти подъ вліяніемъ происходившихъ иногда погашеній или новыхъ выпусковъ ихъ, а отчасти въ зависимости отъ международныхъ политическихъ осложнений.

Новый огромный выпускъ кредитныхъ билетовъ вызванъ былъ надобностями послѣдней русско-турецкой войны. Выпускъ этотъ продолжался съ 25-го октября 1876 г. по конецъ 1878 г.; всего же разрѣшено было выпустить на 476,8 милл. р. Впрочемъ, вся эта сумма не была выпущена на денежный рынокъ, и въ 1877 г. въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на сумму 1.040 милл. р., курсъ же съ 80 к. 1876 г. упалъ до 67 к. Въ 1878 г. прибавились новые 44 милл. р., и курсъ упалъ до 68 к. Затѣмъ, министерство финансовъ начинаетъ принимать мѣры для возстановленія цѣнности нашего кредитнаго рубля. Въ видахъ чего по указу 1-го января 1881 г., государственное казначейство должно было ежегодно уплачивать банку 50 милл. р., а банкъ уничтожать ихъ. На основаніи этого указа, казначейство съ 1881 по 1884 г. внесло въ банкъ наличными 167 милл. р. Въ 1884 г., для облегченія положенія казначейства, разрѣшено было ему замѣнить взносъ наличными деньгами особою золотою кредитною рентой на ту же сумму. Банкъ, съ своей стороны, долженъ былъ продавать эти бумаги и извлекаемые посредствомъ ея кредитные билеты опять-таки уничтожать. Послѣднимъ способомъ казначейство внесло въ банкъ 150 милл. р., а всего съ прежними взносами наличными 317 милл. р., такъ что долгъ казначейства банку составляетъ въ настоящее время 100 мил. р. Между тѣмъ, банкъ не счелъ нужнымъ погашать кредитные билеты соответственно поступавшимъ къ нему взносамъ и операція сожженія продѣлана была только надъ кредитными билетами на сумму лишь 87 милл. р. Остальные 230 милл. р. лежали пока въ кладовыхъ банка и затѣмъ пущены вновь въ обращеніе, преимущественно на расписание кредитныхъ его операций и, главнымъ образомъ, на ссуды изъ дворянскаго банка. Поэтому, къ настоящему году по счетамъ банка въ обращеніи числится кредитныхъ билетовъ на 1.046 милл. р., именно 716 милл. р. прежнихъ выпусковъ до 1877 г. и 330 мил. р. временнаго, изъ которыхъ, какъ мы сказали. 230 милл. р., согласно указу 1881 г., должны были бы быть изъяты изъ обращенія. Курсъ въ текущемъ году колеблется отъ 56 до 54 коп.

Изъ этой краткой исторіи нашего кредитнаго рубля можно видѣть, что рѣзкое паденіе курса всегда сопровождалось предварительнымъ усиленнымъ выпускомъ этого рода денежныхъ знаковъ.

Добавленіе редакціи. Вопросъ, поднятый нашимъ обозрѣвателемъ, такъ сложенъ и такъ важенъ, что мы не можемъ не добавить отъ себя нѣсколькихъ разъяс-

нений. Вся кажущаяся трудность этого вопроса устранится, если мы точно опредѣлимъ, отъ чего зависить покупательная сила бумажныхъ денегъ. Покупательная сила металлическихъ денегъ понятна: она зависить отъ цѣнности металла, который самъ есть товаръ, какъ и всякіе другіе товары, хлѣбъ, слоновая кость и пр. Покупательная же сила денегъ основана исключительно на двухъ факторахъ: 1) на довѣріи къ тому, что всякій другой членъ общества выдастъ за нихъ то количество товара, которое въ нихъ означено (рублями, коп., т.-е. въ оцѣнкѣ на металлъ), а эта увѣренность, въ свою очередь, опирается на тотъ фактъ, что 2) этими деньгами можно (и неизбежно приходится) уплачивать налоги, слѣдовательно, платящихъ налоговъ всегда будетъ отдавать за нихъ свой товаръ, чтобы было чѣмъ уплатить налогъ; 3) на общемъ согласіи принимать эти бумажки, какъ деньги, для удобства обмѣна.

Докажемъ сперва, что только на этомъ опирается покупательная сила бумажныхъ денегъ. И, прежде всего, опровергнемъ одно весьма распространенное мнѣніе, будто эта сила зависить отъ возможности размѣнять бумажку въ казначействѣ на золото и серебро. Ошибочность этого взгляда доказывается двумя путями, положительнымъ и отрицательнымъ. Посмотримъ отрицательный путь. Представимъ, что наша казна переполнена золотомъ и серебромъ въ силу-ли открытія новой русской Калифорніи, или огромной контрибуціи въ нѣсколько миллиардовъ, и что каждый можетъ размѣнять бумажку на металлъ. Думаете-ли вы, что бумажка отъ этого повысится въ цѣнности? Да, но только въ оцѣнкѣ на металлъ, а никакъ не на другіе товары. Если отъ избытка серебра и золота эти металлы сами упали въ цѣнѣ, и на металлическій рубль вы вмѣсто прежняго пуда хлѣба можете купить только полпуда, вы на бумажку купите только полпуда. Т.-е. мы доказали, что покупательная сила бумажнаго рубля можетъ упасть, не смотря на самый свободный его размѣнъ. Стало-быть, повидному, дѣло будетъ зависѣть отъ стоимости того товара (серебра), на которое написанъ кредитный знакъ, — онъ можетъ быть написанъ не на одно серебро (или рубль серебра), а на всякій товаръ, напр., на пудъ хлѣба, на слоновую кость и пр. На металлъ пишется потому, что металлъ сталъ общимъ орудіемъ мѣны, какъ наименѣе колеблющійся въ цѣнѣ,

вслѣдствіе наибольшаго постоянства условій его добыванія. Теперь можно и путемъ положительнымъ доказать, что цѣнность рубля зависитъ не отъ его размѣна въ казначействѣ. Представимъ, что такого размѣна нѣтъ вовсе, ибо въ странѣ совсѣмъ нѣтъ золота и серебра, на которыя написанъ рубль, но есть въ изобиліи всякіе другіе товары. Для большей ясности доказательства возьмемъ заграничный обмѣнъ. Кажется, что онъ совсѣмъ невозможенъ безъ золота и серебра, т.-е. безъ размѣна кредитнаго рубля на серебряный. Но это ошибка. Все будетъ зависеть отъ баланса нашего отпуска съ нашимъ ввозомъ, т.-е. отъ отношенія нашего производства на иностранцевъ къ нашему потребленію ихъ товаровъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что мы покупаемъ у нихъ товаровъ по оцѣнкѣ на миллионъ рублей, а они у насъ на столько же. Является полное уравновѣшеніе: сколько металла отъ нихъ перейдетъ къ намъ, столько же вернется къ намъ обратно, т.-е. мы можемъ расплатиться съ ними ихъ же деньгами, или просто обмѣняться товаромъ на товаръ. Иное дѣло, если мы потребляемъ ихъ товаровъ больше, чѣмъ сдаемъ имъ. Мы излишекъ получаемъ въ кредитъ, т.-е. платимъ бумажками. Если нашъ отпускъ и производительность не повышаются, а потребленіе остается то же или повышается, то этотъ коммерческій долгъ возрастаетъ ежегодно. О подробностяхъ говорить нечего: намъ, во первыхъ, уже платятъ за нашъ товаръ не металлическими деньгами, а нашими кредитными, но тогда мы еще больше должны брать въ кредитъ. Въ концѣ концовъ, наши бумажки падаютъ въ цѣнѣ пропорціонально тому; какое количество товара вообще можно за нихъ получить отъ насъ. И вотъ тутъ-то всего яснѣе видно, что дѣло тутъ вовсе не въ золотѣ и серебрѣ. Если бы у насъ ихъ совсѣмъ не было, но было вдоволь другихъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается сосѣдъ, или хотя бы и этого не было, но нашъ спросъ на продукты сосѣда былъ равенъ его спросу на наши, а тѣмъ болѣе, если бы онъ былъ ниже, наши бумажки обращались бы за границей, какъ серебро и золото, ибо въ нихъ видѣли бы хлѣбъ, кожу, пеньку, ленъ, въ количествѣ, написанномъ на этой бумажкѣ (въ серебрѣ). Можно бы представить массу другихъ доказательствъ, но и этихъ достаточно.

Но разъ мы это поняли, становится понятнымъ и то, русское богатство. 1888 г. № 12.

отчего большіе выпуски кредитныхъ билетовъ заставляютъ падать ихъ цѣнность и внутри страны. Это мы сейчасъ пояснимъ, но предварительно замѣтимъ, что помимо вліянія иностраннаго рынка, которое сейчасъ показано, тутъ можетъ случиться и внутреннее пониженіе, которое отразится обратно и на внѣшнемъ пониженіи. Въ самомъ дѣлѣ, если внутри страны за бумажный рубль можно купить пудъ хлѣба, а за серебряный два, то, конечно, иностранцы будутъ брать бумажный рубль за полтинникъ. Тутъ взаимное вліяніе: внутренняя цѣна бумажнаго рубля вліяетъ на его внѣшнюю цѣну, и обратно.

Но отчего же внутри-то страны произойдетъ пониженіе цѣнности бумажнаго рубля? Оно опять - таки произойдетъ не отъ отсутствія размѣна на звонкую монету. Можно представить себѣ государство совсѣмъ безъ металла и въ которомъ, тѣмъ не менѣе, кредитные билеты ходятъ по полной цѣнѣ въ силу взаимнаго согласія или закона, представляющаго такое согласіе. Мы уже это показали ранѣе, и это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Самый фактъ существованія у насъ обращающихся неразмѣнныхъ бумажекъ доказываетъ это. Если они ходятъ за 55 копѣекъ металлическихъ, то это зависитъ отъ другаго: это зависитъ, какъ и въ заграничныхъ сношеніяхъ, отъ отношенія суммы знаковъ къ суммѣ производимыхъ и продаваемыхъ продуктовъ. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ бумажные знаки, прежде всего, распространяются въ странѣ: государство выдаетъ ихъ, во-первыхъ, какъ жалованье чиновникамъ, войскамъ, педагогамъ, своимъ рабочимъ и пр.; во-вторыхъ, платитъ ими проц. и долги внутри страны. Это есть уплата за тотъ или другой трудъ или услугу въ пользу общества. Но такъ какъ уплата производится не деньгами, а бумажками, то съ перваго раза можетъ показаться, что общество, давая за эти бумажки чиновникамъ, войскамъ и пр. продуктъ, дѣлаетъ кредитъ правительству. Но это было бы только въ томъ случаѣ, если бы этими же бумажками общество не вносило обратно налоги въ казну на содержаніе педагоговъ, войскъ, чиновниковъ и пр. Разъ эти же деньги принимаются въ уплату налога, предполагается, что правительство уплатило своимъ функціонаріямъ только то, что собрало въ видѣ налога со всѣхъ. Т.-е. то, что сперва народъ заплатилъ бумажками, онъ теперь даетъ продуктомъ, и прави-

тельство, беря отъ него налогъ бумажками, какъ бы, въ свою очередь, оказываетъ ему кредитъ. И вотъ почему при совершенно нормальномъ отношеніи производительности общества къ суммѣ обращающихся бумажныхъ денегъ, курсъ ихъ не упалъ бы внутри страны (конечно, отстраняя внѣшнее вліяніе, объясненное выше). Но совсѣмъ иной оборотъ принимаетъ дѣло, если происходитъ новый выпускъ бумажекъ. Это уже будутъ не тѣ бумажки, которыя получены путемъ налога, это будетъ взятіе отъ народа продуктовъ сверхъ налога, въ кредитъ, но этотъ кредитъ имѣетъ въ сущности характеръ дополнительнаго налога, если результатомъ его будетъ пониженіе курса. Ибо онъ понижаетъ цѣнность денежныхъ капиталовъ, бывшихъ въ странѣ, и, стало быть, падаетъ на эти капиталы. Если курсъ и поправится современемъ, то воспользоваться этимъ могутъ уже другія лица, а не тѣ, которыя отъ этого пострадали. И вотъ почему правильные налоги лучше выпуска излишка кредитныхъ знаковъ, хотя невѣжды могутъ кричать совершенно обратное, какъ отчасти видимъ и теперь. Важно не увеличеніе налоговъ, а ихъ правильное распредѣленіе на состоятельные классы. Но вернемся къ вопросу о томъ, какъ можетъ внутри страны излишекъ выпуска кредитныхъ знаковъ понизить ихъ цѣну. Нѣкоторые думаютъ, что это происходитъ отъ того, что и бумажныя деньги подчиняются закону спроса и предложенія, (т.-е. чѣмъ ихъ меньше,—стало быть, чѣмъ больше спросъ на нихъ, тѣмъ-де онѣ дороже, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ меньше спросъ на нихъ и онѣ дешевле). Но такая теорія показываетъ полное экономическое невѣжество: она вѣрно замѣтила фактъ, ибо фактъ такой дѣйствительно есть, но объясненіе его другое. Вліяніе спроса и предложенія распространяется только на цѣнности, т.-е. товары. Бумажка, какъ сама по себѣ неимѣющая цѣнности, не можетъ ни падать, ни подыматься въ цѣнѣ сама по себѣ, отъ увеличенія или уменьшенія на нее спроса; если это явленіе происходитъ, то вотъ отчего: наплывъ бумажныхъ денегъ увеличиваетъ спросъ на товары, это повышаетъ цѣнность товаровъ, и отъ этого кажется, что падаетъ цѣнность бумажки. Фактически, это одно и то же, но теоретически, а, стало быть, и для рѣшенія практическаго вопроса—разница огромная. Въ самомъ дѣлѣ, если бумажка падаетъ въ цѣнѣ только потому, что

увеличиваетъ спросъ на товары, и тѣмъ повышаетъ ихъ цѣнность, то такое повышение цѣнности товаровъ и паденіе цѣны бумажки можетъ быть только тогда, когда предложеніе товаровъ ниже спроса. Но можетъ случиться и выпускъ бумажекъ, и увеличеніе спроса на товары, но если предложеніе товаровъ все же остается большимъ чѣмъ спросъ, то бумажка можетъ оставаться въ своей номинальной цѣнѣ. Было бы долго разбирать причины, отчего бумажка можетъ иногда стоять выше номинальной цѣны, какъ показываетъ исторія. Скажемъ кратко: преимущественно это возможно лишь въ силу того, что бумажки нужны народу, какъ орудіе уплаты податей, въ силу чего пріобрѣтаютъ какъ бы самостоятельную цѣнность, для полученія которой приходится поступаться цѣнностью своего продукта, напр., хлѣба, сбавлять съ него цѣну. Отразившись на внѣшнемъ рынкѣ, это можетъ повести къ поднятію цѣны на бумажку, по сравненію стоимости получаемаго за нея хлѣба или сырья, съ ихъ дѣйствительною металлическою стоимостью, напр., за границей, или даже въ сосѣдней губерніи, для которой купленъ хлѣбъ и т. п. Случай исключительный и обусловленный цѣлымъ рядомъ другихъ ненормальностей, напримѣръ, недостаткомъ сбыта въ одномъ мѣстѣ и огромнымъ спросомъ тутъ же рядомъ, отсутствіемъ путей сообщенія и т. п. И такъ: 1) паденіе цѣнности бумажнаго рубля возможно не только относительно звонкой монеты, но относительно всѣхъ товаровъ. Оно только выражается въ оцѣнкѣ на звонкую монету, какъ общую представительницу цѣнности; 2) бумажный рубль можетъ стоять весьма низко по металлической оцѣнкѣ (если металлъ вздорожалъ), но обладать высокою покупательною силой на всѣ прочіе товары, если ихъ много, и наоборотъ; 3) такимъ образомъ, покупательная сила бумажныхъ денегъ не зависитъ отъ ихъ отношенія къ размѣнному фонду, а отъ ихъ отношенія къ товарному фонду страны; 4) даже ихъ металлическая стоимость (или курсъ) не зависитъ отъ размѣннаго фонда, а лишь отъ товарнаго фонда страны, оцѣниваемаго на металлическія деньги.

Теперь предоставимъ говорить автору.

Иностранныя биржи пользуются русскими билетами, какъ обыкновенными спекулятивными бумагами, цѣнность которыхъ зависитъ отъ разныхъ случайностей. Сегодня, напр., биржевикъ можетъ заплатить за русскій кредитный рубль по курсу 175.

пфениговъ, а черезъ нѣкоторое время, при улучшившемся курсѣ, взять за него 200 пф. и т. д. Поэтому, если извѣстно, что наша финансовая политика направлена къ поднятію курса рубля, то биржевикамъ есть резонъ покупать и держать ихъ, въ надеждѣ положить себѣ къ карману въ послѣдствіи изрядную разницу. При обратной финансовой политикѣ начинается усиленный сбытъ кредитныхъ билетовъ, внутренний рынокъ переполняется ими и курсъ еще болѣе падаетъ. То же случается и при разныхъ политическихъ осложненіяхъ, угрожающихъ намъ войной, а, слѣдовательно, и новыми финансовыми затрудненіями. Конечный результатъ здѣсь все-таки тотъ, что количество кредитныхъ билетовъ на внутреннемъ рынкѣ увеличивается.

Нѣкоторые это повышение и пониженіе курса бумажныхъ денегъ приписываютъ увеличенію или уменьшенію потребности въ денежныхъ знакахъ для оборотовъ. Но мы видѣли, что вліяніе такой потребности есть причина лишь побочная, зависящая отъ одной коренной и основной причины, т.-е. отношенія спроса на товаръ къ предложенію. Но это не всегда обусловлено суммой всѣхъ имѣющихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Держа въ памяти, что главною причиною колебанія курса остается вышеуказанная причина, и что только при этихъ условіяхъ курсъ можетъ колебаться какъ переполненіемъ рынка бумажными деньгами, такъ и недостаткомъ ихъ, не мѣшаетъ показать, отчего иногда можетъ зависеть кажущійся недостатокъ бумажныхъ денегъ, а иногда и переполненіе ими рынка, — это зависитъ отъ характера промышленности. Если, напр., торговцы отправляются въ торговое шести-мѣсячное путешествіе для закупки товаровъ и будутъ все это время держать при себѣ нужную сумму денегъ, а другіе торговцы такое же время будутъ хранить въ кассѣ деньги для нуждъ, которыя наступятъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ всѣ обыватели откладывать въ кубышки деньги ни черныи день, гдѣ онѣ иногда пролежатъ десятки лѣтъ, то само собою, что при такихъ порядкахъ, денежныхъ знаковъ потребуется очень и очень много. Но прогрессъ въ обмѣнѣ именно и ведетъ все къ болѣе и болѣе уменьшающейся потребности въ деньгахъ. Теперь огромное большинство обмѣнныхъ сдѣлокъ совершается при помощи векселей, чековъ и разныхъ другихъ способовъ, не требующихъ наличныхъ денегъ. Такъ, въ Англіи во всей суммѣ торговыхъ сдѣлокъ наличныя деньги участвуютъ только въ размѣръ $\frac{1}{2}\%$, всѣ же прочія со-

вершены способами, основанными на кредитѣ. Вообще развитіе кредитныхъ операцій болѣе всего способствуетъ уменьшенію потребности въ денежныхъ знакахъ. Теперь рѣдкій человѣкъ хранитъ наличныя деньги въ кубышкѣ въ видѣ сбереженій, а болѣею частью отдаетъ ихъ при посредствѣ банка въ ростъ для того, чтобы ими за извѣстную плату воспользовался временно кто-нибудь другой. Даже деньги на текущіе расходы вносятся уже въ банки на текущій счетъ съ извѣстнымъ вознагражденіемъ для вкладчика. Ясно, что основная тенденція всего этого кредитнаго прогресса заключается въ томъ, чтобы, во-первыхъ, денежный знакъ возможно меньшее время лежалъ безъ движенія и непрерывно выполнялъ свою миссію — совершеніе обмѣнныхъ сдѣлокъ, а, во-вторыхъ, чтобы возможно большую часть такихъ сдѣлокъ произвести и вовсе безъ участія этого посредника. Кроме того, при быстромъ движеніи обмѣна одинъ и тотъ же знакъ можетъ совершить въ то же время въ пять и десять разъ больше оборотовъ или переходовъ, чѣмъ при медленномъ движеніи обмѣна, такъ что въ первомъ случаѣ одинъ и тотъ же знакъ служить за пять или десять такихъ знаковъ.

Но что такое денежный знакъ? Денежный знакъ есть право на полученіе съ рынка товара извѣстной цѣнности. Слѣдовательно, если эти знаки (права) по нѣсколькимъ мѣсяцамъ и даже десятковъ лѣтъ прежде вовсе не предъявляются на рынокъ, а хранятся въ кассахъ и кубышкахъ, то ими въ этотъ промежутокъ времени можетъ пользоваться кто-нибудь другой. Вообразите себѣ, что у васъ имѣется лишнихъ 100 р. Вы можете ихъ отдать пріятелю или положить въ банкъ, гдѣ ихъ кто-нибудь займетъ и въ обоихъ случаяхъ съ рынка затребуетъ соотвѣтствующей стоимости товаръ. Но вы этого не дѣлаете, а предпочитаете держать деньги въ кубышкѣ. Представьте себѣ затѣмъ, что такихъ людей много. Естественно, что государство, выпустивши на соотвѣтствующую сумму новыхъ денежныхъ знаковъ, нѣсколько не уронитъ ихъ курса. Между тѣмъ, съ развитіемъ кредитныхъ учреждений весь этотъ хранящій въ кубышкахъ деньги народъ соблазняется процентомъ и несетъ деньги въ банкъ. Само собою, что отъ такого поступка капиталистовъ возрастеть число обращающихся на рынкѣ денегъ, спросъ на товары усилится и цѣна ихъ поднимется сравнительно съ цѣною денегъ, т.-е. курсъ послѣднихъ упадетъ. Вотъ почему, напр., въ 1856 г., при совершенно ничтожныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, въ Россіи могло обращаться кредитныхъ билетовъ почти на 700 милл. руб.,

при курсѣ 98 к. бред. за 1 руб. металл., а въ 1887 году, когда торговые обороты наши усилились въ несмѣтное число разъ, количество же кредитныхъ билетовъ возросло только на 340 милл. р.,—курсъ имъ упалъ, однако, до 55 к. Другими словами—при чрезвычайно возросшихъ оборотахъ для страны требуется чуть-ли не меньшая сумма денежныхъ знаковъ, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ, при оборотахъ вполнѣ ничтожныхъ, такъ что на металлическую валюту въ 1856 г. у насъ обращалось 686 милл. руб., въ настоящемъ же году около 575 мил. руб.

Разсмотрѣвши тѣ условія, которыя создаютъ паденіе курса кредитнаго рубля, его повышение и вообще колебанія въ рыночной цѣнности этого рода денежнаго знака, мы перейдемъ къ обсужденію самаго значенія этого явленія, какъ для государствен-ныхъ финансовъ, такъ и экономической жизни страны.

Насколько у насъ вообще смутно понимается значеніе низкаго и высокаго курса, свидѣлствуютъ тѣ же финансовыя проекты и статьи иныхъ газетныхъ финансистовъ. Такъ, одни изъ прожектеровъ увѣряютъ, что при курсѣ, напр., въ 55 коп., Западная Европа можетъ почти за полцѣны пріобрѣсти всѣ богатства Россіи, другіе вообразили, что съ восстановленіемъ курса каждый російскій обыватель сдѣлается вдвое богаче, такъ какъ цѣнность получаемыхъ имъ рублей почти удвоится, наконецъ, нашлись и такіе финансисты, которые стали радоваться паденію курса, якобы оживляющему обороты по нашей внѣшней торговлѣ: иностранцамъ-де выгодно покупать дешевые русскіе рубли и на нихъ пріобрѣтать наши товары, а для русскихъ продавцевъ рубль все тотъ-же рубль; такимъ образомъ, и первые выигрываютъ, и вторые не въ убытѣ.

Всѣ эти недоразумѣнія основаны на томъ ошибочномъ мнѣніи, будто цѣнность кредитнаго рубля падаетъ только по отношенію къ золотой монетѣ, а не всѣмъ продуктамъ вообще, а въ томъ числѣ и золоту. Съ паденіемъ курса поднимаются, какъ мы уже говорили, цѣны на всѣ товары. Между тѣмъ, очевидно, что если бы цѣнность нашихъ денегъ падала, а цѣнность продуктовъ оставалась тою же, то иностранцы предпочитали бы русскій продуктъ всякому другому. Мы, однако, не видимъ, чтобы они очень спѣшили пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ.

Изъ этого же очевидно, что при паденіи курса страна несетъ убытки только въ размѣрѣ находящихся въ ея рукахъ денежныхъ знаковъ и цѣнныхъ бумагъ, выпущенныхъ на кредитную

валюту. Но на дальнѣйшее время для массъ, живущихъ поставкою на рынки товаровъ, а въ томъ числѣ и труда, та или другая цѣнность денежной единицы совершенно безразлична, такъ какъ паденіе курса сопровождается возвышеніемъ цѣнъ на продукты, и, слѣдовательно, въ общемъ всякій производитель получить за свой товаръ такое же количество другого товара, какъ и прежде. Такъ, землевладѣлецъ при низкомъ курсѣ продаетъ свой хлѣбъ дороже, но за то и дороже заплатитъ за желѣзо, соль, табакъ, водку и другіе, приобретенные имъ съ рынка товары. При возвышеніи курса произойдетъ обратное. Многие впадаютъ даже по сему поводу въ противоположную крайность и дѣлаютъ выводъ, что для производящаго населенія всякое паденіе курса выгодно. При немъ они-де получаютъ за свои продукты вышнія цѣны, и, слѣдовательно, однимъ и тѣмъ же продуктомъ могутъ покрыть большую сумму налоговъ, чѣмъ при высокомъ курсѣ. Не трудно, однако, видѣть, что практика дѣлаетъ эти выгоды вполнѣ эфемерными. Такъ, при паденіи курса покупательная сила государства ослабѣваетъ; оно должно платить дороже и за продукты потребленія, и за золото для заграничныхъ платежей. Если, напр., перевести государственные доходы и расходы съ кредитной на металлическую валюту, то едва-ли не окажется, что въ послѣдніе 10 лѣтъ они вовсе не возросли, возросла же только номинальная сумма вслѣдствіе паденія курса. Точно такъ же съ паденіемъ курса возрастаютъ и суммы, нужныя для платежей по металлической валютѣ. На 1887 г., напр., расходы по курсовой разницѣ для металлическихъ платежей исчислены министерствомъ финансовъ въ 50 милл. руб., но вслѣдствіе дальнѣйшаго паденія курса, они, вѣроятно, значительно превзойдутъ эту сумму. Естественно, что при паденіи курса государство или должно увеличивать налоги, либо сокращать расходы на удовлетвореніе разныхъ народныхъ потребностей и конечно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ населеніе не остается въ выигрышѣ. Но такъ какъ интересы государства и населенія нельзя разсматривать какъ нѣчто независимое другъ отъ друга, то окажется, что государство, собственно, не несетъ никакихъ убытковъ отъ низкаго курса. Если при этомъ съ народа оно должно брать большее число кредитныхъ билетовъ, то за то и достаются они населенію легче, такъ что въ общемъ, при переводѣ на металлическую валюту дѣйствительная сумма взимаемыхъ съ населенія налоговъ, какъ мы сказали, вовсе отъ этого не возрастаетъ.

Если такъ, замѣтить намъ, то зачѣмъ же нужно возстанов-

леніе цѣнности нашей денежной единицы? ¹⁾ Дѣло въ томъ, что вреднымъ условіемъ является, не самый низкій курсъ рубля, а колебанія этого курса, при которомъ невозможенъ никакой правильный обмѣнъ. Допустимъ, напр., что хлѣбный торговецъ N купилъ для отправленія въ Марсель партію хлѣба, за которую и уплатилъ векселемъ въ 1000 р., срокомъ на три мѣсяца, причемъ во время заключенія сдѣлки курсъ стоялъ 40 к. за франкъ. Очевидно, что купцу, кромѣ барыша и погашенія экспортныхъ расходовъ, нужно выручить сумму въ 2¹/₂ тыс. фр., которая составляетъ при данномъ курсѣ 1000 р. Между тѣмъ, въ промежутокъ отъ продажи до уплаты по векселю курсъ нашъ улучшается и стоитъ 30 к. за франкъ. Тогда его 2¹/₂ тыс. фр. неожиданно превращаются въ 750 р., и купецъ, по «независящимъ обстоятельствамъ», понесетъ 250 р. убытка. При паденіи курса произойдетъ нѣчто обратное. Поэтому же, чѣмъ ниже курсъ, предлагаютъ и низшія цѣны за вывозные продукты изъ боязни повышенія курса и сопряженныхъ съ нимъ убытковъ. Указывая на значеніе колебаній курса для хлѣбныхъ торговцевъ, г. Королевъ въ своемъ докладѣ императорскому вольному экономическому обществу, между прочимъ, говорить:

«Они (хлѣбные экспортеры) потеряютъ всякій разъ, когда въ теченіи того періода, который проходитъ отъ покупки хлѣба на мѣстѣ до продажи его на международномъ рынкѣ, курсъ возвысится». «Такимъ образомъ, — продолжаетъ г. Королевъ, — кромѣ отношенія между спросомъ и предложеніемъ на цѣну хлѣба, идущаго за границу, имѣетъ еще и вліяніе для хлѣбопроизводителя невыгодная измѣнчивость курса. Это удручающее для хлѣбопроизводителя вліяніе будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока курсъ кредитнаго рубля не получитъ совершенной устойчивости, пока мы не будемъ имѣть постоянства курса: каковъ бы онъ ни былъ, будь въ 60 к.—50 к., но лишь бы онъ былъ постояненъ, такъ, чтобы можно было рассчитывать, что онъ будетъ таковъ не только сегодня, но и завтра, и послѣ

¹⁾ Мы уже показали, что паденіе цѣнности кредитнаго рубля показываетъ, между прочимъ, перевѣсъ потребленія надъ производствомъ (въ заграничномъ обмѣнѣ). И вотъ эта причина и есть та опасность, съ которою болѣе всего слѣдуетъ бороться, и не однимъ только поднятіемъ нашей промышленности, но и пониженіемъ нашего непроизводительнаго потребленія иностранныхъ товаровъ.

завтра, и т. д.; постоянныя же колебанія разстраиваютъ всѣ расчеты и подрываютъ промышленность».

Не менѣе вредное, хотя и менѣе замѣтное вліяніе имѣетъ колебаніе курса денежной единицы и на сдѣлки, совершаемыя исключительно внутри страны. Возьмемъ такую простую сдѣлку, какъ денежная аренда земли. Высота ея зависитъ, конечно, отъ денежной доходности земли, обратно пропорціальной курсу. Чѣмъ курсъ ниже, тѣмъ продукты дороже, и, слѣдовательно, денежная доходность земли выше. Естественно поэтому, что арендаторъ, при долгосрочной арендѣ, выигрываетъ отъ паденія курса и теряетъ отъ его повышенія. Собственникъ земли, — наоборотъ. Если, напримѣръ, въ настоящее время, при курсѣ въ 55 к. мет. за рубль, арендная цѣна за десятину какой-нибудь земли стоитъ 10 рублей, то черезъ нѣсколько лѣтъ, при возможномъ повышеніи курса, положимъ, на 25%, соотвѣтственно упадутъ и арендные цѣны на землю, вслѣдствіе паденія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, между тѣмъ, арендаторъ, по условію контракта, долженъ будетъ платить все тѣ же 10 рублей и, естественно, понесетъ убытки.

Такимъ образомъ, при колебаніи курса, никто не знаетъ даже ближайшей будущей цѣны той денежной единицы, при помощи которой онъ долженъ заключать сдѣлки, благодаря чему ко всякимъ сдѣлкамъ должна присоединяться спекуляція на пониженіе или повышеніе курса денежной единицы. А при необходимости спекулировать тормозятся всякія правильныя обмѣнныя сдѣлки. Въ этомъ и заключаются причины, почему сообщеніе постоянства цѣнности денежной единицы является дѣломъ первостепенной важности.

У насъ преобладаетъ мнѣніе, что наиболѣе цѣлесообразный способъ сообщить кредитному билету устойчивую цѣнность—это доведеніе ея до *al pari*¹⁾ и затѣмъ установленія размѣна ихъ на золото. Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться.

Другое дѣло—необходимость предварительнаго доведенія цѣнности кредитнаго рубля до *al pari*. Такой необходимости, во-первыхъ, не существуетъ, а во-вторыхъ, подобную операцію нужно признать крайне невыгодною какъ съ точки зрѣнія интересовъ государства, такъ и народныхъ массъ. Намъ говорятъ, что фи-

¹⁾ Т.-е. повышение бумажнаго рубля до его номинальной стоимости (рубля метал.) путемъ обмѣна рубль за рубль, металлическимъ рублемъ. Ред.

нансовое управленіе, уронивши курсъ рубля, нанесло убытки владѣльцамъ этихъ рублей и другихъ цѣнныхъ бумагъ, выпущенныхъ на кредитную валюту. Но прежде всѣхъ цѣнности эти со времени паденія курса перешли уже въ десятыя руки, и по упавшей цѣнѣ, слѣдовательно, вознагражденіе получить вовсе не тотъ, кто понесъ убытки. Затѣмъ, огромное большинство кредитныхъ билетовъ и государственныхъ займовъ выпущено вовсе не при курсѣ at par. При займѣ, напримѣръ, въ 100 милл. рублей кредитныхъ, государство выручаетъ 60 или 55 милл. руб. металлическихъ, въ зависимости отъ курса; по той же стоимости впоследствии платятся проценты и производится погашеніе, такъ что въ первомъ случаѣ за 60 милл. рублей металл. или 100 милл. рублей кредитныхъ государство платитъ и процентовъ 3 милліона рублей металлическихъ или 5 милл. кредитныхъ. Но вообразите себѣ, что курсъ доведенъ до at par. Тогда за 60 милл. металлическихъ рублей государство должно будетъ уплатить владѣльцамъ ихъ при погашеніи полныхъ 100 милл., равнымъ образомъ, какъ и платитъ процентовъ 5 милл., вмѣсто нынѣшнихъ 3-хъ; между тѣмъ, владѣльцы бумагъ такой суммы государству вовсе не уплатили. Другими словами, отъ возвышенія курса до at par капиталы владѣльцевъ бумагъ въ кредитной валютѣ почти удвоятся, такъ какъ каждая нынѣшняя 55 коп. металл. ихъ бумагъ превратится въ 100 коп., но за то и для государства каждая 55 коп. нынѣшняго его долга превратится также въ 100 коп. Но фактическимъ должникомъ капиталистовъ является, понятно, не государство, а платящее налоги населеніе. Кромѣ того, операціей восстановленія курса кредитныхъ билетовъ могутъ съ большою выгодой воспользоваться биржевые спекуляторы, покупая ихъ по низкой цѣнѣ и затѣмъ продавая по повысившейся.

Единственнымъ, поэтому, цѣлесообразнымъ и справедливымъ выходомъ изъ настоящаго положенія, по нашему мнѣнію, нужно считать объявленіе девальвации, т.-е. замѣну нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ другими, которые являлись бы уже разнѣнными¹⁾. Такимъ образомъ, за нынѣшніе 20 рублей нужно было бы дать 11 рублей новыхъ ($20 \times 0,55 = 11$). При такой операціи въ сущности никто не понесъ бы никакихъ потерь. сторублевая бумага теперь стоитъ 55 руб. металл. и тогда она стоила бы столько же; процентовъ на эту бумагу теперь получается 2 руб.

¹⁾ Т.-е. выпускъ новыхъ рублей, стоющихъ 1 р. 90 к. прежнихъ.

75 коп. металл. и тогда получилось бы столько же. Само собою разумеется, что все капиталисты предпочитают, наоборот, первый способ разрѣшенія «курсового вопроса», а не девальвацию. Въ этомъ, отчасти, и кроются причины ея непопулярности. При графѣ Канкринѣ, когда у насъ въ первый разъ была произведена девальвация, людей, заинтересованныхъ въ повышеніи курса, было меньше, почему она и не встрѣтила особой оппозиціи. Наше время другое, такъ что, собственно говоря, даже трудно разсчитывать, чтобы пропагандированіе девальвации имѣло какой-нибудь успѣхъ.

Но если задачѣ возвышенія курса нашего кредитнаго рубля нельзя сочувствовать, то одинаково нужно признать вреднымъ и дальнѣйшее пониженіе его путемъ новыхъ выпусковъ. Прежде всего, такіе выпуски производятъ сильныя колебанія курса и, слѣдовательно, вносятъ полную неурядицу въ торговые отношенія и затѣмъ подрываютъ государственный кредитъ: никто не станетъ покупать бумаги, цѣна которыхъ можетъ быть скоро дойдеть до двугривеннаго. Между тѣмъ, людей, пропагандирующихъ усиленіе выпусковъ кредитныхъ билетовъ, у насъ теперь чрезвычайно много. Вотъ, напр., какую тирадой недавно разрѣшился «Русскій Курьеръ» ¹⁾.

«Наше великое, могущественное и богатое государство, обладающее громадными, неисчерпаемыми богатствами природы на своей громаднѣйшей поверхности и въ своихъ нѣдрахъ и имѣющее болѣе 100 милліоновъ жителей, представляющихъ изъ себя колоссальную экономическую цѣнность, можетъ безъ всякаго опасенія выпускать для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей государственныя мѣнныя безпроцентныя билеты (хотя бы наши кредитныя билеты), обезпеченныя всемъ достояніемъ государства, не прибѣгая, безъ особой нужды ни къ какимъ-либо займамъ, ни къ тяжелымъ и обременительнымъ налогамъ и податямъ, въ особенности въ родѣ избобрѣтенныхъ новымъ министерствомъ финансовъ.

«Если въ нашемъ государствѣ будетъ циркулировать нѣсколько сотъ милліоновъ кредитныхъ билетовъ, выпущен-

¹⁾ «Русскій Курьеръ» 6 ноября.

ныхъ для удовлетворенія насущныхъ и неотложныхъ потребностей государства и народа, то отъ этого никакого вреда для государства не получится; но можетъ, во всякомъ случаѣ, получиться громадная польза, во-первыхъ, отъ того, что народъ будетъ меньше обременяться разными налогами и податями; во-вторыхъ, въслѣдствіе присутствія на рынкѣ большого количества денежныхъ мѣновыхъ знаковъ, увеличится обмѣнъ, а потому увеличится и всякаго рода производство».

Подумайте, какъ легко эти господа разрѣшаютъ всѣ финансовыя вопросы: стоитъ только напечатать нѣсколько милліоновъ цвѣтныхъ бумажекъ—и всякія блага посыплются, какъ изъ рога изобилія. А главное, ихъ смущаетъ надпись на оборотной сторонѣ кредитныхъ билетовъ, гласящая, что они «обезпечены всѣмъ государственнымъ достояніемъ». Но скажите пожалуйста, кто же мнѣ дастъ исполнительный листъ на право воспользоваться этимъ обезпеченіемъ? Очевидно, что обезпеченіе здѣсь является совсѣмъ фиктивнымъ, а не такимъ, какое дѣйствительно существуетъ въ обыкновенныхъ гражданскихъ сдѣлкахъ. Если бы и на практикѣ возможно было погашеніе излишняго числа кредитныхъ билетовъ на средства продажи «государственного достоянія» — тогда вопросъ другой.

Подобныя же теоріи экономическаго возрожденія страны при помощи усиленной дѣятельности типографскихъ станковъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, раздѣляются и кievскимъ профессоромъ политической экономіи г. Антоновичемъ. Разъясняя, напр., программу настоящаго министерства финансовъ, онъ говоритъ въ своей газетѣ, что въ основаніи этой программы находится «признаніе неправильности того положенія, что уменьшеніе количества обращающихся бумажныхъ денегъ всегда увеличиваетъ спросъ на нихъ, а, слѣдовательно, поднимаетъ ихъ курсъ. Количество обращающихся денегъ зависитъ не только отъ количества ихъ но и отъ быстроты ихъ обращенія». Далѣе почтенный профессоръ полагаетъ, что кредитные билеты могутъ свободно выпускаться для «расширенія кредита вещнаго и промышленно-производительнаго». Въ своемъ же курсѣ политической экономіи онъ даже увѣряетъ, что въ производительныхъ бумажно-денежныхъ выпускахъ можетъ заключаться средство противъ послѣдствій выпусковъ ихъ для цѣлей хозяйственно-производительныхъ. Другими словами, проф. Антоновичъ какъ бы говоритъ государству: вы

выпустили массу кредитныхъ билетовъ на свои нужды — «цѣли хозяйственно-непроизводительныя», и тѣмъ уронили ихъ курсъ, а теперь, если хотите его поднять, то сдѣлайте новый выпускъ, но только уже на цѣли хозяйственно-производительныя, напр., нужды заводчиковъ, фабрикантовъ и т. п.

Подобныя финансовыя теоріи пользуются теперь большою популярностью: происходитъ это отчасти вслѣдствіе весьма слабого распространенія финансово-экономическихъ познаній не только среди интеллигентной массы, но даже и среди такихъ якобы руководителей общественнаго мнѣнія, каковы, напр., публицисты «Русскаго Курьера», «Гражданина» и т. п. «Нѣтъ въ политической экономіи ни одного положенія, — говоритъ Милль, — которое опиралось бы на столь очевидныя основанія, какъ вредъ бумажныхъ денегъ, не удерживаемыхъ въ одной цѣнности со звонкою монетою! Поэтому оно, хотя и не безъ долготѣхъ споровъ, довольно прочно вошло, наконецъ, въ общественное сознаніе». Къ сожалѣнію, послѣднее увѣреніе Милля относится болѣе къ западной Европѣ, чѣмъ къ Россіи. У насъ, какъ вѣроятно извѣстно всякому, и теперь есть несмѣтные легіоны поклонниковъ кредитныхъ билетовъ не только между доморощенными финансистами, но и официальными представителями науки. Впрочемъ, и въ западной Европѣ, продолжаетъ Милль про свое время, «до сихъ поръ есть еще очень много людей, отвергающихъ это положеніе, и безпрестанно появляются проекты съ планами объ исцѣленіи всѣхъ экономическихъ бѣдствій общества посредствомъ неограниченнаго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правда и то, что въ этой мысли есть большая очаровательность. Возможность уплатить государственный долгъ, покрывать правительственные расходы безъ налоговъ, и ни больше, ни меньше, какъ обогатить все общество — перспектива блестящая въ глазахъ всякаго, кто способенъ думать, что можно ее осуществить печатаніемъ нѣсколькихъ словъ и цифръ на лоскуткахъ бумаги. И какъ ни много разъ были убиваемы эти проекты, они постоянно возрождаются»...

Но съ другой стороны нужно сказать, что въ основѣ пропаганды новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ часто лежатъ не столько финансово-экономическія заблужденія, сколько чисто практическія цѣли. Дѣло въ томъ, что у насъ весьма многія группы предпринимателей привыкли пользоваться, въ томъ или другомъ видѣ, вспомошествованіемъ изъ государственныхъ средствъ. Но теперь и для государственныхъ финансовъ наступили затрудненія. По-

этому, о той широкой помощи, которая практиковалась прежде, въ настоящее время и рѣчи быть не можетъ. Согласитесь, что для представителей подобныхъ классовъ очень на руку распространіе якобы новыхъ положеній финансовой «національной» науки, хотя бы установленныхъ проф. Антоновичемъ, по которымъ можно безъ всякой опасности для дальнѣйшаго паденія курса дѣлать новые выпуски кредитныхъ билетовъ, если производятся они для цѣлей «хозяйственно-производительныхъ», а ужъ, конечно, свои предпріятія они считаютъ наиболѣе «хозяйственно-производительными». Другими словами, вопросъ сводится къ возможности получать вновь вспомошествованія изъ оскудѣвающаго сундука государственнаго казначейства.

Другую сторону нашихъ финансовыхъ затрудненій составляетъ съ каждымъ годомъ прогрессирующіе дефициты государственныхъ бюджетовъ. Съ 1880 г., какъ извѣстно, ни одинъ бюджетъ не составленъ былъ безъ большаго или меньшаго дефицита; при этомъ по окончаніи года дѣйствительный дефицитъ всегда превосходилъ еще ожидаемый или смѣтный. Такъ, въ прошломъ году онъ достигъ весьма почтенной суммы въ 76 милл. руб. Достиженіе уравновѣшенія расходовъ съ доходами и составляетъ задачу министерства финансовъ уже въ продолженіи весьма многихъ лѣтъ. Причины этого рода финансовыхъ затрудненій лежатъ, какъ справедливо замѣтилъ бывшій министръ финансовъ г. Бунге, въ отсутствіи у насъ такъ называемаго естественнаго роста государственныхъ доходовъ, обуславливающагося возростаніемъ благосостоянія населенія, которое является платежною силой государства. Такимъ образомъ, вопросъ объ улучшеніи общаго финансоваго положенія — вопросъ болѣе экономической, чѣмъ чисто финансовой политики; сводится онъ къ возможности поднять экономическій уровень положенія массы. О различныхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть для этого предприняты, намъ приходилось и приходится говорить очень часто. Въ настоящее же время мы коснемся только тѣхъ мѣръ, которыя входятъ въ ближайшую программу настоящаго министерства финансовъ.

Программа бывшаго министра финансовъ была, въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, преисполнена весьма многихъ благихъ намѣреній, особенно вначалѣ, но свершить, къ сожалѣнію, ему пришлось очень мало. Въ программѣ нынѣшняго министерства финансовъ пока извѣстна только одна такая мѣра—это «покро-

вительство народному труду» при посредствѣ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Насколько, однако, для народа такая политика выгодна—вопросъ весьма спорный. Если она ведетъ къ чрезмѣрному повышенію цѣнъ на предметы необходимости, то переплачиваемыя страной суммы, ассигнованныя непосредственно на нужды народа, можетъ быть, принесли бы ему гораздо большую пользу, чѣмъ тотъ ничтожный заработокъ, который даетъ развивающаяся промышленность. Во всякомъ случаѣ, во многихъ отношеніяхъ цѣлесообразнѣе было бы помогать народу, какъ земледѣльцу, чѣмъ превращать его въ фабричныхъ рабочихъ.

Но многіе указываютъ на несомнѣнно существующую связь между успѣхами земледѣлія и развитіемъ обрабатывающей промышленности. Дѣйствительно развивающаяся промышленность сближаетъ производителя земледѣльческихъ продуктовъ съ рынкомъ, расширяетъ этотъ рынокъ и, слѣдовательно, поднимаетъ на нихъ спросъ. Но и съ этой точки зрѣнія выгоды для сельскаго хозяйства весьма проблематичны. Такъ, доходъ отъ усилившагося спроса на продукты можетъ оказаться значительно меньше увеличивающихся расходовъ на покупку разныхъ предметовъ необходимости, если цѣны на нихъ стоятъ чрезмѣрно высокія, въ зависимости отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Между тѣмъ, при покровительствѣ промышленности исключительно посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и полномъ отсутствіи всякихъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли подобная политика именно и ведетъ къ чрезмѣрному и весьма продолжительному поднятію цѣнъ на всѣ продукты обрабатывающей промышленности.

Наконецъ, каждая страна располагаетъ только извѣстною суммой капиталовъ и предпринимательской энергіи. Слѣдовательно, особенный скачекъ въ развитіи производства является и невозможнымъ. Поэтому, высокія таможенные пошлины часто только искусственно перемѣщаютъ капиталы и энергію изъ одной отрасли производства въ другую и, такимъ образомъ, вмѣсто однѣхъ отраслей промышленности, для развитія которыхъ въ странѣ находятся всѣ естественныя условія, могутъ развиваться другія, вовсе не имѣющія подъ собою почвы, и выгоды которыхъ единственно и создаются высокими таможенными пошлинами. Такимъ образомъ, у насъ наиболѣе развилась хлопчато-бумажная промышленность, не имѣющая почти никакой связи съ обработкой отечественнаго сырья. Въ концѣ-же концовъ, вмѣсто «покровительства народному труду», выгодъ для сельскихъ хозяевъ и быстрого

развитія промышленности, отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ могутъ получить большіе барыши лишь одни предприниматели.

Чрезмѣрное возрастаніе расходовъ является теперь злобой дня, впрочемъ, и во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы. Слѣдуя правилу, что желая мира нужно готовиться къ войнѣ, государства чуть-ли не начинаютъ превращаться въ вооруженные лагеря. Гдѣ же взять денегъ на все возрастающія требованія вооруженія? Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ во всей почти Европѣ теперь усиленно обсуждается вопросъ о возвращеніи къ старымъ способамъ извлеченія доходовъ посредствомъ возстановленія разнаго рода государственныхъ монополій и регалій. У насъ особенно оживленному обсужденію подвергается вопросъ о возстановленіи винной монополіи. При помощи ея предполагается какъ бы сразу разрѣшить нѣсколько, до сихъ поръ все неподдававшихся разрѣшенію задачъ. Одна изъ нихъ, и прежде всего, заключается въ возможности покрывать дефициты доходами отъ монополій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно предполагается возможнымъ и урегулированіе, такимъ образомъ, самой питейной торговли съ устраненіемъ всѣхъ ея нынѣшнихъ недостатковъ, чрезвычайно вредно отзывающихся на народныхъ массахъ.

Собственно принципъ замѣны частныхъ крупныхъ предпріятій государственными имѣетъ весьма много хорошихъ сторонъ. Отъ винной монополіи нѣкоторые также ожидаютъ, между прочимъ, и той пользы, что она вымететъ обширный контингентъ кабатчиковъ, составляющихъ теперь въ деревнѣ какъ бы особое и весьма вредное сословіе. Въ виду этого, центръ тяжести толковъ объ ожидаемой пользѣ отъ монополіи дѣйствительно сосредоточился на возможности найти сколько-нибудь удовлетворительныхъ исполнителей, и надо признаться, что найти до 150 тысячъ честныхъ людей на должности цѣловальниковъ—задача почти неразрѣшимая. Такимъ образомъ, нажива отъ злоупотребленій со стороны этихъ агентовъ можетъ создать такой же вредный классъ, какимъ являются и нынѣшніе кабатчики.

У насъ вообще много охотниковъ поживиться при государственно-хозяйственныхъ операціяхъ. Намъ, на примѣръ, случилось недавно прочесть проектъ водочной монополіи нѣкоего екатеринославскаго помѣщика, г. Костица, въ которомъ имъ возлагаются на монополію весьма большія надежды. Такъ, г. Костицъ проектируетъ, чтобы министерство финансовъ распредѣлило поставку

вина между всеми помѣщиками - винокурами. При этомъ цѣну за ведро вина въ 40° онъ устанавливаетъ 1 руб. 20 коп. Насколько эта цѣна выше нормальной, можно судить потому, что теперь винокуры весьма охотно продаютъ этотъ продуктъ по 50—60 коп. за ведро. А чтобы при такой высокой платѣ винокуренымъ заводчикамъ государство не осталось въ убыткѣ, г. Костицъ и продажную цѣну поднимаетъ съ нынѣшнихъ 5 до 6 руб. Затѣмъ онъ властною рукой производитъ самыя невозможныя сокращенія въ предполагаемыхъ издержкахъ по продажѣ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ выводъ, что государство все-таки еще получитъ противъ нынѣшняго акцизнаго дохода лишнихъ 100 милл. руб. Между тѣмъ, безъ этихъ невозможныхъ сокращеній государство еще понесетъ убытки, не смотря на возвышеніе продажной цѣны вина. Увеличеніе народныхъ издержекъ на вино можетъ, слѣдовательно, послужить лишь къ выгодѣ протѣжируемыхъ г. Костицемъ винокуренныхъ заводчиковъ. Намъ, пожалуй, возразятъ, что вождѣнія гг. Костицевъ несколько не говорятъ противъ монополіи. Однако нашлись газеты, которыя взяли проектъ г. Костица подъ свое покровительство, изъ чего очевидно, что подобныя вождѣленія далеко не для всѣхъ кажутся одинаково дикими.

Въ началѣ октября опубликовано было Высочайшее повелѣніе объ установленіи казенной продажи вина въ Пермской губ. Нѣкоторые склонны видѣть въ этомъ начало введенія монополіи, но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, въ сущности, вѣроятно, еще никому неизвѣстно. Нужно думать, что само министерство финансовъ только еще изслѣдуетъ вопросъ, а вовсе не разрѣшило уже — быть или не быть монополіи. Что же касается казенной продажи вина въ Пермской губ., то установленіе ея обусловливалось совершенно особыми обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что нынѣшняя акцизная система чрезвычайно способствуетъ централизаціи винокурения. Мелкіе заводы постепенно поглощаются крупными. Благодаря этому, въ губерніяхъ, гдѣ крупное сельское хозяйство почти отсутствуетъ, винокурение сосредоточилось въ весьма немногихъ рукахъ, что вмѣстѣ съ стѣснительными питейными правилами позволило имъ, при помощи стачки, какъ бы организовать приватную винную монополію. Еще въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 г. про Пермскую губ., между прочимъ, говорится, что винокурение тамъ—

не имѣетъ никакого отношенія къ сельскому хозяйству и является дѣломъ чисто коммерческимъ, такъ какъ на обширномъ пространствѣ губерніи имѣется всего только семнадцать винокуренныхъ заводовъ крупныхъ размѣровъ, причемъ владѣльцы ихъ обладаютъ значительными оборотными средствами. Такой исключительно коммерческій характеръ заводовъ далъ возможность для заводчиковъ установить въ губерніи порядки, схожіе съ порядками бывшаго акцизно-откупного комиссіонерства, именно образовалась своего рода стачка производителей, вредная какъ для казны, такъ и для народа, но, къ сожалѣнію, не предусмотрѣнная дѣйствующимъ законодательствомъ. «Пермскіе заводчики, говорится въ отчетѣ, входятъ между собою въ соглашеніе, опредѣляютъ пропорцію, какую каждый изъ нихъ долженъ выкурить на принадлежащемъ ему заводѣ, устанавливаютъ мѣстность, въ которой должна производиться продажа этой пропорціи вина, наконецъ, назначаютъ число мѣстъ оптовой и раздробительной продажи, а также и продажную цѣну вина».

Такъ дѣло продолжалось до введенія новыхъ питейныхъ правилъ, которыя нѣсколько разстроили добрый выгодный миръ, царившій между пермскими водочными заводчиками. Соглашеніе уступило мѣсто самой рьяной конкуренціи, посредствомъ которой сильные заводчики хотѣли задавить слабыхъ, чтобы вновь вернуться къ монополіи. Дѣло доходило до того, что водка продавалась, действительно, себѣ въ убытокъ, но къ желаемой цѣли эта конкуренція все-таки не привела. Тогда заводчики вновь рѣшили, что худой миръ лучше доброй ссоры. Согласившись между собою, винокуры организовали синдикатъ и, подѣливши губернію на участки, довели цѣны на водку до 9 руб. за ведро.

Угроза введенія казенной продажи вина въ Пермской губ. подѣйствовала на пермскихъ заводчиковъ. Какъ сообщаетъ «Екатеринбургская Недѣля», заводчики—

собрались, по старому обычаю, въ Екатеринбургѣ, и для начала послали по телеграфу петицію министру финансовъ. Въ этой петиціи они какъ бы винятся въ своихъ прегрѣшеніяхъ и соглашаются подчиниться объявленнымъ казеннымъ цѣнамъ—5 руб. изъ складовъ, и 5 руб. 60 коп. изъ ведерныхъ лавокъ, но за свою уступку ходатайствуютъ о томъ, чтобы казенные склады, не производя торговли, оставались только стражами исполненія принимаемаго ими обл-

тельства не повышать указанных цѣнъ и открывали бы продажу въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда обязательство кѣмъ-либо изъ семьи заводчиковъ будетъ нарушено.

Надо сказать, что частная винная монополія свила себѣ гнѣздо не только въ Пермской губ., но во всемъ Восточномъ краѣ. Борьба съ подобнымъ зломъ несомнѣнно составляетъ задачу государства, при выполненіи которой оно можетъ найти и весьма хорошую почву для практики. Возможная конкуренція съ частными торговцами отчасти будетъ способствовать выработкѣ наиболѣе выгодныхъ способовъ веденія этого рода государственно-хозяйственной операціи, а отчасти способно и показать, насколько казенная продажа вина вообще выгоднѣе частной для населенія. Необходимо только, чтобы для этого районъ казенной продажи значительно расширился, такъ какъ по опыту въ одной губерніи трудно составить какое-нибудь заключеніе.

В. Б—чѣ.

НАУЧНЫЕ РЕФЕРАТЫ.

Новѣйшіе успѣхи практической метеорологіи въ Россіи

(Лекція, читанная въ кронштадтскомъ морскомъ собраніи 31-го марта 1887 года).

Цѣль метеорологіи. Необходимость изученія атмосферныхъ явленій.—Метеорологія до XVII столѣтія. Начало метеорологическихъ наблюденій въ Россіи. Учрежденіе главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ.—Самопишущіе приборы. Анемометръ - Интеграторъ Эттингена.—Телеграфныя сообщенія о погодѣ; метеорологическій бюллетень и синоптическія карты. Отдѣленіе морской метеорологіи и штормовыхъ предостереженій; штормовые сигналы и результаты предсказаній.—Наблюденія надъ грозами и дождями. Открытіе магнитной обсерваторіи въ Павловскѣ.—Международныя метеорологическіе конгрессы. Полярныя экспедиціи.—Предсказаніе погоды вообще и для ближайшаго будущаго въ особенности. Примѣненіе метеорологіи къ практикѣ. Заключеніе.

Метеорологія есть наука объ атмосферѣ или воздушной оболочкѣ, окружающей нашу землю. Она разсматриваетъ различное состояніе сферы и опредѣляетъ условія переменъ погоды. Начало метеорологіи относится къ самой глубокой древности, хотя долгое время смѣшивали явленія происходящія въ воздушной земной оболочкѣ, съ явленіями небесными, разсматриваемыми астрономіей. Метеорологія, какъ наука, началась съ тѣхъ поръ, когда были опредѣлены границы неба и атмосферы. Въ отдаленныя времена, когда не существовало никакихъ наукъ, люди усматривали во всѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ божественный гнѣвъ или милость. Дѣйствительное изученіе различныхъ атмосферныхъ явленій начинается только съ послѣдняго столѣтія. Наука метеорологія слишкомъ молода и поэтому нельзя отъ нея

требовать особенныхъ пророчествъ. Предсказаніе погоды не только на долгій срокъ, но на мѣсяцъ или даже на недѣлю впередъ, не можетъ заслуживать никакого довѣрія. Многіе совершенно ошибочно предполагаютъ, что достаточно только посмотрѣть на барометръ, и можно сказать, какая будетъ погода. Это, конечно, невѣрно, это глубокое заблужденіе.

Средства предсказывать погоду на болѣе или менѣе продолжительные сроки мы будемъ имѣть только тогда, когда уяснимъ себѣ всѣ подробности различныхъ метеорологическихъ измѣненій. Знаменитый Лапласъ говоритъ, что «малѣйшая частица воздуха подчиняется въ своемъ движеніи такимъ же неизмѣннымъ законамъ, какъ и тѣ, которые управляютъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ въ пространствахъ». Для того, чтобы получить строгіе законы о нашей атмосферѣ, съ цѣлью предсказывать погоду, надо произвести точныя и многократныя наблюденія на всей поверхности земного шара. По настоящее время мы имѣемъ ничтожное число тѣхъ мѣстъ, гдѣ производятся наблюденія, въ сравненіи съ тѣмъ, какое бы должны имѣть для вывода метеорологическихъ законовъ. Не говоря про Азію или Африку, но даже и въ Европѣ изученіе общихъ атмосферныхъ движеній продолжается всего только тридцать лѣтъ. Атмосфера есть, въ сущности, громадная машина дѣйствию которой подчиняется все живущее на землѣ. Очень жаль, что мало кто проникаетъ во всю прелесть и чудодѣйственность нашей атмосферы. Атмосфера есть главный двигатель всего существующаго и живущаго на землѣ; она бережетъ насъ и предохраняетъ отъ большихъ бѣдъ и возмущеній, которыя мы обязательно бы имѣли, если бы не было ея. Многимъ, вѣроятно, извѣстно, что если бы когда-нибудь мы лишились атмосферы, то земля лишилась бы всякой жизни.

Многіе долгое время предполагали, что воздухъ наполняетъ все пространство міра и земля поддерживается имъ; само собою разумѣется, что это невѣрно: атмосфера только служитъ покрываломъ, окутывающимъ нашу землю и несется вмѣстѣ съ ней, а самая земля держится невидимою силой всеобщаго тяготѣнія.

Явленія, происходящія въ окружающей насъ воздушной оболочкѣ, до того привлекательны и затѣйливы, что положительно могутъ быть поставлены выше всѣхъ другихъ явленій природы.

Главная польза атмосферы та, что она хранитъ, какъ зеницу ока, солнечную теплоту, она мѣшаетъ теплотѣ расходоваться и

соблюдаетъ надлежащую степень жизненности, присущей нашей планетѣ; это проявляется въ правильныхъ теченіяхъ, вѣтрахъ, дождяхъ, грозахъ и буряхъ. Здоровье наше зависитъ также отъ метеорологическихъ явленій, оно измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ вѣтра и колебаніемъ барометра. Только подробное изученіе связи, существующей между всѣми метеорологическими явленіями, можетъ указать настоящія правила общественной гігіены.

Такимъ образомъ, сознавая, что мы вполне зависимъ отъ атмосферы и невольно повинемся ея капризамъ, мы необходимо должны изучить ее какъ можно подробнѣе. Мы должны стараться проникнуть въ сокровенныя тайны всѣхъ атмосферныхъ возмущеній.

Задача метеорологіи заключается въ изслѣдованіи причинъ различнаго состоянія атмосферы и въ уясненіи взаимной связи всѣхъ атмосферическихъ явленій, дабы на основаніи этого предугадывать состояніе погоды въ будущемъ.

Успѣхи метеорологіи стали значительно увеличиваться съ тѣхъ поръ, когда началось серьезное изученіе физики и химии. Въ половинѣ XVII столѣтія были составлены первыя карты морскихъ теченій и вѣтровъ и довольно подробно описаны климатическія особенности нѣкоторыхъ странъ. До начала XVIII столѣтія наблюдались только выдающіяся явленія въ природѣ, напр., наводненія, сильныя холода, электрическіе метеоры и т. п.; понятно, что всѣ эти наблюденія имѣли случайный характеръ и не были достаточны для того, чтобы вывести какой-либо законъ и имѣть возможность опредѣлить характеръ даннаго климата.

Количественныя измѣренія до начала XVIII вѣка не были совершенно примѣняемы. Важнымъ толчкомъ къ изученію метеорологіи послужило изобрѣтеніе термометра и барометра.

Первоначальный грубый термометръ изобрѣтенъ Галилеемъ около 1597 года и показывалъ собственно не температуру, а нѣкоторую величину, зависящую отъ совмѣстнаго дѣйствія давленія воздуха и температуры. Барометръ сталъ употребляться приблизительно съ 1600 года и вмѣсто ртути въ трубкѣ была вода. Непериодическія колебанія барометра констатированы во второй половинѣ XVII вѣка. Первыя наблюденія надъ суточнымъ ходомъ барометра были произведены въ 1682 году, вблизи Зеленаго мыса. Время, когда начали употреблять дождемѣръ, почти неизвѣстно, хотя по многимъ источникамъ видно, что онъ примѣнялся уже въ XV столѣтіи. Днемъ рожденія новѣйшей науки

о погодѣ, по словамъ Пешеля (Peschel, Geschichte der Physik стр. 752), можно считать 15-е сентября 1780 года. Въ этотъ день курфюрстъ Пфальцскій учредилъ знаменитое мангеймское метеорологическое общество.

Метеорологическія наблюденія въ Россіи начались около середины XVIII столѣтія. Въ Петербургѣ же начались наблюденія надъ температурой съ 1743 года, надъ количествомъ осадковъ съ 1741 года и вскрытіемъ и замерзаніемъ Невы съ 1706 года. Метеорологическихъ станцій было немного и всѣ онѣ были разбросаны безъ всякаго порядка и научныхъ соображеній, наблюденія же производились по самымъ различнымъ методамъ и разнообразными инструментами. Въ концѣ прошедшаго столѣтія было обращено вниманіе на интересную въ метеорологическомъ отношеніи страну—Сибирь, но, къ сожалѣнію, и по настоящее время о ней имѣется очень мало метеорологическихъ свѣдѣній, не смотря на то, что разослано было много термометровъ и барометровъ, съ указаніемъ, какъ и когда производить наблюденія. Распоряженія о производствѣ обязательныхъ наблюденій въ Россіи сдѣлано въ 1804 году, и тогда же предписано было производить ихъ при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Между 1820 и 1835 годами наблюденія велись преимущественно частными лицами, безъ всякаго опредѣленнаго плана и часто при помощи весьма плохихъ инструментовъ.

Еще не болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ мало было лицъ, желавшихъ принять участіе въ наблюденіи атмосферныхъ явленій. Не многіе стремились понять природу и ея силы, производяшія свое дѣйствіе на все живущее. Всѣ наблюденія, произведенныя въ Россіи до 1855 года, разработаны подробно въ большомъ сочиненіи Веселовскаго «О климатѣ Россіи».

Число метеорологическихъ наблюденій въ Европѣ возросло съ 1830 года, съ этого же времени начинаются и магнитныя наблюденія на постоянныхъ станціяхъ. Около 1850 года изученіемъ климата Россіи занялось русское географическое общество.

За послѣдніе пятнадцать лѣтъ метеорологическое дѣло въ Россіи сильно подвинуто, благодаря большой энергіи, знанію дѣла и постояннымъ работамъ директора главной физической обсерваторіи Вильда и его помощника М. А. Рыкачева. За это время сдѣлано слѣдующее: увеличено число станцій, организовано правильное печатаніе метеорологическаго матеріала, введена одновременная система наблюденій и устроена отличная магнитная обсерваторія въ Павловскѣ. Подъ редакціей директора главной

обсерваторіи Вильда издаются ежегодные сборники о климатѣ Россіи, называемые: «Лѣтописи главной физической обсерваторіи», «Метеорологическіе сборники» и «Отчеты по главной физической обсерваторіи»; очень только жаль, что въ метеорологическомъ сборникѣ большинство статей писано на нѣмецкомъ языкѣ. Особенности условія, въ которыхъ находится большая часть Россіи, такъ, напр., обширность суши, отсутствіе горъ и удаленность океана, придаютъ климату Россіи чрезвычайно поучительный характеръ. Не смотря на то, что уже давно идетъ разработка матеріаловъ о климатѣ Россіи, но еще и до сего момента свѣдѣнія объ этомъ предметѣ не вполне отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ. Если вспомнить то обстоятельство, что земледѣліе въ Россіи составляетъ главную отрасль промышленности, то вполне поймется вся первостепенная важность изученія метеорологіи. Упомянувши о важномъ значеніи знанія метеорологіи вообще и для Россіи въ особенности, я перехожу къ систематическому изложенію движенія этой науки у насъ, начиная съ 1870 года по настоящее время.

Въ 1849 году была основана въ С.-Петербургѣ главная физическая обсерваторія. Съ учрежденіемъ ея была организована въ Россіи общая система метеорологическихъ наблюденій и стало замѣтно увеличиваться число наблюдательныхъ пунктовъ. Изъ лѣтописей главной обсерваторіи видно, что къ 1870 году было всего 47 станцій, а черезъ десять лѣтъ, т.-е. въ 1880 году число ихъ возрасло до 114 и продолжаетъ замѣтно увеличиваться съ каждымъ годомъ; въ настоящее время у насъ числится около 230 станцій.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа станцій и наблюдателей, замѣчается усовершенствованіе и развитіе методовъ наблюденій и постепенное расширеніе дѣятельности отдѣльныхъ обсерваторій.

Важную помощь для метеорологовъ оказали самопишущіе приборы, введенные на нашей главной обсерваторіи въ 1869 г.

Подробное описаніе и теорію многихъ изъ нихъ можно найти въ «Метеорологическомъ сборникѣ» и въ Carl's Repertorium'ъ.

Всѣ самопишущіе приборы отмѣчаютъ свои показанія или точками черезъ извѣстные промежутки времени, или непрерывной кривою, или, наконецъ, непосредственно печатаютъ свои наблюденія, какъ, напримѣръ, анемометръ-интеграторъ Эттингена. Разнообразные регистрирующие приборы могутъ быть приведены къ тремъ главнымъ типамъ: механически регистрирующие и фотографически регистрирующие. Устройство первыхъ двухъ ти-

повъ заключается въ томъ, что посредствомъ различныхъ механическихъ приспособленій приводится въ дѣйствіе карандашъ, который и чертитъ кривую, на равномерно движущейся бумагѣ. Въ фотографическихъ приборахъ остается слѣдъ на движущейся фотографической бумагѣ.

Имѣются даже и такіе приборы, гдѣ всѣ метеорологическіе инструменты соединены въ одинъ и называются они метеорографами. Замѣчательными изъ метеорографовъ считаются: Секки, Вильда и Риссельберга. Особенно заслуживаетъ вниманія самопечатающій приборъ Теорелли.

Всѣ самопишущіе приборы чертятъ такую кривую, абсциссы которой выражаютъ время, а ординаты—соотвѣтствующія показанія приборовъ.

Въ 1869 году привезенъ въ Россію телеграфически-самопишущій термометръ и гигрометръ, изготовленный въ Бернѣ, г. Гаслеромъ, по указаніямъ Вильда. Этотъ инструментъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ приборовъ: воспринимающаго (Receptor), который служитъ для воспріятія температуры и влажности воздуха, подлежащаго записи, и пишущаго (Scriptor), назначеніе котораго отмѣчать показанія перваго прибора въ какомъ-либо другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, и на какомъ бы то ни было разстояніи. Оба прибора соединены между собою, съ гальваническою батареей и съ часами, замыкающими черезъ опредѣленные промежутки времени токъ батареи 5 проволоками. Основанія, на которыхъ дѣйствуютъ самопишущіе приборы, настолько просты, что даже возможно здѣсь сказать о нихъ нѣсколько словъ. Такъ, напр., для записи переменъ температуры служитъ термометръ Брегета, который состоитъ изъ спирали, спаянной изъ двухъ пластинокъ различнаго металла, напр., мѣди и цинка. Такъ какъ расширеніе обоихъ металловъ различно, то при переменѣ температуры спираль сжимается или расширяется, причемъ толкаетъ вращающуюся на цапфахъ или на остріѣ стрѣлку то вправо, то влево. На концѣ стрѣлки сдѣланъ штифтъ, а подъ стрѣлкою на цилиндрѣ накручена бумага, которая дѣйствіемъ грузика постепенно опускается. Помощью особаго механизма стрѣлка черезъ каждыя 10 минутъ прижимается къ бумагѣ и на послѣдней накалывается точка. Такъ какъ бумага постепенно спускается внизъ, то на ней образуется цѣлый рядъ точекъ, который показываетъ всѣ переменны, происшедшія въ температурѣ. Для записи переменъ, происходящихъ въ атмосферномъ давленіи, служитъ самопишущій приборъ, на-

зывается барографомъ; въ немъ барометрическая трубка повѣшена на коромысло вѣсовъ, уравновѣшенное противовѣсомъ; нижній конецъ трубки погруженъ въ ртуть налитую въ неподвижно укрепленной систернѣ. При повышеніи или пониженіи барометра коромысло наклоняется въ ту или другую сторону, а съ нимъ вмѣстѣ и стрѣлка, прикрѣпленная къ коромыслу, также движется въ ту или другую сторону. Стрѣлка, какъ и въ термографѣ, отмѣчаетъ на бумагѣ рядъ точекъ, показывающій всѣ перемѣны въ давленіи. Въ числѣ усовершенствованій, введенныхъ обсерваторіею по этому инструменту, заслуживаетъ особеннаго вниманія достиженіе полной компенсаціи температуры, такъ что показанія барографа не зависятъ отъ перемѣнъ температуры, а это очень важно, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т.-е. при отсутствіи компенсаціи, пришлось бы завести при самомъ барографѣ самопишущій термометръ для приведенія показаній инструмента къ постоянной температурѣ.

Наблюденія надъ высотой воды въ Невѣ также производится помощью самопишущаго прибора называемаго лимниграфомъ или приливомъ графомъ. Этотъ приборъ установленъ въ нижней комнатѣ, у стѣны, прилегающей къ колодцу, который нарочно для того вырытъ и соединенъ широкою трубой съ Невкою. Этимъ достигается, что вода въ колодцѣ, находясь всегда въ одномъ уровнѣ съ рѣкой, не подвержена дѣйствію волнъ и, слѣдовательно, точнѣе можетъ обнаруживать перемѣны въ высотѣ уровня воды въ Невѣ. Въ колодецъ опущенъ поплавокъ, привязанный на проволоку, верхній конецъ которой протернутъ въ блокъ и, пройдя сквозь стѣну въ комнату лимниграфа, намотанъ и закрѣпленъ на горизонтальномъ цилиндрѣ, свободно вращающемся около своей оси. Гиря, подвѣшенная на шнурѣ, обмотанномъ на томъ же цилиндрѣ, удерживаетъ упомянутую проволоку постоянно въ натянутомъ положеніи. При перемѣнѣ высоты воды, поплавокъ, поднимаясь или опускаясь, вращаетъ цилиндръ, который, въ свою очередь, помощью зубчатыхъ колесъ и шнурковъ, передвигаетъ стрѣлку въ приборѣ вправо и влево. Штифтъ, прикрѣпленный на концѣ стрѣлки, дѣлаетъ черезъ каждыя 10 минутъ на подложенной подъ стрѣлкой бумагѣ проколы, такъ же, какъ и въ другихъ приборахъ и, такимъ образомъ, получаютъ отмѣтки перемѣнъ, происходящихъ въ уровнѣ Невы. Точность наблюденій по этому прибору, въ особенности благодаря устраненію волнъ, дала возможность обсерваторіи открыть въ Петербургѣ существованіе морскаго прилива и отлива; величина при-

лива не велика; средняя разность уровня воды между луннымъ приливомъ и отливомъ составляетъ немного болѣе 1 дюйма; приливной часъ прилива найденъ около 3½ часовъ, т.-е. черезъ этотъ промежутокъ послѣ прохожденія луны черезъ меридианъ наступаетъ высокая вода. Надо замѣтить, что до этого открытія сомнѣвались даже въ существованіи приливовъ на восточныхъ берегахъ открытаго Балтійскаго моря. Со всѣми подробностями различныхъ самопишущихъ приборовъ лучше всего можно познакомиться по самимъ инструментамъ. Обсерваторія всегда радушно и любезно принимаетъ посѣтителей, каждую субботу, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни.

Вскорѣ послѣ введенія во Франціи системы телеграфныхъ сообщеній о погодѣ, и у насъ было приступлено къ организации такой системы. Еще въ 1858 году главная физическая обсерваторія начала уже помѣщать въ петербургскихъ газетахъ короткій бюллетень получаемыхъ по телеграфу свѣдѣній о погодѣ изъ нѣсколькихъ пунктовъ въ Россіи и изъ Западной Европы. Но расширить это дѣло до возможности посылать штормовыя предостереженія удалось значительно позже, а именно въ 1872 г., благодаря матеріальной поддержкѣ гидрографическаго департамента и содѣйствію телеграфнаго вѣдомства. Бывшій директоръ гидрографическаго департамента вице-адмиралъ Зеленый, назначилъ изъ суммъ департамента по 500 р. ежегодно для покрытія расхода на печатаніе бюллетеня. Этотъ бюллетень въ началѣ 1872 года заключалъ въ себѣ метеорологическія депеши только съ 26 внутреннихъ и 2-хъ заграничныхъ станцій. Впослѣдствіе, благодаря горячему сочувствію финляндскаго общества ученыхъ въ Гельсингфорсѣ, директоровъ центральныхъ учреждений въ Швеціи, Норвегіи, Австріи и Венгріи, а также благодаря телеграфнымъ управленіямъ этихъ странъ, которыя по соглашенію съ управленіемъ русскихъ телеграфовъ, разрѣшили бесплатную передачу депешъ, — развитіе бюллетеня достигло столь значительныхъ размѣровъ, что къ концу 1872 г. обсерваторія уже получала наблюденія съ 55 станцій, а въ текущемъ году — съ 140. Въ настоящее время одновременная система наблюденій представляется въ слѣдующемъ видѣ: на главныхъ станціяхъ производятъ въ извѣстные условные моменты, — 7 или 8 часовъ утра, — наблюденія надъ основными метеорологическими элементами, и результаты по телеграфу сообщаются въ центральныя учрежденія. Въ Россіи депеши отъ 7 часовъ утра заключаютъ:

1) Давленіе.

- 2) Температуру.
- 3) Относительную влажность.
- 4) Состояніе неба.
- 5) Направленіе и силу вѣтра.
- 6) Осадки въ миллиметрахъ.
- 7) Замѣчанія (снѣгъ, дождь, роса, туманъ и т. д.).

Всѣ полученныя на главной обсерваторіи наблюденія съ различныхъ станцій наносятся на карту. Мѣста равнаго давленія атмосферы изображаются на картѣ сплошными линіями, называемыми *изобарами*, направленіе вѣтра обозначается стрѣлками, а сила его числомъ штриховъ, поставленныхъ у стрѣлки; облачность и осадки обозначаются особыми условными знаками; такія карты называются *синоптическими*, онѣ вполне характеризуютъ состояніе погоды въ моментъ наблюденій на значительной части земной поверхности. Въ Петербургѣ подобныя карты обыкновенно бываютъ готовы къ 2—3 часамъ дня. Пользуясь синоптическими картами, довольно подробно и всесторонне изучены законы вращательныхъ вихрей или *циклоновъ*¹⁾. Разработка и суммирование многочисленныхъ наблюденій надъ циклонами требовали большой энергіи, внимательности, осторожности и логическихъ разсужденій. Результаты этой трудной работы принесли громадную пользу наукъ; вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: найдено, что вихри среднихъ широтъ стремятся вообще двигаться къ востоку. Въ наступательномъ движеніи вихрей американскихъ и европейскихъ замѣтны общія черты, не смотря на различіе рельефа и очертаній материковъ. Эти общія черты обнаруживаются не только въ стремленіи всѣхъ вообще вихрей къ востоку, но даже въ особенностяхъ отдѣльныхъ путей. Найдено также, что вѣтры, слѣдующіе со стороны высокаго давленія въ сѣверовосточной Россіи, разносятъ съ собою сильный холодъ,

¹⁾ Въ области этихъ циклоновъ или вихрей, замѣчается низкое давленіе, которое повтому и называется *минимумъ* и сопровождается осадками (т.-е. дождемъ, снѣгомъ и пр.). Напротивъ, ряды такихъ вихрей отдѣлены другъ отъ друга областями высокаго давленія (*максимумъ*), въ которыхъ господствуетъ ясная и безоблачная погода. Циклоны вблизи экватора охватываютъ пространства приблизительно до 200 верстъ (въ діаметрѣ), дойдя до нашихъ мѣстъ они могутъ занимать въ десять разъ большія пространства. Имѣя вращательное движеніе доходящее, въ среднемъ разстояніи отъ ихъ центровъ, до 250 верстъ, они имѣютъ и поступательное (отъ 15 до 50 верстъ въ часъ), направляясь при экваторѣ съ востока на С. З., а въ нашихъ широтахъ поворачивая, наоборотъ, съ З на В. Значеніе этого движенія у насъ читатели увидятъ далѣе, гдѣ мы говоримъ о грозахъ.

весьма малое количество паровъ и ясную погоду. Направленіе этихъ вѣтровъ содержится между сѣверными и восточными румбами. Синоптическія карты физической обсерваторіи показали, что во второй половинѣ октября 1880 года прошло вблизи Петербурга весьма много циклоновъ; центры ихъ проходили юго-восточнѣе Петербурга, такъ что Петербургъ все это время находился не въ теплой южной, а въ холодной сѣверной половинѣ циклоновъ, приносящихъ съ собою изъ океана обильную влагу. Съ 1874 года у насъ введены штормовые сигналы. Въ первое время эти сигналы были устроены только въ портахъ Балтійскаго моря и подымались безразлично во всѣхъ портахъ, когда буря угрожала одному изъ нихъ; скоро опытъ показалъ необходимость и возможность отдѣльно разсматривать различные районы Балтійскаго моря, Финскаго залива и озеръ, и съ іюля того же года сигналы поднимаются лишь тамъ, гдѣ съ достаточною вѣроятностью можно ожидать наступленія бури. Предсказаніе бурь и подача о нихъ сигналовъ составляетъ важную часть въ современной практической метеорологіи. На подобные сигналы, конечно, нельзя смотрѣть, какъ на вѣрныя предсказанія, но только какъ на предостереженіе; сигналъ возвѣщаетъ, что состояніе атмосферы не спокойно. Въ большинствѣ случаевъ эти сигналы показываютъ, что недалеко существуетъ барометрическій минимумъ и что вихрь, окружающій этотъ минимумъ, можетъ пройти надъ даннымъ мѣстомъ. Я повторяю, что при настоящемъ состояніи метеорологическихъ свѣдѣній мы не имѣемъ возможности еще предсказывать погоду на отдаленныя сроки и не можемъ опредѣлить характеръ какого-либо времени года. Надо принять къ свѣдѣнію также то обстоятельство, что точное изученіе законовъ штормовъ въ среднихъ широтахъ началось только по введеніи телеграфной системы для передачи метеорологическихъ бюллетеней. 9 мая 1876 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе учредить при главной физической обсерваторіи отдѣленіе морской метеорологіи и штормовыхъ предостереженій. Съ учрежденіемъ этого отдѣла сюда переданы метеорологическія наблюденія съ правильно организованныхъ приморскихъ метеорологическихъ станцій. Изъ гидрографическаго департамента доставлены метеорологическіе журналы съ судовъ заграничнаго плаванія начиная съ 1859 года, такъ какъ до этого времени они отсылались въ Вашингтонъ, директору обсерваторіи Мори; такимъ образомъ съ 1876 года временная организація штормовыхъ предостереженій замѣнена болѣе прочною. Штормовыя

предостереженія посылаются каждый разъ, когда синоптическія карты указываютъ на приближеніе шторма. Многіе утвердительно говорятъ, что метеорологія ничего не сдѣлала для того, чтобы своевременно предупредить приближеніе шторма, всѣми предостереженіями мы обязаны телеграфу, а не метеорологіи. Такое сужденіе, конечно, слишкомъ смѣло.

Само собой разумѣется, что не телеграфу главнымъ образомъ мы обязаны предостереженіемъ бурь, а только однимъ синоптическимъ картамъ; чѣмъ точнѣе и подробнѣе онѣ будутъ, тѣмъ удачнѣе будутъ предсказанія. Привожу для примѣра результаты предостереженій о штормахъ, согласно отчету главной обсерваторіи за 1873 и 1874 годы: Предостереженіе, посланное изъ Петербурга въ 11^{1/2} ч. утра 22 октября, получено было въ портахъ своевременно; въ Ревелѣ штормъ наступилъ только въ слѣдующую ночь, а въ Винавѣ и Ригѣ только на слѣдующее утро, въ Петербургѣ, гдѣ также былъ поднятъ сигналъ, дули сильныя вѣтры ночью. Послѣ предостереженія о штормѣ 31 октября, въ слѣдующую ночь и утромъ 1 ноября дули очень сильныя вѣтры въ Балтійскомъ портѣ, Дерптѣ и Петербургѣ, но наиболѣе сильной степени штормъ достигъ въ сѣверной части Балтійскаго моря. Предостереженіе 10 ноября опоздало для болѣе южныхъ портовъ, Винавы и Риги, такъ какъ тамъ во время полученія депеши дулъ уже очень сильный вѣтеръ; въ Ревелѣ же, Гельсингфорсѣ и Кронштадтѣ буря наступила вечеромъ или ночью. Причину опоздавшаго предостереженія слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать тому обстоятельству, что буря обозначилась еще 8 ноября, но такъ какъ отдѣленіе было закрыто по случаю воскресенья, предостереженіе было послано только въ понедѣльникъ, 9-го, утромъ, въ то время, когда въ Балтійскомъ морѣ уже дули очень сильныя западныя вѣтры, которые на слѣдующій день еще усилились. Напротивъ того, буря 4-го декабря развилась необыкновенно медленно, такъ что Винаву она настигла 5 декабря, а Ревель только ночью съ 5 на 6-е; наконецъ, предостереженіе 9 го декабря оказалось неосновательнымъ, потому что ослабѣвающая буря надъ нѣмецкимъ моремъ 9-го декабря какъ бы раздвоилась. Такимъ образомъ, изъ пяти предостереженій, посланныхъ въ концѣ 1874 года, четыре оказались основательными, изъ нихъ одно для нѣкоторыхъ пунктовъ опоздало. За пятимъ предостереженіемъ бури не послѣдовало. Изъ отчетовъ обсерваторіи видно, что средній процентъ оправдавшихся сигналовъ въ каждомъ отдѣльномъ портѣ шелъ такимъ образомъ:

въ 1875 году было 42⁰/₁₀₀, въ 1876—48⁰/₁₀₀, въ 1877 и въ 1878—34⁰/₁₀₀ ¹⁾.

Для вѣтъ же портовъ вообще:

	1877 годъ		1878 годъ	
	число	%	число	%
Поднято всего сигналовъ	73	100	57	100
Изъ нихъ удачныхъ	45	62	40	70
Неоправдавшихся	25	34	15	26
Запоздавшихъ	3	4	2	4
Всего буръ было	73	100	90	100
Изъ нихъ непредупрежденныхъ	32	44	50	54
а) по случаю воскресн. дни	2	3	5	6
б) по случаю запозданій или ошиб. телегр.	4	5	2	2
с) не могло быть предвидѣно	26	36	38	40
д) предупреждены депешей .	41	56	40	46

Наибольшій процентъ удавшихся можно видѣть у насъ въ Кронштадтѣ (60—71⁰/₁₀₀); наименѣе удачны предсказанія въ закрытыхъ гаваняхъ. Большинство буръ постигающихъ Европу видимо, идутъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку и теряются въ Сибири. Если бы физическая обсерваторія имѣла возможность включить въ свои синоптическія карты Атлантическій океанъ и полярное море, тогда мы могли бы быть предупреждаемы за нѣсколько дней впередъ о значительныхъ переменахъ погоды.

Въ концѣ 1884 года, съ цѣлью увеличенія успѣшности штормовыхъ предсказаній, было предложено наблюдателямъ на многихъ сѣверо-западныхъ станціяхъ Европейской Россіи высылать экстренныя депеши въ случаѣ наступленія непредупрежденныхъ буръ или значительнаго паденія барометра; депеши о наступленіи сильнаго вѣтра приносятъ ту выгоду, что извѣстіе о всякой бурѣ, происходившей утромъ послѣ 7 часовъ, получаютъ обсерваторіей во время служебныхъ часовъ и слѣдовательно могутъ вызвать немедленное распоряженіе о поднятіи штормовыхъ сигналовъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, гдѣ сильнаго вѣтра еще не замѣчалось.

О пользѣ штормовыхъ сигналовъ обсерваторіи лучше всего говорятъ отзывы лицъ, непосредственно заинтересованныхъ

¹⁾ Сигналъ считается оправдавшимся, если въ теченіи 48 часовъ послѣ отправки телеграммы сила вѣтра достигаетъ извѣснаго балла, найденнаго для каждаго порта на основаніи опыта.

ими. Такъ, напримѣръ с.-петербургскій биржевой комитетъ заявилъ, что сигналы обсерваторіи принимаются во вниманіе въ особенности при отправленіи изъ Петербурга въ Кронштадтъ или обратно судовъ слабой конструціи и что благодаря штормовымъ сигналамъ уже неоднократно отвращалась вѣроятная опасность, которой подвергались подобныя суда.

Управляющій с.-петербургскою рѣчною полиціей, въ своемъ отзывѣ (1880 г.), увѣдомлялъ, что получаемый имъ изъ обсерваторіи бюллетень приносить несомнѣнную пользу, именно даетъ возможность заблаговременно размѣщать суда въ закрытыхъ мѣстахъ и предупреждать объ опасности судовладельцевъ, суда коихъ поставлены на выгрузку; этой мѣрѣ слѣдуетъ приписать, что бывшіе въ послѣднія двѣ навигаціи сильныя штормы принесли сравнительно мало бѣдъ рѣчному судоходству. Завѣдывающій метеорологическою станціей въ Виндавѣ, г. Кнаппе, говорить, что рыболовы придаютъ большое значеніе сигналамъ; такъ, напримѣръ, въ октябрѣ (1880 г.), одинъ изъ нихъ съ радостью рассказываетъ Кнаппе, что благодаря поднятому конусу, онъ успѣлъ во время вернуться въ гавань, чего ему не удалось бы сдѣлать полчаса спустя, по причинѣ внезапно разразившейся бури.

Самымъ существеннымъ и несомнѣннымъ усовершенствованіемъ нашей системы предостереженій было бы введеніе службы по вечерамъ и праздникамъ. Тогда меньше бурь было бы пропущено безъ предупрежденій, а съ другой стороны, во многихъ сомнительныхъ случаяхъ подъемъ сигнала было бы можно отложить, напримѣръ, до вечера и, такимъ образомъ, уменьшить число сигналовъ, поднятыхъ напрасно. Введеніе вечерней и воскресной службы было бы полезно не только для улучшенія штормовыхъ предостереженій, но и въ видахъ возможности дѣлать предсказанія погоды, съ требованіями которыхъ все чаще и чаще обращаются въ обсерваторію. Какъ мнѣ лично передавалъ помощникъ директора обсерваторіи, вечернія дежурства начнутся съ этого же года.

Съ 1871 года, по инициативѣ русскаго императорскаго географическаго общества, начали производить наблюденія надъ дождями и грозами. Благотворное вліяніе грозъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстно. Грозы очищаютъ воздухъ и почву, прогоняютъ миазмы, возстановляютъ электричество, содѣйствуютъ обращенію кислорода и вообще обновляютъ природу. Польза грозъ въ метеорологическомъ отношеніи и ужасныя губительныя дѣйствія, резуль-

татомъ которыхъ бываютъ тысячи ежегодныхъ жертвъ, необходимо должны побудить насъ обратить на нихъ болѣе серьезное вниманіе и заняться ихъ изслѣдованіемъ. Грозовая дѣятельность стояла до послѣдняго времени, какъ нѣчто совершенно отдѣльное и несвязанное съ общими движеніями въ атмосферѣ. Леверье почти первый далъ толчекъ изученію грозовыхъ бурь. Количество матеріала о грозахъ такъ еще незначительно, что до настоящаго времени мы все еще не имѣемъ полной картины грозовой дѣятельности на земномъ шарѣ. Долго оставалось въ тѣни изученіе электрической энергіи, и связь ея съ вихревыми процессами не была достаточно выяснена. Явилась потребность создать новую сеть грозовыхъ станцій, которыя исключительно бы слѣдили за образованіемъ и движеніемъ грозъ. Многимъ добровольнымъ наблюдателямъ были разосланы печатныя бланки, снабженныя подробными инструкціями и практическими наставленіями. Для наблюденія надъ грозами не требуется никакихъ приборовъ. Описаніе грозы должно состоять изъ отвѣтовъ на рядъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ грозовомъ бюллетенѣ. Результаты грозовыхъ наблюденій, произведенныхъ въ 1871 году, были напечатаны въ 6 томѣ. «Записокъ Р. И. Г. Общества (1875 г.), г. Воейковымъ.

Разработка всѣхъ грозовыхъ наблюденій въ Россіи была произведена доцентомъ новороссійскаго университета Клоссовскимъ и издана въ 1884 г., подъ заглавіемъ: «Грозы въ Россіи». Изъ сочиненія Клоссовскаго видно, что разряды грозоваго электричества находятся въ тѣсной связи съ образованіемъ и движеніемъ вихрей¹⁾. Найдено, что наибольшее число грозъ приходитъ отъ юго-запада, запада и сѣверо-запада, наиболѣе рѣдки грозы отъ востока. Вслѣдствіе внимательнаго изученія грозовыхъ бюллетеней найдено, что грозы наши приносятся циклонами. Грозовая дѣятельность имѣетъ свои годовые періоды. На

¹⁾ Клоссовскій показалъ, что большіе циклоны способны къ дѣленію (сегментаци); сегментация эта можетъ простираться очень далеко: возможно, такимъ образомъ, образованіе вихрей 2-го, 3-го, 4-го порядковъ; наклонность къ сегментации особенно сильна въ циклонахъ слабыхъ, а также на окраинахъ большихъ минимумовъ (областей низкаго давленія), особенно тамъ, гдѣ давленіе доходитъ отъ 750—760 миллиметровъ; каждая гроза есть такой вихрикъ, быть можетъ, 3-го или 4-го порядка, вращающійся противоположно часовой стрѣлкѣ и уносящійся по теченію большаго циклона. Эти грозовые вихрики образуются преимущественно въ юго-восточной части циклона. (Клоссовскій: «Новѣйшіе успѣхи метеорологіи», и «грозы въ Россіи», Введеніе, стр. XIII). Ред.

сѣверѣ грозы сосредоточиваются исключительно въ лѣтніе мѣ-
яцы; наибольшее число падаетъ на іюль. Въ Прибалтійскомъ
краѣ годовое распредѣленіе нѣсколько иное. Отдѣльные грозы воз-
можны даже въ январѣ, февралѣ и мартѣ, но настоящій грозовой
сезонъ начинается въ маѣ. Распредѣленіе грозъ находится въ
зависимости отъ трехъ метеорологическихъ элементовъ, темпе-
ратуры, влажности и осадковъ. Комбинаціей этихъ трехъ
элементовъ можно объяснить всѣ особенности въ распредѣленіи
грозовой дѣятельности, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени.
Болѣе обильные осадки Прибалтійскаго края парализуются низкой
температурой и значительною влажностью; поэтому, число грозъ
на побережьи Балтійскаго моря сравнительно не велико; отсут-
ствіе осадковъ по берегамъ Каспійскаго моря есть прямая при-
чина слабой грозовой дѣятельности тамъ. Высокая температура
и огромное количество осадковъ на восточныхъ берегахъ Чернаго
моря непосредственно влекутъ за собой усиленіе грозъ и т. п.
Продолжительность грозъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ рѣдко бы-
ваетъ болѣе четырехъ часовъ, чаще всего грозы продолжаются
около одного часа времени. Въ Прибалтійскомъ краѣ приходится
изъ ста грозъ мѣнѣе часа—58,9, болѣе часа—41,1.

Въ 1876 году была произведена закладка, а съ 1878 г. нача-
лась уже нормальная дѣятельность знаменитой Павловской обсер-
ваторіи. Устройство Павловской обсерваторіи было вызвано слѣ-
дующими важными причинами: въ нѣкоторыхъ самонипущихъ
приборахъ, установленныхъ въ главной физической обсерваторіи,
ощущалось вредное вліяніе сотрясенія почвы при проѣздѣ эки-
пажей. Это обстоятельство лишало возможности пользоваться въ
лѣтніе мѣсяцы нормальнымъ барометромъ. Но особенно вредно
отзывались сотрясенія на магнитныхъ наблюденіяхъ; проѣздъ
тяжелыхъ возовъ съ желѣзными массами производилъ настоящіе
магнитныя бури, конечно, неимѣвшія ничего общаго съ перемѣ-
нами земнаго магнетизма. Возведеніе зданій вблизи обсерваторіи
оказало столь же вредное, но болѣе постоянное вліяніе, какъ на
магнитныя, такъ отчасти и на метеорологическія наблюденія.
Всѣ эти причины вызвали необходимость устроить филиальную
обсерваторію за городомъ, что и удалось осуществить, благо-
даря содѣйствію Его Императорскаго Высочества Великаго
Князя Константина Николаевича, который предоставилъ въ даръ
для этой цѣли участокъ земли изъ своего парка въ Павловскѣ.
Воздвигнутая здѣсь образцовая магнитная и метеорологическая
обсерваторія построена сообразно съ требованіями своей спе-

ціальної цѣли; при теперешнемъ ея состояніи она стоить, если не впереди всѣхъ, то въ уровенъ съ лучшими современными обсерваторіями этого рода въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Ученые изъ Германіи, Голландіи и Соединенныхъ Штатовъ пріѣзжали нарочно въ Россію, съ цѣлью ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ учрежденіемъ. Такъ, напримѣръ, въ 1877 году обсерваторію посѣтилъ ассистентъ при берлинскомъ метеорологическомъ институтѣ, д-ръ Гельманъ, командированный прусскимъ правительствомъ, для того, чтобы усовершенствоваться по практической метеорологіи. Лѣтомъ 1878 года старшій наблюдатель центрального метеорологическаго и магнитнаго учрежденія въ Буда-Пештѣ, г-нъ Курлендеръ, также посѣтилъ обсерваторію, чтобы ознакомиться съ ея устройствомъ и принять участіе въ нѣкоторыхъ производящихся у насъ работахъ.

Много способствуютъ развитію метеорологіи международные метеорологическіе конгрессы, на которыхъ происходитъ обмѣнъ современныхъ идей по этой отрасли науки. Первый конгрессъ былъ созванъ въ Вѣнѣ 2-го сентября 1873 года. Въ немъ приняли участіе правительственные делегаты всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи, и сверхъ того делегатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Представителемъ отъ Россіи былъ Вильдъ. Первый отдѣлъ преній и постановленій относился къ инструментамъ и системамъ наблюденій. Пренія обнаружили, что во многихъ мѣстахъ нѣкоторые метеорологическіе элементы наблюдаются по такимъ инструментамъ которые по своему устройству или установкѣ не могутъ давать истинной мѣры даннаго явленія. Метеорологія, какъ наука, только тогда можетъ дѣйствительно подвигаться впередъ, когда вѣрны и свободны отъ посторонняго вліянія наблюденія, на которыхъ зиждется ея основаніе, подобно тому, какъ это требуется и для каждой естественной науки. Метеорологическій конгрессъ указалъ на недостатки инструментовъ и побудилъ произвести изслѣдованія для устраненія этихъ недостатковъ, и рекомендовалъ для всеобщаго употребленія нѣкоторые, признанные удовлетворительными, инструменты и общія правила для наблюденій. Главный результатъ, достигнутый международнымъ конгрессомъ, заключается въ томъ, что, благодаря ему, мы будемъ имѣть болѣе многочисленныя и лучшія наблюденія, что эти наблюденія будутъ болѣе однообразны, болѣе наглядны, болѣе доступны и опубликованы въ формѣ болѣе удобной для обра-

ботки. Второй международный метеорологический конгрессъ состоялся въ Римѣ, въ апрѣлѣ 1879 года. На этомъ конгрессѣ было рѣшено организовать полярную экспедицію, по проекту изслѣдователя полярныхъ странъ Вейпрехта. Согласно этому проекту, должны быть произведены одновременныя метеорологическія и магнитныя наблюденія на цѣломъ рядѣ станцій въ арктическомъ поясѣ. 1-го августа 1881 года состоялось въ С.-Петербургѣ собраніе международной полярной конференціи, подъ предѣтельствомъ Вильда, съ цѣлью обсудить и установить окончательно организацію изслѣдованій въ арктическомъ поясѣ. На этой конференціи установленъ общій для всѣхъ сроковъ начала и конца одновременныхъ наблюденій и выработана программа ихъ. На долю Россіи достались станціи: Новая-Земля и устье Лены. Начальникомъ станціи на Новой-Землѣ назначенъ лейтенантъ Андреевъ, а къ устью Лены—корпуса штурмановъ поручикъ Юргенсъ. Дѣйствіе всѣхъ станцій начинается съ 1882 года а въ августѣ 1883 года большая часть экспедицій двинулась въ обратный путь, какъ и было назначено. Жаль, что самому инициатору Карлу Вейпрехту не удалось быть свидѣтелемъ исполненія его идеи, онъ скончался во цвѣтъ лѣтъ, 29-го марта 1881 года. Усть-ленская экспедиція продолжала свои наблюденія до лѣта 1884 года. Большой части всѣхъ этихъ экспедицій удалось удовлетворительно выполнить ихъ задачу и благополучно возвратиться назадъ. Голландская экспедиція (въ гавань Диксона) не достигла своей цѣли, она была застигнута льдомъ въ Карскомъ морѣ; не имѣя возможности выполнить тамъ ни магнитной, ни метеорологической части задачи и не мало пострадавши, она возвратилась въ 1883 году. Въ усть-ленской экспедиціи большой интересъ представляютъ магнитныя явленія въ урочищѣ Сагастырѣ, во время которыхъ стрѣлка приборовъ, служащихъ для наблюденія перемѣнъ горизонтальнаго напряженія, отклонялась нерѣдко на уголъ, близкій къ 90° , тогда какъ въ средней Европѣ въ подобныхъ случаяхъ она отклоняется обыкновенно не болѣе, какъ на 2° въ ту или другую сторону отъ нормальнаго своего положенія. Склоненіе магнитной стрѣлки во время магнитныхъ бурь измѣнялось также гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ, и стрѣлка отклонялась отъ средняго своего положенія на 25° . Это послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что съемки мѣстностей на крайнемъ сѣверѣ Сибири произведены лишь помощью буссоли и до послѣдняго времени тамъ не было астрономическихъ наблюденій. Въ апрѣлѣ 1884 года въ Вѣнѣ

происходило засѣданіе четвертой международной полярной конференціи для соглашенія относительно способа обработки и изданія наблюденій всѣхъ экспедицій. При разсмотрѣннй конференціей собраннаго различными экспедиціями богатства и любопытнаго матеріала, составилаь твердая увѣренность въ томъ, что обработка послѣдняго будетъ способствовать значительнымъ успѣхамъ науки естествознанія.

Перечисливши главные результаты дѣятельности нашихъ метеорологическихъ учрежденій, я перейду къ интересующему многихъ вопросу о предсказаніи погоды вообще и для ближайшаго будущаго въ особенности.

Для рѣшенія вопроса о предсказаніи погоды было сдѣлано много попытокъ, но большинство ихъ основано на принципахъ или совершенно ложныхъ, или мало изслѣдованныхъ въ наукѣ. Существуетъ множество народныхъ примѣтъ о погодѣ, въ которыхъ видна наблюдательность цѣлаго ряда поколѣній. Многія народные примѣты имѣютъ нѣкоторое научное основаніе. Отчасти могутъ угадывать состояніе погоды, т.-е. преимущественно влажность и давленіе атмосферы, тѣ люди, у которыхъ нервная система приобрѣла извѣстную степень раздражительности, частью вследствие болѣзней или ревматическихъ недуговъ, а частью вследствие ослабленія мускульныхъ или кровяныхъ системъ. Ежедневныя заботы заставляютъ насъ обыкновенно быть равнодушными къ предостереженіямъ, извлекаемымъ изъ нашихъ впечатлѣній. Вопросъ о предсказаніи явленій вообще принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ науки; въ астрономіи этотъ вопросъ рѣшается самымъ строгимъ образомъ. Астрономы чрезвычайно точно могутъ, путемъ вычисленій, опредѣлить положеніе извѣстнаго свѣтила на цѣлые десятки лѣтъ впередъ. Но въ астрономіи законы различныхъ явленій совершенно точно изслѣдованы и выражены количественно, въ метеорологіи же огромная масса фактовъ усложняетъ явленія и замаскировываетъ ихъ правильность. Въ настоящее время метеорологія не умѣетъ еще объяснить многихъ явленій, входящихъ въ ея область, такъ какъ наблюденія и теперь еще не захватываютъ достаточныхъ пространствъ и ведутся сравнительно недавно. Рѣшеніе вопроса о предсказаніи погоды можно считать одною изъ конечныхъ цѣлей метеорологіи.

Метеорологическое движеніе, какъ я уже упомянулъ, началось въ концѣ прошедшаго столѣтія и выдвинуло вопросъ о предсказаніи погоды. Предсказаніе погоды на болѣе или менѣе отдален-

ные сроки уже давно интересовало ученых. М. В. Ломоносовъ, въ «Разсужденіи о большой точности морскаго пути», читанномъ 8-го мая 1759 г. въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ, говорить: «Предананіе погодъ колы нужно и полезно, вѣдаетъ больше земледѣлецъ которому во время сѣянія и жатвы ведро, во время рощенія дождь, благорастворенный теплотою, надобенъ; на морѣ знаетъ плаватель, которому колы бы великое благополучіе было, когда бы онъ всегда указать могъ на ту сторону, съ которой долговременные потянутъ вѣтры, или внезапная ударить буря. Извѣстно, колы полезно есть предвидѣть напередъ сильныя и опасныя бури, чтобы нечаянно не напали».

Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ также связь метеорологическихъ явленій съ солнечными пятнами, что многіе метеорологи теперь и изучаютъ. Въ извѣстные годы число солнечныхъ пятенъ достигаетъ максимума, затѣмъ начинаетъ ослабѣвать, доходить до минимума, опять возрастаетъ и т. д. Средняя продолжительность періода около 11,1 года. Каждому уже, вѣроятно, извѣстно, что солнце источникъ астрономической и метеорологической жизни нашей планеты; дѣйствіемъ своего притяженія оно управляетъ движеніями земли и періодическими перемѣщеніями ея водъ; солнце же даетъ запасъ энергіи, которая, преобразовываясь въ атмосферѣ и океанѣ, производитъ все разнообразіе метеорологическихъ явленій. Наиболѣе отчетливо доказана и стоитъ выѣ сомнѣнія связь между солнечными пятнами и полярными сѣяніями. Во время максимума пятенъ увеличивается число сѣяній. Многимъ, можетъ быть, памятны 1871 и 1872 года блестящими полярными сѣяніями. Сѣяніе 23 января 1872 года было видимо почти на всемъ сѣверномъ полушаріи; это совпадало съ максимумомъ пятенъ. 1877 годъ былъ очень бѣденъ сѣверными сѣяніями, это было около минимума пятенъ. Также прочно установленъ фактъ относительно періодичности магнитныхъ возмущеній. Магнитныя бури постоянно сопутствуютъ сѣвернымъ сѣяніямъ и имѣютъ тотъ же одиннадцатилѣтній періодъ.

Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ странахъ, составлена система предсказаній, предназначенныхъ для цѣлей земледѣлія. Явленія погоды, важныя для земледѣльца, конечно, отличаются отъ тѣхъ, которыя интересуютъ моряка. Морякъ интересуется почти исключительно направленіемъ и силой вѣтра, земледѣлецъ же желаетъ знать наступленіе дождя, грозы, града, ночныхъ морозовъ. Возможность предсказать дождь, коего условія мѣняются съ мѣтностью, составляетъ труднѣйшую задачу науки. Корреспондентъ

главной физической обсерваторіи г. Пржишховскій, наблюдатель метеорологической станціи при елисаветградскомъ реальномъ училищѣ, при содѣйствіи херсонскаго губернскаго земства, сдѣлалъ попытку распространить предсказанія погоды на пользу сельскихъ хозяевъ Елисаветградскаго уѣзда. Съ апрѣля 1877 года обсерваторія, по просьбѣ метеорологической станціи и на ея средства, высылаетъ время отъ времени предсказанія боѣ рѣзкихъ перемѣнъ погоды. Первая такая телеграмма, посланная 16-го мая 1877 года, извѣщала о вѣроятности перемѣны установившейся было сухой погоды. По сообщеніи г-на Пржишховскаго оказалось, что 18-го мая въ окрестностяхъ Елисаветграда шелъ дождь. 23 мая того же года обсерваторія извѣщаетъ объ ожидаемомъ пониженіи температуры. Это предсказаніе вполне оправдалось, такъ какъ температура, бывшая съ 10 по 23 мая включительно выше 15° Ц., оказалась 24 мая 10°, а ночью съ 24 на 25-е мая термометръ упалъ почти до нуля. Въ 1878 году, благодаря содѣйствію мѣстнаго уѣзднаго земства, разсылка получаемыхъ изъ Петербурга телеграммъ могла быть доставляема 40 лицамъ въ уѣздѣ къ 10 часамъ утра слѣдующаго дня. Но и этого еще недостаточно. Польза предсказаній тогда только будетъ ощутительна, когда они могутъ быть доставляемы сельскимъ хозяевамъ въ тотъ же день.

Въ недавнее время начали устраивать особыя станціи, имѣющія цѣлью изслѣдовать климатическое значеніе лѣсовъ. Практическая необходимость подобныхъ станцій вызвана повсемѣстнымъ и безпощаднымъ истребленіемъ лѣсовъ.

Давно уже указывали на то, что истребленіе лѣсовъ влечетъ за собою уменьшеніе количества осадковъ, усиленіе испаренія, обмелѣніе рѣкъ и вообще измѣненіе климатическихъ условій. Многимъ, вѣроятно, приходилось слышать жалобы на дурные урожаи, на продолжительность засухи, на дороговизну. Всѣ говорятъ, что прежде лучше было жить. Часто слышались жалобы на то, что лѣто нынче не похоже на лѣто и зима перестала быть зимой, а все оттого, что лѣсъ повсюду истребляется. Вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ вѣтеръ дѣлается полнымъ властелиномъ ровныхъ безлѣсныхъ пространствъ, а потому часто морозы уничтожаютъ трудъ земледѣльца, а лѣтній зной иссушаетъ почву и губить посѣвы. Въ весеннее время бываютъ разливы такихъ рѣкъ, которыя въ лѣтнее время совершенно высыхаютъ. Съ проведеніемъ повсюду желѣзныхъ дорогъ и съ расширеніемъ фабричной и заводской промышленности истребленіе лѣсовъ начинается

принимать грандіозные размѣры. Тогда только были замѣчены вредныя послѣдствія истребленія лѣсовъ, когда отсутствіе ихъ отозвалось на посѣвахъ, на обмелѣніи рѣкъ и явномъ измѣненіи климата даннаго мѣста. Вліяніе лѣсовъ на уменьшеніе атмосферной влажности усмотрѣно было еще въ концѣ XV столѣтія. Много было преній и несогласій между учеными относительно вліянія лѣсовъ на климатъ. Сколько было голосовъ противъ уничтоженія лѣсовъ, почти столько же было и за него. Многіе германскіе и французскіе ученые далеко не все согласны признать это вліяніе и до сего времени встрѣчаются большія препирательства. По мнѣнію нѣкоторыхъ, истребленіе лѣсовъ чистая благодать для страны и только уничтоженіемъ ихъ можно-де улучшить плодородіе и климатъ. Для рѣшенія этого спорнаго вопроса надо произвести точныя наблюденія съ чисто метеорологическою цѣлью для выясненія истиннаго значенія лѣсовъ на климатъ.

Довольно хорошо въ настоящее время разработанъ вопросъ о предстоящихъ измѣненіяхъ погоды, какъ я уже упоминалъ, для ближайшаго будущаго. Если намъ дано распредѣленіе давленія для извѣстнаго момента, то тѣмъ самымъ опредѣляется до нѣкоторой степени преобладающій характеръ погоды. Вѣроятныя соображенія о предстоящихъ штормахъ составляются въ центральныхъ учрежденіяхъ Европы, и въ случаѣ опасности посылаются предостереженія въ порты, гдѣ тотчасъ же поднимаютъ штормовые сигналы.

Соображенія относительно предсказаній бурь будутъ тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ сильнѣе нарушено равновѣсіе атмосферы; слѣдовательно, болѣе удачныя предсказанія возможны для штормовъ. Нагляднымъ и характернымъ доказательствомъ всей важности повсемѣстныхъ и разнообразныхъ метеорологическихъ наблюденій можетъ отчасти служить столь памятное всѣмъ событіе на московско-курской желѣзной дорогѣ, въ ночь съ 29 на 30 іюня 1882 года, извѣстное подъ названіемъ кукуевской катастрофы.

Причиной крушенія былъ выставленъ сильный и продолжительный дождь. Въ ближайшемъ къ мѣсту катастрофы селѣ Михайловскомъ только-что въ томъ году устроена метеорологическая станція и начались наблюденія надъ осадками и, конечно, раньше не могли имѣть никакихъ числовыхъ данныхъ, чтобы судить о нормальныхъ мѣсячныхъ осадкахъ и ихъ максимумѣ. Количество дождя, выпавшее 29 іюня въ Михайловскомъ, представляетъ для всей Европейской Россіи наибольшій максимумъ выпадающаго въ теченіи 24 часовъ дождя; его тамъ выпало 145,5 м.-м. Такая

огромная почти небывалая цифра показала невѣроятную глав-
ной физической обсерваторіи, и она послала запросъ наблюдателю
въ Михайловскомъ, г-ну Соймонову, не произошло-ли при измѣ-
реніи какого-нибудь упущенія и не могло-ли случайно быть въ
дождемѣрѣ посторонней воды. На это г. Соймоновъ отвѣчалъ,
что собирательный сосудъ стоялъ совершенно изолированнымъ
на свободномъ мѣстѣ среди цвѣтника, находящагося передъ до-
момъ и что онъ не имѣетъ повода думать, чтобы въ сосудѣ была
какая-либо вода, кромѣ выпавшаго дождя. Какъ показываютъ
синоптическія карты, этотъ сильный дождь выпалъ въ южной
части частнаго барометрическаго минимума, отдѣливавшагося отъ
циклона, находившагося надъ Балтійскимъ моремъ 27 іюня. Если
бы производились наблюденія надъ осадками въ томъ мѣстѣ го-
раздо раньше, и вообще если бы главная обсерваторія имѣла
возможность предсказывать наступленіе сильныхъ дождей, то,
весьма вѣроятно, можно было бы избѣжать подобныхъ несчастій
или предпринять къ тому какія-либо мѣры. Кончая свою лекцію,
я позволю себѣ еще разъ сказать, что метеорологія въ Россіи
сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ и продол-
жаетъ прогрессивно совершенствоваться съ каждымъ годомъ.
Преимущество, отдаваемое нашему центральному учрежденію
всеми европейскими учеными метеорологами, есть лучшее дока-
зательство успѣховъ этого дѣла въ Россіи.

Такъ, напримѣръ, при снаряженіи международной полярной
экспедиціи, большая часть станцій, снаряженныхъ разными стра-
нами, была снабжена барометрами типа главной физической
обсерваторіи. Теоретическія и опытные изысканія обсерваторіи
по анемометріи дали возможность производить абсолютную про-
вѣрку анемометровъ въ предѣлахъ отъ самыхъ малыхъ скоростей
тихаго вѣтра до урагана; такимъ образомъ, въ то время, какъ загра-
ницею въ большинствѣ случаевъ довольствуются непровѣренными
анемометрами съ шкалами, лишь теоретически приблизительно
вѣрными, въ Россіи почти все, правда, до сихъ поръ не въ боль-
шомъ числѣ, анемометрическія наблюденія ведутся по анемомет-
рамъ, тщательно повѣреннымъ въ главной физической обсерва-
торіи, принимая во вниманіе опредѣленные ею поправки.

Въ Западной Европѣ обращено вниманіе на наши успѣхи въ
этомъ отношеніи: такъ, напримѣръ, извѣстный метеорологъ Монъ,
изъ Норвегіи, центральныя метеорологическія учрежденія изъ
Берлина и изъ Рима, желая получить возможно точные абсолют-
ные выводы изъ дѣлаемыхъ ими наблюденій, присылали свои

анемометры для повѣрки въ главную физическую обсерваторію. Изъ сказаннаго здѣсь можно видѣть, что въ настоящее время относительно метеорологическихъ наблюденій во многихъ случаяхъ уже не Россія заимствуетъ у иностранцевъ, а, напротивъ, представители науки другихъ просвѣщенныхъ странъ дѣлають позаймствованія у насъ.

Надо принять во вниманіе, что теоретическая разработка метеорологическихъ матерьяловъ слишкомъ неблагодарный и малоцѣнный трудъ, хотя на самомъ дѣлѣ, по своей кропотливости и большому будущему значенію, слѣдовало его поставить наравнѣ со всѣми остальными учеными работами.

Убѣдившись въ возможности предсказывать погоду для ближайшаго будущаго, слѣдуетъ вѣрить въ возможность предсказаній и на болѣе отдаленные сроки. Для скорѣйшихъ успѣховъ этой полезной науки необходимо какъ можно больше имѣть повсемѣстныхъ точныхъ наблюденій и побольше лицъ искренно желающихъ проникнуть въ глубину всѣхъ атмосферныхъ возмущеній.

Ф. А. Тимофѣевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

«Послѣднія поэмы» Л. Е. Оболенскаго (256 стр.). Ц. 1 р. Въ книжкѣ помѣщено шесть большихъ произведеній автора, не вошедшихъ въ I-й томъ стихотвореній. Самое обширное изъ нихъ, занимающее болѣе 130 стр., есть «Мюнцеръ», драматическая хроника изъ временъ реформаци и вызванной ею крестьянской войны въ Германіи. Хроника старается передать въ художественной формѣ и на основаніи точныхъ историческихъ матеріаловъ главные моменты, типы и общій духъ этой эпохи социально-религіознаго движенія европейскихъ массъ. Кромѣ Мюнцера, тутъ выступаютъ Лютеръ, Меланхтонъ, анабаптистъ Шторхъ, и наконецъ, Карлштадтъ, проповѣдывавшій «непротивленіе насиліямъ» и земледѣльческій трудъ для интеллигенціи. Въ драму введенъ и элементъ любви между Мюнцеромъ и его будущею женой, но не какъ вымыселъ, а какъ точное воплощеніе того, что имѣется въ историческихъ документахъ.

Вторымъ, по объему, произведеніемъ является повѣсть въ стихахъ «Отступникъ» изъ современной русской жизни, представляющая молодого, вѣкогда прогрессивнаго писателя, измѣняющаго мало по малу своему знамени, результатомъ чего, между прочимъ, является потрясающая драма въ жизни дѣвушки, любившей героя и увлеченной его юношескими идеалами.

Въ poemѣ «Дѣвкина гора» выведенъ типъ одной изъ поволжскихъ разбойницъ, ея столкновеніе и любовь съ молодымъ купцомъ, кончившаяся кровавою трагедіей.

Въ poemѣ «Варварушка» изображены выдающіеся простые моменты обыденной жизни крестьянской женщины-труженицы.

Кромѣ этого, въ книжкѣ имѣется переводъ знаменитой поэмы Эдгара Поэ «Воронъ», и фантастическая сцена «Рожденія любви».

О достоинствахъ или недостаткахъ книги, мы на основаніи литературнаго обычая, не будемъ говорить въ органѣ, издаваемомъ самимъ авторомъ стихотвореній.

Сочиненія Корнелія Тацита. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ В. И. Модестова. Спб., 1886—1887 гг. Два тома.

Недавно вышелъ въ свѣтъ второй томъ предпринятаго г. Модестовымъ перевода всѣхъ сочиненій знаменитаго римскаго писателя. Первый томъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1886 году, заключалъ въ себѣ *Агриколу*, *Германію*, и *Исторіи*; вновь изданный томъ, которымъ и заканчивается переводъ, содержитъ въ себѣ *Лѣтопись* и *Разговоръ объ ораторахъ*. Нельзя не пожелать распространенія этому переводу, какъ сдѣланному однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ латинистовъ, авторомъ исторіи римской литературы и специальной монографіи о Тацитѣ, изданной въ 1864 году. Переводъ г. Модестова снабженъ необходимыми примѣчаніями, и ему предпослана небольшая вступительная статья. Внѣшній видъ изданія весьма хорошій. Цѣна перваго тома 2 руб. 50 к., втораго—3 р. 50 к. К.

Г. Э. Лессингъ, какъ драматургъ. О. К. Андерсона. 1887 г. Спб. 186 стр. Ц. 1 р.

Очень хорошая и полезная книга. Издана прекрасно. Излагаетъ съ любовью и знаніемъ состояніе театра до Лессинга и то, что онъ сдѣлалъ для театра. Весьма важно познакомиться съ этою книжкой для пишущей братіи, не могущей прочесть Лессинга въ подлинникъ.

Рыбы стоны. М. Альбова. Спб. 1887 г. Цѣна 20 к. Рассказъ, поражающій огромною талантливостію автора и его мрачнымъ настроеніемъ, подъ которымъ кроется, однако, глубокая любовь къ человѣку. Намъ кажется, это есть тотъ родъ, въ которомъ г. Альбовъ долженъ проявить свою выдающуюся силу.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ ¹⁾.

Жидъ. Этюдъ Г. А. Мачтета. Ц. 40 к. (76 стр.).

Е. С. Шумцовскій. Очерки по русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Ц. 50 к. (67 стр.).

Бросьте курить! Одесса. 1887 г. Ц. 20 к. (43 стр.).

П. Шишко. Очерки практической химіи. Часть неорганическая. Металлоиды (60 стр.).

¹⁾ Вслѣдствіе позднаго полученія книгъ, помѣщаемъ лишь краткія свѣдѣнія о нихъ. Ред.

Н. Гротъ. О направленіи и задачахъ моей философіи. Москва. 1886 г. (18 стр.).

Н. И. Познякова. Житейскіе рассказы. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Содержаніе: Жажущій.—Боротенькій вѣкъ. Трусъ.—Страничка изъ дневника.—Финалъ.—Юродивый.—За расчетомъ.—Наслѣдникъ.—На бѣдность.—Къ новой жизни.—Росянка.—Изъ записокъ скучающаго.

Всѣ рассказы этого сборника предварительно были помѣщены въ разныхъ журналахъ и газетахъ, какъ-то: «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Богатствѣ», и др.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

въ 1887—1888 (третьемъ) году.

(Съ 1 ноября 1887 по 1 ноября 1888 года).

По слѣдующей программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговое хозяйство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ, охота. Сельско-хозяйственная технология, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библиографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адреса. Объявленія.

Сельско-хозяйственный фельетонъ,—г. Агриколы.

Годовые подписчики получаютъ, немедленно по высылкѣ подписной суммы, бесплатное приложение:

АЛЬБОМЪ типовъ лошадей, скота, собакъ, куръ и яхтъ.

Описание рисунковъ альбома будетъ помѣщено въ журналъ въ теченіи года.

Полугодовые подписчики получаютъ это приложение только по присылкѣ въ срокъ (до 1 мая) подписной платы за второе полугодіе.

НВ. Альбомъ будетъ высылаемъ въ картонѣ, въ тщательной укупоркѣ, и только по полученіи на пересылку и упаковку 21 коп. деньгами или марками.

НВ. Кромѣ того, въ теченіи года **БУДУТЪ ПРИЛОЖЕНЫ БЕЗПЛАТНО**: 1) различныя сельско-хозяйственныя сѣмяна; 2) главнѣйшіе типы породъ скота и лошадей, и 3) архитектурныя проекты:

I. Рациональной свинарни, II. Русской печи съ вентиляціей. III. Птичника. IV. Зерносушилки. V. Деревяннаго дома-дачи. VI. Мельницы. VII. Молотильнаго сарая, и др.

Въ объявленіяхъ журнала будутъ печататься, по прежнему, таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

ЦѢНА: на годъ безъ перес. и дост. 5 р., съ дост. въ Спб. 6 р. 50 к., съ перес. иногороднимъ 6 р. За полгода: безъ дост. 3 р., съ доставкой въ Спб. 3 р. 50 к., съ перес. иногороднимъ 4 р. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. Иногородные адресуются: въ редакцію журнала «Сельскій Хозяинъ»

(Спб., Надеждинская, № 39), въ книжные магазины «Новаго Времени» (въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), въ контору объявленій Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи). ГОРОДСКІЕ ПОДПИСЧИКИ приглашаются въ главныя конторы редакціи: Надеждинская, № 39, и при книжномъ магазинѣ «Новаго «Времени». ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Сельскаго Хозяина» за 1887 г. (съ 1 ноября 1886 г.) со всѣми приложеніями стоятъ: безъ пересылки и дост. 5 р., а съ перес. или дост. 6 р. На хромофотографію 21 коп. Полныхъ экземпляровъ журнала за 1887 годъ, ограниченное количество.

Въ нашихъ переплетахъ «Сельск. Хоз.» полезная наградная книга для земледѣльческихъ и сельскихъ училищъ.

Большая ежедневная политическая, ученая и литературная газета

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО ВЪ 1812 ГОДУ).

Вступивъ съ 1 числа октября 1887 года ВЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ, газета, съ этого юбилейнаго дня, вновь реформирована, значительно дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ (безъ повышенія подписной цѣны), и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, какъ изъ русской, такъ и иностранной жизни, можетъ замѣнить собою

дорогую по подписной цѣнѣ газету и ежедневный журналъ.

При воскресныхъ нумерахъ разсылается приложеніе въ видѣ ежедневнаго ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, въ который войдутъ: историческіе и современные ПОВѢСТИ, РОМАНЫ, РАЗСКАЗЫ (оригинальные и переводные), ПОРТРЕТЫ современныхъ и историческихъ дѣятелей, РИСУНКИ бытовые, историческіе и современные, преимущественно изъ русской жизни, а также КАРРИКАТУРЫ.

Ежедневно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются къ домашнему производству «МОДЫ и РУКОДѢЛЬЕ», съ приложеніемъ образцовъ вышивокъ, вязаній и другихъ дамскихъ рукодѣлій, а также и выплотовочныхъ работъ, при объясненіи производства работъ и указаніи матеріала.

Гг. подписчики, выславшіе сполна годовую подписную плату до 1 января, имѣютъ право получить на выборъ ОДНУ изъ ТРЕХЪ нижеозначенныхъ картинъ-олеографій, отпечатанныхъ въ

нѣсколько красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ.

1) «Крещеніе киевлянъ при св. князѣ Владимірѣ» (издана въ виду наступающаго 900-лѣтія—15 іюля 1888 г.). Размѣръ карт. 1 арш. 2 вер., выс. 14 вершк.

2) «Смерть Ивана Сусанина» (изданіе второе, тождественное съ первымъ). Размѣръ картины 1 аршинъ, высота $\frac{3}{4}$ аршина.

3) «Дѣвичникъ въ Малороссіи» (съ картины профес. А. Маковского). Размѣръ картины: длина $1\frac{1}{2}$ аршина, высота 1 аршинъ.

Желающіе получить, кромѣ одной (безплатной) картины, остальные ДВѢ благоволятъ выслать за каждую по 1 руб. и на доставку прибавить по 10 коп. за экз. (если требованіе трехъ картинъ будетъ одновременно).

Подписная цѣна ежедневной газеты «Сынъ Отечества» съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями: безъ доставки и пересылки: на годъ 7 руб. на 6 мѣс. 3 р. 60 к.; съ доставкою и пересылкою: на годъ 8 руб. на 6 мѣс. 4 р. 50 коп.

Желающіе получить картину-олеографію благоволятъ выслать 80 к. Безъ этой приплаты премія не высылается. Въ разсылкѣ олеографій соблюдается очередь поступленія требованій.

За редактора М. КУПЛЕТСКИЙ. . Издатель С. ДОБРОДѢВЪ.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

1888.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1888.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(изданіе существуетъ съ 1835 года).

52 нумера, выходящихъ еженедѣльно. Каждый нумеръ въ ДВА листа большого формата съ 7—8 больш. рисунк., изъ коихъ нѣкоторые печатаются въ два и три тона.

12 литературныхъ приложеній, выходящихъ ежемѣсячно отдѣльными книжками въ объемѣ въ 10 печатныхъ листовъ въ 8 долю. Сюда войдутъ:

I) Оригинальные романы и повѣсти русскихъ писателей. Эти произведенія въ 1888 г. не будутъ дробиться, а появятся цѣлыми книжками.

II) Переводные романы и повѣсти. Произведенія иностранныхъ писателей будутъ помѣщаемы, по возможности, въ цѣломъ объемѣ въ одной книжкѣ.

III) Классическія произведенія одного изъ любимѣйшихъ европейскихъ писателей.

Изъ перечисленныхъ отдѣловъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, въ концѣ года у каждаго изъ гг. подписчиковъ журнала «Живописное Обзорѣніе» составитъ довольно цѣнная бібліотека избранныхъ беллетристическихъ произведеній, въ нѣсколько томовъ, стоимостью не менѣе 10—12 рублей.

12 номеровъ «Новѣйшихъ парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно, въ первое воскресенье послѣ 1 числа. При номерахъ модъ прилагаются особые листы.

I. Выкройки (въ натуральную величину) съ новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, заслуживающихъ вниманія по своему изяществу и практичности. II. Выкройки, узоры и мѣтки для бѣлья (отъ простаго до изящнаго). III. Образцы изящныхъ рукодѣлій, какъ, наприим., вышивка шелкомъ, шерстью, шнурками, бисеромъ и проч. IV. Образцы и рисунки разнаго рода вязаній. V. Образцы выпивочныхъ работъ и друг.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-копій съ картинъ лучшихъ художниковъ русской и иностранной школъ (печатается въ нѣсколько томовъ).

СТѢННОЙ КАБИНЕТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1888 годъ, изящно отпечатанный (на одну сторону). Разсылается при первомъ номерѣ.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ за 1888 годъ—большая, эффектная и художественно-исполненная картина-олеографія въ 28 красокъ, изображающая написанный съ натуры русскій пейзажъ:

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

(Размѣръ картины: длина—ПОЛТОРА арш., высота—ОДИНЪ арш.)

Художественная сторона журнала пользуется достаточною извѣстностью, что и свидѣлствуютъ наши лучшіе органы періодической печати въ своихъ лестныхъ для нашего изданія отзывахъ (см. «Новое Время», «Новости», «Спб. Вѣд.», «Рус. Газ.», «Бирж. Вѣд.», «Пет. Лист.» и др.

Блестящій успѣхъ нашего журнала за послѣдніе года даетъ намъ возможность и въ наступающемъ году продолжать дальнѣйшее дѣло изданія съ постояннымъ улучшеніемъ и пополненіемъ, какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ отдѣловъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—съ пересылкою 8 р. Безъ доставки 6 р. 60 к. Заграницею 10 р.

Значительное повышеніе таможеннаго тарифа и новыя почтовые правила, не допускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью, неизбѣжно вызываютъ увеличеніе въ платѣ за доставку преміи, а именно:

Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію съ доставкою цѣнною посылкою, задѣланною въ холстъ и накатанной на скалку, благоволятъ выслать на доставку рубль. Мелкія суммы (копѣйки) просятъ высылать почтовыми, а не гербовыми марками.

Безъ упомянутой приплаты премія высылаться не будетъ.

Премія уже изготовлена и выдается въ главной конторѣ городскихъ подписчикамъ тотчасъ при подпискѣ, а иногороднимъ высылается немедленно по очереди поступления требованій.

За редактора—издатель С. ДОБРОДѢВЪ,

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Открыта подписка на 1888 г. (VII годъ изданія).

на

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ.“

«РОДНИКЪ» въ 1888 году будетъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ минувшія 6 лѣтъ.

«РОДНИКЪ» выходитъ 1 числа каждого мѣсяца, книжками большого формата, со многими картинками.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учен. комит. при свят. синодѣ, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежден. Императрицы Маріи и мин. нар. просвѣщенія. Циркуляромъ по мин. нар. просв. (отъ 12 мая 1887 г., за № 7,289) предложено на случай выписки для библіотекъ низшихъ городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебн. заведеній, какъ журналъ, вполне отвѣчающій требованіямъ русской семьи и школы и служащій богатымъ источникомъ нравственнаго чтенія, проникнутаго духомъ религіи и преданности отечеству.

Годовые подписчики на «РОДНИКЪ» изданія 1888 года получаютъ вмѣстѣ съ № 1

„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“,

составленный изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, со многими рисунками худ. М. Михайлова.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ вмѣстѣ съ «РОДНИКОМЪ» высылается ежемѣсячно педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“,

посвященный разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебн. пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

Условія подписки на 1888 годъ: «РОДНИКЪ» съ листкомъ «Воспитаніе и Обученіе» на годъ съ дост. и перес. 6 руб.; «РОДНИКЪ» безъ листка «Воспитаніе и Обученіе», на годъ, съ дост.

и перес. 5 руб.; «ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ» отдѣльно на годъ, съ дост. и перес. 2 р.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, уголъ Знаменской и Баскова пер., д. 14—24.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Фену и комп., въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», и въ »Русскомъ книжномъ магазинѣ»; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ «Сотрудникъ Школъ», Воздвиженка, д. Армандъ, и въ книжномъ магазинѣ «Начальная Школа», на Кузнецкомъ мосту.

Подробная программа «Родника» и листка «Воспитаніе и Обученіе» съ каталогомъ изданій редакціи, высылаются, по требованію бесплатно.

Редакторъ-издательница Е. СЫСОВА.

Редакторъ АЛЕКСѢЙ АЛЬМЕДИНГЕНЪ.

Открыта подписка на 1888 годъ

ПАПТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ: избранныя сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателей, критическіе этюды, историко-литературныя изслѣдованія и современную лѣтопись по литературѣ и поэзії.

Назначеніе журнала — путемъ интереснаго и общедоступнаго чтенія содѣйствовать ознакомленію съ первоклассными писателями и распространенію историко-литературныхъ знаній.

Въ журналѣ будутъ участвовать: О. Д. Батюшковъ, О. И. Булаевъ, Л. П. Бѣльскій, П. И. Вейнбергъ, А—ръ Н. Веселовскій, А—й Н. Веселовскій, Я. К. Гротъ, П. А. Ефремовъ, А. И. Кириичниковъ, М. И. Кудряшевъ, Р. О. Ланге, В. И. Межовъ, О. О. Миллеръ, А. А. Рейнгольдъ, Н. И. Стороженко, Н. О. Сумцевъ и др.

«ПАПТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца книжками до 15-ти печатн. листовъ большого формата.

Цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 8 руб., на полгода—5 руб. Отдѣльныя книжки по 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., 38), въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Иногородные благоволятъ обращаться: въ редакцію журнала «ПАПТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ», С.-Петербургъ, Фурштатская, д. 19, кв. 41.

Редакторъ-издатель А. Чудиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

на еженедѣльный

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ
НА СУШЬ И НА МОРЬ.****„ВОКРУГЪ СВѢТА“**

(четвертый годъ изданія).

«Вокругъ Свѣта» выходитъ каждую недѣлю (50 №№ въ годъ) въ обыкновенномъ форматѣ иллюстрацій. Каждый № состоитъ изъ двухъ листовъ и заключаетъ въ себѣ 16 страницъ текста и отъ 6 до 8 рисунковъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Имѣя собственную типографію и хромотипію, редація обращаетъ особенное вниманіе на изящную внѣшность журнала и безукоризненную печать. Содержаніе каждого нумера состоитъ: изъ полныхъ захватывающаго интереса романовъ, изображающихъ путешествія и приключенія во всѣхъ странахъ свѣта, всегда иллюстрированныхъ превосходными гравюрами на деревѣ; изъ описаній выдающихся путешествій въ малоизвѣстныхъ странахъ съ рисунками первоклассныхъ художниковъ; изъ интересныхъ разсказовъ и повѣстей, рисующихъ бытъ народовъ различныхъ странъ, приключенія, большія охоты, кораблекрушенія и природу; изъ популярно-научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; изъ хроники выдающихся событій, описанія рисунковъ, научныхъ извѣстій, изобрѣтеній, открытій и изслѣдованій; изъ хроники путешествій и, наконецъ, смѣси, въ рубрику которой входитъ множество разнообразныхъ и интересныхъ извѣстій.

Кромѣ еженедѣльнаго журнала всѣ подписчики «Вокругъ Свѣта» безъ всякихъ приплатъ получаютъ еще каждый мѣсяцъ ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе, состоящее изъ небольшихъ книжекъ въ два печатныхъ листа съ 10—12 рисунками. Въ концѣ года эти приложенія составятъ большой томъ, заключающій въ себѣ полный иллюстрированный романъ. Въ 1888 году въ этомъ приложеніи будетъ печататься романъ Жюль Верна, со множествомъ рисунковъ. Такимъ образомъ, наши подписчики получатъ въ концѣ года, кромѣ двухъ томовъ журнала, и еще книгу, которая въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе трехъ рублей.

Подписная цѣна на журналъ «Вокругъ Свѣта» съ доставкой и пересылкой во всѣ города и ежемѣсячнымъ приложеніемъ:

4 р. въ г. съ перес.; 2 р. 50 к. въ полгода; 1 р. 50 к. въ 3 мѣс.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редація «Вокругъ Свѣта», Арбатъ, д. Каринской.

Открыта подписка на 1888 годъ
на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Годъ еще, и десять лѣтъ минетъ, какъ издается «РУССКІЙ КУРЬЕРЪ». Этотъ рядъ цѣлыхъ годовъ нашего изданія, пользовавшагося все это время добрымъ вниманіемъ и довѣріемъ со стороны русскаго общества и русскаго народа, добрый откликъ ему со всѣхъ сторонъ Россіи и изъ среды славянскихъ народовъ поддерживаетъ нашу энергію и къ будущему служенію на пользу русскимъ и славянскимъ интересамъ и даетъ намъ право высказаться болѣе точно и опредѣленно о задачахъ нашихъ и напѣреніяхъ.

Мы не измѣняемъ и въ будущемъ своего знамени добросовѣстно мыслить на общую пользу, твердо слѣдовать тому же принципу правды, которому слѣдовали и донинѣ. Чутко стоя на стражѣ общественныхъ интересовъ, мы внимательно, какъ и прежде, будемъ слѣдить за всѣмъ, что совершается внутри и внѣ дорогаго для насъ отечества, что такъ или иначе отражается на его историческихъ судьбахъ. Намъ дороги эти судьбы, и потому мы не пропускаемъ ни одного изъ событій, вліяющихъ положительно или отрицательно, какъ на совершенствованіе русской жизни, такъ и на политическое положеніе Россіи, какъ великой державы, достоинство, могущество и слава которой составляютъ нашу національную гордость. Мысли наши и сердце наше, преисполнены чувствомъ истиннаго патріотизма, всегда готовы со своимъ посильнымъ словомъ сослужить службу всему, что можетъ содѣйствовать ко благу родины, къ преуспѣванію и величію русской земли и русскаго народа.

Вотъ причина, въ силу которой мы съ одинаковымъ вниманіемъ и усердіемъ относимся ко всѣмъ вопросамъ государственной и общественной жизни, поочередно трактуя о дѣлахъ и вопросахъ политическихъ, административныхъ, законодательныхъ, судебныхъ, городскихъ, земскихъ, финансовыхъ, экономическихъ, торговыхъ, промышленныхъ, о вопросахъ народнаго образованія, народнаго здравія и вообще о всѣхъ соціальныхъ и политическихъ явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ жизни и къ быту русскаго человека.

Историческіе русскіе завѣты и чувство единства нашего національнаго духа съ единоплеменными и единокровными намъ народами славянскими заставляютъ насъ зорко слѣдить за судьбами славянства и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ нашихъ, всему, что можетъ сплотить славянство въ одно цѣлое съ нами.

Смерть славныхъ московскихъ публицистовъ заставила насъ особенно ревниво встать при исполненіи своихъ обязанностей и постараться употребить наши силы къ тому, чтобы послѣдовать, насколько то будетъ возможно, тѣмъ сторонамъ ихъ дѣятельности, которымъ мы сочувствовали при ихъ жизни и которые остались и понынѣ для насъ симпатичными.

Въ разработкѣ «славянскаго вопроса» намъ общалъ свое сотрудничество извѣстный славистъ О. Ѳ. Миллеръ, профессоръ с.-петербургскаго университета, членъ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.

Въ разработкѣ славянскаго вопроса участвуетъ у насъ также извѣстный ученый славистъ Н. П. Аксаковъ, со статьями котораго читатели уже знакомы.

Для той же цѣли установлены нами тѣсныя сношенія со всѣми славянскими землями и имѣются нѣсколько специальныхъ корреспондентовъ въ Софіи, Константинополѣ, Цетинѣ, Русукѣ, Бѣлградѣ, Львовѣ, Вѣнѣ и другихъ славянскихъ городахъ.

Въ составленіи какъ «передовыхъ», такъ и вообще статей въ газетѣ нашей принимаютъ постоянное участіе, кромѣ самого редактора-издателя, многіе извѣстные публицисты, профессора, специалисты по разнымъ отраслямъ знанія, беллетристы, земскіе и городскіе дѣятели, юристы, филологи, педагоги, агрономы, техники и военные.

На ряду съ руководящими статьями по разнымъ текущимъ вопросамъ, на ряду съ серьезнымъ матеріаломъ, съ различнаго рода извѣстіями о текущихъ дѣлахъ какъ внутри Россіи, такъ и заграницей, съ различными новостями, составляющими вѣчно жгучій интересъ минуты и злобу дня, мы ежедневно удѣляемъ мѣсто въ нашей газетѣ и матеріалу беллетристическому, принаровленному для легкаго чтенія, даванъ этимъ читателю необходимое развлеченіе въ часы досуга плодами творчества и художественной фантазіи.

Чтобы слѣдить за жизнью Западной Европы и другихъ странъ свѣта, имѣются свои корреспонденты въ Нью-Йоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и друг. городахъ.

Для ознакомленія съ дѣятельностью нашихъ земствъ, городовъ, селъ и деревень, и вообще съ жизнью русскаго народа, имѣются въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ селахъ и деревняхъ тоже, свои корреспонденты, въ количествѣ до 300.

Въ виду того, что государство наше прогрессируетъ и всѣ органы нашего государственнаго управленія усердно работаютъ, то для своевременнаго ознакомленія съ ихъ дѣятельностью, нами приглашенъ специальный корреспондентъ, имѣющій постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ. Его сообщенія ежедневно печатаются въ нашей газетѣ подъ рубрикой: «О проектахъ и о ходѣ дѣлъ въ государственныхъ учрежденіяхъ».

«РУССКІЙ КУРЬЕРЪ» выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ, по слѣдующей программѣ:

I. Постановленія и распоряженія правительства.—II. Обзоръ

политическихъ событій и общественной жизни; обсужденіе «вопросовъ дня».—III. Хроника: извѣстія придворныя, военныя, литературныя, художественныя, театральныя, музыкальныя, торговыя и др. Біографія и некрологи.—IV. Телеграммы.—V. Московскій дневникъ.—VI. Мнѣнія русской и иностранной печати по текущимъ вопросамъ.—VII. Жизнь Россіи: народное образованіе, земство, городское и крестьянское самоуправленіе, промышленность и торговля; корреспонденціи изъ Россіи; извлеченія изъ журналовъ и газетъ.—IX. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, очерки, рассказы, сцены, стихотворенія.—X. Фельетонъ: обзоръ явленій внутренней жизни; литературная лѣтопись; обзоръ журналовъ; историческій листокъ; научная хроника; хроника заграничной жизни; театръ и музыка.—XI. Критико-біографическій отдѣлъ: статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности.—XII. Судебная хроника: судебные процессы.—XIII. Разныя извѣстія: случаи, анекдоты и проч.—XIV. Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія биржевыя, желѣзно-дорожныя, театральныя и отвѣты редакціи.—XV. Объявленія.

Въ «РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ» помѣщаются ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ и табельныхъ: политическое обозрѣніе, разнообразныя фельетоны и передовыя статьи по текущимъ вопросамъ и особенное вниманіе обращается на славянскій вопросъ.

Телеграммы помѣщаются «Сѣвернаго телеграфнаго агентства» и отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Съ 1887 года размѣръ газеты значительно увеличился и прибавилось до 650 строкъ. Всего помѣщается текста, кромѣ объявленій, до 3,000 строкъ.

Въ матеріальномъ отношеніи газета также поставлена въ благоприятныя условія. Всѣмъ извѣстная состоятельность редактора-издателя газеты представляетъ для подписчиковъ прочную гарантію въ цѣлости ихъ подписныхъ денегъ и въ своевременной и правильной высылкѣ газеты.

Для печатанія газеты устроена типографія, снабженная новѣйшей конструкціи машинами и аппаратами, въ томъ числѣ скоропечатною англійскою машиною «Викторія», печатающею и фальцующею 10,000 экземпляровъ газеты въ часъ, аппараты для стереотипа и два мотора газовый и паровой. Для разсылки газеты въ провинцію имѣется экспедиторъ и для Москвы—артель разношниковъ. Бумага по заказу нашему получается съ фабрики Кувшинова.

Редакція, контора изданія и типографія помѣщаются въ собственномъ домѣ Н. П. Ланина, въ Москвѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:

На годъ 9 р. — к.
 » 6 мѣс. 5 » — »

» 3 »	2 » 75 »
» 1 »	1 » 10 »

Съ пересылкою во всѣ города:

На годъ	10 р. — к.
» 6 мѣс.	6 » — »
» 3 »	3 » — »
» 1 »	1 » 25 »

За границу.

На годъ	20 р. — к.
» 6 мѣс.	12 » — »
» 3 »	6 » — »
» 1 »	2 » 50 »

1. Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не даѣе конца года.

2. Гг. иногородніе, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.

3. За перемѣну адреса городского и иногороднаго—30 к. При перемѣнѣ городского на иногородній доплачивается разица въ цѣнѣ подписки.

Тарифъ на объявленія:

За строку нетита или за мѣсто, занимаемое ею:

На первой страницѣ—20 коп. за стр.

На четвертой страницѣ—10 коп за стр.

Редакторъ-издатель Н. П. Ланинъ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ежедневная (кромѣ дней послѣпраздничныхъ) литературно-политическая и экономическая газета

будетъ выходить въ будущемъ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйств., педагогич., законодат., судебн., земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосах. промысл., лѣсоводство и пр.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причѣмъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.

3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.

4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. Этотъ отдѣлъ получить въ будущемъ году большое развитіе.

- 5) Повѣсти, рассказы и романы, оригинальные и переводные.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обзорѣніе русскихъ и заграничн. журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ Юго-Западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское слово» съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 коп.; безъ дост. и перес.: на годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и къ 1 іюня вторые 5 р.; безъ дост.—въ тѣ же сроки по 4 р. Другіе сроки не допускаются. Выписка газеты въ кредитъ допускается для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ черезъ ихъ казначеевъ. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются: 1) въ редакціи «Кіевского Слова», Кудрявскій пер., д. № 6; 2) въ главной конторѣ газеты при типографіи С. В. Кульженко; 3) въ конторѣ газеты, на Крещатикѣ, въ зданіи биржи; 4) на Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Б. Корейво, П. Барскаго, Н. Оглоблина, и на Б. Владимірской, въ магаз. Гомолинскаго; 5) въ Одессѣ—въ книжн. магаз. Б. Корейво и И. Розова; 6) въ Петербургѣ у Леоны Петі, Никольская пл., № 6; 7) въ Москвѣ, у М. Пироне, Тверская, д. Полякова, и 8) въ Парижѣ, Société Navas, Laffite et Co, Place de la Bourse, 8. За напечатаніе объявленій платится за одну строку петита въ столбцѣ или же ея мѣсто: за 1 разъ по 20 к., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп. За всѣ объявленія впереди текста взимается двойная плата.

Редакторъ-издатель проф. А. Я. Антоновичъ.

годъ VIII. ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ. годъ VIII.

„РЕВУСЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тайна міроздація—неразрѣшимый ребусъ. Вся природа—вѣчный ребусъ. Вся наука—вѣчный трудъ надъ вѣчнымъ ребусомъ. Самъ человѣкъ—ближайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ. Прочтется-ли онъ когда-нибудь—неизвѣстно. Но вѣрно то, что ни

одина ребусъ не прочитывается правильно безъ наличности всѣхъ его частей; между тѣмъ, при чтеніи именно человѣческаго ребуса нѣкоторые его части самовольно откидываются. Безъ нихъ онъ никогда прочитанъ не будетъ—на этомъ мы стоимъ твердо. Собиранію именно этихъ откинутыхъ, отверженныхъ частей человѣческаго ребуса и посвящается въ особенности наша скромная дѣятельность.

Поэтому, въ нашемъ журналѣ читатель найдетъ статьи, которыхъ онъ не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій,—статьи, посвященныя обзорѣнію малоизвѣстныхъ явленій природы, какъ-то, медиумизма (спиритизма), животного магнетизма, гипнотизма, сомнамбулизма, ясновидѣнія, чтенія мыслей и проч. Явленія эти растутъ съ каждымъ днемъ, и наука уже начинаетъ заниматься ими. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ иностранныхъ специальныхъ журналовъ.

Отдѣлъ ребусовъ заключаетъ въ себѣ премированные ребусы, за рѣшеніе которыхъ всѣ получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Смѣсь: новыя открытія и изобрѣтенія.

Цена на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ дост., а безъ дост. 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля, 1 іюля и 1 сентября по 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ кн. маг. Вольфа, Мелле, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго, Н. Фену и К^о и др., черезъ почту въ редакціи (Ивановская, 2). Въ Москвѣ,—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Можно получить журналъ за 1883, 1884 и 1885 года по 3 р., за 1886 годъ—4 р., а 1887 г.—за пять р. Въ этихъ годахъ между прочими статьями были помѣщены: «Медиумическія фотографіи матеріализованныхъ фигуръ» (Пять такихъ фотографій, снятыхъ при магнезіальномъ свѣтѣ, при дневномъ, и въ полной темнотѣ. продаются въ редакціи за три рубля. Описаніе ихъ помѣщено въ «Ребусѣ» за 1886 годъ, который при требованіи фотографій высылается за 3 р.); «Позитивистъ о спиритизмѣ»; «Зрѣніе безъ органовъ зрѣнія»,—А. Н. Аксакова; «Объ изученіи медиумическихъ явленій»; «Антиматериализмъ въ наукѣ»; «О возможномъ и невозможномъ въ наукѣ»,—профес. А. М. Бутлерова; «Спиритизмъ»—фонъ-Гартмана; «Гипнотизмъ и медицина»; «Перегородочная философія и наука»; «Фотографія невидимой руки» (высылается за рубль),—профес. Н. П. Вагнера; «Противорѣчатъ-ли медиумическія явленія наукѣ»—Уалласа; «О лучистой силѣ человѣка»—докт. Шилтова; «Теософія и спиритизмъ»; «Медиумизмъ и его условія»; «Проникновеніе матеріи сквозь матерію»; Сѣансы Эглингтона въ Петербургѣ, Москвѣ и заграницею; «Видѣніе священника»—Т. П. Пассекъ; «Мысленное внушеніе на разстояніи»; «Выстрѣлъ по внушенію»; Раздвоеніе личности въ сомнамбулизмѣ. «Откуда?»,—Вс. С. Соловьева; «Спиритизмъ съ

точки зрѣнія философіи»; «Выдающіеся медиумическіе сеансы въ Россіи и заграничѣй»; «О непокойныхъ домахъ»; «Леченіе магнетизмомъ»; «Опыты ясновидѣнія», «Электрическая женщина»; «Н. И. Пироговъ о спиритизмѣ»; «Медиумическій сеансъ въ присутствіи врачей»; «Дѣйствіе воли на разстояніи»; «Излеченіе гипнотизмомъ»; «Объясненіе процесса чтенія мыслей»; «Чудесное исцѣленіе графини Сумароковой-Эльстонъ»; «Современное положеніе гомеопатіи»; «Излеченіе крупа», «О графологіи»; «О хиромантіи»; «Очеркъ исторіи ребуса»,—Колосова; «Исповѣдь графа Л. Н. Толстого»; «Люба»,—разсказъ Кота-Мурлыки; «Пещеры озерковъ»,—разсказъ Е. П. Блаватской.

Редакторъ-Издатель В. Прибытковъ.

ПОДПИСКА

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1888 ГОДУ

седьмой годъ изданія.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

съ 1-го января будетъ выходить еженедѣльно въ г. Иркутскѣ,
подъ редакціей Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

Цѣна газеты съ приложеніемъ 10 руб., на годъ безъ приложеній 8 руб., на 9 м. 6 руб., на 6 м. 5 руб., на 3 м. 3 р.

При газетѣ принимаются объявленія, по 15 коп. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3., въ Иркутскѣ въ редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе», а также въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.
2. Отдѣлъ официальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.
3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востока.
4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.
5. Политическія извѣстія общія, и въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.

6. Корреспонденціи изъ провинцій: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.

7. Научный отдѣлъ — открытія и путешествія на Востокъ, свѣдѣнія по исторіи, статистики и промышленности.

8. Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.

9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10. Фельетонъ.

11. Судебная хроника.

12. Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13. Объявленія казенныя и частныя.

Въ продолженіи истекшихъ лѣтъ въ газетѣ помѣщались статьи, касающіяся главныхъ вопросовъ края: его администраціи, экономической жизни, поземельнаго вопроса, переселенческаго, ссыльнаго и инородческаго вопросовъ, городского и сельскаго самоуправления, вопроса о золотопромышленности и другихъ, причемъ особое вниманіе изданія было обращено на положеніе крестьянскаго дѣла въ Сибири. Изданіе, посвященное изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, наукъ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ, стараясь сгруппировать лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей.

Газета пользуется правомъ выпускать ежегодно приложенія: выпущено 6 книгъ.

1888

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

1888

БИБЛІОГРАФЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

4-й годъ изданія.

Журналъ предназначается для любителей и собирателей книгъ, библіофиловъ, учебныхъ заведеній, библіотекарей и книгопродавцевъ.

Выходитъ ежемѣсячно—выпусками.

Ученымъ комитет. м-ства народн. просв. рекомендованъ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Учебнымъ комит. при св. синодѣ одобренъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ справочной книги. По распоряженію военно-ученаго комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

ВЪ I ОТДѢЛѢ журнала помѣщаются: 1) историческіе матері-

алы: статьи, замѣтки, розысканія и сообщенія историко-литературныя, библиографическія и библиофильскія; статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія; книжно-торговой и издательской дѣятельности; извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч.; 2) техническія статьи по части графическихъ искусствъ; 3) обзорніе современныхъ произведеній литературы, науки и искусства: отзывы и замѣтки о новыхъ книгахъ и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки и извѣстія.

ВО II ОТДѢЛѢ, преимущественно справочномъ, помѣщается полная библиографическая лѣтопись, въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 5) объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за границу 6 р. Отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к. 0 новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи (Сиб., Обуховскій просп., д. № 7, кв. № 13), въ книжномъ магазинѣ «Новаго времени» А. Суворина (Спб., Невскій пр., д. № 38), въ антикварной книжной торговлѣ «Посредникъ» (Спб., Невскій пр., д. № 34, противъ думы) и въ антикварной книжной торговлѣ П. Шибанова (Москва, Старая площадь). Кроме того, подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты «Библиографа» за 1885 и 1886 гг. можно получать въ редакціи и въ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Тамъ же можно получать изданныя редакціей брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, № 1. Ц. 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Ясиковскій.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА.

Годъ четвертый, 1888.

«Практическая Медицина» будетъ выходить въ 1888 году ежемѣсячно, книжками въ 15—18 печатн. листовъ (200 печатн.

лист. въ годъ). Въ журналѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ помѣщаться руководства (преимущественно переводныя), клиническія лекціи и новости по всѣмъ отраслямъ медицины. Всѣ сочиненія, которыя будутъ помѣщаемы въ журналъ въ теченіи года, будутъ въ томъ же году вполне закончены.

Журналъ будетъ издаваться при участіи профессоровъ: Э. Э. Эйхвальда, Н. Д. Монастырскаго и др., подъ редакціей профессора М. И. Анонасьева.

Подписная цѣна на 1888 годъ 10 руб. съ доставкой и пересылкой, безъ доставки 9 руб.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб. и не позже 1 мая остальные 5 руб.

Подписка принимается:

Въ конторѣ редакціи журнала «Практическая Медицина» (С.-Петербургъ, Казначейская ул., № 5, при типографіи Эттингера).

Въ конторѣ редакціи можно получать журналъ и за прежніе 1885, 1886 и 1887 года, по 10 р. за каждый годъ съ пересылкою. Выписывающіе журналъ за всѣ 4 года платятъ 35 рублей.

Редакторъ профессоръ: М. И. Анонасьевъ.

Издатель: В. С. Эттингеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ X.

на 1888 годъ

годъ X.

на еженедѣльную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

50 ЛМЪ ВЪ РОДѢ. ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписная цѣна на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 р., за полгода 2 р. 50 к.

Вступая въ десятый годъ своего существованія, «Екатеринбургская Недѣля» останется вѣрна принятой ею программѣ за послѣдніе два года, т.-е. она, по прежнему, станетъ служить интересамъ Зауралья, употребляя для этого всѣ зависящія отъ нея средства.

Программа газеты:

Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». Хроника общественной жизни. Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ.

Еженедѣльный обзоръ событій по Россіи и заграницей. Статьи научнаго и политическаго содержанія. Статьи по текущимъ нуждамъ и потребностямъ Зауралья и Приуралья. Фельетонъ. Литературный отдѣлъ (повѣсти, рассказы, оригинальные и переводные, и стихотворенія). Справочный отдѣлъ. Объявленія.

Редакт.-издатель А. М. Симоновъ.

Редакторъ Н. Н. Галинъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1888 Г.

на еженедѣльный художественный юмористическій журналъ съ карриатурами

„СВЕРЧОКЪ“

(третій годъ изданія).

Журналъ «Сверчокъ» существуетъ уже третій годъ. Такъ же, какъ журналъ «Вокругъ Свѣта» имѣетъ оригинальную фizioномію среди иллюстрацій, «Сверчокъ» занимаетъ обособленное мѣсто среди нашей юмористической прессы. Всѣ рисунки, которые несомнѣнно составляютъ центръ тяжести всякаго сатирическаго журнала, исполняются для «Сверчка» новымъ способомъ, еще не употреблявшимся въ Россіи. Этотъ способъ даетъ намъ возможность обходиться безъ литографской передачи, воспроизводя оригиналъ, данный намъ художникомъ, такъ, какъ онъ есть, не обезображивая его грубымъ переводомъ. Довѣривъ завѣдываніе художественною частью журнала людямъ, воспитаннымъ на хорошихъ образцахъ искусства, мы достигли того, что каждый номеръ «Сверчка» носитъ благородное cachetъ вкуса и изящества. Такое же вниманіе обращено и на текстъ, и читатель встрѣтитъ въ «Сверчкѣ» настолько же бойкое перо, какъ и карандашъ.

Въ числѣ художниковъ «Сверчокъ» имѣетъ своими сотрудниками: Н. А. Богданова, Л. Порфирьева, Лебедева, Левитана, Чехова, Чичагова. Портреты извѣстныхъ русскихъ дѣятелей исполняются для «Сверчка» въ Парижѣ извѣстнымъ каррикатуристомъ Люкомъ.

«Сверчокъ», будучи самымъ дешевымъ отъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи, даетъ 50 №№ въ годъ, полныхъ рисунковъ карриатуръ и бойкаго текста. Каждый номеръ состоитъ изъ тетради въ одинъ печатный листъ и заключаетъ въ себѣ 10 колоннъ юмористическаго текста, состоящаго изъ хроники событій недѣли, рассказовъ, очерковъ, спенокъ, анекдотовъ, пародій, шутокъ, стихотвореній, остротъ и т. д., изъ 10 до 12 раскрашенныхъ и черныхъ карриатуръ, исполненныхъ всѣми способами, какіе даетъ намъ состояніе современнаго графическаго искусства.

Подписная цѣна на «Сверчокъ» съ доставкой и пересылкою во всѣ города:

3 р. въ г. съ перес.; 2 р. въ полгода; 1 р. за 3 мѣсяца.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція «Сверчка», Арбатъ, д. Каринской.

ясно высказываетъ, что это отношеніе имѣетъ значеніе только для настоящаго состоянія человѣческаго рода, да что и здѣсь оно имѣетъ исключенія.

Вторая слабая сторона этого этического ученія о приспособленіи заключается далѣе въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ только о внѣшнемъ результатѣ поступка, а ни коимъ образомъ не о побужденіи. Это естественно бываетъ неизбежно, когда этическое достоинство поступковъ, подобно достоинству работы машины, измѣряется только по полезному результату. Побужденіе является здѣсь не главнымъ, но второстепеннымъ объектомъ нравственнаго обсужденія, именно настолько, насколько оно представляетъ извѣстное ручательство для ожидаемыхъ полезныхъ поступковъ.

Если выводы Спенсера изъ идеи полезнаго приспособленія возвращаются по большей части на пути существующаго утилитаризма, то, напротивъ того, у него выступаетъ при этомъ новый моментъ, въ тѣхъ выводахъ, которыхъ онъ достигъ при помощи принципа наслѣдственности.

Главное затрудненіе утилитаризма Бентама состояло въ томъ, чтобы сдѣлать понятнымъ, какимъ образомъ при господствѣ первоначальнаго и эгоистическаго влеченія удовольствія и неудовольствія, могла сдѣлаться мотивомъ поступка—общая польза. Спенсеръ разрѣшаетъ эту трудность тѣмъ, что переноситъ ее съ индивидуальнаго на общее развитіе, гдѣ, естественно, эта трудность существенно уменьшается, такъ какъ въ его распоряженіи находится безчисленный рядъ генерацій (поколѣній). Въ человѣческомъ родѣ, по его мнѣнію, развиваются извѣстные основныя моральныя созерцанія, способныя къ дальнѣйшему развитію въ понятія. Эти созерцанія суть результатъ опытовъ надъ полезнымъ, которые собираются въ теченіи всего развитія, организуются и, вслѣдствіе перенесенія на нервную систему, наслѣдуются съ ея устройствомъ. Противъ такого пониманія нужно сказать, что, хотя оно устраниваетъ одно затрудненіе, но ведетъ за собой другое, еще большее. Моральныя наклонности, по Спенсеру, наслѣдуются въ формѣ физическаго строенія, но проявляютъ свое дѣйствіе въ формѣ заложенныхъ въ насъ моральныхъ созерцаній. Такимъ образомъ, въ Спенсерѣ возобновляется старый, оспариваемый Локкомъ, интеллектуализмъ Кудворта, но на матеріалистической основѣ. Моральныя созерцанія, хотя,—какъ признаетъ Спенсеръ,—и въ грубой и неопредѣленной формѣ, врожденны намъ. Но они не насаждены прямо Богомъ въ наши души, какъ принимали картезианцы, но приобрѣтены нашими предками, и въ видѣ рас-

положенія нервной системы переходять на насъ. Не въ томъ дѣло, что еще слѣдуетъ уяснить себѣ, образуются-ли въ нервной системѣ въ теченіи общаго развитія извѣстныя нервныя сочетанія, и унаследуются-ли вслѣдствіе этого наклонности къ рефлективному и автоматическимъ движеніямъ опредѣленнаго цѣлесообразнаго характера; многія наблюденія дѣйствительно говорятъ за это предположеніе. Но какъ изъ устройства нервной системы должны возникнуть моральныя созерцанія (воззрѣнія)—это есть и остается тайной. Даже тѣ физиологи и психологи, которые придерживаются фантастической гипотезы о томъ, что нервныя клѣтки мозга суть неизмѣнные носители представленій, до сихъ поръ еще не могутъ рѣшиться расширить эту гипотезу такъ, чтобы допустить, вмѣстѣ съ передачей мозговыхъ клѣтокъ отъ предковъ къ потомкамъ, передачу и тѣхъ представленій, которыя заключены въ этихъ клѣткахъ. Но дѣло становится еще сомнительнѣе, когда это психологическое ученіе о наслѣдственности перенести на почву опытныхъ доказательствъ. Если не можетъ быть рѣчи о томъ, что намъ врождены такія элементарныя явленія сознанія, какъ простое ощущеніе органовъ чувствъ или наглядное представленіе пространства, то какъ можетъ быть рѣчь о врожденныхъ моральныхъ созерцаніяхъ, которыя предполагаютъ множество развитыхъ эмпирическихъ представленій, относящихся къ самому дѣйствователю, къ его ближнему и къ его прочимъ отношеніямъ къ внѣшнему міру? ¹⁾

Но если признано, что всѣ эти представленія не могутъ быть даны вполне готовыми, то какъ же можно мыслить выступаніе врожденнаго моральнаго инстинкта при опытномъ (эмпирическомъ) возникновеніи такихъ представленій? Какъ можетъ унаследованное строеніе нервовъ, при видѣ страдающаго или находящагося въ опасности ближняго, выдвинуть изъ себя побужденіе состраданія, готовности помочь, и желаніе пожертвовать собою. Какимъ представляютъ себѣ нервный механизмъ, который въ состояніи вызвать такіе аффекты? На самомъ дѣлѣ, истинное, дѣйствительное ученіе о нервахъ относится къ такому фантастическому представленію почти такъ, какъ настоящая астрономія и географія—къ «Путешествіямъ» (на луну и пр.) Жюль Верна, а въ сравненіи съ этою новѣйшею формою ученія объ *ideae innatae* (врожденныхъ идеяхъ) слѣдуетъ отдать безусловное преимущество простоты болѣе старому и наивному представленію, по которому

¹⁾ См. въ этомъ случаѣ мои Grundzüge der physiol. Psychologie, II, 2. Aufl., стр. 201 и слѣд.

главное содержаніе морали, метафизики и логики считается даромъ боговъ, который дается каждому гражданину міра при его появленіи на свѣтъ. Если, такимъ образомъ, признать, что съ мыслію о самомъ развитіи наступаетъ важный моментъ въ исторіи новѣйшаго англійскаго утилитаризма, то попытка Спенсера, — вывести изъ условій индивидуальнаго развитія то моральное развитіе, которое мы видимъ въ прогрессѣ культуры, способно только доказать невозможность такого объясненія.

Такъ, уже въ сферѣ самой теоріи развитія возникла въ лицѣ Лесли Стефена ¹⁾ и его моральной системы болѣе сильная соперница системъ Герберта Спенсера, оперирующей со слишкомъ сомнительными біологическими гипотезами. Лесли Стефенъ рѣшительно не хочетъ знать ни фізіологическихъ предположеній, ни обосновки на какой бы то ни было психологіи или соціологіи; онъ хочетъ изслѣдовать лишь самые этическіе факты. Но такъ какъ послѣдніе показываютъ, что понятіе «моральности» измѣняется и зависитъ отъ общественныхъ и историческихъ условій, то у него точка зрѣнія эволюціонизма прямо является данною. Съ этой точки зрѣнія онъ отвергаетъ обычный утилитаризмъ, такъ какъ понятіе «пользы» имѣетъ много значеній и измѣняется вмѣстѣ съ состояніемъ общества и такъ какъ даже соціальныи утилитаризмъ Бентама съ его формулой: «возможно большее счастье возможно большаго числа», думаетъ атомистически свести общество на безчисленное множество одинаковыхъ индивидуумовъ, вмѣсто того, чтобы представлять его какъ органически расчлененное цѣлое. Сверхъ того, польза обыкновенно бываетъ послѣднимъ результатомъ, а не непосредственною цѣлью моральныхъ поступковъ. Начало ихъ лежитъ скорѣе въ чувствованіяхъ, среди которыхъ Стефенъ приписываетъ высшее значеніе симпатіи, какъ послѣднему источнику нашихъ альтруистическихъ наклонностей. Симпатію онъ, вмѣстѣ съ Юмомъ и Смитомъ, выводитъ изъ того факта, что мы непосредственно переносимся въ сознаніе другого: удовольствіе и страданіе своего ближняго мы чувствуемъ не какъ чуждое намъ чувство, а какъ собственное. Поэтому-то онъ полагаетъ, что сдѣланный Юмомъ выводъ безкорыстнаго мотива изъ ассоціаціи — недостаточенъ. Если бы мы руководились только разсудочными соображеніями, мы не были бы ни коимъ образомъ способны на такую дѣятельность для другого, которая потомъ должна причинить намъ же страданіе. Но если.

¹⁾ Leslie Stephen, The science of Ethics. London, 1882.

непосредственное чувство овладѣвало нами хотя на мгновение, то въ это время сочувствіе легко можетъ сдѣлаться сильнымъ настолько, что вызоветъ безкорыстный поступокъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Стефена, альтруизмъ заложенъ въ первоначальной природѣ человѣка. Но самъ по себѣ онъ еще не составляетъ нравственности, а лишь средство къ ея приобретению. Такъ какъ мы, благодаря ему, способны дѣйствовать для другого, то мы принимаемъ участіе въ организаціи общества, которая оказываетъ, въ свою очередь, обычное дѣйствіе на отдѣльныхъ людей и, такимъ образомъ, постепенно возвышаетъ на степень моральнаго закона то, что способствуетъ временному благоденствію цѣлаго. Нравственность для общества есть то же, что здоровье для отдѣльнаго тѣла. Такъ какъ общественный организмъ, подобно отдѣльному живому существу, находится въ постоянномъ развитіи, то нравственность такъ же мало бываетъ постоянною при всякихъ обстоятельствахъ, какъ мало можетъ быть предписанъ одинъ и тотъ же образъ жизни для всѣхъ возрастовъ и состояній. Изъ совокупности дѣятельностей, способствующихъ здоровью общественнаго тѣла, образуется достоинство (*Verdienst*), а способность выполнять достойныя дѣятельности есть добродѣтель, нормальное же направленіе дѣятельности, возникающее въ отдѣльномъ индивидуумѣ путемъ давленія общественной потребности, есть совѣсть. Какъ особенное преимущество своей теоріи, Стефенъ выставляетъ еще то, что оно совершенно сходится съ детерминистическимъ взглядомъ на волю, такъ какъ здѣсь моральный законъ и совѣсть не имѣютъ значенія категорическаго императива, но просто означаютъ фактически нормальный типическій образецъ поведенія для извѣстнаго состоянія развитія общества и то вліяніе на отдѣльнаго человѣка, какое производитъ представленіе этого поведенія.

Главное преимущество этой теоріи передъ теоріей Спенсера состоитъ, какъ я думаю, отчасти въ болѣе глубокомъ психологическомъ пониманіи, отчасти въ почти полномъ устраненіи индивидуалистическаго направленія, которое Спенсеръ еще раздѣляетъ съ утилитаризмомъ Бентама и его школы. Указаніе Стефена на то, что альтруистическое поведеніе можетъ возникать непосредственно, безъ размышленія (рефлексіи) и безъ ассоціационной механики, просто вслѣдствіе однородности природы людей, представляетъ превосходный образецъ психологическаго анализа; если онъ чѣмъ страдаетъ, такъ развѣ лишь тою ошибкой, что и здѣсь все еще удерживаются остатки вывода аль-

тризма изъ эгоизма, которое было принято въ англійской философіи морали. Но еще большее значеніе имѣетъ другое уклоненіе Стефена отъ Спенсера: Стефенъ есть первый изъ англійскихъ философовъ моралистовъ, которые уже не считаютъ общества только суммой индивидуумовъ, и не удовлетворяются вслѣдствіе этого, опредѣленіемъ общаго блага, какъ «блага всѣхъ въ отдѣльности» или какъ «возможно большаго блага возможно большаго числа». Цѣлью и критеріемъ морали должно быть благосостояніе самаго общества какъ такового, по крайней мѣрѣ, одинаково съ благомъ отдѣльнаго человѣка.

Впрочемъ, эта теорія встрѣчаетъ здѣсь затрудненія, которыя она только указываетъ, но не разрѣшаетъ. Въ чемъ состоитъ общее благо, если оно не заключается въ благѣ отдѣльныхъ людей? На это можно отвѣтить только біологическими аналогіями. Моральность есть здоровье общественнаго тѣла, достоинство и добродѣтель суть нормальное поведеніе въ отношеніи общественнаго здоровья, совѣсть есть сознаніе того, что здорово. Такъ какъ, такимъ образомъ, добро совпадаетъ съ нормальнымъ, то специфическая природа нравственнаго остается также неясною какъ и, не имѣющая себѣ подобія, власть нравственнаго чувства; и такъ какъ далѣе для нормальнаго, вмѣсто опредѣленія, служить образецъ (Bild), то понятіе нравственнаго совершенно уничтожается. Если Спенсеръ выходилъ изъ недостаточныхъ біологическихъ гипотезъ, то Стефенъ кончаетъ смѣлыми біологическими аналогіями. Едва-ли можно ошибиться въ основаніи этихъ недостатковъ. Психологическій анализъ единичнаго сознанія, который Стефенъ считаетъ единственнымъ средствомъ для своего изслѣдованія, никогда не можетъ дойти ни до чего большаго, какъ до индивидуальныхъ мотивовъ и цѣлей. Впрочемъ Стефенъ не могъ не сознать, что этотъ анализъ недостаточенъ. И вотъ почему является вдругъ «организмъ общества», какъ *Deus ex machina*, который долженъ помочь въ нуждѣ; между тѣмъ, не видно, какъ онъ могъ явиться, ибо ранѣе малѣйшая ссылка на какую-либо социологію прямо отклонялась. Но никакая этика не уяснитъ возникновенія социальныхъ обязанностей, прежде чѣмъ не будетъ ближе выяснена сущность самого общества и его отношенія въ единичному сознанію и къ единичной волѣ. Если Стефенъ замѣчательно близко подошелъ къ объективному эволюціонизму; но такъ какъ онъ занимается только изслѣдованіемъ субъективныхъ элементовъ нравственнаго, то по-

нятно, что выводъ его остается всегда при общихъ выраженіяхъ и недостаточныхъ образахъ.

d) Утилитаризмъ и интуитивизмъ ¹⁾.

Какъ мы видѣли, въ лицѣ Спенсера утилитарная мораль Бентама перешла чрезъ свои первоначальныя границы въ область теоріи развитія. Но еще болѣе это нарушеніе прежнихъ границъ случилось въ томъ направленіи, которое угрожаетъ даже самому основанію вышеупомянутой морали, благодаря изысканіямъ, которыя выходятъ изъ болѣе строгаго изслѣдованія непосредственныхъ мотивовъ нравственнаго, до сихъ поръ слишкомъ поверхностно разсматривавшихся въ утилитаристическихъ школахъ. Между тѣмъ, какъ Бентамъ и Милль прямо основывали утилитаризмъ на эгоизмѣ, Генри Сидвикъ (Henry Sidgwick) съ большимъ безпристрастіемъ старался доказать, что такимъ путемъ нельзя достигнуть никогда бентамова принципа «максимизціи счастья» ²⁾. Поэтому онъ смотритъ на эгоизмъ, какъ на злѣйшаго врага утилитаризма, такъ какъ онъ можетъ привести лишь къ индивидуальному, а никакъ не къ универсальному гедонизму ³⁾, въ которомъ и состоитъ именно сущность принципа полезности. Напротивъ, какъ заявляетъ Сидвикъ интуитивныя системы, которыя принимаютъ нравственный законъ или какъ врожденный, или какъ санкціонированный религіями, сами по себѣ не находятся въ противорѣчіи съ утилитаризмомъ. Религіозная нравственная заповѣдь не требуетъ, на примѣръ, ничего иного, кромѣ того, что выставляетъ какъ принципъ поведенія и утилитарная этика.

Такимъ образомъ, Сидвикъ дѣлаетъ важный шагъ въ томъ, что онъ совершенно отдѣляетъ утилитаризмъ отъ эгоизма, который до сихъ поръ составлялъ его корень, и, напротивъ, ставитъ его въ связь съ интуитивизмомъ, признавая непонятнымъ

¹⁾ Интуитивизмъ (отъ слова *интуиціи*—наглядное познание, т.-е. определяемое непосредственнымъ усмотрѣніемъ) называютъ такіе системы морали, которыя считаютъ, что моральныя истины заложены въ насъ или врождены намъ, а потому узнаются не путемъ внѣшняго опыта или размышленія, а путемъ прямого внутренняго усмотрѣнія или чувства. Ред.

²⁾ «Наибольшее счастье наибольшаго числа людей». см. ранѣе, при изложеніи Бентама и Милля Н. Sidgwick, *The methods of ethics*, 3 edit. London, 1884.

³⁾ Гедонизмъ называются тѣ системы морали (съ Аристиппа), которыя цѣль жизни видятъ въ счастьи или наслажденіи (*ἡδονή*). Однако, Аристиппъ вовсе не проповѣдывалъ грубой чувственности. Онъ требовалъ власти разсудка надъ чувствами. Ред.

постулатъ (основное предположеніе) утилитарной морали, безъ религіозной санкціи или безъ представленія о нравственномъ міропорядкѣ. Такимъ образомъ, утилитаризмъ впадаетъ здѣсь въ такое воззрѣніе, которое имѣетъ огромное сходство съ кантовскою этикою, возникшей подъ влияніемъ совершенно иныхъ предположеній. Вѣдь, и кантовскому моральному принципу можетъ быть дано утилитаристическое толкованіе ¹⁾, которое въ своемъ результатѣ мало удаляется отъ бентамова принципа «максимация счастья».

Приводить-ли этотъ принципъ къ категорическому императиву или къ религіозной санкціи или къ постулату нравственного міропорядка—это различіе не существенно.

Но здѣсь нельзя усмотрѣть удовлетворительнаго разрѣшенія задачи. Ибо эта теорія, какъ и всякій интуиціонизмъ, беретъ, своимъ основоположеніемъ то, что еще должно быть объяснено. Если бы идея нравственного міропорядка или религіозной заповѣди могла быть сообщена отдѣльному человѣку извнѣ, или могла возникнуть въ немъ самостоятельно, то условія этого возникновенія непременно должны быть показаны, если не хотятъ, чтобы исчезъ объектъ научной этики вообще. Что прежняя почва индивидуалистической этики недостаточна, доказывается косвенно тѣмъ обстоятельствомъ, что на этой почвѣ нельзя указать условій возникновенія вышеупомянутыхъ идей, и въ концѣ концовъ, является необходимость прибѣгнуть для такого объясненія къ помощи нравственного закона, являющагося извнѣ, возникающаго неизвѣстно какъ и откуда, возстающаго въ человѣческомъ сознаніи не автономно, но противопологающагося ему гетерономно ²⁾. Какъ этические цѣли до извѣстной степени выходятъ за предѣлы индивидуума, такъ этические мотивы должны имѣть болѣе всеобщій источникъ, чѣмъ отдѣльная личность. Но развивать такого рода взглядъ невозможно, не впадая въ объективный эволюціонизмъ, т.-е. такой, который стремится понять нравственное, какъ развитіе духа, въ которомъ индивидуумы составляютъ только частичныя силы.

¹⁾ Это толкованіе и дано было ранѣ Вундтомъ. См. о Кантѣ. Ред.

²⁾ Т.-е. человѣкъ не является самостоятельнымъ въ нравственномъ законѣ, но подчиненнымъ чему-то другому, лежащему внѣ его, противоположному его природѣ. Ред.

Глава IV.

Общая критика системъ морали.

1) Классификація системъ морали.

а) Общая точка зрѣнія классификаціи.

Для общей классификаціи философскихъ системъ морали возможны два основанія при ихъ раздѣленіи. Именно ихъ можно различать: 1) по мотивамъ, которые выставляются для нравственнаго поведенія, и 2) по цѣлямъ, которыя ставятся этому поведенію. Оба раздѣленія перекрещиваются, такъ какъ вообще каждая система содержитъ опредѣленное воззрѣніе какъ на мотивъ, такъ и на цѣль; не рѣдко случается, что эти воззрѣнія совпадаютъ, такъ какъ весьма многіе представители этики выставляютъ цѣле-мотивы, которые соединяютъ въ себѣ оба момента (т.-е. и мотивъ, и цѣль). Кромѣ того, существуетъ не мало системъ, которыя въ предѣлахъ одного и того же рода представляютъ собою смѣшанный видъ, такъ какъ въ нихъ одинаково принимаются различные мотивы и цѣли. Но замѣчательно, что какъ въ исторіи ни разнообразны во всѣхъ этихъ отношеніяхъ попытки систематизированія, достигнута развитія, — однако, третій признакъ нравственныхъ системъ, а именно нормы (или правила), предписываемыя ими, и которыя казались бы тоже должны быть также способны служить основаніями раздѣленія, въ дѣйствительности неспособны къ этому. И это не оттого, чтобы не было различія въ тѣхъ формулировкахъ, которыя давали нравственнымъ нормамъ, но эти различія вообще очень не существенны, и при ближайшемъ изслѣдованіи матеріальное содержаніе большинства такъ называемыхъ «нравственныхъ законовъ» оказывается почти одинаковымъ: если и остаются различія, то это такіа различія, которыя достигаютъ своего яснаго выраженія въ мотивахъ и особенно въ поставляемыхъ цѣляхъ. Изъ этого замѣчанія можно почерпнуть отрадную увѣренность, что здѣсь дѣло идетъ вездѣ только о спорѣ теорій, а не о спорѣ въ практической жизни. Относительно того: что нравственно, вообще согласны, мнѣнія расходятся лишь относительно того — почему и для чего нравственно?

Изъ двухъ упомянутыхъ выше раздѣленій важнѣе раздѣленіе по цѣлямъ, ибо по крайней мѣрѣ въ практическомъ отношеніи болѣе важенъ вопросъ о томъ, какой результатъ можетъ быть достигнутъ нашимъ поведеніемъ, нежели о томъ какими внутренними

побудительными причинами мы при этомъ управлялись (опредѣлялись). Вслѣдствіе этого то по первому вопросу (о цѣляхъ) возникали наибольшія противорѣчія во мнѣніяхъ, и во многихъ случаяхъ только по одному этому вопросу, такъ какъ въ древнѣйшее время почти всѣ философы-моралисты и въ новѣйшее — по крайней мѣрѣ нѣкоторые, — выходили изъ предположенія, что мотивы и цѣли всегда совпадаютъ другъ съ другомъ, ибо-де мотивъ есть ничто иное, какъ цѣль антиципированная (впередъ или до ея осуществленія понятая) въ представленіи. Исслѣдованіе нравственныхъ явленій показало намъ (см. ранѣе), что это предположеніе вообще ошибочно, въ томъ смыслѣ, что хотя цѣль и можетъ совпадать съ мотивомъ, но ни въ какомъ случаѣ не должна непременно совпадать съ нимъ; и при классификаціи системъ морали такимъ образомъ должны быть отдѣлены другъ отъ друга оба основанія дѣленія. Но такъ какъ раздѣленіе по цѣлямъ важнѣе, и такъ какъ понятіе о нихъ болѣею частью даетъ мѣрило и для опредѣленія мотивовъ, то нижеслѣдующая критика системъ морали должна имѣть въ своемъ основаніи цѣли, поставляемыя различными системами, причемъ мы желаемъ воспользоваться и мотивами, но для того, чтобы получить дальнѣйшія подраздѣленія.

б) Раздѣленіе по мотивамъ.

Здѣсь нужно различать три основныя формы: мораль чувства, мораль разсудка и мораль разума. Мораль чувства выводитъ нравственное изъ чувствованій и аффектовъ; мораль разсудка — изъ разсудочнаго размышленія, мораль разума выводитъ его или изъ разумнаго предусмотрѣнія, хотя и выходящаго за предѣлы разсудочнаго мышленія, но достигающаго своего проявленія также при посредствѣ опыта, или же изъ разумнаго созерцанія, предшествующаго всякому опыту. Мораль чувства всегда основывается на принятіи первичныхъ наклонностей чувства, что не допускаетъ дальнѣйшихъ размышленій; мораль разсудка разсматриваетъ способность разсужденія какъ силу, пробужденную и развитую воздѣйствіемъ опыта, наконецъ, мораль разума есть врожденная разуму способность, этическое дѣйствіе которой основывается или на взглядѣ, пріобрѣтенномъ путемъ опыта на общія цѣли человѣческой дѣятельности, или же на первичныхъ (врожденныхъ) идеяхъ разума. Если мы, такимъ образомъ, раздѣлимъ всѣ системы, смотря потому, являются-ли въ нихъ нравственные мотивы какъ врожденные, или-же

какъ развитые путемъ опыта, на интуитивныя и эмпирическія, то получимъ слѣдующую схему:

Этическій интуитивизмъ

Этическій эмпиризмъ

Мораль чувства

Мораль разума

Мораль разсудка

Мораль чувства становится всецѣло на сторону интуитивизма, мораль разсудка на сторону эмпиризма; мораль разума лежитъ между обѣими въ срединѣ. Интуитивныя системы морали имѣютъ ближайшее родство съ моралью чувства, эмпирическія—съ моралью разсудка; ибо врожденные нравственныя идеи переходятъ во врожденные нравственныя чувства и влеченія безъ рѣзкихъ границъ, а эмпиризмъ разумной морали отличается отъ эмпиризма разсудочной морали, главнымъ образомъ, тѣмъ, что первая признаетъ качественное различіе духовныхъ побужденій въ человѣческихъ и животныхъ дѣйствіяхъ, вторая же въ сущности указываетъ только количественное различіе ¹⁾. На основаніи разсудочной морали человѣкъ со своими нравственными стремленіями всецѣло принадлежитъ только къ чувственному міру, для морали разума онъ является въ то же время гражданиномъ сверхчувственного міра, и прежде всего въ этотъ сверхчувственный міръ переходятъ его нравственныя цѣли, которыя познаются имъ путемъ созерцанія въ своемъ собственномъ существѣ. Поэтому только для морали разума этическое является специфически человѣческимъ; что касается міра животныхъ, то мораль чувства обыкновенно полагаетъ уже начало, а разсудочная мораль, по крайней мѣрѣ, зародышъ нравственного въ животной душѣ.

Не смотря на различіе этихъ трехъ этическихъ, точекъ зрѣнія каждая изъ нихъ за весьма немногими исключеніями, одинаково признаетъ нравственными одни и тѣ же поступки. Но каждая измѣряетъ поступокъ по иному масштабу достоинства: человѣкъ, который спасаетъ ближняго отъ смертной опасности, дѣйствуетъ, по мнѣнію моралистовъ чувства, нравственно потому, что проявляетъ состраданіе; по мнѣнію же моралистовъ разсудка—потому, что слѣдуетъ истинному познанію о томъ, что онъ

1) Т.-е. съ точки зрѣнія разсудка, между нравственнымъ и безнравственнымъ поведеніемъ нѣтъ разницы по качеству, а только по количеству удовольствія, или наслажденія и т. п. Наоборотъ, системы, основанныя на разумѣ, видятъ качественное различіе въ нравственномъ поведеніи отъ безнравственного, то-есть нравственные поступки для нихъ выше по самому своему качеству, они суть высшія формы дѣятельности. Ред.

только тогда можетъ имѣть притязаніе на такую же помощь въ опасности, когда самъ готовъ помочь, или потому, что онъ говоритъ себѣ, что такого поступка требуетъ гражданскій правовой строй или религіозный нравственный законъ и что обоимъ слѣдуетъ повиноваться въ виду общаго благополучія или индивидуальной пользы. Моралистъ разума, наконецъ, руководится или тѣмъ взглядомъ, что забота о чужихъ, какъ и о собственныхъ жизненныхъ цѣляхъ есть обязанность, которая вытекаетъ изъ понятія о человѣкѣ, какъ разумномъ существѣ; или онъ вѣритъ въ непосредственную внутреннюю заповѣдь долга, которая требуетъ пожертвованія собственнымъ благомъ для спасенія другаго.

с) Раздѣленіе по цѣлямъ.

Цѣли нравственнаго поведенія можно раздѣлить на слѣдующія: или такія, источникъ которыхъ лежитъ не въ собственной природѣ человѣка, но которыя должны выполняться ради повиновенія внѣшнему повелѣнію; или же нравственные цѣли принадлежатъ самому человѣку и возникаютъ изъ первичныхъ (врожденныхъ) наклонностей и естественныхъ условій развитія. Системы морали перваго рода мы называемъ авторитативными или гетеромическими (т.-е. вытекающими изъ внѣшняго авторитета, посторонняго самому человѣку), системы второго рода автономическими. Такъ какъ различіе и тѣхъ, и другихъ касается только способа, какимъ даются нравственные цѣли, а не собственно содержанія самихъ цѣлей, то въ отношеніи этого содержанія авторитативныя системы обыкновенно совпадаютъ съ нѣкоторыми автономическими системами, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они пытаются дать себѣ отчетъ о своемъ содержаніи. Однако, сообразуясь съ принципомъ повиновенія, которымъ онѣ руководствуются, онѣ иногда отклоняютъ вообще такой отчетъ: нравственному закону нужно слѣдовать потому, что онъ данъ высшимъ авторитетомъ, не спрашивая даже о его цѣляхъ. Поэтому систематическаго раздѣленія воззрѣній, расходящихся по содержанію цѣлей нравственнаго, можно искать только въ автономныхъ системахъ морали. Здѣсь выдѣляются, прежде всего, два опредѣленія цѣлей. По первому, нравственная дѣятельность служитъ непосредственно осуществленію благъ, способныхъ реализоваться, т.-е. такихъ, которыя пріобрѣтаются или для самаго дѣйствующаго, или для его ближняго, или для обоихъ вмѣстѣ. По другому, индивидуальное поведеніе составляетъ интегрированную составную часть

нравственнаго развитія, и поэтому послѣднею цѣлью каждого нравственнаго дѣйствія служить не непосредственный результатъ дѣйствія, а конечная цѣль упомянутаго развитія. Такъ какъ непосредственно реализуемыя блага составляютъ то, что мы называемъ сокровищами счастья (Glücksgüter), съ значеніемъ слова, способнымъ, впрочемъ, къ весьма различному объему,— и такъ какъ цѣль этихъ сокровищъ счастья состоитъ въ томъ, чтобы возбудить удовольствіе, причемъ само собой ясно, что и это понятіе удовольствія можетъ охватывать всевозможные роды пріятныхъ возбужденій (Lusteffecten), въ особенности чисто духовныя наслажденія, то системы перваго рода мы вообще назовемъ эвдемонистическими, а системы второго рода—эволюціонными. Каждое изъ этихъ воззрѣній развѣтвляется въ свою очередь на индивидуальное и универсальное направленія. Индивидуальный эвдемонизмъ или эгоизмъ разсматриваетъ въ качествѣ цѣли поступка собственное счастье, универсальный эвдемонизмъ или утилитаризмъ—благо всѣхъ. Индивидуальный эволюціонизмъ или перфекціонизмъ видитъ послѣднюю цѣль нравственности въ личномъ (своемъ собственномъ) усовершенствованіи, а универсальный эволюціонизмъ или историзмъ видитъ эту цѣль въ духовномъ усовершенствованіи человечества, а именно такъ, какъ она представляется въ его историческомъ бытіи.

Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующее раздѣленіе:

I. Авторитативныя системы морали.

Они, въ свою очередь, распадаются на политическую и религіозную гетерономию, и либо отвергаютъ всякое познаніе о цѣли (поведенія), или примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ какой-либо изъ автономныхъ системъ.

II. Автономныя системы морали.

1) Эвдемонизмъ, подраздѣляющійся на:

- a) Индивидуальный эвдемонизмъ или эгоизмъ.
- b) Универсальный эвдемонизмъ или утилитаріанизмъ.

2) Эволюціонизмъ, подраздѣляющійся на:

- a) Индивидуальный эволюціонизмъ или перфекціонизмъ.
- b) Универсальный эволюціонизмъ или историзмъ ¹⁾.

¹⁾ Единственная известная мнѣ классификація, совпадающая отчасти съ вышеприведенною, есть классификація Сидгвика (Methods of Ethics, пред. § 4). Онъ подраздѣляетъ пять системъ: индивидуальный и универсальный эволюціонизмъ, индивидуальный и универсальный гедонизмъ, и интуитивизмъ. Гетерономныя системы Сидгвикомъ тоже не принимаются во вниманіе и т. п.

2) Авторитативныя системы нравственности.

Эти системы страдают ошибкой, заключающейся въ перенесенной на выворотъ постановкѣ этической причинности, а именно: проявленія или выраженія нравственныхъ воззрѣній онѣ принимаютъ за ихъ причины. Ошибка эта очевиднѣе всего въ политической гетерономіи ¹⁾. Имѣя въ виду историческія условія развитія политическихъ учреждений, не подлежитъ сомнѣнію, что государственное законодательство, именно поскольку оно влияетъ на моральный образъ жизни гражданъ, само, прежде всего, находится подъ влияніемъ нравственныхъ воззрѣній. Въ религіозной гетерономіи (т.-е. видящей источникъ морали въ религіозныхъ заповѣдяхъ) эта ошибка менѣе бросается въ глаза, быть можетъ, потому, что происхожденіе религіозныхъ представленій относится къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ происхожденіе выработанныхъ уже политическихъ законодательствъ. Къ тому же, въ дѣйствительности нравственные воззрѣнія вначалѣ такъ тѣсно связаны съ религіозными, что совершенно невозможно твердо установить, какія изъ нихъ возникли раньше. Но именно вслѣдствіе того, что народное сознаніе свою собственную нравственную жизнь переноситъ въ свои мифологическія представленія, современемъ боги оказываются уже создателями нравственныхъ законовъ, и мысль эта, въ силу развитія идеи возмездія (см. ранѣе), все болѣе и болѣе укореняется.

Когда это представленіе связи нравственнаго съ религіознымъ перешло изъ массоваго сознанія въ науку, послѣдняя должна была заняться вопросомъ объ основѣ божественной нравственной заповѣди. Такимъ образомъ, возникли послѣдовательно три воззрѣнія, которыя въ то же время представляютъ собой постепенные переходы отъ гетерономной къ автономной морали (см. ранѣе). По первому воззрѣнію нравственная заповѣдь уже потому нравственна, что она заповѣдь божественная. Только одна воля Бога опредѣляетъ, что нравственно и что безнравственно. Если бы Богъ далъ другую заповѣдь, то и у насъ установились бы другія понятія о добрѣ и злѣ. Это воззрѣніе, которое достигло своего наибольшаго развитія преимущественно въ схоластическомъ номинализмѣ и теологическомъ утилитаризмѣ, устраняя совершенно автономію нравственности, тѣмъ самымъ отнимаетъ у нравственности всякое самостоятельное значеніе. Стараясь спасти это зна-

¹⁾ Т.-е. въ системахъ, которыя считаютъ нравственность исходящею отъ политической власти, т.-е. извнѣ (см. ранѣе).

ченіе, второй взглядъ разсматриваетъ нравственный законъ сразу и какъ возникающій въ самомъ человѣкѣ принципъ его поступковъ, развивающійся путемъ разсудочнаго размышленія или путемъ познаванія разумомъ, и въ то же время, какъ религіозный законъ, переданный человѣку откровеніемъ. Сюда относятся воззрѣнія Локка и Лейбница и слѣдовавшаго по ихъ стопамъ теологическаго раціонализма прошлаго столѣтія. Автономія (самостоятельное возникновеніе морали) и гетерономія (ея внѣшнее возникновеніе) здѣсь взаимно соподчинены, и только смотря по вкусу, на первый планъ ставится та или другая, причемъ въ результатъ получается относительно автономнаго возникновенія нравственнаго закона—или мораль разсудочная, или мораль разума. Если основой избирается разумъ, то этимъ открывается возможность къ устраненію разлада между двумя законами, согласными по своему содержанію, но различными только по происхожденію; на этотъ путь и вступаетъ третья примирительная теорія. По этой теоріи, нравственная заповѣдь имѣетъ божественное происхожденіе такъ же, какъ и самъ человѣческій разумъ; поэтому разумъ, не нуждается въ томъ, чтобы ему эта заповѣдь была сообщена извнѣ, она можетъ быть почерпнута изъ него самого и принадлежитъ къ тѣмъ врожденнымъ истинамъ, на которыхъ основывается всякое познаваніе разумомъ. Таково вообще воззрѣніе метафизической этики и возникшаго подъ ея влияніемъ англійскаго интеллектуализма. Но затѣмъ внутри этого воззрѣнія возникъ постепенный переходъ къ полной автономіи нравственности. Между тѣмъ, какъ въ прежнихъ интеллектуальныхъ системахъ разумъ считается единственно органомъ божественнаго откровенія, у Канта, который можетъ быть разсматриваемъ какъ послѣдній представитель этого направленія, гетерономное воззрѣніе уже подчинено автономному: внутренній нравственный законъ у него является изначальнымъ, и даже самая религія превращается въ «познаніе всѣхъ нашихъ обязанностей, какъ божескихъ заповѣдей». Этимъ самымъ гетерономія въ принципѣ уже устранена; «нравственное» само уже даетъ законы для религіозныхъ представленій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ проложенъ путь къ познанію истиннаго причиннаго отношенія между обѣими областями.

Но какъ ни слабы гетерономныя системы морали, благодаря тому, что онѣ не признаютъ происхожденія политическихъ и религіозныхъ заповѣдей изъ самой же нравственности, — которое одно только и можетъ дать имъ непреходящее значеніе, — все-таки

этимъ системамъ нельзя отказать въ извѣстномъ практическомъ значеніи. Это значеніе заключается въ ихъ безусловно обязывающемъ авторитетѣ. Полагаютъ, что такой авторитетъ всего лучше обезпечиваетъ нравственные заповѣди, если онъ самъ выводится изъ какого-либо внѣшняго могущества, обладающаго средствами принужденія и назначающаго свои наказанія или въ этой, или въ будущей жизни. Поэтому, даже политическая гетерономія Гоббеса находила себѣ послѣдователей, иногда вплоть до послѣдняго времени, хотя бы только потому, что въ ней надѣялись найти съ эмпирической точки зрѣнія объясненіе и авторитетнаго характера моральныхъ заповѣдей, и въ то же время измѣнчивость ихъ содержанія¹⁾. Хотя несомнѣнно эта измѣнчивость моральныхъ требованій нѣсколько преувеличивалась, а объясненіе авторитетнаго характера, на самомъ дѣлѣ, только переносилось на авторитетъ, который самъ уже дальше не объяснялся,—тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ этихъ теоріяхъ получилъ выраженіе одинъ пунктъ, дѣйствительно имѣвшій значеніе въ развитіи нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что политическій правовой порядокъ и религіозная нравственная заповѣдь сами суть лишь выраженія нравственныхъ идей, однако, на болѣе ранней ступени культурнаго развитія они являются неизбѣжными средствами всеобщаго нравственнаго воспитанія, и быть можетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ остаются такими и на болѣе продолжительное время. Человѣкъ долженъ видѣть передъ собой свои собственные нравственные воззрѣнія, какъ внѣшнія или объективныя явленія, и притомъ, снабженныя необходимой властью, чтобы эти воззрѣнія могли пріобрѣсти для него обязательную силу; а во многихъ отдѣльныхъ личностяхъ развились бы только ничтожныя зачатки такихъ воззрѣній, если бы человѣку не передавались нравственные пріобрѣтенія предшествовавшихъ поколѣній въ могущественно-вліяющихъ образахъ, въ которые эти пріобрѣтенія перешли черезъ посредство обычаевъ, правового порядка и религіозной жизни. Тѣмъ не менѣе, наука не можетъ допустить выворачиванія наоборотъ этической причинности, хотя бы такое выворачиваніе и имѣло еще важное значеніе въ практическомъ отношеніи. Доказать, что обычай, право и религія суть лишь внѣшнія выраженія (объективации) нравственныхъ идей, наука обязана прослѣдить происхожденіе

¹⁾ Ср. напр. Kirchman, Die Grundbegriffe des Rechts u. der Moral, S. 48. ff.

амыхъ этихъ идей въ человѣческомъ сознаниі, что уже обуславливаетъ собою допущеніе самостоятельности (автономіи) нравственности.

3) Эвдемонистическія нравственныя системы.

Индивидуальный эвдемонизмъ или эгоизмъ самъ по себѣ въ отдѣльности никогда не представлялъ настоящей системы нравственности. Тамъ, гдѣ себялюбіе выставлялось, какъ исключительный мотивъ и единственная цѣль человѣческихъ поступковъ, какъ, напр., у софистовъ въ древности, или у Мандевилля въ новѣйшей англійской нравственной философіи, тамъ это дѣлалось съ цѣлью вообще опровергнуть существованіе нравственныхъ законовъ. Даже этика эпикурейцевъ признаетъ необходимость государственнаго порядка и тѣмъ самымъ необходимость принимать въ расчетъ другихъ; она представляетъ собою утилитаризмъ съ сильно эгоистическою окраской.

Напротивъ, универсальный эвдемонизмъ или утилитаризмъ является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ этическихъ воззрѣній. Онъ, въ свою очередь, распадается на двѣ главныя формы, смотря по индивидуальнымъ цѣлямъ, которыя онъ выставляетъ основой общепользующей дѣятельности,—на эгоистическій и альтруистическій утилитаризмъ.

а) Эгоистическій утилитаризмъ.

Уже у Гоббеса утилитаризмъ, основанный на эгоистическихъ побужденіяхъ, играетъ значительную роль рядомъ съ авторитативнымъ обоснованіемъ нравственнаго закона. Начиная съ Локка, это воззрѣніе осталось господствующимъ въ англійской нравственной философіи; даже Юмъ, Бентамъ и Милль не могли вполне отъ него освободиться. Воззрѣніе это опять распадается на двѣ подчиненныя формы, смотря по тому, какіе психологическіе мотивы оно предполагаетъ,—на этику размышленія (рефлексіи) и этику ассоціаціи и чувства.

Утилитарная этика рефлексіи съ эгоистическою основой, представителями которой являются Гоббесъ и Локкъ а отчасти еще Бентамъ и Милль, принимаетъ, что самоотверженные поступки являются результатомъ эгоистическихъ соображеній. Но при этомъ прежде всего остается непонятнымъ, какъ можетъ человѣкъ предвидѣть пользу самоотверженныхъ поступковъ, прежде чѣмъ онъ ихъ совершилъ, и какъ онъ можетъ ихъ совершить, не узнавъ предварительно ихъ пользы, если онъ перво-

начально былъ только эгоистомъ. Кромѣ того, положеніе, что общепользные поступки служатъ также и собственной пользѣ, можетъ быть признано справедливымъ только для небольшого числа такихъ поступковъ. Тотъ, кто спасаетъ жизнь другому, жертвуя своею собственною жизнью, тотъ, кто, какъ солдатъ, не оставляетъ своего поста, хотя бы ему это и грозило вѣрною смертію,—тотъ еще можетъ быть иногда побужденъ къ этому себялюбивымъ стремленіемъ къ славѣ и почету, но въ многочисленныхъ другихъ случаяхъ подобное объясненіе совершенно неприложимо, потому что условія, при которыхъ совершѣнъ поступокъ, могутъ быть таковы, что имъ не достигается ни славы, ни почета, или потому, что предположеніе такихъ эгоистическихъ побужденій не имѣетъ за собой никакого психологическаго правдоподобія по какимъ-нибудь индивидуальнымъ причинамъ. Поэтому эгоистическій утилитаризмъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ, долженъ допустить, что альтруистическіе мотивы, если они даже первоначально и не существовали, могутъ постепенно развиться. Но при этомъ необходимо предположить условія, которыя заключаются частью въ процессахъ ассоціаціи, частью въ чувствахъ, и, такимъ образомъ, выходятъ изъ круга эвѣннй этики размышленія (рефлексіи), переходя въ слѣдующую форму.

Утилитарная этика ассоціаціи и чувства съ эгоистическою основой, была основана Гартлеемъ (Hartley); по его стопамъ шелъ Юмъ въ своемъ объясненіи объективной симпатіи ¹⁾. Но ему не удалось вывести изъ нея одно изъ самыхъ важныхъ нравственныхъ качествъ — справедливость; для этой цѣли ему пришлось возвратиться къ этикѣ рефлексіи. Адамъ Смитъ первый избѣжалъ этой непослѣдовательности, прибавивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ принципу объективной симпатіи принципъ симпатіи субъективной. Этимъ было устранено объясненіе всѣхъ

¹⁾ Объективною симпатіей Вундтъ называетъ (стр. 348) то объясненіе, которое давалъ симпатіи Юмъ, и которое состояло въ томъ, что мы сочувствуемъ будто бы альтруистическимъ поступкамъ потому, что ставимъ себя на мѣсто пострадавшаго лица, или которое могло бы пострадать, если бы хорошій поступокъ не совершился, т.-е. Юмъ сводитъ симпатію на эгоизмъ. Наоборотъ, объясненіе симпатіи, сдѣланное Адамомъ Смитомъ, Вундтъ называетъ субъективною симпатіей; она состоитъ въ томъ, что мы, сочувствуя хорошему поступку, пореносимся и въ душу того, кто его совершалъ (а не только въ душу пострадавшаго), и чувствуемъ ту радость, то удовлетвореніе, которое долженъ былъ чувствовать этотъ хорошій человѣкъ, поступившій нравственно; т.-е. по Смиу, нравственное имѣетъ свою собственную прелесть, помимо эгоизма.

поступковъ эгоистическими побужденіями, такъ какъ субъективная симпатія предполагала изначальность альтруистическихъ чувствъ. Въ дѣйствительности жѣ возможность вывести эти чувства изъ ассоціаціи (даже и при объективной симпатіи) только кажущаяся. Какимъ образомъ, самоотверженные поступки могутъ получить въ нашихъ глазахъ преимущество передъ эгоистическими,—это теорія ассоціаціи можетъ сдѣлать понятнымъ, только призвавъ на помощь логическую рефлексію. Мы должны посредствомъ ассоціаціи постепенно освобождать наше нравственное сужденіе отъ вліянія на него близости и отдаленности поступковъ ¹⁾, потому что иначе, какъ говоритъ Юмъ, «должны неизбежно возникнуть противорѣчія въ нашихъ нравственныхъ понятіяхъ». Такъ какъ мотивъ этого уничтоженія противорѣчій (отъ близости или отдаленности поступка) чисто логическій, — то ассоціація, на самомъ дѣлѣ, играетъ здѣсь только вспомогательную роль. Но это стремленіе освободить моральныя понятія отъ противорѣчій можетъ ближайшимъ образомъ повліять только на наше нравственное сужденіе. И только черезъ обратное дѣйствіе послѣдняго можетъ это стремленіе уже вторичнымъ путемъ опредѣлять наши моральныя чувства и поступки тѣмъ, что мы будемъ стремиться согласовать эти чувства и поступки съ нашими нравственными сужденіями. Этимъ возстановляется точка зрѣнія этики рефлексіи: первично — не нравственное чувство, а нравственное сужденіе, вытекающее изъ извѣстныхъ логическихъ разсужденій. Едва-ли эта теорія имѣетъ преимущество передъ обыкновенною эгоистическою моралью разсудка. Последняя въ разсужденіяхъ о собственной пользѣ постоянно беретъ въ расчетъ мотивы, которые, какъ можно предполагать, имѣютъ сильное вліяніе на наше стремленіе и поступки. Но насколько мотивъ — освободить наши нравственныя понятія отъ противорѣчій, — какъ таковой, можетъ быть достаточно силенъ, чтобы направить человека къ добру и отелонить отъ зла, это неизвѣстно; если же сюда присоединить тѣ социальныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою всякое дѣйствіе, идущее въ разрѣзъ съ всеобщимъ нравственнымъ сужденіемъ, какъ, напр., потерю уваженія, частную месть, или наказаніе закона, — то этимъ только возстановилась

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, чтобы мы стали другому сочувствовать такъ же, какъ и себѣ, въ силу только ассоціаціи идей собственнаго нашего страданія съ извѣстными его проявленіями въ другихъ, нужно, чтобы эти ассоціаціи достигли такой силы, чтобы заставляли насъ чувствовать чужое страданіе (отдаленное), какъ свое (близкое), или людей близкихъ.

бы этика рефлексии въ ея обыкновенной формѣ. Если хотять избѣжать этой опасности, то не остается ничего другого, какъ только признать первоначальность социальныхъ и доброжелательныхъ наклонностей; тогда само собой уничтожается невѣрное пониманіе отношенія между нравственнымъ чувствомъ и нравственнымъ сужденіемъ, такъ какъ послѣднее уже основывается на первомъ; это и было сдѣлано Шефтсбюри, который первый ясно выставилъ это задачей нравственной философіи. Но этимъ уже обусловленъ переходъ отъ эгоистическаго къ альтруистическому утилитаризму.

в) Альтруистическій утилитаризмъ.

Альтруистическій утилитаризмъ безусловно выше эгоистической утилитарной морали; поэтому, послѣдняя все больше и больше уступала ему мѣсто, такъ что нынѣшній утилитаризмъ представляетъ изъ себя уже полный альтруизмъ, который только отдѣльными составными частями еще соприкасается съ эгоистическою моралью рефлексии. Такъ какъ «утилитаризмомъ» мы называемъ вообще все такія направленія, которыя видятъ цѣль нравственностью въ общемъ благѣ, то альтруистическое направленіе имѣетъ уже то преимущество, что его принципъ прямо направленъ къ этой цѣли, между тѣмъ, какъ эгоистической утилитарной морали приходится искусственно выводить социальные наклонности изъ эгоистическихъ стремленій, причемъ она поневоля должна прибѣгать къ помощи рефлексій и ассоціацій, дѣйствительность которыхъ весьма сомнительна. Въмѣсто этого альтруистическая утилитарная мораль прямо изъ существованія доброжелательныхъ поступковъ заключаетъ о существованіи доброжелательныхъ наклонностей и приписываетъ послѣднимъ первоначальность, такъ какъ неизвѣстно ни одного состоянія человека, въ которомъ онъ былъ бы вполне ихъ лишенъ. Конечно, и альтруизмъ не можетъ не признать, что эгоистическія стремленія оказываютъ извѣстное вліяніе на человѣческія настрѣненія и поступки; мнѣнія могутъ расходиться только въ томъ, можно-ли и за такими эгоистическими стремленіями признавать также извѣстное нравственное право, или нѣтъ. Блѣдствіе этого различныя направленія, на которыя распадается альтруистическій утилитаризмъ обусловливаются совсѣмъ другою разницей мнѣній, чѣмъ при эгоистической утилитарной морали. Все послѣдователи альтруизма согласны въ томъ, что чувства являются первоначальными побудительными причинами нравственныхъ поступ-

ковъ, хотя и признають, что сужденіе и пониманіе оказываютъ добавочное вліяніе на развитіе нравственнаго сознанія и тѣмъ самымъ на развитіе нравственныхъ чувствъ. Такимъ образомъ, здѣсь не можетъ быть различія этики рефлексіи отъ этики чувства: всякій альтруизмъ есть мораль чувства. Но онъ раздѣляется, смотря по тому, какое значеніе онъ придаетъ эгоистическимъ наклонностямъ, опять на два направленія, которые мы можемъ обозначить названіями односторонняго и умѣреннаго альтруизма.

Односторонній альтруистическій утилитаризмъ, представителемъ котораго въ Англіи является Гётчисонъ (Hutcheson), а въ Германіи въ извѣстной степени Шопенгауэръ признаетъ за нравственныя побужденія только чувство доброжелательства, симпатіи къ своимъ ближнимъ; эгоизмъ, когда онъ вступаетъ въ борьбу съ стремленіемъ къ сочувствію, долженъ быть всегда подавляемъ. Только самоотверженные поступки суть поступки добродѣтельные. Конечно, этики этого направленія не считаютъ безусловно безнравственными заботу о себѣ и даже до извѣстной степени стремленіе къ собственному счастью. Они признають ихъ только не имѣющими сами по себѣ никакой нравственной цѣнности. По Гётчисону они могутъ претендовать на нравственную цѣнность только постольку, поскольку они служатъ вспомогательными средствами для выработки добродѣтели доброжелательства. Еще дальше въ этомъ отношеніи заходитъ Шопенгауэръ, по которому обязанностей по отношенію къ намъ самимъ вообще не существуетъ: «Правовыя обязанности относительно самого себя невозможны, вслѣдствіе очевиднаго положенія: *volenti non fit injuria*; что же касается обязанностей любви относительно самого себя, то здѣсь мораль находитъ свое дѣло уже сдѣланнымъ и является слишкомъ поздно» ¹⁾.

Противъ послѣдняго доказательства можно, однако, возразить, что оно можетъ оказаться вѣрнымъ развѣ только съ точки зрѣнія низменнаго гедонизма. Положеніе, что мы не нуждаемся ни въ какихъ нравственныхъ предписаніяхъ, чтобы заботиться о собственномъ благѣ, можетъ быть отчасти справедливо, когда подъ этимъ благомъ подразумѣвается забота о необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ. Но послѣ того, какъ нѣмецкій рационализмъ отъ Лейбница до Канта соединилъ въ понятіи «самоусовершенствованія» всѣ высшія обязанности относительно

¹⁾ Die beiden Grundprobleme der Ethik, Werke, Bd. 4, S. 126.

часъ самихъ, и послѣ того какъ не только Фихте и Шлейермахеръ, но точно также Бентамъ и Милль придали наибольшее значеніе этической выработкѣ собственной личности, и отчасти именно потому, что этимъ усиливаются качества, полезныя для другихъ и для общества, — послѣ всего этого никто не станетъ утверждать, что такая выработка характера достигается сама собою и безъ труда; напротивъ, она принадлежитъ къ самымъ труднымъ нравственнымъ обязанностямъ и навѣрно оставляется безъ вниманія безконечно болѣе часто, чѣмъ выработка непосредственныхъ качествъ сочувствія и доброжелательства.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что этотъ крайній альтруизмъ не могъ найти прочнаго моральнаго принципа, и что вмѣсто него онъ пользуется единственнымъ этическимъ мотивомъ, который, чтобы сохранить свое значеніе, долженъ постоянно предполагать еще дѣйствительность другихъ мотивовъ. Поэтому, свойственное утилитаризму выдѣленіе на первый планъ общаго блага здѣсь совсѣмъ не имѣетъ значенія. Понятіе обязанности здѣсь сохраняетъ индивидуальный характеръ, такъ же, какъ и въ обыкновенномъ эгоизмѣ, и хотя альтруизмъ кажется ученіемъ диаметрально противоположнымъ эгоизму, онъ въ дѣйствительности ближе къ нему, чѣмъ какая-либо другая система. Ибо въ сущности онъ только переноситъ эгоистическій образъ мыслей о своемъ «я» на другого, а главная причина непризнанія имъ обязанностей по отношенію къ собственной личности, въ концѣ концовъ, заключается въ слишкомъ большомъ значеніи, какое онъ придаетъ могуществу эгоистическихъ мотивовъ; поэтому, воззрѣніе это вытекаетъ обыкновенно изъ пессимистическаго взгляда на человеческую натуру.

Этихъ возраженій нельзя сдѣлать болѣе умѣренному направленію односторонняго альтруизма Гётчисона, которое признаетъ обязанности относительно самого себя, какъ вспомогательныя средства для развитія добродѣтели доброжелательства. Это направленіе остается также вѣрно принципу утилитаризма тѣмъ, что преслѣдуетъ общую цѣль. Относясь доброжелательно ко всѣмъ нашимъ ближнимъ, мы тѣмъ самымъ увеличиваемъ насколько возможно всеобщее счастье. При этомъ, согласно съ основнымъ принципомъ утилитарной морали, всеобщее счастье понимается какъ сумма всѣхъ индивидуальныхъ благополучій. Такимъ образомъ, цѣль нравственнаго поведенія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать счастливыми возможно большее число недѣлимыхъ. Но при этомъ непонятно, почему счастье самого дѣйствующаго

исключается изъ этой суммы. Дѣйствительно, если только подъ счастьемъ подразумѣваютъ не одно внѣшнее матеріальное благосостояніе, но, вмѣстѣ съ Гётчисовомъ и всѣми болѣе глубоко мыслящими утилитаріанцами, также и духовныя блага, то въ такомъ случаѣ непонятно, почему стремленіе къ всеобщимъ нравственнымъ цѣлямъ вдругъ перестаетъ быть нравственнымъ, когда оно имѣетъ своимъ объектомъ то индивидуальное счастье, достиженіе котораго несомнѣнно для него всего доступнѣе, т.-е. счастье самого дѣйствующаго. Или принципъ утилитаризма, что всеобщее благо заключается въ пользѣ всѣхъ индивидуумовъ, вообще не вѣрно, или польза самого дѣйствующаго должна обязательно имѣть въ этой суммѣ свою надлежащую долю. Таковы были соображенія, передъ которыми односторонній альтруизмъ долженъ былъ понемногу очистить поле.

Тѣмъ скорѣе умѣренный альтруистическій утилитаризмъ сдѣлался въ настоящее время господствующимъ направленіемъ моральной философіи. Онъ усматривалъ сущность нравственности не въ однихъ доброжелательныхъ, какъ и не въ однихъ эгоистическихъ наклонностяхъ, но въ гармоническомъ сочетаніи обѣихъ. Уже къ Аристотелевскому ученію о добродѣтели отчасти проведено это воззрѣніе. Его ученіе помѣщаетъ добродѣтель по срединѣ между двумя противоположными качествами, изъ которыхъ одно нерѣдко имѣетъ эгоистическій, а другое альтруистическій характеръ. Опредѣленіе въ этомъ отношеніи высказались Шефтсбюри и Юмъ, которые видятъ нравственныя намѣренія въ правильномъ уравниженіи собственнаго и чужого интереса.

Въ новѣйшемъ утилитаризмѣ, который болѣе энергично выдѣляетъ общее благо, эта мысль отошла нѣсколько на задній планъ; но понимая общее благо, какъ благо всѣхъ недѣлимыхъ, или, по выраженію Бентама, какъ «возможно большее благо возможно большаго числа людей», онъ тѣмъ самымъ подразумѣваетъ, какъ само собою понятное, что собственное «Я» по меньшей мѣрѣ входитъ въ это число, какъ единица.

Большое преимущество (котораго нельзя не цѣнить) этого направленія заключается въ томъ, что защищаемый имъ нравственный принципъ счастливѣйшимъ образомъ совпадаетъ съ практическою моралью тѣхъ людей, нравственные достоинства которыхъ мы привыкли превозносить въ нашей обыкновенной гражданской жизни. Утилитаризмъ представляетъ изъ себя мораль здраваго человѣческаго смысла. Если мы знаемъ

какого-нибудь человека за прилежного работника, образцового семьянина, готового на помощь друга, за человека, относящегося доброжелательно къ каждому, и за хорошаго гражданина, и если мы такого человека спросили бы о принципѣ его практическаго поведенія, то навѣрно, его отвѣтъ близко совпалъ бы съ нравственнымъ закономъ утилитаризма. Конечно эта инстанція заслуживаетъ большаго вниманія, но она не единственная и во всякомъ случаѣ не рѣшающая окончательно. Инстинкту здраваго человѣческаго смысла можно обыкновенно довѣрять, когда дѣло касается вопроса — должно-ли что-нибудь быть, или не должно, въ привычныхъ условіяхъ нашей жизни. Но такъ называемый здравый человѣческій смыслъ является плохимъ судьей, когда ему приходится рѣшать принципиальные вопросы, требующіе болѣе совершеннаго пониманія запутанныхъ событій или тонкаго анализа трудныхъ понятій, хотя бы эти событія и понятія и принадлежали вполнѣ практической жизни, какъ это, на примѣръ, случается при юридическихъ и политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Еще менѣе способенъ инстинктъ практической жизни подать свое мнѣніе при рѣшеніи какихъ-бы то ни было теоретическихъ проблемъ. Гдѣ была бы наша астрономія, если бы системѣ Коперника пришлось ожидать санкціи здраваго смысла, т.-е. непосредственнаго воззрѣнія? И гдѣ была бы «теорія познанія», если бы она спокойно приняла всѣ предрассудки и противорѣчія прославленнаго здраваго человѣческаго смысла? Изъ за того, что этическая проблема касается принциповъ практическаго поведенія, она не перестаетъ быть преимущественно теоретическою задачею, а продолжительная борьба мнѣній не говоритъ въ пользу того, чтобы она была легче другихъ научныхъ задачъ. Поэтому, я полагаю, что и представитель научной этики не долженъ останавливаться въ смущеніи передъ тѣмъ, что толпа считаетъ истиннымъ или даже неоспоримымъ. Никто такъ убѣдительно, какъ одинъ изъ величайшихъ утилитаристовъ Бэконъ, не предостерегалъ отъ тѣхъ естественныхъ предрассудковъ, которыми подверженъ человѣческій духъ, благодаря тому, что онъ смѣшиваетъ собственную природу съ природою наблюдаемыхъ имъ вещей ¹⁾. Поэтому, вѣрнее не посовѣтовать рекомендуемое имъ правило, — не приступать ни къ какому изслѣдованію, не освободившись предварительно отъ всѣхъ принесенныхъ съ собою

¹⁾ Nov. Organon. I, 41.

предразсудковъ,—примѣнять также и при изслѣдованіи самаго утилитаризма.

Но здѣсь, прежде всего, встрѣчается возраженіе, справедливость котораго признавали многіе послѣдователи этого направленія, но которое они считали несущественнымъ, такъ какъ оно касается на видъ не столько самаго предмета, сколько его названія, а послѣднее они охотно оставили бы безъ вниманія ¹⁾. Обозначая нравственное, какъ полезное, остается совершенно не рѣшеннымъ, что же оно въ сущности такое. Ибо польза есть понятіе относительное, которое получаетъ опредѣленное содержаніе только тогда, когда мы укажемъ, для чего что-нибудь полезно. Поэтому, когда Милль, который ввелъ это выраженіе, назвалъ воззрѣніе Бентама утилитаризмомъ, это отчасти имѣло свое оправданіе, такъ какъ въ системѣ Бентама собственность занимаетъ между всѣми благами центральное положеніе. Но на самомъ-то дѣлѣ собственность потому является выдающимся полезнымъ благомъ, что она сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности, но приобретаетъ цѣнность только тѣмъ, что можетъ быть употреблена для достиженія непосредственныхъ благъ. Но для собственной системы Милля выраженіе «утилитаризмъ» сдѣлалось совсѣмъ неподходящимъ, такъ какъ онъ уже не придавалъ собственности того центрального значенія, но, напротивъ, всѣ духовныя и чувственныя удовольствія, увеличивающія наше благополучіе, разсматривалъ, какъ конечную цѣль нравственности, и въ этомъ смыслѣ понималъ и принципъ «наибольшаго счастья» (максимациі счастья). Въ этомъ ему вполне слѣдуетъ новѣйшій утилитаризмъ, который признаетъ, что богатство не представляетъ собою единственное, и еще менѣе, необходимое и дѣйствительное условіе блага, доставляющаго намъ непосредственно счастье. Такимъ образомъ, выраженіе «утилитаризмъ» сдѣлалось мало подходящею замѣной стараго понятія эвдемонизма. Его отличіе отъ другихъ формъ послѣдняго заключается только въ принципѣ «увеличенія благополучія»: онъ представляетъ собою не эгоистическій, а социальный эвдемонизмъ.

Такимъ образомъ, ученіе это страдаетъ вполне тою неопредѣленностью, которую заключаетъ въ себѣ понятіе эвдемонизма. Если все, что увеличиваетъ человѣческое благополучіе, нравственно, то въ такомъ случаѣ мы должны, безъ сомнѣнія, здоровье, чувственныя удовольствія, удовлетвореніе честолюбія и тщеславія

¹⁾ Ср. напр. G. v. Gizeycki, Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos. VIII, S. 266

отнести къ числу тѣхъ благъ, добиваться которыхъ для себя и для другихъ будетъ вполне нравственно; и дѣйствительно, утилитаріанцы готовы признать это, хотя они и придаютъ обыкновенно духовнымъ наслажденіямъ большее значеніе. Если мы оставимъ вполне нерѣшеннымъ, возможна-ли и въ какой степени градація различныхъ благъ, и дѣйствительно-ли, какъ утверждаетъ Милль, большинство людей рѣшило бы въ пользу высшихъ духовныхъ благъ, если мы лучше согласимся, что не большинство людей, а лучшіе и самые умные будутъ рѣшать этотъ вопросъ, то во всякомъ случаѣ надо опасаться, что этимъ судьямъ пришлось бы оспаривать такіа нравственные сужденія, которыя они сами принимали до примѣненія этого новаго критерія. Они должны были бы признать отрицательно нравственными поступками изобрѣтеніе книгопечатанія, компаса, паровой машины и антисептическихъ перевязокъ; относительно пороха и динамита между ними, вѣроятно, возникло бы несогласіе, или они должны были бы согласиться на томъ, что эти изобрѣтенія наполовину нравственны, на половину же весьма безнравственны. И какъ эти судьи многое, что они раньше считали только полезнымъ, признали бы за нравственное, точно такъ же имъ пришлось бы съ новой точки зрѣнія признать безнравственнымъ или по меньшей мѣрѣ безразличнымъ многое, что раньше прославлялось ими какъ нравственное. Солдаты, остающіеся въ полѣ на утраченномъ посту, не приносятъ пользы ни другимъ, ни тому дѣлу, которому онѣ служатъ; а такъ какъ онѣ идутъ на вѣрную смерть, то и честь, которая ему за это достанется, будетъ для него только воображаемымъ благомъ. Этимъ поступкомъ счастье только уменьшается, и никакого счастья не создается, — какимъ же образомъ съ точки зрѣнія утилитаріанца можно назвать этотъ поступокъ нравственнымъ и достойнымъ похвалы? Если отецъ семейства или человѣкъ, незамѣнимый по своему общественному положенію, съ большою опасностью для жизни старается спасти утопающаго ребенка, то съ точки зрѣнія пользы онѣ поступаетъ безнравственно, такъ какъ вѣроятность, что онѣ повредитъ своимъ поступкомъ общему благу, гораздо больше, чѣмъ вѣроятность увеличить этимъ сумму счастья.

Однако, мы должны согласиться, что эти аргументы еще не рѣшаютъ окончательно дѣла. Утилитаріанецъ можетъ противъ нихъ возразить слѣдующее: если наши прежнія понятія о нравственномъ и безнравственномъ были недостаточны, то это еще не причина, почему мы ихъ не можемъ исправить согласно болѣе

вѣрному пониманію. До сихъ поръ люди держались мнѣнія, что нравственное, хотя и часто, но все-таки не во всѣхъ случаяхъ полезно, а полезное нравственно иногда, но далеко не всегда. Но если въ мірѣ при этомъ все идетъ лучше, то это не можетъ помѣшать намъ принять слѣдующее основное положеніе: все, что полезно, то нравственно, и все, что хочетъ быть нравственнымъ, должно быть полезно. Можетъ быть, даже утилитаріанецъ не призналъ бы и такого разногласія между его основнымъ положеніемъ и обыкновеннымъ моральнымъ сужденіемъ. Онъ сказалъ бы: дѣло не въ томъ, чтобы отдѣльный поступокъ служилъ общему благу больше, чѣмъ всякій другой, возможный въ данномъ случаѣ, а въ томъ, чтобы средній характеръ такихъ поступковъ былъ таковъ, чтобы ими увеличивалось счастье человѣчества; а не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ общемъ гораздо будетъ лучше, если солдатъ, поставленный у поста, не будетъ его оставлять, и если дѣтей, упавшихъ въ воду, будутъ стараться спасти. Но вмѣстѣ съ этимъ, мы подходимъ къ другому вопросу, на которомъ всякая этическая теорія и должна, прежде всего, показать свою пригодность, а именно къ слѣдующему вопросу: какъ относятся по утилитарной моральной теоріи мотивы нравственныхъ поступковъ къ ихъ цѣлямъ, и насколько это отношеніе согласуется съ дѣйствительными побудительными причинами и послѣдствіями человѣческихъ дѣйствій.

Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ утилитарныя теоріи даютъ только относительно цѣлей: послѣднія заключаются именно въ возможно большемъ благополучіи возможно большаго числа людей. Но какіе мотивы могутъ побудить человѣка стремиться къ этимъ цѣлямъ, объ этомъ утилитарныя теоріи даютъ большею частью очень неудовлетворительныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно различить два направленія. Одно, защищаемое Бентамомъ и частью также Миллемъ, примыкаетъ къ этикѣ рефлексіи. Оно хотя и не отрицаетъ значенія альтруистическихъ и эгоистическихъ чувствованій, но въ общемъ предполагаетъ все-таки интеллектуальное предусматриваніе цѣлей, которыхъ желаютъ достигнуть; въ особенности для высшихъ ступеней нравственности оно требуетъ, согласно утилитарному принципу, тщательнаго взвѣшиванія поступковъ и соображенія о результатѣ, котораго желаютъ достигнуть. Такимъ образомъ, въ этой теоріи нормальное отношеніе между мотивами и цѣлями дѣйствій совершенно извращено. Въ дѣйствительности, мотивами нашихъ поступковъ являются чувствованія; относитель-

но же цѣлей мы можемъ, — поскольку всѣ духовныя цѣли являются составными частями разумаго развитія, — только путемъ рефлексіи дать себѣ отчетъ объ условіяхъ и результатѣ дѣйствій. Теорія эта требуетъ, чтобы мотивомъ дѣйствія каждый разъ была возможно большая польза всѣхъ, которая не можетъ сдѣлаться доступною нашему сознанию иначе, какъ путемъ довольно запутаннаго размышленія; цѣлью же выставляется счастье возможно большаго числа людей, т.-е. сумма чувствованій удовольствія. Однако, очень сомнительно, чтобы размышленіе безъ мотива, обусловленнаго чувствомъ, могло бы когда-нибудь опредѣлять наши поступки ¹⁾. Можно бы, пожалуй, допустить, что мотивъ чувства въ этомъ случаѣ заключается въ субъективномъ предвзвѣшеніи чувствъ радости, возбужденныхъ въ другихъ нашими поступками. Конечно, нельзя отрицать, что не одна только наша собственная будущая радость, предусмотрѣнная такимъ образомъ, можетъ оказаться дѣйствительною въ качествѣ мотива. Но во всякомъ случаѣ остается непонятнымъ, какимъ образомъ можетъ возникнуть коллективное чувство, которое здѣсь требуется. «Наибольшее общее благополучіе», максимація счастья всегда можетъ быть только результатомъ размышленія; чтобы сдѣлаться дѣйствующимъ мотивомъ, оно должно всегда превратиться въ индивидуальное чувство. Такимъ образомъ, остается единственный выходъ: примкнуть сначала къ морали чувства, а потомъ потребовать исправленія разумомъ добродетельныхъ и эгоистическихъ побужденій, послѣ чего наши рѣшенія каждый разъ должны были бы быть такими, чтобы по возможности достигался максимумъ экстенсивнаго счастья. Между тѣмъ, ясно, что подобный мотивъ разума только тогда можетъ быть способенъ побудить человѣка къ дѣйствіямъ, когда онъ, съ своей стороны, сопровождается чувствами достаточной силы. Поэтому, совершенно непонятно, какимъ образомъ идея возможно равнаго распредѣленія относительнаго благополучія въ массѣ теперь живущихъ людей можетъ воодушевить кого-нибудь, кромѣ развѣ какого-нибудь философа-утилитаріанца, и подавить гораздо болѣе

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, если бы человѣкъ не чувствовалъ, а только мыслилъ, у него не было бы побудительной причины дѣйствовать. Если мы отнимаемъ руку отъ горячаго желѣза, то потому, что чувствуемъ боль, — если мы пьемъ, ѣдимъ, то потому, что чувствуемъ жажду. Надо хотя бы какое-нибудь чувствованіе, хотя бы самосохраненія или страха смерти, чтобы человѣкъ вполне анестезированный (но тогда нѣтъ и этихъ чувствованій) путемъ мышленія сталъ что либо дѣлать.

близкія чувства эгоизма и индивидуальнаго расположенія. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что существуютъ такіе общіе мотивы, когорые могутъ заставить человека пожертвовать для гуманныхъ цѣлей собою и своими ближними. Но чтобы вычисленіе экстенсивнаго максимума счастья могло когда-нибудь совершить такое чудо, или будетъ когда-нибудь въ состояніи его совершить, это мало вѣроятно. Пришлось бы тогда возобновить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ положеніе Гельвеція и допустить, что всѣ нравственные мотивы только благочестивый самообманъ, что благороднѣйшіе и лучшіе люди жертвуютъ своими силами и жизнью для воображаемыхъ идеаловъ, а на самомъ дѣлѣ, безсознательно служатъ распредѣленію счастья, которое такъ скупо по отношенію къ каждому лицу, что большинство можетъ оказаться слишкомъ незначительнымъ.

Подобнымъ соображеніямъ сдѣлало уступку эволюціонное направленіе утилитаризма, объявивъ безъ дальнихъ разсужденій, что полезная для человѣческаго рода цѣль независима отъ какихъ-либо мотивовъ воли, которые это направленіе считаетъ вообще довольно безразличными. Извѣстнаго рода дѣятельность могла оказаться изъ хода развитія наименѣе полезной для человѣческаго рода: поэтому, индивидуумы, одаренные стремленіемъ къ этой дѣятельности, должны сохраняться въ борьбѣ за существованіе, каковы бы ни были мотивы, которые побуждаютъ ихъ такимъ образомъ дѣйствовать. Конечно, борьба за существованіе играетъ и въ человѣческомъ обществѣ извѣстную роль. Но если аналогія съ принципомъ естественнаго подбора, господствующимъ въ животномъ мірѣ, въ дѣйствительности вѣрна, то въ такомъ случаѣ мало вѣроятія, чтобы побуждали именно добродѣтельные и самоотверженные. Между пѣтухами, которыхъ держатъ на одномъ дворѣ, подъ конецъ остается всегда одинъ, наиболѣе властолюбивый и эгоистичный, и притомъ самый сильный. Если дѣло сводится на переживание болѣе сильныхъ и прочныхъ наклонностей, то эгоизмъ имѣетъ наибольшее вѣроятіе усилиться, благодаря естественному подбору. Утилитаристъ-эволюціонистъ отвѣтитъ на это: въ отдѣльномъ случаѣ это можетъ оказаться справедливымъ, но въ общемъ человѣчество можетъ существовать только тогда, когда побуждаютъ противоположныя наклонности; если бы всѣ пѣтухи или всѣ сожители одного двора захотѣли бы подчинить себѣ другъ друга, то подъ конецъ не осталось бы ни одного, который могъ бы продолжать родъ. Но я возражу: если теорія развитія хочетъ дока-

зять, что въ общемъ самоотверженные характеры должны выживать, то она должна сдѣлать это очевиднымъ на отдѣльномъ случаѣ. Мы понимаемъ, что самые сильные представители какого-нибудь вида выживаютъ, потому что мы видимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, что сильный побѣждаетъ слабого; но мы не понимаемъ, какимъ образомъ самоотверженные вообще должны побѣдить эгоистовъ, когда въ отдѣльныхъ случаяхъ послѣдніе, очевидно, имѣютъ больше вѣроятія на успѣхъ. Такимъ образомъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, придется неизбежно обратиться за помощью къ зачаткамъ старой теоріи договора, по которой люди уже издавна замѣтили опасность чрезмѣрнаго эгоизма и потому старались его подавлять; такимъ образомъ черезчуръ непокорные и дикіе характеры, точно такъ же, какъ и преступныя натуры, постепенно уменьшались въ числѣ, и въ будущемъ число ихъ будетъ еще меньше. Последнее, безъ сомнѣнія, очень утѣшительно, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ это утвержденіе отчасти еще виситъ въ воздухѣ. Но какъ бы тамъ ни было, контрастъ между этою теоріей происхожденія и теоріей Дарвина бросается въ глаза; послѣдняя изъ наблюденій надъ отдѣльными фактами выводитъ теорію общаго развитія; моральный же эволюціонизмъ строить единичные факты, единственно основываясь на предположенномъ имъ общемъ развитіи. Но рѣшающими мотивами для подобнаго покровительства самоотверженнымъ характерамъ оказались бы и здѣсь опять тѣ же логическія разсужденія, а послѣднія не могутъ, вообще, никогда опредѣлять человѣческую дѣятельность, а тѣмъ болѣе на примитивной ступени развитія.

Но оставимъ, наконецъ, безъ вниманія и самые мотивы. Утилитаризмъ, вѣдь, видѣлъ всегда свое главное значеніе въ томъ, что онъ выставилъ нравственную теорію, годную для практической жизни, и поэтому онъ всегда занимался больше цѣлями, чѣмъ психологическими условіями нравственныхъ дѣйствій. Преступный утилитаризмъ считалъ нравственною цѣлью благо всѣхъ, новѣйшій, начиная съ Бентама, нѣсколько болѣе скромно—возможно большее счастье возможно большаго числа людей. «*Ultra posse nemo obligatur*», и человѣчество также должно удовлетвориться созданіемъ такого количества индивидуальнаго счастья, какое можетъ существовать. Сферу этого счастья новѣйшій утилитаризмъ старается расширить, насколько возможно, также и по отношенію къ качеству различныхъ формъ счастья; при этомъ онъ удѣляетъ полное вниманіе выс-

шимъ интеллектуальнымъ, эстетическимъ и этическимъ удовольствіямъ. Дѣйствительно, ему приходится при этомъ выдѣлить извѣстные блага подъ спеціальнымъ названіемъ нравственныхъ, какъ, напр., счастье любви, дружбы, радость при видѣ процвѣтанія и свободы отечества или при сознаніи исполненія гуманныхъ обязанностей. Если теперь обратить вниманіе на то, что наибольшая часть интеллектуальныхъ, и особенно эстетическихъ удовольствій опять входятъ по этой точкѣ зрѣнія въ область нравственнаго, то въ такомъ случаѣ оказывается, что ближайшее опредѣленіе увеличенія благополучія сведется приблизительно на слѣдующее положеніе: «Нравственно все то, что способствуетъ всеобщему распространенію нравственности».

Но можетъ быть утилитаріанецъ строгаго направленія не согласится, что этотъ логическій кругъ имѣетъ свой источникъ въ самомъ предметѣ, а не въ какой-нибудь неточности выраженія. «Всѣ тѣ блага, — скажетъ онъ, — которыя мы считаемъ по преимуществу нравственными, обладаютъ только въ болѣе высокой степени способностью возвышать наше благополучіе. Пусть въ отдѣльномъ случаѣ жертва друга для своего друга или смерть за отечество и достигаютъ непосредственно противоположнаго результата: наши чувства зависятъ не отъ отдѣльнаго случая, а отъ общей цѣнности благъ, которая только на особомъ примѣрѣ доходитъ до нашего сознанія». Противъ этого возраженія, пожалуй, нечего было бы сказать, если бы утилитаризмъ не видѣлъ значенія всѣхъ жизненныхъ благъ только въ отдѣльныхъ удовольствіяхъ, которыя эти блага доставляютъ намъ или другимъ. Значеніе отечества, напр., по его воззрѣнію, заключается единственно только въ томъ, что оно доставляетъ всѣмъ индивидуумамъ, которые къ нему принадлежатъ, безопасность, содержаніе и возможность достиженія всѣхъ прочихъ жизненныхъ удовольствій. Воспоминанія о прошедшемъ этой страны, о битвахъ и приобрѣтеніяхъ нашихъ предковъ имѣютъ только воображаемую нравственную цѣнность, ибо они не сами по себѣ блага, но могутъ быть цѣнны лишь постольку, поскольку въ нихъ могли заключаться условія, способствовавшія нашему теперешнему благополучію. Такимъ образомъ, вообще каждое, повидимому общее, благо распадается на сумму вполне раздѣльныхъ единичныхъ благъ, изъ которыхъ каждое заключается въ какомъ-нибудь индивидуальномъ благополучіи, чувственного или духовнаго свойства. Вмѣстѣ съ этимъ, мы подходимъ къ послѣднему во-

просу, имѣющему, какъ я полагаю, рѣшающее значеніе при обсужденіи этой этической системы.

Мы уже раньше утверждали, что сумма индивидуальныхъ единичныхъ благополучій, которая отдѣльному сознанию всегда представляется только къ видѣ отвлеченнаго понятія, не такого рода благо, которое могло бы согрѣть человѣческое сердце и вслѣдствіе этого, въ качествѣ мотива, вліять на человѣческую дѣятельность. Но такъ какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ моралистовъ, нравственный поступокъ тѣмъ похвальнѣе, чѣмъ менѣе онъ согласуется съ нашими наклонностями, то можетъ быть это и не рѣшаетъ еще дѣла. Но съ не меньшимъ правомъ можетъ быть поставленъ такой вопросъ: дѣйствительно-ли такая сумма отдѣльныхъ, индивидуальныхъ ощущеній счастья представляетъ изъ себя такого рода цѣль, объективное значеніе которой, было бы достаточно велико, чтобы вознаградить насъ за ту жертву, которой требуетъ отъ насъ нравственный законъ? По воззрѣнію утилитариста, человѣчество состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, общество изъ его отдѣльныхъ сочленовъ. Такъ какъ цѣлое существуетъ только ради индивидуумовъ, то послѣдніе, исполняя свои обязанности по отношенію къ цѣлому, въ сущности, преслѣдуютъ все-таки только индивидуальные цѣли. Въдѣ, только индивидуумъ представляетъ изъ себя вѣчто дѣйствительное въ этой системѣ, а каждый индивидуумъ, по отношенію къ своей способности ощущать счастье и горе, является повтореніемъ cadaго другого. Но въчемъ же тогда заключается особенная цѣнность этого повторенія того же самаго ощущенія удовольствія въ возможно большемъ числѣ отдѣльныхъ другъ отъ друга индивидуумовъ? Значеніе математической теоремы ничего не выиграетъ отъ того, что ее будутъ демонстрировать несчетное число разъ сряду. Если двѣ сущности совпадаютъ во всѣхъ своихъ свойствахъ, то онѣ, какъ замѣтилъ Лейбницъ, въ силу «Principium indiscernibilium», представляютъ изъ себя только одну сущность ¹⁾ Почему же, вопреки этому опредѣленію, ощущеніе удовольствія, если оно индивидуализируется тысячу разъ, дѣлается въ тысячу разъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ если-бы оно случилось одинъ разъ? На это отвѣтять: это потому такъ, что радость втораго дѣйствуетъ обратно на перваго, и, такимъ образомъ, то, что происходитъ тысячу разъ,

¹⁾ Чтобы сознавать различіе двухъ вещей, надо, чтобы были признаки, различающіе ихъ. Если нѣтъ различности, то двѣ вещи кажутся одною и тою же вещью.

становится въ то же время тысячью новыхъ источниковъ индивидуальнаго удовольствія. Но какимъ образомъ это могло бы случиться, если бы не существовало никакихъ иныхъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ личномъ благополучіи? Если индивидуальное счастье представляетъ изъ себя мѣру, которою мы должны измѣрить всякую нравственную цѣнность, то въ такомъ случаѣ для каждаго индивидуума эта мѣра заключается въ максимумъ его собственнаго благополучія, и непонятно, почему каждый долженъ отказываться въ пользу своего ближняго отъ большаго количества счастья; нельзя также отъ него ожидать и того, чтобы онъ, исходя изъ эгоистическихъ соображеній, призналъ, что чрезмѣрное своекорыстіе идетъ во вредъ самому владѣльцу. Такова дѣйствительно точка зрѣнія эгоистическаго утилитаризма, для котораго принципъ увеличенія благополучія не имѣетъ никакого смысла. Ибо мудрѣйшій эгоистъ, обладающій состояніемъ, поостережется предложить всеобщій раздѣлъ имущества только затѣмъ, чтобы обезпечить себѣ такой доходъ, котораго у него никто не сталъ бы оспаривать. Въ дѣйствительности, социальный утилитаризмъ очутился въ противорѣчій съ самимъ собой, потому что его принципиальныя положенія уже противорѣчатъ другъ другу. Онъ усматриваетъ цѣль нравственности въ цѣломъ человѣческаго общества, и въ то-же время разлагаетъ это цѣлое на неизмѣнныя между собою связи атомы. Атомистическому представленію объ обществѣ неизбѣжно соответствуетъ эгоистичная этика. Последняя противорѣчитъ понятіямъ утилитаріанца, но ея положенія онъ не въ силахъ устранить. Такимъ образомъ, онъ очутился въ шаткомъ положеніи между двумя несоединимыми противоположностями. Его правильно развитой этической инстинктъ не позволяетъ ему признать эгоизма, къ которому приводитъ его индивидуалистическая теорія общества. Такимъ образомъ нравственный мотивъ становится для него неизбѣжно необъяснимымъ импульсомъ, а нравственная цѣль — пустымъ призракомъ, который, однако, охотно былъ бы имъ выданъ за идеаль.

Не смотря на всѣ эти недостатки, нельзя не оцѣнить заслуги утилитаризма и его относительнаго значенія для извѣстныхъ внѣшнихъ сторонъ нравственной жизни. Если гражданскій правовой порядокъ будетъ такъ устроенъ, что онъ будетъ имѣть въ виду счастье по возможности всѣхъ индивидуумовъ, то хотя онъ, можетъ быть, и не будетъ вполне отвѣчать высшимъ политическимъ цѣлямъ, но за то онъ будетъ удовлетворять первому и

главному требованію всякаго правового порядка — долгу справедливости.

4) Эволюціонныя системы нравственности.

а) Личное усовершенствованіе (индивидуальный эволюціонизмъ).

Моментъ личнаго усовершенствованія связанъ въ извѣстной степени со всякимъ этическимъ воззрѣніемъ. Онъ выступаетъ и въ описаніяхъ качествъ мудреца, данныхъ стоицизмомъ и эпикуреизмомъ, и въ разсужденіяхъ Аристотеля о значеніи созерцательной жизни, и въ Спинозовскомъ противоположеніи духовной свободы и духовнаго рабства, которое, въ свою очередь, напоминаетъ аналогичное различіе состояніе спасенія и грѣха въ христіанской этикѣ. Но главнымъ основателемъ перфекціонистической теоріи (теоріи усовершенствованія) морали въ новѣйшей философіи былъ Лейбницъ, по стопамъ котораго шла вся нѣмецкая нравственная философія прошлаго столѣтія.

Лозунгъ этого времени, — «самоусовершенствованіе», проникъ даже въ строгую, далекую отъ самодовольнаго настроенія эпохи просвѣщенія, этику Канта, которая противопоставила чужому счастью собственное совершенство, обозначивъ этимъ обѣ главные цѣли нравственныхъ стремленій (собственное и чужое благо). Еще болѣе рѣшительно высказались о значеніи этого момента индивидуальнаго усовершенствованія Фихте и Шлейермахеръ, какъ это видно изъ ихъ формулировки нравственнаго закона.

Но перфекціонизмъ самъ по себѣ не представляетъ собою этического принципа. Онъ даетъ только дальнѣйшее формальное опредѣленіе уже полученному какимъ нибудь инымъ путемъ нравственному содержанію. Усовершенствованіе является всегда неизбѣжно усовершенствованіемъ чего-нибудь, причемъ это нѣчто въ болѣе слабой степени должно уже существовать, прежде чѣмъ начнется усовершенствованіе. Это нѣчто можетъ быть только индивидуальнымъ или всеобщимъ благополучіемъ, и индивидуумъ можетъ видѣть свое нравственное совершенство въ содѣйствіи или собственному, или всеобщему счастью. Такимъ образомъ, перфекціонизмъ неизбѣжно долженъ соединяться или съ эгоизмомъ, или утилитаризмомъ, точно такъ же, какъ эти направленія, съ своей стороны, по большей части уже заключаютъ въ себѣ перфекціонизмъ. Въ этомъ смыслѣ у стоиковъ и эпи-

куррейцевъ, а также, хотя и въ облагороженной формѣ, въ христіанской этикѣ и у Спинозы мы найдемъ по преимуществу усовершенствованіе для личнаго блаженства, т.-е. эгоистическій перфекціонизмъ; у Лейбница и его послѣдователей послѣдній связанъ съ утилитаризмомъ, и наконецъ, Кантъ, въ своемъ двойномъ требованіи чужого счастья и собственнаго совершенства, соединяетъ оба направленія. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ опять возникаетъ вопросъ, что надо понимать подъ словомъ совершенство. Такъ какъ, по господствующему воззрѣнію, между всѣми чувственными, интеллектуальными, эстетическими и этическими благами первыя только постольку имѣютъ общую цѣнность, поскольку онѣ, въ свою очередь, служатъ нравственнымъ цѣлямъ, то и усовершенствованіе относится по большей части такъ же къ нравственнымъ стремленіямъ. Если же послѣднія имѣютъ въ виду принимаемое большинствомъ основное положеніе, что цѣлью нравственной дѣятельности должно быть благо ближнихъ, то въ такомъ случаѣ стремленіе къ усовершенствованію сводится, въ концѣ концовъ, къ принципу увеличенія благополучія. Такимъ образомъ, перфекціонизмъ въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ совпадаетъ съ эвдемонизмомъ и потому можетъ быть подвергнутъ тѣмъ же самымъ возраженіямъ. Онъ имѣетъ передъ нимъ развѣ только то преимущество, что онъ болѣе энергично указываетъ на задачу нравственнаго саморазвитія.

б) Универсальный эволюціонизмъ.

Это воззрѣніе сходится съ предъидущимъ въ томъ, что оно также представляетъ себѣ нравственное осуществляющимся въ формѣ развитія. Но въ этомъ безконечномъ процессѣ единичное сознаніе по его понятіямъ представляетъ изъ себя только факторъ преходящаго значенія. Дѣйствительнымъ носителемъ нравственной жизни является скорѣе всеобщая духовная жизнь, раскрывающаяся въ историческомъ существованіи человѣчества, и отдѣльными формами которой являются искусство, религія, государство и правовой порядокъ, и въ особенности самый процессъ исторіи. Такимъ образомъ, крайній универсализмъ, какимъ его развилъ въ своей системѣ Гегель, превращается въ историзмъ, по воззрѣніямъ котораго область субъективной нравственности можетъ быть принята во вниманіе только постольку, поскольку отдѣльный человѣкъ или подчиняется всеобщей волѣ, и такимъ образомъ является носителемъ и выполнителемъ ея, или про ти-

вится этой волей, и тогда его действительность является ничтожною, вполне исчезающею во всеобщем процессѣ развитія. Но такъ какъ историческое есть нѣчто данное, которому можетъ быть противопоставлено только то, что есть, а не то, что должно бытъ, то вмѣстѣ съ этимъ всѣ нравственные сужденія теряютъ то значеніе, которое придается имъ обыкновеннымъ пониманіемъ ¹⁾. Конечно и здѣсь можно замѣтить низшую ступень нравственности, судя по высшей, но, тѣмъ не менѣе, съ этой точки зрѣнія, первая должна быть признана настолько же имѣющею право существованія и даже необходимою, какъ и вторая. Положеніе Гегеля «все дѣйствительное разумно» — должно бы также превратиться въ слѣдующее: «все дѣйствительное нравственно». Этимъ универсальный эволюціонизмъ избѣгаетъ того возраженія, которое мы сдѣлали индивидуальному эволюціонизму, а именно, что онъ возвращается вполне къ эвдемонизму. Но, вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ границы, которыя отдѣляютъ нравственное отъ другихъ областей, и которымъ оно обязано своимъ нормативнымъ характеромъ для воли. Однако, надо согласиться, что эта точка зрѣнія имѣетъ большое преимущество передъ тѣми воззрѣніями, которыя придаютъ значеніе только субъективнымъ и индивидуальнымъ выраженіямъ нравственности; это преимущество въ томъ, что она признаетъ общую волю дѣйствительною нравственною силой. Если односторонній историзмъ настолько злоупотребилъ этимъ принципомъ, что индивидуальная этика въ немъ почти совершенно исчезла и нормативная задача ея болѣею частью свелась на существующее право, то, очевидно, эта односторонность произошла главнымъ образомъ отъ того, что единичная воля разсматривалась здѣсь только какъ исполнительный органъ общей воли, между тѣмъ, какъ, наоборотъ, именно единичныя воли даютъ свое направленіе общей воли, какъ этому насъ учить и само историческое наблюденіе. Безспорная заслуга этического универсализма заключается въ томъ, что онъ указалъ на то, что общая воля, — уже ради того, чтобы объяснялась важность и значеніе этическихъ задачъ, — не можетъ быть разсматриваема только какъ просто сумма индивидуальныхъ стремленій воли; а примирительныя направленія этого универсализма,

¹⁾ Т.-е. нравственное мы понимаемъ какъ должное, а исторія говоритъ лишь о томъ, что существовало или существуетъ; но простой фактъ существованія чего-либо не доказываетъ нравственности этого существующаго, если мы не признаемъ, что нравственно то, что разумно, а разумно то, что дѣйствительно (т.-е. что существуетъ).

въ особенности системы Шлейермахера и Краузе, не оставили также безъ вниманія и значенія отдѣльной нравственной личности и энергично указывали на него. Но эти послѣднія системы уступаютъ крайнему историзму въ томъ отношеніи, что въ нигъ отношеніе единичной воли къ общей, при которомъ послѣдняя сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, хотя и выставлено въ видѣ постулата, но не обосновано, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы оно соотвѣтствовало современнымъ научнымъ требованіямъ.

Попытка добиться такого обоснованія проложить дорогу генетическому изслѣдованію. Это изслѣдованіе должно будетъ исходить отъ единичной воли, какъ факта даннаго намъ; ближайшимъ образомъ непосредственнымъ воспріятіемъ затѣмъ ему придется показать, какъ изъ первоначальныхъ свойствъ единичной воли и условій, въ которыхъ она заключена, развиваются мотивы и нормы дѣятельности, которые, выходя изъ предѣловъ индивидуальнаго сознанія, указываютъ на общую волю, носителями которой являются индивидуумы и въ болѣе обширныхъ цѣляхъ которой заключены ихъ индивидуальныя жизненныя задачи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY